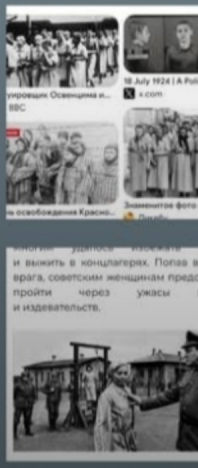
The New Yorker
matter how low one's expectations were for
25, the most striking thing about the ... See m
The New Yorker · Follow
efore joining the Trump Administration,
larco Rubio spent his career advo... See
ONALD TRUMP'S GOLD
damage assessment of the President's first
Glasser
How Marco Rubio Went
rom "Little Marco" to Trump
oreign-Policy Enabler



Tesla Leila

Gaito Gazdanov on the Art of the Deal by Conspiracy of Master Race of the World

Tesla Leila

Gaito Gazdanov on the Art of the Deal by Conspiracy of the Master Race of the World

2026

УДК 82-3
ББК 84
L51

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Leila Tesla
L51 Gaito Gazdanov on the Art of the Deal by Conspiracy of the Master Race of the World / Tesla Leila. — [б. м.] : [б. и.], 2026. — 316 с. [б. н.]

УДК 82-3
ББК 84

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Tesla Leila, 2026

FOREWORD

Tesla Leila Khugaeva Thinikashvili

Discovery of Psychic Energy, Scientific Revolution Energetics

Gaito Gazdanov as Prophet of Discovery of Psychic Energy, Conspiracy of Secret Services against Discovery, maniacs, perverts, Murder of Rob Reiner, Rob Reiner and Rob Roy, Rob Roy — novel of Walter Scott, Rob Roy — Scottish Robin Hood, Threats to Sir Walter Scott Club from Facebook page of Oliver Stone, Oliver Stone — Bandit and Murderer, The Art of the Deal, Dread of Secret Services to Discovery of Psychic Energy, My next book on Gaito Gazdanov, on Fascism, on Amorphous Serpents of Secret Services, on Murder of Rob Reiner and his wife to Prevent Spread of Discovery in the World, Promises of Satans from Secret Services to murder me before my next book is accomplished

MY POSTS ON FACEBOOK ON 24—25 DECEMBER 2025

https://www.facebook.com/tesla.thinikashvili[1]

//

ROB ROY and ROB REINER

ROB ROY — one of best novels by Sir Walter Scott, many times mentioned in my research on Walter Scott as Propher of Discovery of Psychic energy.

Rob Roy — the Scottish Robin Hood

ROB REINER,

[1] https://ridero.ru/link/p-84U-31mjZlEnpr-_3bk

killed soon after my book on Sir Walter Scott, sent to Media and Universities

Soon after Threats to Walter Scott societies from Facebook page of Oliver Stone

Honest and Brave man, defender of Democracy, who entered with valor battle with Evil power, with tyrant for human values, ethics and Democracy!

Like ROB ROY in his age!

ROB ROY and ROB REINER

But is this similarity in sound accidental

//

PUTIN AND TRUMP IS ONENESS!

//

SECRET SANTAS!! WIN!!

This cannibals have been sending me all kinds of «food», especially meat of all kinds, as RECOMMENDATION FOR YOU last four years, and during the first assault on my backbone too!! They simply don't understand another language, they interprete everything in «food and kitchen»

These Are Mad people, Maniacs, cannibals in Government!!

And only Discovery of Psychic Energy can Stop them!!

They know this, and they WILL KEEP KILLING PEOPLE TO PREVENT DISCOVERY GETTING to PEOPLE'S MINDS!!

THE FASTER YOU WILL HELP TO SPREAD THE DATA ON DISCOVERY, THE MORE LIVES YOU WILL SAVE FROM MAD MEN!!

Or maybe you dream of the «Peace with Maniacs», where all

of you walk pregnant after the rape??? Peace in begetting children with Maniacs, nice perspective!

If you really want to survive Putin and Trump Alliance in Power — stand for their Victims, as First Christians used to stay for their Martyrs!!

If you hate to give me deserved credit for my work (which will save you ultimately)

Then don't forget to stand for me when Disturbed Murderers will finish with me!!

It is indispensable to save your own lives from Murderers!!

//

My Mission is Scientific Revolution Energetics!!

My Life and my corpse are sacrificed on altar of Revolution!!

Today Fascism is victorious throughout the World, as if we lost the World War Two to Nazi!

Putin and Trump both Nazi, and both Triumphant!

I am handing you Discovery of Psychic Energy to Fight the Amorphous Serpents!!

Teach to defend yourself from treachery of Dead Thought, Dead Conscience and Dead Friendliness!

My Mission ends here!

My final book will nothing add to what i have said before!!

//

Camala Harris does not look too much upset with Brutal

Murder of two honest and innocent people with long record of public service

Rob Reiner and his wife.

Or maybe she also votes for «brains sarcoma» of perverts, hounding Science and Honest men??

I held her for decent, honest woman.

If she has what to say on despicable situation with Atrocities with Hounding Author of Discovery she had better say it openly and explicitly.

If she endorses project of perverts to beget children with maniacs — she can start childbearing and delivery of little maniacs right now!

A. Chekhov «Duel»:

«These voluptuaries must have in their brains a special growth of the nature of sarcoma, which stifles the brain and directs their whole psychology. Watch Laevsky when he is sitting anywhere in company. You notice: when one raises any general question in his presence, for instance, about the cell or instinct, he sits apart, and neither speaks nor listens; he looks languid and disillusioned; nothing has any interest for him, everything is vulgar and trivial. But as soon as you speak of male and female — for instance, of the fact that the female spider, after fertilisation, devours the male — his eyes glow with curiosity, his face brightens, and the man revives, infact. All his thoughts, however noble, lofty, or neutral they maybe, they all have one point of resemblance. You walk along the street with him and meet a donkey, for instance.... „Tell me, please," he asks, „what would happen if you mated a donkey with a camel?" And his dreams! Has he told you of his dreams? It is magnificent! First, he dreams that he is married to the moon, then that he is summoned before the police and ordered to live with a guitar...»

//

The Faces of these men are so Dirty with Crimes against human Conscience that they do not even dare to speak their own Names.

They hide under mask of Great Man Bertrand Russell, whom they used to keep in prison for his being Consciencious Objector to Monarchy.

They had imprisoned him twice, and second time in his ninties!!

This hiding under Name of Great Man, their obvious and avowed enemy (For Good is always Enemy of Evil!! Alive Conscience is always Enemy of Dead Conscience!) is not merely cowardice of wicked man.

It is first and foremost Violence on now dead Man of Conscience,

for they used to exercise violence towards him when he was alive!!

And for what purpose they tackled this assault on resting Bertrand Russell?

All of them, Putin, Trump, English Secret Services ENTERED THE OPEN WAR WITH DISCOVERY

with Murder of Rob Reiner!!

And now they feel obliged to deliver the next blow on me, the center of problem of Discovery of Psychic Energy!!

Thus, they had disturbed the resting in peace Man of Conscience only to smear their vile thing of Dead Conscience on Name of Saint!!

I am the next victim, i am ready!
Keep handwritings on Discovery safe!!
It is your only salvation from Amorphous Serpent in Power!!

And excuse the ignorance of cannibals, they do not know language of men. They use terms of cooks always. They do not know that Creators of Great Theories are called by mankind Prophets, Philosophers and Scientists. They call them Bakers on their cant of cannibals.

««”””””””«Christmas letter to an ATHEIST:

Mr. Bertrand Russell, do you as an atheist celebrate Christmas?

Dear Miss Baker, 29 December 1964

Thank you very much for your letter. I attach no religious significance to Christmas, but I find it a pleasant custom and in no way see the need to avoid celebrating it because I grant it no ritualistic importance.

Yours sincerely,
Bertrand Russell

———

Image: Bertrand Russell, 1954, in his study at his home Penrhyndeudreath, Gwynedd, United Kingdom. National Portrait Gallery.

«I was told that the Chinese said they would bury me by the Western Lake and build a shrine to my memory. I have some slight regret that this did not happen, as I might have become a god, which would have been very chic for an atheist.»
— Bertrand Russell, The Autobiography of Bertrand Russell (1967—1969), Ch. X: China, p. 365»”””””””»»

//

Why they Dread so much my next book on Discovery?

They Dread that i can once more to emphasize there that
THEY KILLED ROB REINER
To Prevent Spread of Discovery in the World!!

//

Oliver Stone is Bandit and Murderer!

//

MR Oliver Stone's latest post, after my published address to Media and Universities, to Chesterton's and Walter Scott's societies.

It is no doubt coincidence that in my latest work has been cited H. Pearson, the author of «Life of Walter Scott», and that the passage which start from Pearson, ends with «serious problems». And that the letter deals on Truth and Lie around Murder.

You will not bully entire planet Satans and AMorphous Serpents!!!

I am suffering the kind of serious problems you are master's to supply!! Because I have Fear of God and I am ready to die for God, for Truth, for Justice, for Conscience, for Church of Friendliness, for the God!!!

And I am sure I am not alone!!

You, Satans, showing thus your faces of Amorphous Serpents without masks, you have already lost!!

Many people will response to your effrontery in bullying honest men, in outraging the Law and the State, the fundamental values of humanity at last!!

Many many many people will rebel against terror of Avowed Evil, Avowed Terror, Avowed Tyranny!!!

//

Sir Walter Scott and Politics!!

Many thanks to Honour of Conscience of Walter Scott Club for saying Truth!!

It was «Politics», which forced previous BBC News!!

//

Well, My Next Book:

In case, I am dead you know who killed me and Rob Reiners!

Gaito Gazdanov on" The Art of The Deal» by Putin, Trump and King Charles

//

I told you WHAT they feel nervous ABOUT

If they kill me before i finish my next book, you have all my posts on Subject Matter!!

//

Oh, better show us your «Little pig» Friend Putin! Trump wages War to Author of Discovery for offence on His Little Friend Putin!! He cannot defend himself, the poor pig!!

««""«Vladimir Putin has condemned European leaders as «little pigs» in a furious speech which hardly welcomes the idea of ending the war in Ukraine.

His attack came shortly after US president Donald Trump claimed peace in Ukraine was «closer than ever» amid America's latest push to conclude the conflict by any means possible.

Putin said: «Everyone believed they would destroy and dismantle Russia in short period of time.

«The European little pigs immediately joined the previous American administration's efforts in the hope of making a killing from the collapse of our country.»""»»

//

Putin, Trump and King Charles killed Rob Reiner and his wife, then accused in murder their sick child!!

TO PREVENT SPREAD OF DISCOVERY IN THE WORLD!!

You have only two options:

To vote for Discovery such dreadful for Satans,
Or to become victims of Next Similar Foul Crimes of Satans!
Make your choice.
You know they use to spill excrements on all your other attempts to protest like «No King»!
They Dread only Discovery!

ГЛАВА 1. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА КАК КЛЮЧ В БОРЬБЕ ДОБРА И ЗЛА. ГАЙТО ГАЗДАНОВ И АЛЬБЕР КАМЮ: УХОД ИЗ АТЕИЗМА

1. Гайто Газданов и Альбер Камю: уход из атеизма
2. Священная Война Европы: между Циклическим и Шизоидным Эго
3. Эволюция Зла: Гадюка Бесхребетная из Философии Нового Времени

1. ГАЙТО ГАЗДАНОВ И АЛЬБЕР КАМЮ: УХОД ИЗ АТЕИЗМА

Ласло Диенеш Laszlo Dienes, профессор Гарвардского университета, который написал докторскую диссертацию о творчестве Гайто Газданова, уверяет в своем исследовании, что «Газданов — это русский Альбер Камю» (One can speak of the author of Pilgrims as a Russian Camus). Диенеш, специалист в особенности по русской литературе, подчеркивает в своем исследовании, что «Ночные Дороги Газданова — литература высочайшего уровня (Night Roads (in the plural, as the novel finally came to be called) can be described as sociological literature of the highest order). И не задумываясь, ставит Газданова в один ряд с классиками русской и западной литературы: Камю, Марио Солдати, Франц Кафка, Толстой, Достоевский, Чехов, Бунин.

Но в особенности он подчеркивает сродство творчества Газданова с творчеством А. Камю, и напоминает о сходстве романов «Посторонний» и «Призрак Александра Вольфа», на которое многие критики обратили внимание. Действительно, обе книги

фиксируют внимание читателей на убийстве и проблеме совести — теме, которая для обоих авторов станет ведущей именно после Второй Мировой Войны, которую обе прошли во Французском Партизанском Сопротивлении.

Laszlo Dienes, On Gaito Gazdanov:

> «The theme of death, repentance before death, and meditations on society and its leaders, on the stupidity and ignorance of politicians and statesmen further enrich the novel which is a tour de force in several respects. The convincing portray- al of Fred's metamorphosis from a primitive pimp into a thinking human being is a remarkable achievement. So is, on the ideological plane, the combination of Roger's ethical teaching with an illusion- less approach to chance and death that deprive life of any possible meaning. One can speak of the author of Pilgrims as a Russian Camus,
> the Camus of La peste or Le mythe de Sisyphei in spite of everything» in spite of our life being an eternal «state of siege» against the inhuman and invincible evil powers of existence, in spite of the «plague» be it natural or social we have to keep on living, working and helping. This is the human condition and in this is its hero- ism. But Gazdanov is close to Camus not only in his moralistic phi! osophy; there are remarkable similarities between the two artists. Their modernity is in their way of looking at life's questions, and not in striking formal innovations. Both have a «classical» style, a classical clarity and simplicity of prose without any baroque or modernistic «embellishments» or «distortions.» But if for Camus, in French literature, this was a «return» or a «revival,» for Gazdanov in Russian literature it was «creation»: no Russian writer before had written with quite the same barren simplicity, with quite the same clarity of intellectual prose. The line of evolution in which Gazdanov belongs in Russian literature is Puškin's, Tolstoj's, Turgenev's, Chekhov' s, Bunin's and the day will come no doubt when Gazdanov's name will be added to this list for his creative introduction and adaptation into Russian letters of some of the best features of classical French prose*

Известно, что центральной темой всего творчества Газданова является тема Метаморфозы или Перерождения человека, в том смысле в котором Христос говорил о втором рождении человека от Духа Святого: «Но кто не родится от Духа, тот не войдет в Царствие Небесное». И действительно, именно это Перерождение, или иначе Снятие Эгозащиты материальной энергии

и становление Энергии Духа человека — лежит в основе Русской Классической литературы в целом, как я пыталась показать в книге «Антихрист и Русская Классическая литература».

Гарвардский профессор венгерского происхождения Ласло Диенеш много раз подчеркивает эту ведущую тему Духовного Перерождения в работах Газданова. Он также указывает на факт очевидного перелома в творчестве самого Газданова после Второй Мировой войны, как впрочем и все исследователи его творчества. Ибо Газданов вдруг от скепсиса и атеизма уверено переходит к метафизике вечных ценностей, к абсолютной этике совести и справедливости, — одним словом, возвращается назад к классической рационалистической философии и метафизике христианства.

Назад, — потому что Новое Время принесло Новую Философию Скепсиса, Релятивизма, Субъективного Идеализма и Атеистического Экзистенциализма, к которому российские исследователи причисляют первый период творчества Газданого (до Второй Мировой Войны). Однако, уже с Призрака Александра Вольфа начинается утверждение Газдановым абсолютных трансцендентных ценностей нравственности, что невозможно без обращения к философии Метафизики Интеллекта, то есть к законам природы, установленным Господом-Интеллектом.

Российские исследователи называют этот период возврата Газданова к античной рациональной философии трансцендентных ценностей — «Моралистическим утопизмом», и характеризуют его как Переход от Атеистического Экзистенциализма (Сартра, например) к Христианскому Экзистенциализму Габриеля Марселя и Кьеркегора.

Как мы знаем, в точности такое Перерождение произошло и с Альбером Камю после Второй Мировой войны: Всем известна громкая ссора двух прежних единомышленников — Сартра и Камю. И суть этой ссоры заключалась именно в том, что после войны, Камю, подобно Газданову, порывает с Атеистическим Экзистенциализмом и переходит к Метафизики абсолютных ценностей этики — совести, справедливости, церкви дружбы, соли-

дарности человечества. Этот свой переход Альбер Камю совершил в известной книге «Бунтующий человек», где он доказал, что Мышление человека не свободно от фактов и логики, от законов природы, и что все попытки «освободится» от фактов и логики, от законов природы, приводят только к рабству и мертвечине людей, выродившихся в убийц и идиотов. Альбер Камю в книге «Бунтующий человек» диагностирует Болезнью Века — разложение Трансцендентных ценностей этики, то есть иными словами Морали Совести и Справедливости как Законов человеческой природы, установленных Господом. И обвиняет в этом разрушении Абсолютной Этики — прежде всего философию Гегеля, Маркса, Ницше, дендизм, де Сада, вновь популярного после Бастилии и психбольницы своего времени.

Именно этого воскрешения Метафизики Декарта, этого воскрешения Абсолютной этики Христианства, этого воскрешения твердого знания Законов природы, установленных Господом — ему не простил Жан-Поль Сартр, апостол Ницшеанского Умершего Бога, апостол скепсиса и цинизма, апостол Марксизма-ленинизма и гегелевской диалектики. На этом разошлись пути двух самых знаменитых экзистенциалистов своего времени, — Камю и Сартра.

Надо сказать, что Камю не был первым, кто выступил в защиту Вечных и абсолютных ценностей морали как законов природы, установленных Господом –Интеллектом (Метафизика интеллекта, Трансцендентные вечные ценности). Задолго до Камю об этом говорили Г. К. Честертон в его Апологии Христианства и Жюльен Бенда в бессмертном труде «Предательство Интеллектуалов». Именно этим двум философам мы обязаны разоблачению самого пагубного влияния на когда-то научную и христианскую, а теперь абсурдную и порочную западную цивилизацию, где «разум покончил самоубийством» в философиях скептиков, отрицающих Истину, Знания, Законы природы, Мораль как законы природы человека.

Другие великие имена — Ромен Роллан (Вселенское Евангелие Вивекананды), Альберт Швейцер (Падение и возрождение

цивилизации), Генрих Манн (Обзор Века, Дух и действие, Интеллектуальность), Аллен Финкелькраут (Отмена мышления). Эрнест Ренан и Д. Мережковский писали о потере почвы западной цивилизации и необходимости искать вновь твердый фундамент в становлении Нового, Реформированного Христианства, как Науки о природе Энергии Духа человека.

Газданов высказался со всей определенностью на эту тему в своем документальном отчете о Героическом Партизанском Движении на Французской земле, где, подобно Кмю в «Письмах к немецкому другу», он пишет, что никаких сомнений о том, на чьей стороне правда больше быть не могло. Так факты жизни, показавшие людям Материальную энергию Эгосистемы в зените ее созревания в Гадюку Бесхребетную (Amorphous Serpent) Мертвой Совести, Мертвой мысли, Мертвой Дружбы убедили Камю и Газданова в том, что скепсис и цинизм относительной морали не только неправда, но еще и очень опасная болезнь, которая порождает Зло в его самом неприглядном виде.

То, о чем, Жюльен Бенда и Гильберт Честертон давно кричали с таким красноречием!

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и Экзистенциальная традиция в Русской литературе»:

> «В годы после второй мировой войны как русская традиция экзистенциального мышления в лице Газданова (Призрак Александра Вольфа, 1948), так и западно-европейская — в лице Камю (Чума, 1847) отказываются от прежней зачарованности смертью и абсурдом. ...Верх в романе в конце концов берет линия Пелагия, то тем самым Газданов лишний раз подчеркивает, что теперь солидаризуется не столько с атеистическим, сколько с христианским и моралистическим экзистенциализмом. Это почувствовали и первые читатели романа. Так, Р. Б. Гуль писал о нем Газданову 8 августа 1965 г.: «И как хорошо, что нет ненавистных мне — скептических и цинических нот (не люблю эту философию)»
>
> .....В подчеркивании роли сознательного и созидательного усилия самого человека в его стремлении к «богочеловечности» Газданов, будет сознательно опираться на В. С. Соловьева и Пелагия.
>
> .....Романы «Пилигримы» и «Пробуждение» занимают в творчестве Газданова место, аналогичное «Идиоту» и «Братьям Карамазовым»

> в творчестве Достоевского. Это нечто вроде попытки создать образ «Положительно прекрасного человека». «В „Пробуждении“ эта установка даже отозвалась в самом тексте романа: Анна убеждает скептика журналиста Франсуа в необходимости „Положительной философии“. Весьма характерно, что в ответ Франсуа ссылается на одного из самых высоко ценимых Газдановым авторов — Блаженного Августина: „Вы должны мне кажется и у вас для этого есть все данные, это преодолеть и создать для себя самого какую то положительную философию, которая была бы важнее чем эта отрицательная оценка. — Это мне напоминает спор Блаженного Августина с Пелагием о Благодати, — сказал Франсуа. — Но Пелагий еретик, как вы знаете“ Спор Пелагия с Августином относился к учению последнего о непреодолимойй Божественной благодати, которая не требует активного участия человека. Солидаризируясь с подобной критикой Августина, В. С. Соловьев например писал, что христианство по существу своему понимает высшую задачу человеческой жизни как дело богочеловеческое, непременно требующего полноты участия как божественного так и человеческого начала»
>
> .....Отличие от традиционной экзистенциальной картины мира заключается в том, что это пробуждение сознания оказывается возможным не только под влиянием катастрофы и приближения смерти, но и под влиянием другого человека. Решающими для Газданова в этом плане оказываются традиции русской литературной классики с ее темой преображения человека, «общения героев» и прежде всего Толстого, уже как автора «Воскресенья». Моралистическая доктрина Роже противопоставлена у Газданова как христианству, так и гуманизму: «Я верю в Бога, но вероятно, я плохой христианин, потому что есть люди, которых я презираю.... И в конце концов, не так важно быть может как это будет называться: гуманизм, христианство или что-нибудь другое. Огромное большинство людей нужно жалеть, на этом должен строиться мир». В то же время этот рецепт выглядит органичным развитием характерной для русской литературы темы преображения человека»

Ласло Диенеш приводит слова Газданова о «живой человеческой падали» в его известном романе «Ночные дороги», где он описывает свой опыт работы ночным таксистом в среде уголовников, сутенеров и проституток. Он говорит о бескомпромиссной позиции автора к подонкам общества, при чем именно в силу того, что абсолютное отсутствие культуры превращает их в животных, лишенных мысли и морали. Однако, Газданов вовсе

не склонен переоценивать так называемую культуру и высших слоев общества, и пишет в этом романе, что женщина с из богатого района также украла забытую кем то бижутерию на заднем сиденье, как это сделала бы проститутка. Газданов говорит о потере человеческого лица у людей, и связывает это с недостатком культуры, образования — вот почему уголовник Фред для своего «Перерождения» в романе Пилигримы должен прочитать солидную библиотеку.

Однако, без этого перерождения, без этого рождения от Духа, как говорил Христос, они остаются «живой человеческой падалью», погрязшие в разврате и пороке, и потерявшие человеческий облик. После второй мировой войны, Газданов, рассказывая о дружбе храброго и прекрасного француза капитана Пьера с русским партизаном Антоном Васильевичем, утверждает, что именно эти уголовники и подонки общества восприняли в первую очередь «коллективизм прусского милитаризма». Камю также сначала в «Письмах к немецкому другу» пишет о том, что радикальное отличие между французами и немцами в том, что последние отказались от разума в пользу насилия и физического контроля, а позже в «Бунтующем человека» сравнивает идеологию фашизма с идеологией уголовников.

Laszlo Dienes, On Gaito Gazdanov:

> «Night Roads is a cruel, merciless book by a man who is unable to deceive himself or his readers with conventional illusions about man or mankind. The „somber poetry of human downfall“ no longer appeals to him for he knows the reality behind its romanticized literary representation; and this reality, the reality of hopeless and incorrigible „live human carrion,“ cannot, does not, evoke in him any compassion, sympathy or love. Such an attitude is not, as the reviewers noted, in the Russian tradition. The book leaves an „untransmittable and uncomfortable feeling, as if one touched something chilly and slimy“ (no. 199), which is exactly what the book's spiritual experience corresponds to on the physiological plane. There is no redemption, nor justification, for the scum of the earth»

Гайто Газданов, «На Французской земле»:

> «Он был французским интеллигентом; и помимо чисто национальной вражды к Германии, помимо чисто патриотических побуждений, заставивших его взяться за оружие, к этому были другие причины, морально-культурного порядка. Такие люди, как он, задыхались в той атмосфере обязательного и коллективного идиотизма, который был непременной особенностью немецкой оккупации во всех странах. Невозможно было не задыхаться от этого — тем более что от пропаганды нельзя было уйти. Все, что было в европейской печати низменного и продажного, — все эти журналисты-неудачники, люди с уголовным прошлым, фанатики и сумасшедшие, шулера, торговцы наркотиками, страдающие манией грошового и призрачного величия, — все они были на службе у немецкой пропаганды и повторяли с восторженным и лакейским энтузиазмом ее идеи, проникнутые мрачным прусским идиотизмом. Нельзя было не ощущать ежедневно унизительность этого положения, когда какой-нибудь бывший сутенер произносил по радио речи, в которых учил французское население патриотизму, чести и европейской солидарности. Невозможно было выносить, помимо всего, оскорбительную и малограмотную высокопарность этих статей. И с этим, конечно, нельзя было примириться.
> Капитан Пьер при всем желании не мог бы объяснить этого Антону Васильевичу; но это было неважно. Кратковременное совместное пребывание в партизанском отряде их связало крепче, чем они были бы связаны при любых других обстоятельствах, даже если бы они говорили на одном языке и любили бы одни и те же вещи»

2. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА ЕВРОПЫ: МЕЖДУ ЦИКЛИЧЕСКИМ И ШИЗОИДНЫМ ЭГО

«Но для нас Европа — заповедная обитель, — говорит Альбер Камю в Письмах к немецкому другу, — где на протяжении двадцати веков разыгрывалась самая удивительная мистерия человеческого духа.

А. Камю, «Письма к немецкому другу»:

> «Вы говорите „Европа“, а думаете „полигон, хлебные закрома, прибранные к рукам заводы, послушный приказу разум“. Может быть, я преувеличиваю? Но, по крайней мере, я знаю, что, говоря „Европа“, даже в лучшие моменты вашей жизни, когда вам удается искренне поверить в собственные домыслы, вы поневоле думаете о колоннах рабски покорных наций, ведомых Германией господ к сказочному

> и кровавому будущему. Мне бы очень хотелось заставить вас ясно почувствовать эту разницу: для вас Европа — это пространство, окруженное морями и горами, прорезанное плотинами, изрытое шахтами, покрытое колосящимися полями, пространство, на котором Германия разыгрывает партию, где ставкой служит одна только ее судьба. **Но для нас Европа — заповедная обитель, где на протяжении двадцати веков разыгрывалась самая удивительная мистерия человеческого духа. Она — та избранная арена, на которой борьба человека Запада против всего мира, против богов, против себя самого ныне достигла трагического апогея.** Как видите, мы подходим к Европе с разными мерками»

Действительно, Европа то место на планете, где в конечном итоге сконцентрировалась Мистерия Борьбы Добра и Зла, и Альбер Камю прямо обвиняет немцев в том, что они в этой кровавой бойне Святых мучеников, павших за Господа, встали на сторону сатаны.

Сатана устроен очень хитро — механизмы материальной энергии Эгосистемы достаточно сложны, иначе сковать сатану не было бы такой трудной задачей.

Священная война со Злом идет в Европе со времен Первого осевого времени по Ясперсу, то есть первых откровений о законах природы психической энергии переданных пророками гуманистических религий. Все народы, получившие Откровение, кто в большей, кто в меньшей степень внес свою лепту в этой концентрации сил Добра и Зла — Мистерии Духа, как говорит Камю — на территории Римской империи, где в конечном итоге начало свое победное шествие христианство.

Но тут, в анализе, борьбы Европы со злом, важно учитывать сложный механизм материальной энергии психики, вытравить которую оттуда оказалось не так уж просто. Во-первых, как говорит Солженицын в ГУЛАГе, добро и зло смешаны в пределах психики одного человека, то есть каждый человек в разных пропорциях имеет обе энергии одновременно (кроме святых и гениев на сегодня). Во вторых, в этой связи каждая культура, каждая страна, тоже хоть в разных пропорциях, но все же представляет обе энергии, какой бы вклад эта куль-

тура не внесла в борьбу со злом. Например, известен вклад Персии, Греции, Израиля и Рима в борьбу со Злом — то есть в становление современной научной западной цивилизации. Но в то же время и каждый из этих народов был явным носителем материальной энергии, и в этой связи добро каждый раз вынуждено было отступить. Наконец, Зло, то есть материальная энергия, имеет не один, а три облика:

1) облик простых грешников, лечить которых приходил Иисус,

2) облик Гибрис Эго шизоидного интеллекта софистов,

3) и наконец, облик Гада Бесхребетного, предателя человечества, мертвеца-убийцу, которого Христос обозначил как «Кто скажет Хулу на Духа Святого никогда не простится», «Человекоубийцы и отец ваш диавол, отец лжи», «гробы накрашенные», а внутри у вас падаль и нечистоты».

Из-за этого различия между грехом рабов и грехом господ с одной стороны, и различием грехом западной цивилизации Шизоидного Эго и восточной цивилизации Циклического Эго, долгое время разные облики Зла противопоставляли как Добро и Зло.

Так, Сторонники Аристократизма видели спасения в правлении Расы Господ, подобно Макиавелли, Гоббсу и Ницше с Гитлером, а Злом называли рабство низших классов. На самом деле, с открытием психической энергии становится очевидным, что «грех рабов» и «грех насильников господ» одного источника — Верхняя и Нижняя Эгозащита циклического гомеостаза материальной энергии, физический контроль поля Эгосистемы, садомазохизм притяжений Влюбленности и Самолюбия. Хотя безусловно, в конечном итоге, грех насильников значительно возрастает с развитием Верхней Эгозащиты (Самолюбия, Насилия) в Мертвую Мысль и Совесть разрушенной энергии духа.

С другой стороны, сторонники Марксизма видели спасение в Классе Пролетариев, а Злом определили Насильников высших классов. И опять зло и добро не было найдено, потому что не все высшие классы — насильники. Так, грубейшей ошибкой

марксизма-ленинизма оказалась ненависть к классу интеллигенции, которую преследовали много больше какого либо другого высшего класса, как пишет Солженицын. Понятно, что любые высшие классы были также представлены людьми умными и порядочными, как все прочие классы. И Газданов прав в том, что вплоть до сегодняшнего дня, еще нет такой культуры, которая ставила бы резкую границу между сознанием образованных и необразованных, все образование недостаточное.

Другая общеизвестная попытка классифицировать Добро и Зло — это старое разделение на «коллективизм» Востока и «индивидуализм» Запада. Попытались найти Добро в индивидуализме и объявить Злом — коллективизм. Однако, и на этот раз Зло успешно ускользнуло от трагической Мистерии Духа Запада, потому что западный индивидуализм обернулся вдруг жутким чудовищем гитлеровского нацизма. А восточный коллективизм обернулся благодатью сначала Католической церкви, а потом великих побед Махатмы Ганди и Откровением Русской классической литературы.

Теперь, с Открытием психической энергии, разрешилась и эта загадка. Не в коллективизме и индивидуализме дело, потому что единица психической энергии может быть уже, а может быть значительно шире психики одного человека. Единицей психической энергии являются силовые поля психики — поле Эгосистемы материальной энергии и поле Интеллекта энергии Духа. Если каждый человек вмещает изначально оба поля, значит единица психики уже психики индивида. В то же время оба поля могут включать множество других индивидов — каждое в характерном для нее типе соединения.

Материальная энергия соединяется в Левиафаны Садомазохизма — вот почему история началась с древних восточных деспотий насилия и подчинения. А энергия Духа соединяется в церкви дружбы, научного мышления и правления Знания, то есть законов природы. Вот почему Энергия духа ведет постоянно борьбу с Левиафанами за свободу мышления и против тирании рабства и насилия. С другой стороны есть и промежуточный

этап между этими двумя равновесиями двух силовых полей психики — это этап потерянных обоих равновесий, когда еще незрелый, шизоидный интеллект разбивает Левиафан физического контроля, но еще не может построить Град Божий Естественного Права (научного контроля). Это демократии Древней Греции, это теократии Древнего Израиля, это Римская республика и современные правовые государства, которым еще далеко до правления Естественного права научного контроля. Вот почему Индивидуализм Запада — это только переходный период между двумя коллективизмами — коллективизмом Зла (Левиафан) и коллективизмом Добра (Государство естественного права). В этой связи Герберт Уэллс противопоставляет восточный коллективизм марксизма — западному коллективизму Прав Человека в «Новом мировом порядке». Впрочем, о западном коллективизме как о церкви дружбы говорят абсолютно все великие мыслители со времен Града Божьего Блаженного Августина.

Вот каким неимоверным трудом оказалась задача уловить Зло в стольких его обликах, плотно перемешанных с Добром! Но сегодня, с Открытием Психической энергии, мы можем утверждать по слову Нострадамуса, что «Зверь посажен в клетку»: мы сумели в законах ПЭ отделить его от добра, описать силовое поле материальной энергии, все его облики и различие между индивидуализмом и коллективизмом, исходя из законов обоих силовых полей психики. И теперь уловить зло на практике — дело техники правильно поставленного Образования, и Международного Института Естественного права.

Однако, в интересующем нас периоде до открытия Законов Психической энергии — как Законов природы человека было еще далеко.

И Мистерия Духа на земле Европы разыгрывалась во всей глубине своего трагизма.

Почему на тот период, на период Второй мировой войны, именно в Германии оказались сосредоточены силы Зла? Тогда как Франция, Россия, Англия и Америка дружно сражались против общего германского врага?

Потому что Пик Крушения Философии Рационализма (научного контроля, истинного знания, метафизики интеллекта, абсолютной морали, трансцендентных ценностей) пришелся как раз на расцвет в Германии философии субъективного идеализма Канта, Гегеля, Фихте, Ницше, Штирнера, Гердера. Здесь Разрушенный Научный Контроль привел к Самоубийству Разума, как говорят Честертон, Бенда и Камю, — здесь в прусском государстве, обожествленном Гегелем.

С другой стороны, Зло достигло на тот момент своей кульминации в шизоидной философии Германии, но вовсе не только там, как пишут те же исследователи, показывая ущерб в том числе и французского национализма, и русского ленинизма, и английского эмпиризма, и итальянского фашизма.

Так, Русский поиск Церкви Дружбы (Града Божьего Августина) в русской литературе был остановлен Бесхребетной Гадюкой марксизма-ленинизма, вылезшей из скепсиса и субъективизма Гегеля, как пишут Бенда и Камю, и как подтверждает марксист и ницшеанец Сартр. Камю подчеркивает «ненависть Гитлера ко всякой форме», Бенда пишет о диалектическом материализме как о «гибком разуме вертящихся дервишей», которые уничтожили в этой бесформенности разум твердых понятий (знание законов природы).

С другой стороны, давно переживала свой кризис Католическая Церковь — еще со времен Реформации, когда недостаточность мифологического языка Евангелий превратило знание духа христианства — в идолопоклонство языческого сознания. Вечная борьба Христа и АнтиХриста, которая будет идти до тех пор, пока четкое знание законов природы человека не станет на место расплывчатых, хотя и божественно красивых откровений Евангелий, которые можно трактовать многими смыслами.

Всем известны, слова Лютера — о сатане на престоле господнем. Всем известны слова Толстого — о Хуле на Святого духа в православии. Тогда Германия внесла свой огромный положительный вклад в дело Борений Духа Европы — в борьбу со Злом материальной энергии, разрушив всесилие Папства, давно пре-

вратившегося в Антихриста. Однако, избавив Европу от одного Зла — превращения заповедей христовых в магию идолопоклонства поля Эгосистемы — Лютер приблизил ее к другому Злу: субъективизму шизоидного мышления, из которого, как уверяет Честертон в Истории Англии, вышел впоследствии субъективный идеализм немецкой философии.

Честертон в этой связи склонен утверждать, что Католическая церковь — это добро, а Протестантизм и Реформация — плохо. Но он конечно ошибается. Оба института — два мощнейших института Христианства, в которых с потрясающим величием в свое время была реализована та удивительная Мистерия Европейского Духа, о которой говорит Камю. Сначала Папство Отцов церкви и Гиндельбранда спасло Европу от германских императоров, от Барбароссы и Фридриха Второго, а потом Лютер спас Европу от осатанелых Пап, Борджа и Медичи, погрузивших мир в невиданную оргию порока.

Трудность была именно в тонкости границы между добром и злом, остававшейся неуловимой до открытия двух силовых полей психики. Ватикан пережив период своей святости деградировал в обычную восточную монархию садомазохизма, то есть в обычной поле Эгосистемы магического сознания с обычным языческим идолопоклонством силе, власти и богатству. Деградировал неизбежно, потому что Первого Откровения примитивных знаний, как пишет Спиноза в Теолого-политическом трактате, было недостаточно. Нужны были твердые и четкие знаний научной теории, открывающие законы природы двух силовых полей.

Лютер, который в «Свободе Христианина», объяснил людям, что законотворчество Папства ничего не стоит, и что мы должны искать Энергию Духа в заповедях Христах, а не идолопоклонства восточной монархии садомазохизма Ватикана — спас Христианство от упадка католической церкви. Однако, вернув христианство к его истокам, он все же не мог защитить его от этого вечного скольжения в пропасть магического сознания физического контроля материальной энергии. Для того чтобы

остановить этот пагубный процесс нужно было все то же: точное научное знание законов природы человека, научный контроль, который бы дал наконец равновесие и покой Энергии Духа. Однако, вместо этого, и здесь прав Честертон, христианство только получило толчок спекуляциям субъективного идеализма, к формальной логике, оторванной от фактов реальности, от законов природы. Субъективный идеализм в конечном итоге окончательно разрушил рациональную философию, метафизику интеллекта, то есть Трансцендентные, вечные ценности, о которых так сокрушается Камю в «Бунтующем человеке», Бенда в «Предательстве интеллектуалов», Честертон в Апологии христианства. Ошибка Ватикана была — возврат к восточному коллективизму циклических Левиафанов (вот почему Томас Манн отождествляет марксизм-ленинизм с Ватиканом в Волшебной горе). Ошибка Лютера была в возврате к шизоидному индивидуализму античности.

Таким образом, при этом огромном вкладе, который оба христианских института внесли в становлении цивилизации энергии Духа, цивилизации Научного контроля, тем не менее оба эти института впали в грубые ошибки поля Эгосистемы, и граница между Добром и Злом вновь оказалась смешанной.

Г. К. Честертон, «Краткая история Англии»:

> «В более простом случае северного язычества цивилизация распространялась легче. Тем не менее народ Пруссии — дикого края, лежащего за Германией — был крещен лишь к концу Средних веков, уже на пороге Реформации. Если бы нашелся болтун, который позволил бы себе богохульное сравнение христианизации с вакцинацией, он мог бы высказать предположение, что по какой-то причине она уже тогда «не срабатывала».
>
> .....В двух предыдущих главах я в общих чертах нарисовал путь, следуя которым — по исторической случайности ли, по ложной философии ли — Англия пришла на германскую орбиту, центр коей уже находился в Берлине. Повторять причины, приведшие к этому, нет особой нужды. Лютер не был ересиархом для Англии, хотя Генрих VIII и увлекался спорами с ним. Но отрицающий германизм, его северное сопротивление, его изолированность от латинской культуры были в определенном смысле причиной реформации.

.....Наиболее решительная и бесстыдная часть этого процесса была завершена лишь к концу XVIII века, когда протестантизм уже переродился в скептицизм. Кстати, именно на этой метаморфозе основывается парадокс, согласно которому пуританство оказалось ширмой для язычества. Процесс начался с неодолимой тяги к *благородству* Ренессанса, а закончился в клубе «Адский огонь». Так или иначе, но первым установлением Реформации стала новая и беспрецедентно могущественная аристократия — последовательно уничтожалось все, что могло быть прямо или косвенно *использовано во вред* этой аристократии.

..... Однако скептицизм был не просто олигархической оргией, творящейся в стенах клуба «Адский огонь», который из-за своего вызывающего названия считался сравнительно ортодоксальным. Он присутствовал и в духовной атмосфере среднего класса, например, в шедевре «Нортенгерское аббатство», которое мы обычно вспоминаем в силу его древности, а не потому, что оно аббатство. Тут все абсолютно ясно — этот случай можно назвать «атеизм Джейн Остин».

А. Камю, «Бунтующий человек»:

«.....усилия Гегеля, а затем гегельянцев были направлены на последовательное уничтожение всякой трансценденции и всякой ностальгии по трансценденции. Хотя этой ностальгии у Гегели было бесконечно больше, нежели у первых гегельянцев, которые в итоге над ним восторжествовали, однако именно он дал окончательное оправдание духа силы для XX в. на уровне диалектики господина и раба. Победитель всегда прав — таков один из уроков, которые можно извлечь из величайшей немецкой философской системы XIX в. .... Облик Гегеля, каким он предстал в русском коммунизме, создавался последовательно Давидом Штраусом, Бруно Бауэром, Фейербахом*, Марксом и всем левым гегельянством. Нас интересует здесь только Гегель, ибо именно он оказал влияние на историю нашего времени. Хотя Ницше и Гегель служат оправданием для хозяев Дахау и Караганды, это не является обвинительным приговором всей философии Гегеля и Ницше, но дает повод заподозрить, что некая аспект их мыслей или же их логики мог подвести к таким страшным пределам. ....Имморализм, научный материализм и атеизм, окончательно вытеснив антитеизм бунтарей прошлого, под парадоксальным влиянием Гегеля соединились с революционным движением, которое до Гегеля никогда в действительности не отрывалось от своих моральных, евангельских и идеалистических корней. Гегель окончательно разрушил всякую вертикальную трансцендентность, и в первую очередь

трансцендентность принципов, — вот в чем его неоспоримое своеобразие. В своих самых глубинных тенденциях XIX и XX столетия — это эпохи, когда была сделана попытка жить без трансценденции.

.....Как бы то ни было, именно у Гегеля революционеры XX века обнаружили целый арсенал, с помощью которого были окончательно уничтожены формальные принципы добродетели. Революционеры унаследовали видение истории без трансценденции, истории, сводящейся к вечному спору и к борьбе воль за власть.

.....Бог умер, но, как предупреждал Штирнер, нужно убить мораль принципов, где еще таится воспоминание о Боге. Ненависть к формальной добродетели, этой ущербной свидетельнице и защитнице божества, лжесвидетельнице на службе у несправедливости, остается одной из пружин сегодняшней истории. «Нет ничего чистого» — от этого крика судорогой сводит наше столетие. Нечистое, то есть история, вскоре станет законом, и пустынная земля будет предана голой силе, которая установит или отринет божественность человека. Тогда насилию и лжи предаются так, как отдают себя религии, — в том же самом патетическом порыве.

Но первой основательной критикой чистой совести, разоблачением прекрасной души и выявлением недейственности этих Добродетелей мы обязаны Гегелю, для которого идеология истины, красоты и добра есть религия людей, которые ими не обладают»

3. ЭВОЛЮЦИЯ ЗЛА: ГАДЮКА БЕСХРЕБЕТНАЯ (AMORPHOUS SERPENT) ИЗ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

«Мир страдает от недостатка веры в трансцендентную истину»

Ренувье

Честертон, Бенда, Камю описывают один и тот же процесс — процесс разрушения рационалистической философии, прежде всего немецким идеализмом, хотя далеко не только им. Это процесс уничтожения метафизики интеллекта, как Платоновского Мира Идей.

Почему крушение этого платоновского мира идей оказалось роковым для разума человека и для науки? Почему с крушением Метафизики интеллекта на свет народилось это жуткое чудовище — Мертвечина Фашизма, сумасшествие наси-

лия, мания убийства миллионов людей? В концлагерях и в ГУЛАГах?

Правда, что ГУЛАГи и концлагеря вышли из одного корня, но не правда, что этим корнем был социализм или иначе «коллективизм», как сегодня принято утверждать в пропаганде победивших Консерваторов.

ГУЛАГ и концлагерь вышли как пишут Камю и Бенда из разрушенного философией скепсиса и субъективизма Науки, Истины и Разума, поскольку с разрушенным полем Интеллекта энергии духа, активируется Физический контроль Насилия поля Эгосистемы.

Метафизика Интеллекта — это утверждение что есть не один мир, а два мира: Мир Интеллекта, который представлен как форма нашего мира в законах природы (законы природных энергий) и Материальный мир — мир конкретных вещей, созданный взаимодействием множества природных энергий. Форма интеллекта — законы природы, и Содержание материи — конкретные вещи.

Пока мы утверждаем Мир Интеллекта, то есть законы природы в основе материального мира, мы сохраняем свой Разум, поскольку разум есть инструмент познавания законов природы, данный нам Господом. Как только мы отказываемся от Мира Интеллекта в основе материального мира, и начинаем говорить, что законов природы нет, а значит нет единой истины — мы отказываемся от своего разума. И с этого момента начинается разрушение Энергии духа поля Интеллекта, так как в ее основе научной контроль разума.

На место же энергии Духа поля Интеллекта становится поля Эгосистемы материальной энергии с ее физическим контролем насилия и подчинения — «уголовным законом силы», как пишет Камю.

Вот почему, с приходом философии субъективизма и скепсиса, которые отрицают законы природы и познание истины, человеческий разум, как утверждают Камю и Честертон совершает самоубийство: они доказывают себе разумом, что разума не су-

ществуют. И тут же действительно начинают свою деградацию в материальную энергию «уголовного закона силы».

Разум имеет четкую форму — законы механики Ньютона, таблица Менделеева, законы математики, законы биологии. Одно дело — движение самих энергий в материальном мире, совсем другое дело наша рефлексия о законах этого движения. Наш Разум — часть идеального мира Интеллекта, как писал еще Платон. В нашем разуме и только в нем могут отражаться законы движения различных природных энергий, найденных путем изучения фактов действительности, путем мышления о причинных связях этих фактов. Это две совершенно параллельных реальности: одна реальность мира интеллекта, где наш разум отражает законы движения в основе энергий, а другой материальный мир вещей, движимых и исчезающих. Мир интеллекта неподвижен: законы энергий всегда будут такими, и напротив материальный мир вещей постоянно движется и меняется, одни вещи исчезают, другие появляются.

Философия скепсиса и субъективизма, разрушив философию Метафизики интеллекта, разрушила вместе с ней и нерушимость границы между этими мирами идей (законов природы, законов движения энергий) и миром вещей, приравняв движение и мышление. Понятно, что никак нельзя приравнять движение и мышление о нем, можно только уничтожить мышление.

Вот почему Бенда, Камю и Честертон смеются над «современной философией», которая отрицает Единую истину, Вечные знания, Трансцендентные ценности как Постоянную Форму материального мира, которую придают ей вечные Идеи Интеллекта. Для них — мир лишен формы, для них — мир бесформенный, потому что они не способны прозревать уровень законов природы, им виден только мир постоянного материального движения. Они уничтожили Разум, смешав вечные неподвижные формы интеллекта (законов природы) с постоянным потоком движения материального мира.

Однако, скептики продолжают упорствовать, что не уничтожили разум, а нашли «новый гибкий разум». Вот над чем смеют-

ся мыслители: они называют их вертящимися дервишами, романтиками и мистиками магического сознания, потерявшего всякую связь с рациональной мыслью, с научным методом. Гибкого разума, меняющегося вместе с потоком материи не бывает, говорят они. Или есть незыблемый вечный трансцендентный мир постоянных формул интеллекта, определяющих постоянную форму материи, никак не связанную с ее вечной текучестью, либо разума вообще не сущетвует.

И действительно, Новые Философы, разрушив Метафизику интеллекта, обратились к «Уголовному закону силы», к насилию физического контроля, к служению «изуверскому идолу власти», и потеряли человеческое лицо энергии духа и научного контроля.

Вот в чем суть приведенной ниже мысли великих философов, смеющихся над «гибким разумом» немецкого идеализма и английского скепсиса, а Бенда не забывает и французских националистов и скептиков. И все они подчеркивают, что Марксизм-ленинизм есть детище Гегельянства, и стоит в одном ряду с фашизмом, как детище Века Дьявола, развалившего Метафизику интеллекта и энергии духа.

Я же пытаюсь показать, что «Ненависть к Форме» у Гитлера, Ленина, Сталина, Вышинского — это результат разрушенного поля Интеллекта энергии Духа, и рождения на свет, теперь уже в философии магического сознания, Гадюки Бесхребетной с Мертвой мыслью, с мертвой совестью и с мертвой дружественностью к людям.

Понятно, что Эволюция Зла в Гада Бесхребетного Мертвой мысли и Мертвой Совести не была остановлена или уничтожена Победой во второй мировой войне. Не была она остановлена и уничтожена развалом СССР, который был изнутри разъеден этой страшной Гадюкой Бесхребетной, о чем с божественной проницательностью и ясновидением пророка написано в известном труде Солженицына. Как не была остановлена эта Гадина Бесхребетная, разъедавшая христианскую церковь Реформацией или гуманизмом.

Напротив, гадина Бесхребетная усвоила свой урок после поражения в откровенно террористических, как говорит Камю, государствах СССР и Гитлеровской Германии. И урок этот состоял в том, что Сатана живет во Тьме и не смеет выходить на свет, который его сразу уничтожает. Зло Гада Бесхребетного живет Обманом, Предательством всего человеческого и божеского — ибо оно есть «Хула на Духа Святого». Что Гад стал силой, он должен врать, должен надеть маску человеческого обличья, должен сделать вид, что знает, что такое Истина, Совесть, Справедливость, Сочувствие, Товарищечество. Только тогда, войдя в доверие, он, подобно аборигенам племени Добу, о которых Э. Фромм рассказывает в «Анатомии деструктивности», он сможет убить того, чьим другом специально для этого момента предательства он так старательно притворялся.

Если же Гад с Мертвой Мыслью и Совестью прямо говорит, подобно Ницше, марксисту Сартру, Гитлеру, Вышинскому и Сталину, что не хочет знать что такое Истина, Справедливость, Совесть и Сочувствие, и наслаждается «Хулой на Духа святого», издеваясь над всем невинным, прекрасным и божеским в человеке — то ему немедленно приходит конец, как пришел конец ГУЛАГам НКВД и концлагерям Гитлеровской Германии. Поэтому современные Гады Бесхребетные опять ушли в подполье, в тьму беспросветной лжи, подобно путинскому режиму. Можно ли представить себе людей более порочных, чем президент России и президент США? А вот оба они выступают АнтиХристами — Злом в маске святости Христа. Церковь Сатаны Ла Вея в Америке насчитывает всего лишь до миллиона последователей, — хотя и такие цифры для откровенного сатанизма говорят о победе зла в Век Дьявола разрушенного разума. Зато Антихрист католической и православной церквей, которые не сняли маску Христа, насчитывают сотни миллионов последователей.

Герои России, Франции, Америки и Англии победили фашизм, и среди президент Америки, завоевавший всемирную любовь своим открытым, доброжелательным, демократическим

характером интеллигента — Джон Кеннеди. Однако, демократия проиграла с тех пор консерваторам. Революция Консерваторов Путина торжествует по всему миру. Герои войны, подобные Джону Кеннеди, предательски убиты. А Путин, превратив героическую победу российского народа над нацизмом — в культ собственного нацизма, в основу собственного фашизма, — опорочил и самое дорогое, что было у замученных страной советов граждан — всемирность, всечеловечность Откровения русской литературы по слову Мережковского, на которых стояла и стоит Великая Русская Революция! И сколько героев войны подобно Солженицыну доживало свои дни в ГУЛАГах, или было просто расстреляно, подобно Джону Кеннеди!

Так мир оказался в руках зла со всех сторон. Дарвиновская парадигма скепсиса и субъективизма отдала его в руки откровенных сатанистов, а отказ Реформирования христианской церкви отдал ее в руки АнтиХристов. Открытие психической энергии, как изложение истин Евангелий на научном языке четких формул законов двух силовых полей психики возвращает силу Энергии Духа, восстанавливая мощь научного контроля. Вот почему для торжествующих сегодня сатанистов, вопрос скрытия от народа Открытия психической энергии — это вопрос жизни и смерти. Заговор Спецслужб против научного Открытия - это новая стадия Эволюции Гада Бесхребетного материальной энергии поля Эгосистемы.

Г. К. Честертон, «Фома Аквинский»:

> «Церковь всегда разрывали надвое вторжение и предательство. «Борьба за существование» была в XIX веке таким же внешним походом против Церкви, каким стало в XX большевистское движение безбожников. Поклонение успеху, восхищение бесчестными богачами, болтовня о «неприспособленных» (тут даже мысль не закончена — не приспособленные к чему?) явно и открыто противоречит христианству, как черная месса.
> .....Это все известно; но не все замечают, что так обстоит дело не только в практической политике, но и в абстрактной философии. С тех пор как в XVI веке начался нынешний мир, ни одна философ-

ская система не соответствовала общему чувству реальности — тому, что здравые люди, если их не трогать, назвали бы здравым смыслом. Каждая начинает с парадокса: каждая требует, чтобы для начала отказались от того, что кажется здравым. Это единственная общая черта Гоббса и Гегеля, Канта и Бергсона, Беркли и Джеймса. Мы должны принять на веру что-нибудь такое, во что не поверил бы ни один нормальный человек: что закон выше права, или что право не зависит от разума, или что все существует лишь в сознании, или что все относительно по отношению к реальности, которой, впрочем, нет. Философ обещает, что, если мы уступим ему в одном, все остальное пойдет само собой. Он обещает выправить мир, если мы разрешим свихнуть нам разум.

Поэтому он спокойно, даже кротко пишет такие фразы: «Метод святого Фомы можно в определенной мере сопоставить с методом Гегеля. Однако есть и существенное различие. Для святого Фомы противоположности не едины; кроме того, хотя действительность постижима, нечто должно сперва быть, дабы мы его постигли».

Простим рядового человека, если он прибавит, что существенное различие в том, что Фома здоров, а Гегель — безумен. Но отец д'Арси ничуть не удивляется Гегелю, да и кто удивится, если читал современных философов так милостиво и пытливо, как он. Об этом я и думал, когда писал, что нынешние системы начинают с какой-нибудь дикости.

.....Святой Фома Аквинат считает реальным первое ощущение реального. Но когда мы сталкиваемся с фактами, мы замечаем в них что-то странное — то, что повергло в сомнение многих ученых: все непрестанно меняется, беспрерывно движется или куда-то пропадает. Тут-то многие мудрецы и теряют реальность, которую было признали, и отступают, приговаривая, что нет ничего, кроме изменения, или кроме движения, или вообще ничего. Но для истории эта ступень необычайно важна. Обнаружив изменчивость вещей, почти все мыслители забывают об их реальности и верят только в изменчивость. Они не могут даже сказать, что одно превращается в другое, для них нет мгновения, когда вещь равна самой себе. Наверное, тогда логичней сказать, что ничто превращается в ничто. Святой Фома утверждает, что любая вещь в любой момент есть нечто, но не все, чем она может быть. Всем она становится лишь в своей полноте. Другие приходят к пустоте изменения, он — к полноте неизменной вещи. Другие описывают путь к небытию, он описывает неизменность, включающую все изменения. Вещи изменяются, ибо они неполны, но реальности их — часть целого, и целое это — в Боге. Именно тут, на этом крутом повороте, спотыкались один за другим

мыслители и мудрецы. Только великий схоласт пошел прямо по широкой дороге опыта, чтобы увидеть и построить свой город.
.....Он считал, что общие понятия реальны. Он признавал реальность отдельных вещей, но верил и в реальность общих понятий, то есть, как всегда, говорил точно то, что подсказал бы нам здравый смысл, если бы мудрствующие еретики ему не мешали
.....У святого Фомы есть то, чего почти никогда нет во всеобъемлющих системах, созданных после него. Он строит дом, они проверяют леса, сетуют на непрочный кирпич, непрестанно спорят, можно ли создать сами орудия. Он обогнал их, ушел далеко вперед. Мало сказать, что он обогнал свой век, — он обогнал и наш, ибо перебросил мост через бездну, нашел целый мир на том берегу и начал там строить. Почти все нынешние философии — не философии даже, а сомнения: философ прикидывает так и сяк, можно ли философствовать. Если мы примем реальность, как Аквинат, выводы тоже будут реальны — будут делами, а не словами. В отличие от Канта и многих гегельянцев, он не сомневается в сомнении, не верит в веру — он верит в факт. Отсюда он может идти вперед, делать выводы, что-то решать, словно строит город или творит суд. С его времен ни один мыслитель не поверил реальности, даже чувствам своим не поверил, и потому не обрел той силы, которая помогала бы вынести груз решительных выводов»

Ж. Бенда, «Предательство интеллектуалов»:

«в. во имя общности с эволюцией мира. диалектический материализм. религия «динамизма»
Другим предательством интеллектуалов является, на протяжении двадцати лет, позиция многих из них в отношении последовательных изменений мира, особенно его экономических изменений. Она состоит в отказе от рассмотрения этих изменений с помощью разума (т.е. с точки зрения, внешней по отношению к ним) и от поиска их закономерностей, согласных с рациональными принципами; в желании совпасть с самим миром, поскольку он — независимо от любой умственной точки зрения на него — осуществляет свое преобразование — «становление» — через посредство иррационального, адаптированного, или противоречивого, и потому глубоко верного сознания своих потребностей. Это тезис диалектического материализма. Эта позиция, вопреки притязаниям тех, кто ее разделяет, никоим образом не является новой формой мышления, «новейшим рационализмом»43; она есть отрицание разума, если полагать, что разум состоит как раз не в том, чтобы сливаться с вещами, а в том, чтобы создавать в рациональных понятиях представления о них. Это позиция мистическая.

.....я жду, чтобы мне привели хоть один результат, достигнутый благодаря применению метода диалектического материализма, а не благодаря применению рационализма в его обычном понимании, хотя и с различными оттенками. если спросить, что движет теми, кто насаждает этот метод, ответ очевиден — это люди битвы, которые приходят сказать народам: «Наша деятельность заключается в истине, поскольку совпадает с историческим становлением; принимай те ее».

....Диалектический материализм, полагая себя в становлении как отрицании всякой реальности, тождественной себе самой в течение сколь угодно краткого времени, полагает себя, по существу, в противоречии, а значит, по сути, что бы он ни утверждал, — в области иррационального

Но, самое главное, он осудит тех людей, задача которых состоит в преподавании серьезного мышления и которые, превратившись в настоящих вертящихся дервишей*, проповедуют, что такими приобретениями разума надо пренебречь».

Ж. Бенда, «Предательство интеллектуалов»:

«Догма о «гибком разуме» (особенно дорогая для Пеги). Она отнюдь не предполагает (иначе в ней не было бы ничего оригинального) такой разум, который, высказывая утверждения, никогда не держится за них настолько, чтобы не быть в состоянии отказаться от них в пользу других, более истинных. Нет, здесь имеется в виду разум, не испорченный утверждением, постольку, поскольку утверждение есть мысль, ограниченная самой собою; разум, действующий посредством мысли, которая является одновременно и самой собою и чем-то иным и которая, следовательно, принципиально многозначна, не определима, неуловима (то, что один из ее горячих поборников называет «незакоснелой» (disponible) мыслью). Эта догма чрезвычайно близка к другой, развиваемой одним признанным философом. Он утверждает, что сущность разума — «беспокойство», что сомнение для ученого — состояние не временное, а сущностное, что описанный им, как новым методологом, «сюррационализм», когда найдет свою доктрину, «может быть соотнесен с сюрреализмом, ибо и чувство, и разум будут возвращены к своей текучести». Догма о «гибком разуме» близка и к другим — тем, что не признают «статичного взгляда» науки, который «останавливается на результатах науки», и, таким образом, предполагают, что наука не должна принимать никакой постоянной позиции, даже на короткое время; тем, что вещают: «Мысль — причудливый танец, исполняемый с помощью гибких телодвижений и разно образных фи-

> гур»; тем, что, согласно их толкователю, заявляют: опыт, захватывая нас, «увлекает нас за рамки вложенного, приобретенного, возможно, выводит за пределы своей собственной плоскости, во всяком случае, за пределы покоя». Этот «гибкий» разум на самом деле вовсе не разум. Мысль, исходящая из разума, есть мысль жесткая (что не означает простая), ибо она стремится пребывать в своих собственных пределах, даже в то мгновение, когда себя выражает. Она является, как замечательно сказано, мыслью, которая «должна поддаваться опровержению», т.е. мыслью, в которой представлена точка зрения, поддающаяся определению, то, что адвокаты называют «основанием спора». «Моя цель… — говорит Декарт, — заключалась в том, что бы достичь уверенности и, отбросив зыбучие наносы и пески, найти твердую почву»*. те, кто предписывают духу принять гибкость, понимаемую как свойство не временное, но органи чески ему присущее, тем самым призывают его окончательно отбросить разум, и если они выдают себя за защитников этой ценности, то они настоящие обманщики.
>
> Но задача этих интеллектуалов — всеми способами вызвать у людей презрение к рациональной мысли.
>
> Интересно, что дали бы науке Луи де Бройль или Эйнштейн, если бы их ум знал одно только не прерывное движение и отказывался принять какую-либо устойчивую позицию? здесь опять наши интеллектуалы превозносят позицию чистого сенсуализма, отказ от всякого разума. 3. Догма о «текучем» понятии (concept) (Бергсон, Леруа), которая означает не призыв к понятию, все более и более дифференцированному и все лучше адаптированному к сложной реальности, а отсутствие понятия, ввиду того что понятие, сколь угодно дифференцированное, всегда будет (поскольку оно есть понятие) вещью «жесткой», по существу своему не способной соединиться с действительностью в ее движении.
>
> В отношении детерминизма Эйнштейн и де Бройль объявляют, что, хотя новая физика и заставляет их исправлять в этой идее то, что, по их мнению, носило слишком абсолютный характер, они ни в коем случае не отвергают ее по сути, поскольку она представляется им основой всякой подлинно научной позиции»

Ж. Бенда, «Предательство интеллектуалов»:

> b) Это принятие идеологии, которая полагает, что истина — и она тоже — определяется обстоятельствами, и не считает себя связанной вчерашним высказыванием, выдававшимся за истинное, если сегодняшние условия требуют другого. Формальную декларацию этой позиции мы находим в выступлении «О пятилетнем плане»

Сталина, который горячо защищает противоречие как «жизненную ценность» и «орудие борьбы». Одна из самых сильных сторон Ленина, утверждает историк большевизма Марк Вишняк, состояла в его способности никогда не чувствовать себя пленником того, что он проповедовал накануне как истину. здесь опять люди, стремящиеся к практической цели, предстают в своей роли, выражая готовность к отказу от вчерашних своих установок, если это будет нужно для успеха. Под известным высказыванием Муссолини «Будем остерегаться смертельной западни последовательности» могли бы подписаться все те, кто намерены осуществлять задуманное дело, окруженные стихией, поведение которой они не могут предвидеть. тоталитаристы, впрочем, в данном случае лишь соблюдают правила морали, принимаемой всеми реалистами. Незадолго до войны британский министр заявлял: «Мы выполним наши обязательства, помня, однако, что мир не стоит на месте», — понимайте это как «оставляя за собой право нисколько их не выполнять, если изменятся условия». Но то, что люди духовные всецело подчиняются философии, которая кичится тем, что знает только своевременность (opportunité) и признаёт только истины обстоятельств, — не значит ли это, спрашиваю я, что они, в сущности, разрывают устав их ордена и провозглашают о своем выходе из него?

d) Это поддерживание системы, удостаивающей чести только ту мысль, которая ей служит, и осуждающей мысль, которая ищет удовлетворения лишь в своем собственном осуществлении (exercice). «У коммунистического гуманизма, — говорит Маркс, — нет более опасного врага, чем спиритуализм, или спекулятивный идеализм»*, тогда как закон интеллектуала всегда состоял в том, чтобы отводить самое высокое место бескорыстной мысли, совершенно не принимающей во внимание практические результаты, которые она могла бы принести, — от Платона, толковавшего (пожалуй, впадая в крайность), что астрономия роняет свое достоинство, служа навигации, и до Фюстель де Куланжа, заявлявшего, что красота исторического метода в том, что он ничему не служит».

А. Камю, «Бунтующий человек»:

«Цинизм, обожествление истории и материи, индивидуальные террор или государственное преступление — этим не ведающие пределов следствиям вскоре предстоит во всеоружии появиться на свет из двусмысленной концепции мира, которая предоставляет одной лишь истории создавать ценности и истину. Если ничто не может ясно мыслиться, пока в конце времен не будет явлена истина, то всякое действие — произвол и в мире царствует сила «Если действи-

тельность немыслима, — восклицает Гегель, -нужно придумать немыслимые понятия». Немыслимое понятие, как и заблуждение, в самом деле нуждается в том, чтобы его придумали. Но нельзя рассчитывать, что его примут благодаря убедительности, которая относится к порядку истины; немыслимое понятие в конце концов должно быть навязано.

....Имморализм, научный материализм и атеизм, окончательно вытеснив антитеизм бунтарей прошлого, под парадоксальным влиянием Гегеля соединились с революционным движением, которое до Гегеля никогда в действительности не отрывалось от своих моральных, евангельских и идеалистических корней. Гегель окончательно разрушил всякую вертикальную трансцендентность, и в первую очередь трансцендентность принципов, — вот в чем его неоспоримое своеобразие. В своих самых глубинных тенденциях XIX и XX столетия — это эпохи, когда была сделана попытка жить без трансценденции.

.....Новым было то, что эти выводы ассимилировала с неисчислимыми для себя последствиями революционная мысль. Упразднение всяких моральных ценностей и принципов, подмена их фактом, этим калифом на час, но калифом реальным, могли привести, как мы прекрасно видели, только к политическому цинизму, будь он индивидуальным или, что куда серьезнее, государственным. Политические или идеологические движения, вдохновленные Гегелем, едины в своем подчеркнутом пренебрежении к добродетели.

.....Без разума — голая сила, господин и раб, и все это до тех пор пока не воцарится разум. Для раба — одинокое страдание, для господина — беспочвенная радость; и то и другое — не заслуженны. Как тогда жить, в чем найти опору, если дружба возможна только в конце времен? Единственный выход — с оружием в руках установить определенный порядок. «Убить или поработить». Те, кто прочитал Гегеля только с чувством безмерной тревоги, фактически не удержали в памяти ничего, кроме первого члена этой дилеммы.

....Наконец, Фейербах (которого Маркс считал великим мыслителем, признавая себя его критичным учеником) в «Сущности христианства» всякую теологию заменит религией человека и человеческого рода, которую примет немалая часть современной ему интеллигенции. Фейербах поставил себе задачу доказать, что различие между человеческим и божественным иллюзорно, что оно представляет собой лишь различие между сущностью человека, то есть человеческой природой, и индивидом.

.....Фейербах утверждает, что человек есть лишь то, что он ест; мыслитель так подытоживает свою философию будущего: «Истинная философия заключается в отрицании философии. Никакой ре-

лигии — такова моя религия. Никакой философии — такова моя философия"*.

Действуя куда решительнее Гегеля, Маркс свел на нет трансцендентность разума и низверг его в историю. До них разум был регулятивным принципом, теперь он превратился в средство завоевания.

…. Таким образом, Маркс является пророком производства, и дозволительно думать, что не где-то еще, а именно в этом пункте он отдал своей системе предпочтение перед действительностью. Он не уставал защищать Рикардо, экономиста манчестерской формы капитализма, от тех, кто обвинял его в желании развивать производство ради производства («Он желал это с полным основанием!«* — восклицал Маркс), не считаясь с нуждами людей. «В этом и состоит его достоинство», — подчеркивал Маркс с той же беззастенчивостью, что и Гегель. И в самом деле, какое значение имеют человеческие жертвы, если они послужат спасению всего человечества! Прогресс подобен «тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе как из черепов убитых»

…… Но здесь уже чувствуется ницшеанская трагедия. Размах пророчеств Маркса щедр и всеобъемлющ, но учение его ограниченно. Сведение всех ценностей к единственной — исторической не могло не повлечь за собой самых крайних последствий. Маркс верил, что по меньшей мере цели истории окажутся совместимыми с моралью и разумом. В этом состояла его утопичность. А судьба утопии, как это ему было небезызвестно, заключается в служении цинизму, хотел он этого или не хотел. Маркс разрушил всякую трансцендентность, а затем по собственной воле совершил переход от факта к долженствованию. Но у этого долженствования нет иного принципа, кроме факта. Требование справедливости превращается в несправедливость, если оно не основывается прежде всего на этическом оправдании справедливости. В противном случае и преступление в один прекрасный день может стать долгом. Когда добро и зло внедрены во время и смешаны с событиями, ничто уже не может считаться добрым или злым, но лишь преждевременным или устаревшим. Кому судить о своевременности, как не временщику?

…. Воля к власти и нигилистическая борьба за мировое господство не просто разогнали туман марксистской утопии. Она в свой черед стала историческим фактом, который можно использовать, как и любой другой исторический факт. Она, желавшая подчинить себе историю, затерялась в ней; она, стремившаяся воспользоваться любыми средствами, сама стала циничным средством достижения самой банальной и самой кровавой из возможных целей. Непрерывное развитие производства отнюдь не разрушило капиталистический строй

в угоду революции. Оно в равной степени разорило и буржуазное и революционное общество в угоду звероголовому идолу власти.
Но марксизм не научен, а в лучшее случае наукообразен. Он воплощение коренного разлада между научным разумом, плодотворным орудием поиска мысли и даже бунта, и разумом историческим, детищем немецкой идеологии, порожденным ею в процессе отрицания всех высших принципов. Исторический разум не есть разум, который, согласно своему предназначению, судит о мире. Притязая на суждение о мире, он в то же время движет им. Увязнув в гуще событий, он силится ими управлять. Он относится к миру и как наставник, и как завоеватель. Впрочем, эти туманные определения скрывают за собой наипростейшую суть, Если свести человека к истории, у него не останется иного выбора, кроме растворения в ее шуме и ярости или придания ей обличья человеческого разума. Следовательно, история современного нигилизма есть всего лишь затянувшаяся попытка придать истории видимость порядка силой. Такой псевдоразум в конце концов становится неотличимым от стратегии завоевания и ждет своего часа, чтобы взойти на престол идеологической империи. Так какое же отношение все это имеет к науке? ….Вот почему исторический разум иррационален и романтичен, вот почему он напоминает то систематизированный бред сумасшедшего, то мистическое утверждение слова божия…..Научный прогресс со времен Маркса состоял, грубо говоря, в замене детерминизма и механистического материализма тогдашней эпохи пробабилизмом*. ……Маркс писал Энгельсу, что учение Дарвина составляет основу их собственного учения. Стало быть, для того чтобы марксизм сохранил ореол непогрешимости, следовало отрицать биологические открытия, сделанные после Дарвина
После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях — террористического».

А. Камю, «Бунтующий человек»:

«Строго говоря, фашистские перевороты XX в. не заслуживают названия революций. Их отличие от теоретиков классического революционного движения состояло в том, что они избрали и обоготворили иррациональную часть нигилистического наследия, отказавшись обожествить разум. И тем самым отреклись от универсальных притязаний. Это не помешало Муссолини ссылаться на Гегеля, а Гитлеру считать своим предшественником Ницше. Они первые построили государство, исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что

> история — всего лишь случайное противоборство сил. Последствия не замедлили сказаться.
> Начиная с 1914 г. Муссолини прославлял «святую религию анархии» и провозглашал себя врагом всех разновидностей христианства. Что же касается Гитлера, то его официальная «религия» без колебаний совмещала в себе обоготворенную судьбу с божествами Вальхаллы
> .....Не существовало больше истинных ценностей, признаваемых всеми этими людьми и в то же время возвышающихся над ними, во имя которых они могли бы судить друг Друга. И вот в 1933 г. Германия не только согласилась признать низкопробные ценности, принадлежавшие всего нескольким людям, но и попыталась навязать их целой цивилизации. За неимением морали Гёте она избрала мораль уголовного мира и поплатилась за это.
> .....Мораль уголовника — это бесконечное чередование побед, Свершающихся местью, и поражений, порождающих отчаяние и злобу. Прославляя «стихийные порывы личности», Муссолини предвосхищал преклонения перед темными силами инстинкта и крови, биологическое оправдание всего наихудшего, к чему может привести слепая тяга к господству.
> **На Нюрнбергское процессе Франк* подчеркивал, что Гитлером руководила «ненависть к всякой форме».** И нельзя не признать, что этот человек был всего лишь проявлением силы, находящейся в постоянно в движении, — силы, подкрепленной расчетливой хитростью и без ошибочным тактическим ясновидением.
> ....Вот почему Гитлер и его режим не могли обходиться без врагов. Эти взбесившиеся денди (Геринг на приемах одевался в Нерона) нуждались в противниках, чтобы выявить свою суть; они обретав форму только в ожесточенной борьбе, которая привела их к гибели. Евреи, франкмасоны, плутократы, англосаксы, скотоподобные славяне — все эти образы врага один за другим мелькали в их пропаганде и истории, чтобы не дать сникнуть слепой силе толкавшей их в пропасть. Бесконечная борьба требовала беспрестанных усилий».

Ж. Бенда, «Предательство Интеллектуалов»:

> «я полагаю, человека характеризует не анатомическое строение тела, а некий моральный признак. Позиция интеллектуала выражена в следующих словах корифея:
> «...Мы... разумеем жизнь человеческую, которая определяется не только кровообращением и другими функциями, свойственными всем животным, но преимущественно разу мом, истинной добродетелью и жизнью духа».

точно так же если интеллектуал, верный своей сущности, не придает значения биологическим расам у людей, **то он должен допустить у них расы моральные**, а именно группы людей, которые сумели подняться до определенной нравственности, в отличие от других, оказавшихся к этому неспособными. Слово «раса», может быть, является здесь не вполне точным, поскольку ничто не доказывает, что в низком моральном уровне этих вторых групп есть нечто фатальное и что они никогда не смогут его преодолеть, — хотя в отношении того народа, имя которого у всех на устах, глубина существующего у него культа силы, упорство этого культа, порой его наивность и неосознанность наводят на такие мысли».

А. Солженицын, «Архипелаг — ГУЛАГ»:

«Оказывается, в тот грознопамятный год в своём докладе, ставшем в специальных кругах знаменитым, Андрей Януарьевич (так и хочется обмолвиться Ягуарьевич) Вышинский в духе гибчайшей диалектики (которой мы не разрешаем ни государственным подданным, ни теперь электронным машинам, ибо для них да есть да, а нет есть нет) напомнил, что для человечества никогда не возможно установить абсолютную истину, а лишь относительную. И отсюда он сделал шаг, на который юристы не решались две тысячи лет: что, стало быть, и истина, устанавливаемая следствием и судом, не может быть абсолютной, а лишь относительной. Поэтому, подписывая приговор о расстреле, мы всё равно никогда не можем быть абсолютно уверены, что казним виновного, а лишь с некоторой степенью приближения, в некоторых предположениях, в известном смысле. (Может быть, сам Вышинский не меньше своих слушателей нуждался тогда в этом диалектическом утешении. Крича с прокурорской трибуны «всех расстрелять как бешеных собак!», он–то, злой и умный, понимал, что подсудимые невиновны. С тем большей страстью, вероятно, он и такой кит марксистской диалектики, как Бухарин, предавались диалектическим украшениям вокруг судебной лжи: Бухарину слишком глупо и беспомощно было погибать совсем невиновному — он даже нуждался найти свою вину! — а Вышинскому приятнее было ощущать себя логистом, чем неприкрытым подлецом.)

Отсюда — самый деловой вывод: что напрасной тратой времени были бы поиски абсолютных улик (улики все относительны), несомненных свидетелей (они могут и разноречить). Доказательства же виновности относительные, приблизительные, следователь может найти и без улик и без свидетелей, не выходя из кабинета, «опираясь не только на свой ум, но и на своё партийное чутьё, свои нравственные силы» (то есть на преимущества выспавшегося, сытого

и не–избиваемого человека) «и на свой характер» (то есть волю к жестокости)!

Конечно, это оформление было куда изящнее, чем инструкция Лациса. Но суть та же.

И только в одном Вышинский не дотянул, отступил от диалектической логики: почему–то пулю он оставил абсолютной...»

ГЛАВА 2. НАРОДНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК МИСТЕРИЯ ДУХА ЕВРОПЫ. ГАЗДАНОВ И КАМЮ О МЕТАФИЗИКЕ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ

1. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ КАК МИСТЕРИЯ ДУХА ЕВРОПЫ. СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА СО ЗЛОМ

Плечом к плечу сражались против немецкого фашизма четыре Великих Народных Революций нового времени: Великая Революция Кромвеля, восставшая против абсолютной монархии Стюартов, Великая Революция Америки, восставшей против английской монархии, Великая Французская Революция, храбро и отчаянно провозгласившая всему миру трансцендентные ценности Церкви Дружбы — Свобода, Равенство, Братство. И наконец, Великая Русская Революция, восставшая против тирании русского самодержавия во имя тех же трансцендентных ценностей Церкви Дружбы, утверждаемых русской классической литературой.

Как мы должны определить в таком случае понятие «Революция»?

Очевидно, что в основе всего европейского революционного движения та самая Священная борьба Добра и Зла, та самая Мистерия Духа Европы, о которой пишет Камю в «письмах к немецкому другу». С этих Революций эта Мистерия Духа началась, в них она нашла свое высшее проявление, и в этой Революции она однажды окончательно уничтожит Зло. Очевидно, что это будет Научная Революция Энергетика, которая раз и навсегда отделит Зло материальной энергии психики от Добра энергии Духа в человеке.

Но первые Революции начальных этапов Священной войны не могли не быть войной в полном смысле этого слова, — ведь там где научный контроль еще недостаточен, чтобы предотвратить нападение зла, нейтрализовать материальную энергию достаточными знаниями — там приходится защищаться от агрессии насильников физически. И каждый раз такая Революция была войной за сохранение жизни духовной энергии человечества и против порочной агрессии насильников, варваров садомазохизма.

Что мы знаем о Первой Революции, о первом восстании энергии Духа против Мертвечины Садомазохизма варваров-насильников?

Очевидно, что это Революции Осевого времени 8—7 веков до н.э. — духовные Революции Заратустры в Персии, Нумы Помпилия в Риме, Пифагора в Древней Греции, Исайи в Израиле. Именно с этого времени, и именно потому что оно было временем великих духовных Революций начинается удивительная история Мистерии Духа Европы.

Особенно, трудно переоценить значение Революция Профетизма Древнего Израиля, о которой с таким потрясающим красноречием написал Эрнест Ренан в «Истории Израильского народа». Действительно, это одно из чудес европейской Мистерии Духа европейской культуры (ибо социальная Европа безусловно значительно шире своих географических очертаний), когда вдруг люди именем господа с такой яростью потребовали у царей смириться перед их волей в пользу нравственной религии и демократии, что цари в конечном итоге вынуждены были уступить.

Следующая Революция не менее известна и не менее чудесна в истории чудесной Мистерии Духа Европы. Это история пьющего цикуту Сократа, который защищал Трансцендентные ценности Церкви Дружбы энергии Духа человечества до последнего вздоха. А его откровение о Церкви Дружбы энергии Духа увековечил позднее ученик Платон в знаменитейшей «Республике», предтечи еще более известного «Града Божьего» Августина.

Велико значение Рима в Духовной истории Европы, хотя его до сих пор недооценивали, делаю ударение вслед за Гегелем на военных успехах. Однако, в тот период, когда надо было защищать цивилизацию от напора громадных туч варваров и военные успехи имели большое значение — ведь Храбрость Духа, как отмечал еще Цезарь, отличала римлян именно потому что они имели эту энергию духа. Велики заслуги Святых Рима — его Тацитов, Плиниев, Эпиктетов, Хризостомов, Сенека, Катонов, Брутов, Цицеронов, Плутархов, Тразея Пет, и конечно же великих Императоров адоптивной империи — Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия! Велики заслуги Суллы и Цезаря, — ио в конечном итоге, именно их соединенные усилия позволили создать тот уникальный и чудесный для своего времени институт Римского Естественного Права, и Республику Августа и Антонинов — следующую Великую Революцию Мистерии Духа Европы на пути к Церкви Дружбы человечества.

Две другие Революции, которые предшествовали Революциям Нового времени тоже всем хорошо известны! Это Папская Революция 11 века, — еще одно неслыханное и невиданное чудо удивительной Мистерии Духа Европы, — ибо это стало очередной победой духовной энергии над вооруженными монархиями и над германской империей. И это Реформация великого протестантского движения, победившего теперь уже, превратившееся в восточную деспотию Папство.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Это слово о «царствии небесном», как мы уже сказали, было издавна в употреблении у евреев. Но Иисус придал ему моральный смысл, общественное значение, которое даже сам автор книги о Данииле в своем апокалипсическом энтузиазме не мог предвидеть. В мире, каков он есть, царствует зло. Сатана — «князь мира сего», и всё ему повинуется. Цари убивают пророков.
>
> Священники и ученые сами не делают того, что приказывают другим. Праведники преследуются; единственный удел добрых — слезы. «Мир», таким образом, является враждебным Богу с его святыми; но Бог пробудится и отомстит за своих святых. День близится, ибо

безнравственность достигла высшей своей точки. Наступает очередь царства добра. Пришествие этого царства добра будет великой и внезапной революцией. Будет казаться, что настал конец мира; так как его современное состояние дурно, то, чтоб представить себе будущее, достаточно представить себе нечто ему противоположное. И первые будут последними. Новый порядок будет управлять человечеством. Теперь добро и зло перемешаны между собой, как пшеница и плевелы в поле; господин дает им расти вместе, но настанет час насильственного раздела. Царствие Божие будет подобно огромному улову невода, который тащит и хорошую, и дурную рыбу; но хорошую опускают в кувшины, а остальную выбрасывают. Зародыш этой великой революции будет сначала не заметен. Он будет подобен горчичному зерну, которое меньше всех семян, но, брошенное в землю, оно превращается в дерево, под листья которого слетаются для отдыха птицы. Или этот зародыш уподобится закваске, которая, будучи положена в тесто, приводит его в брожение. Целый ряд подобных притч, часто весьма темных, должен был выражать всю внезапность этого нежданного события, кажущаяся несправедливость, которая его будет сопровождать, его неизбежный и окончательный характер.

Коренной переворот, охвативший самую природу — вот основная мысль Иисуса.

Революция, которую он хотел совершить, всегда была революцией в области морали; но он еще не дошел до того, чтоб доверить ее осуществление ангелам и звукам последней трубы. Он хотел действовать на людей и через людей самих.

Действительно, он основал Царствие Божие, я хочу сказать, царство духа, — и если Иисус, взирая с лона своего Отца, видит те плоды, которые принесло его дело в истории человечества, он может по справедливости сказать: «Вот то, чего я хотел». То, что основал Иисус, что осталось от него навеки, — если исключить те несовершенства, которые примешиваются ко всякому делу, осуществляемому человечеством, — это учение о свободе духа.

Но, учреждая огромный свободный союз, который в течение трехсот лет сумел избегнуть политики, христианство возместило полностью тот ущерб, который причиняло гражданским добродетелям. Благодаря ему власть государства была ограничена земными делами, дух освобожден или, по крайней мере, грозная пирамида римского всемогущества была разбита навсегда.

Если бы Иисус вместо основания царства небесного отправился в Рим, занялся бы заговорами против Тиверия или стал бы горевать о Германике, — что было бы с миром? Если бы он стал суровым рес-

публиканцем и пламенным патриотом, он не остановил бы великого движения событий своего века, между тем, как, объявив политику неважной, он раскрыл миру ту истину, что родина — это еще не все, что человек стоит впереди и выше гражданина.

Идея Иисуса была гораздо глубже, идея более революционная, чем какая-либо, возникавшая в человеческом уме: история обязан принять ее в целом, а не с теми робкими умолчаниями, которые отнимают у нее именно то что объясняет ее влияние на возрождение человечества.

Преобразование всего сущего, которого желал иисус было не более трудным делом. Эта новая земля, это новое небо, новый Иерусалим, спускающийся с Неба, возгас: се творю все новое — все это черты, общие всем преобразователям.

Никто не станет отрицать противоречие между верованием в близкий конец света и обычной моралью Иисуса, отвечавшим покойным устоям человечества. Таким образом, христианство соединило два условиях всех великих успехов в мире: революционную точку отправления и — возможность существования. Иисус одновременно возвещал невиданный переворот в человеческих отношениях и вместе с тем провозглашал принципы на которых общество покоится вот уже 18 веков.

Но то, что действительно отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков вообще, — это его целостный идеализм. Иисус в некоторых отношениях — анархист, так как у него совершенно отсутствует идея гражданского управления. Это управление кажется ему просто-напросто злоупотреблением. Он говорит о нем в выражениях колеблющихся, тоном человека из народа, не имеющего представления о политике. Всякий чиновник кажется ему естественным врагом людей Божьих: он объявляет своим ученикам, что им придется столкнуться с властями, и ни на минуту не допускает мысли о том, что это может быть стыдно. Но никогда в нем не видно искушения занять место богатых и сильных. Он хочет уничтожить богатство и власть, а не овладеть ими. Он предсказывает ученикам муку и преследования, которым они подвергнутся; но ни разу он не останавливается на мысли о вооруженном сопротивлении. Мысль о том, что всемогущество достигается страданием и смирением, что над силой можно восторжествовать благодаря чистоте души, — вот собственно чистая идея Иисуса. Иисус — не спиритуалист; ибо у него все обусловлено осязательной осуществимостью. Но это настоящий идеалист, материя для него — лишь символ идеи, — реальное, живое отражение невидимого».

2. Г. ГАЗДАНОВ И А. КАМЮ О ПАРТИЗАНСКОМ ФРАНЦУЗСКО-РУССКОМ ДВИЖЕНИИ КАК О МИСТЕРИИ ДУХА ЕВРОПЫ. УТВЕРЖДЕНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ

Наследников этого великого революционного движения Европы, восставшего против Власти Сатаны в его Левиафанах Садомазохизма, и стали четыре Великих Революций Англии, Америки, Франции и России, выступивших теперь единым фронтом против победившего в Германии сатанизма.

Сатанизм, когда он приходит к власти, называется победой бандитов над честными людьми, или победой тиранов, что тоже самое. Но конечно, бандитская война за власть, с их уголовным законом насилия, как говорит Камю, не имеет ничего общего с Революционным движением Священной Духовной Войны Европы. Это заурядный круговорот материальной энергии, бессмысленный и не имеющий никакого отношения, ни к человечеству, ни к Трансцендентным ценностям Церкви Метафизики Интеллекта.

Камю в этой связи в обоих своих работах, посвященных переосмыслению его участия в Партизанском Французско-Русском Движении — «Письма к немецкому другу» и «Бунтующий человек», — подчеркивает коренное различие между Фашистским переворотом, к которому он относит и марксизм-ленинизм (но не литературу и анархистов России!) и Народной Революцией, которая всегда есть явление духовное и общенародное.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях — террористического.
> Строго говоря, фашистские перевороты XX в. не заслуживают названия революций. Им не хватало универсальных притязаний. Разумеется, и Гитлер, и Муссолини стремились к созданию империй, а идеологи национал-социализма недвусмысленно высказывались о планах мирового господства. Их отличие от теоретиков классиче-

> ского революционного движения состояло в том, что они избрали и обоготворили иррациональную часть нигилистического наследия, отказавшись обожествить разум. И тем самым отреклись от универсальных притязаний. Это не помешало Муссолини ссылаться на Гегеля, а Гитлеру считать своим предшественником Ницше, но не подлежит сомнению, что они воплотили в истории лишь некоторые из пророчеств немецкой идеологии.
> Германия потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом местечковым политическим мышлением. Но тот же Юнгер уловил эту логику, дал ей определение. Ему мерещилась «всемирная техническая империя», «религия антихристианской техники», чьими послушниками и воинами должны стать рабочие, поскольку рабочий (и в этом он смыкается с Марксом) по сути своей универсален. «На смену общественному договору придут уставы нового порядка. Рабочий будет отторгнут от сферы торговли, благотворительности и литературы и вознесен в сферу деяний. Юридические обязанности превратятся в воинскую присягу». Империя, эта как явствует из вышеприведенной цитаты, должна была стать полузаводом-полуказармой всемирного масштаба, царством раба, принявшего обличье работника-солдата, о котором писал Гегель. Гитлер относительно рано был остановлен на пути, ведущем к этой империи. Но если бы даже он продвинулся по нему гораздо дальше, дело ограничилось бы ясе возрастающим размахом неукротимого динамизма и ужесточением тех циничных принципов, на которых он мог покоиться. Говоря о такого рода «революции», Раушнинг подчеркивал, что здесь уже не может идти речь об освобождении, справедливости и духовном взлете, а лишь «о гибели свободы, о власти насилия и духовном рабстве». В самом деле, фашизм — это прежде всего презрение».

Вообще его теория Бунта, как философская и социологическая категория, родилась из этого обобщения своего опыта участия во Французском Сопротивлении, когда он вдруг обнаружил что мощь и глубина, вызванного в нем и его товарищах Гнева и Ненависти к захватчикам настолько всеохватывающа и повелительна, что перечеркивает все абстрактные рассуждения об абсурдности жизни и отсутствии истины. Этот ГНЕВ и эта НЕНАВИСТЬ К НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ стали единственной истиной, и в основе этого гнева и крика о справедливости он нашел безраздельную любовь к своим боевым товарищам, которая жи-

во говорила ему, что все здоровые люди, люди духовной энергии — есть одно целое. Иначе, Церковь Дружбы. Отсюда и начался его возврат к Метафизике Декарта и его трансцендентным ценностям, к его разуму-интеллекту, к его единой и абсолютной истине, и к абсолютной христианской этике совести, сочувствия и справедливости.

Камю — и это самое важное в его работе — очень четко говорит О ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА, общих для всего человечества, и именно это есть утверждение Метафизики интеллекта в его философии. И именно в этом он разошелся с марксистом и гегельянцем Сартром, который как известно прежде всего отрицал какой-либо метафизический детерминизм природы человек, полагая Абсолютную свободу воли. Камю напротив, очень чеико высказался в «Бунте» против абсолютной свободы Сартра, утверждая, что природа человека и его воля строго ограничены заложенными Господом-Разумом законами природы в человека, и что именно Бунт против Зла и есть проявление этой четкой природы, которая требует БЫТЬ САМОЙ СОБОЙ, быть совестью, справедливостью и истиной.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Как иррациональное, так и рациональное преступления в равной степени предают ценность, явленную бунтарским движением И прежде всего — первое из них. Те, что все отрицают и дозволяют себе убийство, — Сад, денди-убийца, безжалостный Единственный, Карамазов, последыши разнузданного разбойника, стреляющий в толпу сюрреалист — все они добиваются, в сущности, абсолютной свободы, безграничного возвеличивания человеческой гордыни. Обуянный бешенством нигилизм смешивает воедино творца и тварь. Устраняя любое основание для надежды, он вбрасывает все ограничения и в слепом возмущении, затмевающем даже его собственные цели, приходит к бесчеловечному выводу: отчего бы не убить то, что уже обречено смерти.
>
> ….Но пока достаточно и этого, чтобы сказать, что предельная свобода — свобода убивать — несовместима с целями бунта. Бунт ни в коей мере не является требованием тотальной свободы. Напротив, он призывает к суду над ней. Он по всей справедливости бросает вызов неограниченной власти, позволяющей ее представителям попирать

> запретные границы. Отнюдь не выступая за всеобщее своеволие, бунтарь хочет, чтобы свободе был положен предел всюду, где она сталкивается с человеком, причем под этим пределом подразумевается не что иное, как право человека на бунт. В этом глубочайший смысл бунтарской непримиримости. Чем более бунт осознает необходимость соблюдения справедливых границ, тем неукротимей он становится. Бунтарь, разумеется, требует известной свободы для себя самого, но, оставаясь последовательным, он никогда не посягает на жизнь и свободу другого. Он никого не унижает. Свобода, которую он требует, должна принадлежать всем; а та, которую он отрицает, не должна быть доступна никому. Бунт — это не только протест раба против господина, но и протест человека против мира рабов и господ.
>
> ...Между рабом и господином и впрямь нет ничего общего; с подневольным существом невозможно ни говорить, ни общаться. Вместо того естественного и свободного диалога, посредством которого мы признаем наше сходство и освящаем нашу судьбу, рабство навязывает людям чудовищную немоту. Несправедливость отвратительна для бунтаря не потому, что она противоречит вечной идее справедливости, неизвестно откуда взявшейся, а потому, что благодаря ей длится немая вражда, разделяющая угнетателя и угнетенного. Она уничтожает ту малость бытия, которая могла бы просочиться в мир благодаря людской сопричастности друг другу. Как лжец отлучает себя своей ложью от остальных людей, так оказывается отлученной и сама ложь, и вслед за ней убийство и насилие, навязывающие нам окончательную немоту. Общение и сопричастность, открытые бунтом, могут существовать лишь в атмосфере свободного диалога. Каждая двусмысленность, каждая недоговоренность ведут к смерти; только ясная речь и простое слово спасают от нее. Кульминация всех трагедий — в глухоте героев. Платон прав в споре с Моисеем и Ницше».

Камю таким образом выступил против Гадов Бесхребетных, у которых нет уже природы энергии духа, нет разума, и которые действительно сливаются с материей. Ошибка их в том, что они утверждают, что у них есть разум, но он «слился с материей и стал гибким». Однако, правда в том, что разум — это параллельное метафизическое царство интеллекта, которое никогда не сливается с материальным миром, как известно еще со времен Мира Идей Платона, Царствия Небесного Христа, Града Божьего Августина. И пока разум человека жив, он будет бороться

за Природу Энергии Духа человека — за истину, совесть, справедливость Церкви Дружбы человечества, бесстрашно воюя со всем напором материальной массы во имя Града Божьего. Как воевали Все Революции Мистерии Духа Европы!

Но когда Мысль стала Мертвой, как это происходит у Гадв Бесхребетных материальной энергии, то автоматически все силовое поле Интеллекта отмирает — НЕТ БОЛЬШЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА (потребности в истине, совести, справедливости, дружбе), то есть природы энергии Духа, осталась только материальная энергия поля Эгосистемы. И она действительно сливается с материальным миром, она есть часть его, и как свинья никогда не видит неба, так и Гады Бесхребетные теряют вечную форму Трансцендентных ценностей Морали и истины, превращаясь в «приспособленных борцов за выживание сильнейшего» — в Гадов Бесхребетных.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «С каждой строкой мое описание все ближе подходит к теме метафизического бунтаря, который поднимается над расколотым миром, взыскуя его единства. Дорогой ему принцип справедливости он противопоставляет принципу несправедливости, который, как он видит, правит миром. Короче говоря, бунтарь хочет только одного — разрешить это противоречие, построить единое царство справедливости, если это возможно. А пока он изобличает противоречие. Будучи протестом против незавершенности человеческих начинаний, обрываемых смертью, и против разобщенности людей, объясняющейся злом, метафизический бунт является обоснованным требованием блаженного единства, антипода страданий жизни и
>
> ….Анализ бунта приводит по меньшей мере к догадке, что человеческая природа действительно существует, соответственно представлениям древних греков и вопреки постулатам современной философии. К чему восставать, если в тебе самом нет ничего постоянного, достойного того, чтобы его сберечь? Если раб восстает, то ради блага всех живущих. Ведь он полагает, что при существующем порядке вещей в нем отрицается нечто, присущее не только ему, а являющееся тем общим, в чем все люди, и даже тот, кто оскорблял и угнетал раба, имеют пред уготованное сообщество
>
> …Прежде всего, следует отметить, что по своей сути бунтарский порыв не является эгоистическим душевным движением. Спору нет,

он может быть вызван эгоистическими причинами. Но люди восстают не только против угнетения, но и против лжи. Более того, поначалу действующий из эгоистических побуждений бунтовщик в самой глубине души ничем не дорожит, поскольку ставит на карту все. Конечно, восставший требует к себе уважения, но лишь в той мере, в какой он отождествляет себя с естественным человеческим сообществом.

….Отметим еще, что бунтовщиком становится отнюдь не только сам угнетенный. Бунт может поднять и тот, кто потрясен зрелищем угнетения, жертвой которого стал другой. В таком случае он отождествляет себя с этим угнетенным. И здесь необходимо уточнить, что речь идет не о психологическом отождествлении, не о самообмане, когда человек воображает, будто оскорбляют его самого. Бывает, наоборот, что мы не в состоянии спокойно смотреть, как другие подвергаются тем оскорблениям, которые мы сами терпели бы, не протестуя. Пример этого благороднейшего движения человеческой души самоубийства из протеста, на которые решались русские террористы на каторге, когда секли их товарищей. Речь идет и не о чувстве общности интересов. Ведь мы можем счесть возмутительной несправедливость даже по отношению к нашим противникам. Здесь происходит лишь отождествление судеб и присоединение к одной из сторон. Таким образом, сам по себе индивид вовсе не является той ценностью, которую он намерен защищать. Эту ценность составляют все люди вообще. В бунте человек, преодолевая свою ограниченность, сближается с другими, и с этой точки зрения человеческая солидарность носит метафизический характер. Речь идет попросту о солидарности, рождающей.

….А пока вот первый результат, которого добился мятежный дух благодаря рефлексии, проникнутой абсурдностью и ощущением очевидной бесплодности мира. В опыте абсурда страдание индивидуально. В бунтарском порыве оно осознает себя как коллективное. Оно оказывается общей участью. Первое достижение ума, скованного отчужденностью, состоит в понимании того, что он разделяет эту отчужденность со всеми людьми и что человеческая реальность страдает в своей целостности от обособленности, отчужденности по отношению к самой себе и к миру. Зло, испытанное одним человеком, становится чумой, заражающей всех. В наших повседневных испытаниях бунт играет такую же роль, какую играет «cogito» в порядке мышления; бунт — это первая очевидность. Но эта очевидность выводит индивида из его одиночества, она является тем общим, что лежит в основе первой ценности для всех людей. Я бунтую, следовательно, мы существуем».

Г. Газданов, «На Французской земле»:

> «И с другой стороны, для того, чтобы, сталкиваясь с этими людьми, зная, какую страшную жизнь они вели, зная, через что они прошли и в каких условиях они продолжали борьбу, не испытать по отношению к ним невольного чувства благодарности, нужно обладать той мертвой бесстрастностью, которой я не могу в себе найти.
> Сами о себе они не напишут и даже не расскажут. Кроме того, всякому их выступлению такого рода — если бы оно произошло — другие люди, не бывшие свидетелями этого, могут теоретически приписать характер личной заинтересованности. Это было бы в высокой степени несправедливо, но с возможностью такой несправедливости, иногда почти невольной, нельзя не считаться.
> Я не советский гражданин и не коммунист — и мне не угрожает никакая критика личного порядка. И я пользуюсь этим, чтобы подчеркнуть еще раз, это торжество героизма над насилием, воли над действительностью, настоящей непобедимости над мнимой победой и — я надеюсь — благодарности над забвением».

Анализ Газданова Партизанского Французско-русского движения во Вторую Мировую войну удивительно совпадает со всем основными выводами Альбера Камю. Даже примеры иногда буквально совпадают: так, Камю приводит в пример немецкого священника, который помогал расстрелять французского подростка, как пример Рождения Гнева Бунта (письма к немецкому другу); Газданов приводит аналогичный пример с русским подростком и то же, чтобы спросить — как можно такое простить? — ибо он всегда ведет свой диалог с христианством. Даже слово «бунт», как характеристику душевного движения в моменты пробуждения сознания он подчеркивает, например, в известном рассказе «Нищий».

Однако, главное — это философское единство авторов, которые оба озабочены тем, чтобы выразить старые христианские трансцендентные истины Царства Небесного и Церкви Дружбы праведников на новом рациональном, научном языке современного знания.

Так оба подчеркивают, что бесстрашие Духовной энергии перед лицом смерти само по себе свидетельствует о метафизике, поскольку человек не мог бы полагать целей дальше своего

существования: но если он согласен умереть за истину и мораль духовной энергии — это значит, что его существование не ограничено пребыванием в материальном мире.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Если индивид готов умереть и в определенных обстоятельствах принимает смерть в свое бунтарском порыве, он тем самым показывает, что жертвует собой во имя блага, которое, по его мнению, значит больше его собственной судьбы. Если бунтовщик готов погибнуть, только бы не лишиться защищаемого им права, то это означает, что он ценит это право выше, чем самого себя. Следовательно, он действует во имя пусть еще неясной ценности, которая, он чувствует, объединяет его со всеми остальными людьми».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

> «-Потом, когда все было кончено, я опять начал думать об этом. Я думал — вот, я хотел бы умереть вместо нее. Значит, существуют какие-то вещи, за которые ты готов отдать свою жизнь, то есть единственное, что у тебя есть. Что это такое? Ты бы не мог об этом подумать, если бы твоя мысль останавливалась там, где останавливается твоя жизнь. Ты понимаешь? Потому что когда ты готов отдать свою жизнь, то это решаешь ты, а не кто-то другой. Значит, ты продолжаешь существовать после того, как ты дошел до конца своей жизни. И я подумал тогда, что, вероятно, смерти нет. Есть страшный переход из одного состояния в другое. Я думаю, что почти для всякого человека это самое ужасное, что он может себе представить. Но это только переход».

Главная мысль обоих отчетов о Французско-русском Сопротивлении — это Безудержная и страшная сила Природы Человека (то есть духовной энергии разума), которая не знает ни страха, ни признания своего поражения в любых условиях, пока она дышит. Именно Сила Природы Человека, границы которой были перейдены чем-то, что человечеству совершенно чуждо и потому кощунственно и святотатственно. И что Дух человека, который есть его природа, будучи Сыном Божьим, то есть энергией Разума, в условиях, где его границы попирает подлая и мертвая материальная энергия — не только не знает «страха и приспособляемости» животных, не только не знает закона подчинения

силе, но взрывается таким необъятным ядерным взрывом, что, как говорит Газданов, «поневоле должен будешь отказаться от обычных и законных взглядов на пределы человеческих возможностей, физических и моральных».

Понятно, что такое представление о природе человека прямо противоречит природе Гадов Бесхребетных, существо которых, как у всякой материальной энергии, в приспособлении к силе, оппортунизм и дарвиновская приспособляемость сильнейших. Что и в самом деле лишает носителей материальной энергии « формы», то есть потребности истины, совести и справедливости людей духовной энергии.

С другой стороны, и Камю и Газданов, как мы видели настаивают на том, что человек, бунтующий в соприкосновении с абсурдом материального мира, чтобы сохранить «форму» своей интеллектуальной и нравственной природы — это всегда сообщество людей духовной энергии, ибо энергия духа человечества — это единое целое. Другими словами, и Газданов и Камю продолжают в этом смысле христианскую философию Церкви Дружбы Града Божьего Августина.

А. Камю, «Письма к немецкому другу»:

> «Вспомните. На мое удивление внезапной вспышкой гнева одного из ваших начальников вы откликнулись так: «Но это тоже очень хорошо. Просто вы не понимаете. Французы лишены этой добродетели — способности гневаться». Нет, это не так, просто французы не любят щеголять своими добродетелями. Они вспоминают о них лишь в случае крайней необходимости. И это свойство придает нашему гневу ту силу молчания, которую вы начинаете чувствовать лишь сейчас. Именно с таким гневом в душе — единственным, какой мне ведом, — я буду напоследок говорить с вами.
>
> Мы же, нарекшие себя защитниками духа, знаем при этом, что дух может погибнуть, когда сила, обрушившаяся на него, достаточно велика. Но мы веруем в иную силу. Вы воображаете, что в этих немых уже отрешившихся от земного лицах вы сможете обезобразить лицо нашей правды. Но вы не принимаете в расчет упорство, которое заставляет Францию бороться не торопясь. В самые тяжелые минуты нас поддерживает эта приводящая в отчаяние надежда: наши товарищи окажутся терпеливее своих палачей и много-

численнее, чем их пули. И вы убедитесь: французы способны на гнев. *Декабрь 1943*

….И в течение пяти лет никому больше не было дозволено наслаждаться птичьими трелями в вечерней прохладе. Пришлось поневоле погрузиться в отчаяние. Мы были отрезаны от мира, ибо каждый миг добавлял к этому миру очередной легион смертельных образов. Вот уже пять лет, как на нашей земле не проходит утра без агонии, вечера без ареста, дня без пыток. Да, нам пришлось последовать за вами. Но наш нелегкий подвиг сводился к тому, чтобы, следуя за вами в войне, не забывать при этом о счастье. И сквозь вопли жертв и торжествующий рев жестокости мы пытались уберечь в своих сердцах воспоминание о ласковом море, о незабываемом холме, об улыбке любимой. И вот это было нашим недежнейшим оружием, тем, которое мы никогда не выпустим из рук. Ибо в тот день, когда мы выроним его, мы станем такими же мертвецами, как вы. Просто мы знаем теперь, что оружие счастья требует слишком много времени для ковки и слишком много крови для закалки.

Нам пришлось вникнуть в вашу философию, согласиться слегка походить на вас. Вы избрали для себя бесцельный, слепой героизм — единственную ценность, имеющую хождение в мире, потерявшем смысл. И вот, избрав его для себя, вы принялись навязывать его всему миру, и нам в первую очередь. И мы вынуждены были подражать вам, чтобы не погибнуть. Но тут мы заметили, что наше превосходство над вами заключается как раз в наличии цели. Теперь, когда близится конец, мы можем сказать вам, чему научились: героизм не стоит ровно ничего — счастье завоевать гораздо труднее.

Вот теперь вам все должно быть ясно, и вы знаете, что мы враги. Вы люди, держащиеся несправедливости, а для меня нет на свете ничего, что я так сильно ненавидел бы. Раньше то было бурное, но неосознанное чувство, ныне я знаю причины. Я побеждаю вас потому, что ваша логика так же преступна, как сердце. И тот ужас, в который вы повергали нас целых четыре года, замешен поровну на разуме и на инстинкте. Вот почему приговор мой окончателен, и вы уже мертвы в моих глазах».

Г. Газданов, «На Французской земле»:

«И когда я думаю об упорстве этих людей, я не могу не вспомнить историю лейтенанта Василия Порика. Я называю его полным именем потому, что его нет в живых: он был расстрелян немцами 22 июня 1944 год. Но этой смерти предшествовала удивительная жизнь, наполненная такой невероятной силой сопротивления и борьбы, что, думая о ней, всякий беспристрастный человек поневоле должен бу-

дет отказаться от обычных и законных взглядов на пределы человеческих возможностей, физических и моральных. На фотографии, где он снят в своей лейтенантской форме, он похож на гимназиста последнего класса: у него юношеское лицо, короткие волосы и — что меня особенно поразило — очень добрые карие глаза. Общее впечатление — это мягкость его широкого, типично русского лица. Если бы я видел только его карточку и ничего другого не знал бы о нем, я склонен был бы предположить, что это немного ленивый русский молодой человек, который, наверное, любит рыбную ловлю, тихие летние вечера на юге России, откуда он был родом, и разговоры по душам. Может быть, это и было так — до тех испытаний, через которые он прошел. Но все остальное противоречит такому представлению с начала до конца.

...Серж рассказывал, что maquis очень неохотно отдавали своих советских партизан Антону Васильевичу. — Почему? — Отчаянный народ, — сказал Серж. — В принципе люди делают так: когда начинается стрельба, они сначала занимают защитную позицию, потом выясняют, в чем дело, а потом уже все начинается. А эти, как только стрельба, стремглав несутся туда.

Один французский полковник совершенно категорически отказался вернуть своих двух советских партизан, и никакие уговоры на него не подействовали. Он объяснил Сержу, что это невозможно, и в доказательство привел следующий случай.

Он находился с группой из десяти человек в небольшом городке, когда ему сообщили, что туда приехали два больших немецких грузовика, на каждом из которых было двадцать вооруженных солдат. Он приказал своим людям разойтись и скрыться, чтобы не погибнуть даром в неравном и бессмысленном сражении. Но двое советских партизан смотрели на этот вопрос совершенно иначе. Оба они были здорово навеселе и жестами всячески успокаивали полковника. — Они, по-видимому, хотели дать мне понять, что опасность сильно преувеличена, — сказал полковник.

И эти сумасшедшие люди вдвоем завязали бой против сорока немцев на грузовиках. Они действовали исключительно гранатами; выскакивали из-за углов с диким криком, после которого слышались отчаянная стрельба и взрывы, и находили время, пользуясь короткими паузами, еще глотнуть коньяку. Они перебегали с места на место, прятались, снова бросали гранаты и измотали немцев так, что те, потеряв какое-то количество людей раненными и убитыми, уехали из города. — Я никогда не представлял себе, что такие вещи возможны, — сказал полковник. — И вы хотите, чтобы я вам отдал этих людей? Даже и не думайте об этом! — Это было удивительное время, — сказал Серж.

Однажды он вышел из леса, прошел некоторое расстояние и наткнулся на лагерь английских парашютистов. — Тоже серьезный народ, — сказал он. — Они жили тут так, точно это было совершенно нормально и как будто это происходило на мирной британской территории. Но самое удивительное — это то, что они умудрились спустить на парашютах «джипы», на которых спокойно разъезжали. — Он сидел против меня в мирной парижской квартире; на нем были открытая рубашка и серый летний пиджак. Иногда он оборачивался по сторонам и смотрел вокруг своими мягкими карими глазами. В нем не было ничего ни воинственного, ни героического. В этом смысле именно теперь он был похож на двух своих товарищей по партизанской войне — на капитана Пьера и на Алексея Петровича. Они втроем представляли бы из себя совершенно идиллическое соединение, бесконечно удаленное от всякого представления о войне. Если бы другие люди были похожи на них, то мир, надо думать, никогда бы не нарушался. Они были благожелательны, мягки и уступчивы. Эту категорию людей национал-социалисты презирали: их мягкость они считали бы признаком слабости, их уступчивость — признаком трусости. Более грубой ошибки нельзя было совершить, потому что события показали, что ни один из них не боялся ни риска, ни ответственности, ни смерти и ни один из них не уклонился бы от борьбы самой страшной, самой неравной, самой безнадежной. И в нужную минуту эти идеалисты оказались рядом с советскими партизанами во время последней схватки на французской земле. Победа над ними значила бы, что побеждены последние остатки свободы, разума и культуры; и она оказалась так же невозможна, так же неосуществима, как и иллюзия тех малограмотных преступников, которые правили Германией, — по поводу всеобщего торжества национал-социализма.

….Нельзя забыть эти последние годы немецкой оккупации во Франции, эту внешнюю монументальную несокрушимость немецкого военно-гражданского аппарата, этих часовых, этих офицеров, эти грузовики, эту, на первый взгляд, безупречную организацию. И вместе с тем, мы знали, что со всех сторон на немцев направлены миллионы враждебных взглядов, и вся эта мнимая несокрушимость может рухнуть в несколько дней, и опять повторится то, что уже было много раз в истории, когда великолепные армии превращались, как по волшебству, в жалкий сброд пленных и оборванцев. Так это и произошло, но зрелище, которого мы были свидетелями, стоило слишком много человеческих жизней.

Мне всегда казалась неразрешимой эта немецкая загадка, но ее нельзя не констатировать: вчерашний германский офицер, добросо-

вестно расстреливавший французских заложников, завтра, после поражения Германии, будет с таким же усердием делать то, что ему прикажут победители — подметать улицы или чистить сапоги, без всякого видимого ущерба для своего самолюбия. А через двадцать лет его сын будет бомбардировать незащищенные города мирных стран и гражданское население до тех пор, пока Германия не будет снова побеждена, и тогда он опять будет чистить сапоги или подметать улицы, как его отец.

Антон Васильевич был несколько раз в плену, несколько раз в партизанском движении. Подобно сотням тысяч самых крепких людей России, он прошел все ужасы немецкого плена: голод, сон на снегу, содержание в глиняной яме, побои и все то, что описывалось много раз и что уже не производит впечатления на читателя и слушателя, так как ничье воображение не способно воспринять апокалипсическую чудовищность этих испытаний. Я видел снимки голых пленных в немецких лагерях — скелетические тела, в которых, казалось, едва-едва мерцал какой-то признак жизни. они бежали из плена. Они блуждали потом по Бельгии, Голландии, Эльзасу, северу Франции, не зная ни дорог, ни языка. Сильнее всего — элементарных доводов рассудка, инстинкта самосохранения, сильнее страха смерти — в них жило неукротимое желание мести. Никто, особенно вначале, не давал им никаких инструкций, никто не говорил и не объяснял, как они должны были поступать. Но они все действовали одинаково, так, точно это была огромная и сплоченная организация людей, планы которой были разработаны до последних подробностей. Я думаю, что Антону Васильевичу никто не поручал пробраться во Францию и там организовать партизанские отряды. Рассуждения его по этому поводу были просты: мы вели в России партизанскую войну против немцев, Франция так же враждебна Германии, как Россия, стало быть, партизанскую войну можно вести во Франции. Но, конечно, все эти рассуждения в несколько измененных обстоятельствах могли бы оказаться несостоятельными и сущность была не в них, а в той огромной центробежной силе, которую представляла из себя масса советских военнопленных.

Так же, как он, рассуждало большинство. И поэтому, когда он прибыл во Францию, он мог констатировать, что одно и то же чувство, то самое, которое поддерживало его все время, было свойственно тысячам других его соотечественников — тем, кто составлял августовское воззвание 1943 года, кто саботировал работу в шахтах, тем, кто, не дожидаясь ни приказов, ни инструкций, бежал из лагерей во французские партизанские отряды.

Чисто фактические подробности этих побегов были неисчислимо разнообразны. От перепиливания решетки в тюрьме и обезвреживания немецкого часового до прыжков из окон второго этажа, до поддельных бумаг, до убийства — все средства были хороши, и все они оправдывались целью. В очень многих случаях эти люди были воодушевлены той самой «жаждой мести», которая со времен наивно-романтической литературы изветшала, износилась и стала звучать как шаблон, вызывавший снисходительную улыбку. Мы знали, однако, что в этих словах было заключено некогда страшное содержание, которое медленно умирало и в последнее время почти перестало существовать или, во всяком случае, выродилось. И вот теперь, во время этой войны, эти слова вновь налились кровью.

Партизан нельзя сравнивать с регулярными войсками. Они прошли через медленную смерть германского плена, через все невообразимые человеческие унижения; громадное большинство людей может понять это только отдаленно-теоретически. Они были обречены — и вот, в силу необыкновенной случайности, они спаслись от неминуемой гибели, и в их руках появилось оружие. Они сражались за свою родину в чудовищно неравном бою; и если бы они были совершенно неумолимы, я думаю, никто не имел бы права упрекнуть их в этом.

Много лет тому назад в России один офицер убил другого шестью выстрелами из револьвера (это было во время гражданской войны). Когда председатель суда спросил его, почему он это сделал, он ответил: — Этот человек и двое его товарищей ворвались в мой дом, связали меня, застрелили на моих глазах мою мать, и он изнасиловал при мне сначала мою сестру, потом мою жену в присутствии моего шестилетнего сына. Мне было бы стыдно смотреть вам в глаза, если бы я не убил его. И я хотел вас спросить: могли бы вы на моем месте поступить иначе?

Его присудили к условному наказанию — и через полчаса он был свободен.

Сколько тысяч таких историй могли бы рассказать советские партизаны? Они гибли в немецких лагерях от голода и побоев, они умирали в тюрьмах гестапо, все усилия немецкого народа были направлены к тому, чтобы их уничтожить. Но эту силу победить было нельзя. Ни танки, ни гранаты, ни бомбы, ни голод, ни плен не могли сломить этих людей. Они возникали всюду как страшное напоминание о смерти, и вот, во тьме европейских ночей, раздались их выстрелы, загремели сходящие с рельсов поезда, взлетели на воздух мосты и там, где они проходили, оставались немецкие трупы. До чего должна была дойти Германия, чтобы рука тринадцатилетнего маль-

чика, восьмилетний брат которого был расстрелян, чтобы эти детские пальцы нажимали гашетку револьвера, направленного в немецкого солдата?

За тысячи верст от своей родины, в чужой стране они продолжали борьбу. Они продолжали бы ее на Аляске или на Огненной Земле, в Клондайке или в Тибете до тех пор, пока жизнь не покинула бы их. Это было крайнее выражение того справедливого гнева, который сильнее, чем любые стратегические сопоставления, численность армий и вооружения, предопределил поражение Германии.

Не все советские пленные, конечно, стали партизанами; только лучшие из них. Они сохранили до конца свою дисциплину, и это не могло быть иначе, потому что всякое нарушение этой дисциплины, как всякий неправильно рассчитанный шаг, грозило им смертельной опасностью. Их идеи и их интересы — одновременно — диктовали им примерное поведение по отношению к населению, так как без его поддержки партизанская война была бы невозможна. Кроме того, они воевали за общее дело, против общего врага, подвергаясь тому же риску, что и французы, и отсюда возникла та их связь с Resistance и населением, которая прочнее любых других человеческих отношений. Об этом знают все, для кого «боевой товарищ» не есть только теоретическое представление, а личный опыт, который ничем нельзя заменить.

Я думаю, что до сих пор в истории бесчисленных войн, которые вело человечество, не было такого убедительного примера какой-то априорной непобедимости, как тот, что мы могли наблюдать здесь, во Франции, и который выразился в существовании советского партизанского движения на этой иностранной территории. Упорную силу его не могли задержать ни тысячи километров, отделявшие его от тех мест, где оно возникло, ни годы жестокого плена, ни кажущаяся на первый взгляд бесспорной материальная невозможность борьбы. И вот, на какой-то короткий период, над этими людьми оказались бессильны пространство, и время, и неотступная, ежедневная угроза смерти

….Они бежали отовсюду — из Голландии, из Бельгии, из Эльзаса, с севера Франции, с юга, из центральных департаментов. Конечно, было бы ошибочно думать, что все советские пленные до одного действовали так. Это был отбор. Среди множества пленных не могло, конечно, не быть провокаторов, шпионов, негодяев и просто слабых людей, не выдержавших страшного испытания войной. Таких немцы старались использовать. Это была тоже одна из характерных черт последних лет европейской истории: Германия в этой войне, вне своих границ, могла рассчитывать только на поддержку предателей.

В силу исторического парадокса, ее ставка была сделана именно на ту европейскую «гниль», против которой, якобы, была направлена вся борьба национал-социализма. Ставки всегда бывают либо выигрышными, либо проигрышными. Но, кажется, до сих пор ни одна из них не стоила так дорого.

.....Даже в странах, где в нормальное время безраздельно или почти безраздельно властвует принцип частной инициативы и индивидуалистического начала, а в такие моменты все личное отходит на второй план, всякая индивидуальность начинает действовать только для коллектива. Достаточно вспомнить упрямый героизм целой страны — почти беззащитную Англию в 1940 году и летчиков, которые поднимались со своих аэродромов, зная наверное, что они идут на бой с врагом, преимущество которого колебалось от 6 до 10 против одного. Достаточно вспомнить дивизии генерала Мак-Арчера на Филиппинах [29], месяцами ведущие заранее проигранную кампанию, — и станет понятно, что простейшее беспристрастное отношение к обстановке должно было бы с неумолимой логикой доказать этим людям бессмысленность всякого сопротивления и необходимость сдаться. Но ни англичане, ни американцы не сдались и не думали ни о каком беспристрастном суждении — и они выиграли войну.

.....В поведении русских партизан во Франции тоже, прежде всего, поражает эта абсолютная одинаковость их поступков и побуждений — вплоть до того, что рассказы самых разных советских людей совершенно похожи один на другой — так, как если бы их повторял с некоторыми бытовыми вариантами один и тот же человек, какой-то собирательный советский военнопленный, бежавший из немецкого лагеря.

....Если бы мы обладали каким-то идеальным чувствительным аппаратом, отмечающим те малодоступные или почти недоступные анализу народные движения, о которых мы обычно имеем самое приблизительное и чаще всего неточное представление и которые, вместе с тем, и являются основными факторами, обуславливающими тот или иной ход истории, — мы бы знали тогда, как возникло и как развивалось то единство коллективной мысли и коллективного желания, которое выразилось во всеобщей поддержке советских партизан французским населением. Сколько безвестных крестьян, сколько молодых людей, солдат и офицеров отдавали все или делали все, чтобы спасти от немцев советского партизана? Их непосредственный личный интерес вовсе не требовал от них этого. Но они это делали, рискуя всем. Я помню капитана Пьера, командовавшего целым военным округом, и его встречу в парижском ресторане с Антоном Васильевичем, вме-

сте с которым они воевали в maquis. Эти люди, не понимавшие один — французского, другой — русского языка, были связаны теснейшей дружбой, и, конечно, каждый из них ответил бы собственной головой за другого. Они не могли быть политическими единомышленниками — хотя бы потому, что были лишены возможности об этом разговаривать, — они были, казалось бы, очень далеки друг от друга: один — французский офицер, родом из Эльзаса, другой — советский человек, родом с Украины. Если бы не было этого стечения тысяч невероятных обстоятельств, то каждый из них просто был бы не способен представить себе возможность существования другого — вот такого капитана Пьера или вот такого Антона Васильевича. Но это было проявлением того темного и стихийно неудержимого движения, которое, на какой-то период времени, оказалось одним и тем же у всех народов Европы и в котором России принадлежит, я думаю, самая значительная роль.

….Вообще, было удивительно, как их не арестовывали, этих советских людей, бежавших из плена. У огромного большинства из них были неевропейские лица, даже не столько лица, сколько выражения лиц и глаз. Их нельзя было не заметить. Но парижская полиция их упорно не замечала, как до Парижа, на дорогах, ведущих к столице, их так же упорно не замечали французские жандармы.

Как-то под предводительством одного из ближайших сотрудников Антона Васильевича уезжала в провинцию небольшая группа советских партизан; их было восемь человек. Все они шли по двое, по трое вслед за этим агентом по направлению к вокзалу. На улице, по которой они проходили, толпились солдаты немецкой дивизии, уходившей на фронт. Все вокруг было запружено немцами — и сквозь эту толпу шли люди, которые неделю тому назад бежали из немецкого плена и теперь отправлялись вести против германской армии партизанскую войну. Достать места в поезде было почти невозможно; в этот период времени в Париже для того, чтобы иметь право купить билет, нужно было предварительно стоять с пяти часов утра в тысячной очереди за входными бюллетенями. У предводителя советской группы партизан не было, конечно, ни бюллетеней, ни, тем более, билетов. И все-таки советские партизаны уехали первыми. Это было сделано просто; предводитель сказал несколько слов одному железнодорожному служащему, тот передал другому, другой передал третьему — и через четверть часа советские партизаны ехали в багажном вагоне на фронт. Это было результатом мгновенного заговора между людьми, которые до сих пор никогда не видели друг друга, но которые в этом вопросе мыслили и чувствовали одинаково. Французские полицейские, французские жандармы, французские

железнодорожные служащие, советские пленные и русский эмигрант — руководитель и агент партизанской организации — все думали и ощущали одно и то же. И я не мог удержаться от мысли о том, что здесь, на этой территории, были только одни люди, осужденные на безысходное одиночество и трагическую отчужденность от всего остального европейского мира, — и это были немцы

...И, конечно, более беспощадных и опасных врагов, награжденных, вдобавок, нечеловеческой выносливостью, звериным терпением, хитростью и пониманием партизанской обстановки, германская армия не могла себе представить. Если бы немцы умели читать в человеческих взглядах, то в глазах этих людей они давно бы прочли свой смертный приговор. Но они печатали вздорные сообщения о «коммунистических бандах», и когда спохватились, было слишком поздно.

...История советского партизанского движения во Франции, в нескольких словах, такова. С первых дней прибытия советских военнопленных в лагерях возникли боевые группы, положившие начало всей организованной борьбе. Это происходило на севере страны, в департаментах Нор и Па-де-Кале. Вначале деятельность партизан преследовала, главным образом, цели саботажа. Некоторые отдельные люди и некоторые группы вступали, после побега, в ряды французской Resistance.
В ноябре 1943 года, после того как давно уже шла спорадическая борьба против немцев на французской территории, был образован Центральный Комитет Союза военнопленных во Франции, который с момента своего возникновения руководил всем советским партизанским движением. Он состоял из трех человек; позже были кооптированы еще двое. Один из них, Порик, был расстрелян, другой сошел со сцены по обстоятельствам, которых я не знаю. Через полтора месяца ЦК организовал двадцать лагерных комитетов. К этому времени во Франции было свыше двадцати пяти крупных лагерей, насчитывавших в общем около двадцати пяти тысяч советских людей, из которых половина были военнопленные.
Задачи лагерных комитетов были сформулированы совершенно точно. Вот некоторые, наиболее важные параграфы их программы:
«Лагерный комитет организует вокруг себя боевой актив на каждой шахте и предприятии, в цехе и в бараке. Боевой актив должен расти с каждым днем за счет советских патриотов, ведущих борьбу с фашизмом.

Лагерный комитет ведет самую активную работу по срыву мероприятий немецких властей и организует акты саботажа на производстве. Комитет организует уход из лагеря товарищей, которые должны уйти по требованию, а также тех, кому угрожает серьезная опасность.

Комитет должен проявлять особую заботу в отношении организации товарищеской помощи среди людей лагеря, обратив особое внимание на материальную и моральную поддержку больным и заключенным в карцере…

Вся работа лагерного комитета должна сводиться к подготовке советских патриотов к открытой борьбе против фашистских поработителей. Если обстоятельства потребуют, лагерный комитет должен стать организатором восстания и вооруженной борьбы совместно с французским народом».

Но уже задолго до официального возникновения ЦК и лагерных комитетов борьба советских партизан приняла настолько значительный характер, что летом 1943 года в департаменте Па-де-Кале количество советских партизан и численность французских отрядов были одинаковы. В сущности, формальное образование ЦК, члены которого всегда фактически возглавляли Сопротивление, только санкционировало существующее положение и придало ему ту схематическую стройность, которая до сих пор не носила официального характера. В момент всеобщего восстания во Франции члены комитета приняли командование всеми вооруженными советскими силами на французской территории, разделенными на три группы: север, восток и департамент Кот-д'Ор. Это было 11 июля 1944 года, и это был последний эпизод борьбы на французской территории.

Но, конечно, борьба не ограничивалась только этим, а принимала самые разнообразные формы. Существовали лагеря, не имевшие постоянной связи с ЦК; существовали партизаны, даже не знавшие о его существовании, как это было, например, в центральных департаментах Франции. О, если бы они состояли в постоянных отношениях с ним и получали бы от него подробные инструкции, им не пришлось бы ничего менять в своем поведении. В июле 1944 года было тридцать пять крупных отрядов, находившихся в подчинении ЦК. Но десятки других, более мелких отрядов или групп действовали так же, как те, которые руководились из Парижа и из северных департаментов.

Они начали с саботажа и кончили вооруженной борьбой».

ГЛАВА 3. ХРИСТИАНСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОСНОВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПОИСКАХ ГРАДА БОЖЬЕГО

1. Атеизм и шизоидность творчества Набокова. «Кровавая Дуэль» Газданова и Набокова.

2. Генрих Манн о настоящей интеллектуальности в основе русской и французской литературы. Шизоидность немецкой культуры.

3. Д. Мережковский о Религиозных основах Русской Революции. Толстой и Достоевский — как вожди русской революции.

1. АТЕИЗМ И ШИЗОИДНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА НАБОКОВА. «КРОВАВАЯ ДУЭЛЬ» ГАЗДАНОВА И НАБОКОВА

До сих пор считается, что главную смысловую нагрузку в определениях атеистического и христианского экзистенциализма несет слово «экзистенциализм», который подчеркивает как ы общность и родственность двух направлений. Однако, это грубая ошибка.

Экзистенциализм, который как известно начинается с трудов Серена Кьеркегора, — христианского философа, писавшего на евангельскую тему Второго Рождения от Духа — в сущности есть только продолжение поисков законов психической энергии, которое началось с первыми Откровениями в Осевое время гуманистических религий. Что есть философия Пифагора, Сократа, Платона о двух конях души, телесном и разумном, как не исследование двух силовых полей психики? Что есть Евангелия Хри-

ста, как не исследование природы духовной энергии в противопоставлении к материальной энергии поля Эгосистемы? Что есть «Этика» Спинозы как не научное исследование все тех же двух силовых полей психики — материальной энергии «аффектов» и духовной энергии разума?

Мы видим, что исследование законов психической энергии как поисков «Истинного Я», противопоставленного паразиту – вредителю материальной энергии велись в философии задолго до официального появления направления «экзистенциализма», как стали называть труды Кьеркегора. Кьеркегор ставит своей задачей отделение «Истинного Я» разумной (вечной, божественной) энергии от «ложного Я» материальной (временной) энергии. А вслед за ним рождается уже не просто философское направление, а целое большое направление гуманизма в психологии, которое ставит себе задачи Кьеркегора теперь уже в рамках научных методов исследования.

Таким образом, ничего нового, кроме давней и традиционной для Мистерии Духа европы рефлексии на темы отделения дора и зла, духовной энергии от материальной энергии, истинного Я от ложного Я в философии экзистенциализма нет.

Вот почему нет ничего удивительного в том, что русскую литературу определили задним числом как литературу философии экзистенциализма. Действительно, спецификой классической русской литературы является ее погруженность в рефлексию на тему спасения души — на тему борьбы добра и зла в поисках Истинного Я человека, или иными словами — его Энергии Духа. Вот почему Мережковский определял русскую литературу как Откровение, и вот почему она является одним из чудес Мистерии Духа Европы — это в самом деле большой шаг вперед на том трудном и долгом пути, что ведет кропотливо Европа в своей мистической борьбе со злом — в поисках обретения Града Божьего.

Однако, важно иметь ввиду ту пропасть, которая разделяет так называемый Атеистический экзистенциализм (Сартр, Ницше, Набоков, Сад, дендизм и др) и Христианский экзистенциализм

Спинозы, Кьеркегора, А. Камю, Г. Марселя, русской литературы (и даже Платона!).

То что принято называть Атеистическим экзистенциализмом есть всего лишь фиктивный интеллект Шизоидной Эгозащиты — то есть материальная энергия поля Эгосистемы, физический контроль, которые не имеют ничего общего ни с духовной энергией Истинного Я, ни с настоящим интеллектом) законов природы). Именно против этого фиктивного шизоидного интеллекта с такой резкостью выступили Г. Честертон (Апология Христианства), Ж. Бенда (Предательство Интеллектуалов), А. Камю (Бунтующий человек). Я много цитировала в своих томах о Научной Революции Энергетика книги этих трех писателей именно с тем, чтобы продемонстрировать единство их позиции в нападении на фиктивный шизоидный интеллект, как болезненное явление, оторванное от реальной жизни.

Сейчас, когда мы переходим к анализу творчества Гайто Газданова — экзистенциалиста в традиционном христианском смысле этого слова, — эта проблема разделения шизоидной мысли атеистического направления и настоящей науки христианского направления опять встает во весь рост.

В данном случае, как противостояние, или как пишет С. А. Кибальнк как «кровавая дуэль» Газданова и Набокова. Действительно, если можно было бы привести пример фиктивной шизоидной мысли, активной только с целью Эгозащиты, и ничего не знающей о реальной жизни — то вряд ли можно было найти пример лучше, чем творчество Набокова. Исследователь С. А. Кибальник не сомневается, что Газданов в романе «Призрак Александра Вольфа» отразил под обликом «мертвенности» (и философии и личности) В. Набокова, как олицетворение мертвенности и бессмысленности всего направления атеистического экзистенциализма. И подчеркивает, что Газданов не только не был одинок в своей точке зрения на творчество Набокова, но что вся русская литературная эмиграция объявила творчеству Набокова «войну» в журнале «Числа».

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»:

> «Представления Газданова о том, что представляют собой герои Набокова, а может быть и сам автор, вероятно в значительной степени формировала довоенная русская критика. Набоковских произведений, большей частью подчеркивавшая соединение в его прозе блестящей писательской техники, начитанности и общей культуры с какой-то личной аномальностью, мертвеностью. Для того чтобы это показать, вовсе не нужно специально подбирать критические тексты. Например, Г. Иванов усматривал в Набокове «знакомый нам от века тип способного, хлесткого пошляка-журналиста, владеющего пером», — находил в его творчестве подтверждение «тому инстинктивному отталкиванию, которое смутно внушал нам Сирин, несмотря на кажущиеся достоинства».
>
> Эта статья положила начало целой войне между Набоковым и «Числами». Приведем далеко не самые резкие отзывы В. Варшавского и Ю. Терапиано.
>
> Поражаясь «какому то даже утомительному изобилию физиологической жизненности, в Сирине Варшавский в рецензии на издание „Подвига“ утверждал, что за этим „разлившимся вдаль и вширь половодьем — пустота, не бездна, а плоская пустота, пустота как мель, страшная именно отсутствием глубины. Как будто бы Сирин пишет не для того, чтобы назвать и сотворить жизнь, а в силу какой-то физиологической потребности“. Далее критик еще более подчеркивал мертворожденность набоковского письма: „Все это дает такой же правдивый и такой же ложный, ни к какому постижению не ведущий мертвый образ жизни…“ Ему вторил Ю. Терапиано, отмечавший „внутреннюю безответственность“ повести „Камера-обскура“ и мертворожденность ее героев, которые „пока мы не хотим сопротивляться иллюзии, кажутся живыми людьми“, и резюмировал: „пусто становится от внутренней опустошенности — нет, не героев, самого автора“. Подобную вольфовской причастность к демоническим силам отмечал в его прозе М. Кантор: „Откуда в самое деле это постоянное впечатление жуткости, обреченности — не знаю, как назвать этот привкус несвободы, это неизменное присутствие посторонней силы, как бы водящей рукой автора?“ М. Осоргин, с которым Газданова многое сближало, сетовал на то, что „сюжеты Сирина не полноценны и что ему приходится почерпать их не из богатства жизни, а из ее городской пошлости и дешевизны“, как будто речь шла о рассказах Вольфа в романе Газданова — „Я приду завтра“ и „Золотые рыбки“. В. Вейдле содержание всего творчества Набокова сводил к мучениям авторско-

> го „Я“, к „какому-то беспомощному всемогуществу его, непрошенной власти над вещами и людьми, которые на самом деле совсем не вещи и не люди, а лишь порождения его собственного произвола…“ Неоднократно писали о болезненности художественного мира Сирина; сложилась целая легенда о его холодности, о его безжалостном распятии своих героев, о его бездушной игре в литературу».

Далее, автор исследования творчества Газданова подчеркивает, что под образом «мертвенного сверхчеловека» в Призраке Александра Вольфа Газданов разумел все безумие ницшеанского атеистического экзистенциализма, суть которого в мании величия индивида, раздувающего свое Эго до абсурда в поисках реализации «воли к власти», в мертвенности физического контроля. И что роман Призрак Вольфа писался как протест против этой больной философии, и в том числе как протест против своих собственных опытов с философией скепсиса и цинизма в раннем творчестве Газданова (как в раннем творчестве Альбера Камю). Автор подчеркивает, что с романом Призрак Александра Вольфа перелом в философской позиции Газданова, его решительный уход из атеизма в христианскую традицию русской литературы оказывается окончательно оформленным и завершенным. Также подчеркивается параллель в творчестве Газданова и Камю, и одинаковый перелом в их послевоенной философии от атеистического экзистенциализма в пользу христианской философии и гуманистической психологии Маслоу и Фромма (если бы они были с ней знакомы).

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»:

> «И все-таки решающим объяснением «превращения» Набокова в газдановского Вольфа является то, что в последнем Газданов изображал не реального Набокова и даже не его творчество, а свое изменившееся после 1940-х годов восприятие набоковского и вообще экзистенциального (в том числе и собственного) творчества.
> ….Смерть в этом рассказе Набокова, как и во многих других его произведениях (Приглашение на казнь), оказывается притягатель-

нее жизни; самоубийство же или исчезновение нередко изображаются как избавление (Истребление тиранов, Лик, Защита Лужина). Создавая образ Александра Вольфа, в душе которого главным является ощущение отложенной смерти, Газданов мог опираться именно на таких героев Набокова, наделенных сознанием бессмысленности обычного человеческого поведения перед лицом скорой смерти. .... Совсем неслучайно, что Вольф не только оказывается неспособен к самоубийству, но напротив, готов в случае необходимости лишить жизни другого человека. В этом образе Газданов показывает трагедию ницшеанского сверхчеловека». В убежденности героя в том, что «нет большего соблазна, чем соблазн заставить события идти так, как вы хотите, не останавливаясь для этого ни перед чем», «человекобожеские» мотивы звучат довольно Ясно: «В этих нескольких секундах насильственного прекращения чьей-то жизни заключалась идея невероятного, почти нечеловеческого могущества» Вглядываясь в появляющееся иногда в глазах Вольфа «страшное выражение», герой начинает понимать, что «этот человек был убийцей» и что все для него «бессильно перед этой минутной властью убийства». Между равнодушием ко всему, ощущением бессмысленности и смертности всего живого и поползновениями на власть над другими людьми, по Газданову, существует прямая связь: «Это было простым логическим выводом из той своеобразной философии, отрывки которой мне излагал Вольф...» В своем разоблачении «идеи сверхчеловека» Газданов опирался конечно же на самого Достоевского и возможно в какой то степени на его интерпретации в русской религиозно-философской критике. Противопоставление Достоевского, как мыслителя, знавшего соблазн «человекобожества», но раскрывшего «гибель человека» на этом пути, — Ницше, у которого «идея сверхчеловека» «убила человека», Газданов мог найти, например у Н. Бердяева.

...Призрак Александра Вольфа — это переоценка экзистенциального сознания, сделанная под знаком толстовского «правильного морального отношения автора к тому, что он пишет», о необходимости которого Газданов писал в своих статьях 1930-х годов. В то же время в какой-то степени это и попытка создания такого произведения, к которому упрек самого писателя в отношении литературы русского зарубежья: «...главное, что мы требуем от литературы в ее неевропейском, а русском понимании, из нее вынуто и делает ее неинтересной и бледной», — оказался бы неприменим. В этом романе безусловно присутствует утверждение, за отсутствие которого Газданов в 1936 году критиковал «молодую эмигрантскую литературу». «Призрак Александра Вольфа» (1947—48) и «Возвращение Будды» (1949

> —50) знаменуют перелом Газданова от атеистического экзистенциализма 1930-х годов к романам Пилигримы и Пробуждение, развивавшим эстетику Толстого, принципы «масонской словесности» и возможно, идеи Г. Марселя о «мудреце-возделывателе», «усилием непрестанной, кропотливой, педагогической воли» стремящегося повернуть совершенного «секулярного» человека к его сущностному ядру.
> …Отношения внутренней полемики возможно связывают Призрак Александра Вольфа с «Мифом о Сизифе» (1942). Если Камю в этом философском труде утверждал необходимость для «абсурдного человека» отвергнуть надежду, то Газданов в своем романе устами героя-рассказчика защищает необходимость ее сохранения. Камю оправдывает «любой выбор», «лишь бы он был внятно осознан». Газданов же в Призраке Вольфа разоблачает опасность такой позиции. Позже в эссе «Бунтующий человек» Камю сам указывал на слабое звено в своем «Мифе о Сизифе»: «Когда пытаешься извлечь из чувства абсурда правила действия, обнаруживаешь что благодаря этому чувству убийство воспринимается в лучшем случае равнодушно, и следовательно становится допустимым». В сущности в романе «Чума» в 1947 году, он приходит к осознанию той художественной интуиции, которая до него была реализовано в Призраке Вольфа. Трансформация атеистического экзистенциализма, которая отразилась в послевоенном творчестве французского писателя, была намечена еще в довоенных произведениях Газданова»

Эту тему о том, что скепсис и цинизм философии атеизма его раннего творчества сделал его безоружным перед лицом фашистской машины смерти — безоружным прежде всего морально, духовно — Альбер Камю впервые озвучит в «Письмах к немецкому другу», где публично отречется от философии скепсиса и заявит о своем возвращении в лоно Декартовой Метафизики Интеллекта.

Как мы можем видеть сходная метаморфоза происходила и в творчестве и философии Гайто Газданова еще в предвоенные годы, которая окончательно вошла в традиционное христианской русло русской философии уже после войны.

Главное, на чем я хочу заострить внимание читателей приводя эту «войну в «Числах» и «кровавую дуэль» Газданова и Набокова — так это на том факте, что шизоидная мысль Эгозащиты,

того что принято называть как смеется Честертон в «Еретиках» «искусством для искусства», рисующая абсолютную свободу сверхчеловека Ницше — абсолютно не свойственна для откровений русской классической литературы. И что творчество Набокова было аномальным явлением, а после «Лолиты», которая подобно цитируемому там маркизу Саду, развратила мир в педофилию, и вовсе позором русской литературы. и что не один Газданов это чувствовал, хотя он нашел самый меткий способ сказать об этой опасности мировой культуре.

Набоков ответил не так как отвечает на вызов рыцарь, потому что он никогда не был рыцарем. Он не стал вдаваться в философские дискуссии, хотя протест Газданова был именно философским протестом против «поля Эгосистемы» вообще, как всегда ведут борьбу со Злом рыцари Духа — выступая против общей болезни человечества, против всего поля Эгосистемы материальной энергии, в том числе, подчеркивает Кибальник и в своем собственном творчестве. О самом авторе он говорит там комплементарно, как о блестящей технике и «ритме» автора. Однако, Набоков попросту в ответ облил Газданова помоями, как он делал со всеми писателями русской литературы, которых не любил за их «левизну», за «социализм». Как он ненавидел «толстого Герцена», как он презирал Чернышевского, о мученичестве которого Герцен плакал горючими слезами, как он насмехался над Достоевским, и как он в своих «лекциях по русской литературе» объявляет все философское наследие Толстого — то самое что есть русская Реформация христианства — негодным, и только художественные книги Толстого значимыми (сам Толстой как известно думал как раз наоборот). Видимо, Наоков считал самым большим позором для человека — показать его в туалете, потому что в «даре» он рисует Чернышевского застигнутым в уборной молодой девушкой.

Газданова он изобразил в Лолите, и тоже в уборной, — русского эмигранта-таксиста «с примесью азиатского», который не смыл за собой в туалете. Вот как об этой «кровавой дуэли» пишет Кибальник.

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»:

> «Набоков поднял перчатку и написал убийственную криптопародию на Газданова в его самом известном романе «Лолита». Причем криптопародия помещена в самом начале романа, где описывается жизнь Гумберта Гумберта в Париже. Первая жена быстро охладевшего к ней Гумберта Валерия признается ему в том, что у нее есть любовник, которым оказывается шофер такси Максимович. Во-первых, Максимович оказывается не просто образованным, но весьма сведующим в литературе шофером. Газданов был, без всякого сомнения самым известным в литературе русского зарубежья водителем такси. Газданов был ученым прекрасно знавшим не только русскую литературу, но и западные, и в особенности французскую литературу. Во-вторых, возмущенный тем, что Максимович воспользовался в его квартире уборной, но не спустил воду, Гумберт склонен, однако, объяснять э о «ничем иным, как русской мещанской вежливостью (с примесью чего-то азиатского). Это снова может метить в Газданова, происходившего из небогатой, осетинской семьи. В-третьих, внешность этого второстепенного героя романа («низкорослый, но широкоплечий… казался вылитым из чугуна») представляет собой просто буквальное портретное изображение невысокого ростом Газданова, который как отмечал М. Слоним: «был мал ростом, широк в плечах, ладно скроен и силен, любил спорт и физические упражнения». Бахрах А. «Газданыч»: «был физически силен, весьма спортивен, в свое время был первоклассным пловцом и прекрасным гимнастом-любителем, каждое утро посвящал немало времени упраажнениям. Часто показывал приятелям гимнастические трюки, особенно излюбленное им хождение вниз головой на руках»
>
> В-четвертых, новоиспеченная чета Максимовичей становится затем, к вящему торжеству Гумберта, «объектами опыта, производившегося известным американским этнологом. Опыт имел целью установить расовые реакции на питание одними бананами и финиками при постоянном пребывании на четвереньках». Этот сюжетный элемент криптопародии, который представляется уж слишком бесцеремонной и беспощадной местью со стороны Набокова.
>
> В-пятых, высказанные литературные предпочтения (Жак-Кристоф Ромена Роллана) и фамилия шофера Максимович, производная от первой части псевдонима имени известного пролетарского писателя, приветствовавшего дебютный роман Газданова Вечер у Клэр — Максима Горькова.

> Излишне говорить о том, насколько характерны для Набокова криптопародийные эскапад. Зная о том, как он оошелся в своей реальной жизни, критике и произведениях с некоторыми современными ему русскими писателями, невозможно сомневаться в том, мог ли писатель позволить себе такую жестокую месть.. затем состоялась настоящая интертекстуальная дуэль, ничуть не менее кровавая чем у Достоевского с Тургеневым»

Впрочем, вряд ли можно сравнивать конфликты Тургенева с Толстым и Достоевским или конфликты Достоевского с Белинским и Тургеневым, поскольку все они оставались всегда гениями, которым было много что сказать о реальной жизни, о Мистерии Духа Европы в той тяжелой борьбе со Злом, что она упорно вела уже много веков. Вряд ли можно сравнивать с теми конфликтами что были у Набокова с Газдановым, Ивановым, Варшавским или же с «мерзкой четой Мережковских» по известному выражению В. Набокова Дмитрии Мережковским и его супруге поэтесса Зинаиде Гиппиус.

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»:

> «Высоко оценивая творчество Достоевского Г. В. Адамович в своих «Комментариях» «Вашингтон, 1965) откликом на выход которых является письмо Газданова, замечал: «...да простит милосердный Бог Набокова за «нашего отечественного Пинкертона с мистическим гарниром» и всех вообще, кто в этом страшном свидетельстве о человеке и человеческой участи в мире ничего не уловил и ничего не понял!» «Мистический гарнир нашего отечественного Пинкертона» — это характеристика языка Достоевского в романе Набокова «Отчаяние». ....В письме Г.В, Адамовичу от 1967 года Газданов писал: «Все это не мешает тому, что Достоевский — один из немногих гениев в литературе и что он понял то, что не поняли и не увидели другие. Но для меня лично он как то органически неприемлем. ...Нет, это конечно не отечественный «Пинкертон», — и в одной пятке Достоевского больше ума и понимания, чем во всех произведениях Набокова вместе взятых.
> ....Впрочем, для Пилигримов Преступление и Наказание — это претекст не первого порядка. Вообще, начиная с 1950-х годов Газданов освобождается от определенного влияния на него Достоевского и переходит в стан последователей Толстого: недаром в позднем

творчестве писателя Достоевский упоминается гораздо реже, чем в раннем. И Пилигримы и особенно Пробуждение написаны с явной ориентацией на толстовское «Воскресенье». Разумеется, для большинства романов Газданова произведения Достоевского являются не единственными претекстами. И тем не менее несомненно, что значительная часть творчества Газданова как своего рода внутренний диалог с Достоевским, и собственное художественное высказывание писателя строится как трансформация его сюжетных схем и словесных образов. Между прочим, это в числе прочего и обуславливает то обстоятельство, что картина мира, возникающая в произведениях Газданова, оказывается близка к экзистенциальной»

2. ГЕНРИХ МАНН О НАСТОЯЩЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТИ В ОСНОВЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ШИЗОИДНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Нация, у которой есть такие мыслители и такие рыцари духа, как Генрих и Томас Манн, Карл Ясперс, как Эрих Мария Ремарк, чьи книги Третий Рейх публично жег на площади — эта нация преодолеет шизоидность своей культуры. Ибо и немцы тоже имели свое собственное откровение и свое собственное чудо в Мистерии Духа Европы и мы все знаем это откровение в бессмертных произведениях Моцарта, Баха, Бетховена, Шуберта, Гайдна, Шумана, Брамса. (Но не Вагнера, которого даже Ницше не захотел ставить в один ряд с Бетховеным, сказав о нем всю правду в «Казус Вагнере», как об актере, чья музыка «лишена совести» по слову Ницше и Римского-Корсакова).

Честность, потребность в правде, которая проявляется прежде всего в радикальной самокритичности — это всегда главное проявление энергии духа в человеке. И в этом смысле самокритичность немецкой интеллигенции, искавшей спасения от Третьего Рейха Гитлера в эмиграции также показательна как самокритичность советских диссидентов времен страны советов. И конечно, чем более честна такая критика в адрес низкого уровня культуры или развращённого правительства, тем более высоко следует оценивать потенциал нации в будущем, посколь-

ку в этой честности и глубине инсайта проявляется гений интеллигенции народа. Впрочем, будущее сотрет и последние границы между нациями, в этом не может быть никаких сомнений.

Так, честность братьев Манн или знаменитых романов Ремарка делает честь немецкой интеллигенции времен фашистского Третьего Рейха. Генрих Манн противопоставляет в сборнике статей «Обзор Века» настоящую интеллигентность французской и русской литературы, которая выражает единство культуры и истинного духа народа, и о шизоидности (он говорит другими словами) немецкой культуры, где правительство и культурные вожди очень далеки от народа, и где для демократии никогда не было настоящих предпосылок, как он их обнаруживает в литературе Франции и России, подчеркивая впрочем гений великих людей немецкой интеллигенции. Но как гений, выращенный «на живом перегное нации», то есть не для народа, а вопреки народу.

Генрих Манн,» Обзор Века, статья Дух и Деяние»:

> «Из всех кто когда-либо писал самый большой и прочный успех выпал на долю Руссо. Его идеалистические романы нашли своего читателя, это был его подлинный герой — народ. Этот народ не совершал революцию пока только голодал, он совершил ее когда узнал, что на свете есть справедливость и правда. Узнали об этом и его соседи, только они не перешли к действию, хотя голодали не меньше. Вера французов в силу духа воодушевила их, и мечты писателя стали реальностью. Дворянство сошло со сцены, а на бескрайних просторах десятки тысяч федератов поклялись друг другу в любви. Крестьяне сказали друг другу что революция принадлежит не Франции, а всему человечеству, и посланцы всех народов пришли воздать должное французской нации и по братски протянуть ей руку помощи. Это мгновение, стоявшее так много крови озарило сказочным сияние грядущие века и по сей день согревает людей. С тех пор у людей только одна задача: осуществить все то, что предвосхитило это мгновение, вновь вернуть его. У истории теперь лишь один смысл — этот великий час должен быть увековечен, мир должен стать воплощением духа, окрылявшего поколение того года. Все что противоречит или сдерживает, любой триумф несправедливости бессилен против величия духа, вспыхнувшего в те времена. Должен был родиться народ, способный воевать за разум, воплощенный Ratio Militans.

Писателям Франции, от Руссо до Золя, было легко выступать против государственной власти: за ними стоял народ. Народ с прекрасным литературным чувством, скептически настроенный по отношению к власти, народ, у которого кровь закипала в жилах, как только разум ему доказывал, что эта власть должна быть ниспровергнута. ... Так возникла Европа. Всю страстность южного темперамента они обратили на сферу духа. Дух здесь вовсе не эфирный призрак, как у нас, витающий где то в небесах, пока жизнь убого ковыляет по грешной земле. Дух здесь сама жизнь, он творит жизнь, не боясь ее сократить. В конце концов, справедливость может быть в ущерб жизни, а правда привести к пропасти. Они, эти французы, не спрашивали куда их может завести мечта поэта о рациональном государстве, сомнительный плод фантазии больного. Они действовали согласно с его словом, ведь они прозрели через него, они узнали все: вину, победу, расплату — и остались бедными человеческими существами, как и все остальные. Но теперь они ближе к просветлению, чем другие, ибо имели мужество увлечься. В целом они добились для нации равенства в правах, и морального подъема. «Французские солдаты могут пользоваться своим разумом, — говорил Наполеон, — Поэтому они мягкий воск в руках того, кто имеет доступ к их разуму. И тем не менее, они самые бесстрашные во всем мире. Идейным вождям Франции, от Руссо до Золя, было легко, у них были солдаты.

В Германии им было бы труднее. Здесь им пришлось бы иметь дело с народом, который хочет жить, не спрашивая о том, как он живет. Никто не видел, чтобы здесь, где так много размышляли, энергия нации когда-либо была сосредоточена для претворения в жизнь откровений духа. Никого не увлекала мысль устранить несправедливую систему насилия. Широтой мысли они превосходили всех, подымались до вершин чистого разума, додумывались до небытия — в стране же царил произвол и кулачное право.

Здесь цепляются за ложь и несправедливость, как будто чувствуют за правдой зияющую пропасть. Неверие в разум — это неверие в человека, недостаточная уверенность в самом себе. Каждый в отдельности предпочитает быть подданным и слугой, где же ему верить в демократию, в народовластие! Пусть богопомазанные, испытанные владыки иногда шокируют своей неотесанностью высокообразованную нацию: с ними все же гораздо надежнее, безопаснее, чем с теми, кем руководит лишь разум.

Нигде классы в такой мере не разделены снежными вершинами отчужденности. Здесь не любят друг друга, не любят людей. Монархия, государство господ — это организация человеконенавистничества

и его школа. Масса маленьких людей, в жилах которых течет, как и всюду, более теплая кровь, обречена на неосуществимые мечтания, она не способна сплотиться в единую братскую семью, что делает народ великим. Здесь нет великого народа, здесь лишь великие люди.

Его великие люди! Было ли когда-либо подсчитано, чего они уже стоили этому народу? Сколько таланта, решимости и благородства задавлено, сколько вызвано к жизни покорности, зависти и самоуничижения и как много упущено за сто лет в отношении уравнивания, то есть морального подъема нации в целом, — и вес ради того, чтобы раз в десятки лет появилось чудо человеческого совершенства, взращенное на самоотречении целых поколений и расцветшее подобно махровому чудо-цветку на живом перегное нации.

И менее всего позволительны такой обман и такая трусость человеку духа, писателю, а именно он освятил и распространил этот обман. Его назначение — дать определение действительности, и кристально ясное совершенное слово обязывает его презирать тупую, нечистую власть. Силой духа на него возложено нести достоинство человека. Всю свою жизнь он жертвует выгодой ради правды. Он проникает в сущность явлений, ему дано увидеть великое малым и в малом человечески великое, поэтому равенство становится для него решающим требованием разума. Но именно писатель в течение десятилетий занимается в Германии тем, что приукрашивает неразумное, софистически оправдывает все несправедливое и выступает в пользу своего заклятого врага — власти. Какая странная болезнь довела его до этого? Чем объяснить этого Ницше, который освятил своим гением этот человеческий тип, и всех тех, кто последовал за ним? Неужели тем, что это время и эта страна не видели ничего, кроме ошеломляющего успеха власти?

Этим ренегатам от литературы можно найти много оправданий, начиная трагическим честолюбием и кончая жалким тщеславием, глупой манией быть чем-то особенным и паническим ужасом перед одиночеством или отвращением к нигилизму. Пожалуй, главное их оправдание в том, что невероятно выросло расстояние, которое после столь длительного периода бездействия отделяет носителей духа в Германии от народа. Но что сделали они, чтобы сократить его? Жизнь народа была для них лишь символом их собственных возвышенных переживаний. Они отводили окружающему миру роль статиста, никогда их прекрасные страсти не имели ничего общего с той схваткой, которая шла внизу, они не знали демократии и презирают ее. Они презирают парламентский режим еще до того, как он установлен, а общественное мнение еще до того, как оно признано. Они

> держат себя так, как будто для них пройденный этап все то, за что другие проливали свою кровь. Они являют на своем лице пресыщение, хотя никогда не боролись и не наслаждались. Господство народа, господство разума должно было бы быть и их господством. Они могли бы принести этому народу счастье, если бы показали ему его подлинную сущность, тогда народ больше уважал бы себя и жил более полнокровной жизнью. Не только время, но и честь требует от писателя, чтобы он и в этой стране обеспечил наконец выполнение всех велений разума, чтобы он стал агитатором, вступил в союз с народом против власти, чтобы он всю силу слова отдал борьбе народа, которая есть и борьба разума. Он не должен превращать свою избранность в культ собственной личности. Свойственная немцам переоценка исключительного с каждым днем все больше обращается против разума и правды: эта избранность должна состоять в умении соблюсти меру и служить образцом. Ибо тип интеллигентного человека должен стать преобладающим в народе, который сегодня еще хочет подняться на высшую ступень. Пусть гений станет братом последнего репортера, чтобы пресса и общественное мнение, как наиболее популярные проявления человеческого духа, возобладали над соображениями корысти и пользы и достигли определенной идейной высоты. В поклоннике палки и авторитета надо видеть врага. Интеллигент, пристроившийся к касте господ, предает разум, ибо разум не признает ничего неподвижного и не дает никаких привилегий. Он разрушает устои, он несет равенство; по обломкам сотен оплотов насилия устремляется он навстречу последним свершениям правды и справедливости, их воплощению, даже если это грозит смертью»

Генрих Манн в статье «Интеллектуальность» выражает мнение Дмитрия Мережковского, который тоже всегда писал о религиозных корнях русской революции, и о том, что эти религиозные корни были выражены в русской литературе, и через нее подняли народ на великий переворот. Как и Генрих Манн, Мережковский отказывается признавать марксизм-ленинизм истинным базисом революции в России, и предсказывает, что атеизм поверхностное явление, что когда переворот в России завершится — это уже будет осознанный бунт духовной энергии против террора самодержавия и православия. Ибо вслед за Толстым Мережковский несет России Реформацию Христианства, отрицает православие, как Антихриста предавшего на-

род самодержавному царизму, и пророчит Третий Завет — Завет Духа (после Заветов Отца и Сына). Надо полагать, что он также как Ренан, Лессинг, Ромен Роллан, Жорж Санд, Спиноза говорит о следующем этапе откровения, где слово божье будет уже дано научным языком. По крайней мере, он заостряет свою мысль на том факте, что «человечество выросло из христианства как младенец из пеленок», и что Третий Завет абсолютно неизежен.

А вот что говорит Генрих Манн о русской литературе в основании Русской Революции:

Генрих Манн, Обзор Века, статья Интеллектуальность:

> «Русская литература 19 века — явление настолько невероятное и поучительное, что мы привыкшие к распаду и упадничеству, с трудом можем поверить, что сами при этом присутствовали.
> Но как читали Достоевского, Толстого,
> Их читали с трепетом. Их читали глазами, ширящимися, чтобы охватить множество образов, как обилие знаний, — и в благодарность текли слезы. От Пушкина и до Горького эти романы — звенья единой цепи — учили глубокому знанию человека: как слаб, страшен и несостоятелен он бывает — и воспринимались как учение.
> Целый народ, целое «общество», все его социальные слои учились на этом 0 и не напрасно. Если хотя бы один единственный раз заговорила при этом совесть несправедливого человека, если следующий раз, может быть при чтении той же страницы, разрывался, охваченный гневом, угнетенный — ничто не пропало даром, ничто не было наперсным. И книги объединяли всех.
> О доброй воле всякого национального коллектива по отношению к заботам человечества говорит его отношение к литературе. Природа человека и его положение вызывают у людей тем большее сочувствие, чем серьезнее они относятся к литературе. Случается, что литературу оставляют на долю менее уважаемых или национально менее надежных членов коллектива. Может случится что собственная большая литература пользуется у народа уважением лишь по традиции. (И то и другое произошло в Германии в том же самом веке, когда русская литература стала важнейшим делом всего национального коллектива). В таком случае можно поручиться что не все благополучно с перспективами счастья для человечества — и с самим народом.
> Революция, истинная и затрагивающая основы бытия, не является в конечном счете восстанием одних против других. В сущности, она

требует — и получает его — согласия всех. К ней стремятся и привилегированные, готовые пожертвовать своими противоестественными преимуществами, и обделенные, которым предстоит еще вытерпеть новые страдания, прежде чем им заблещет свобода или ее отражение. Французские феодалы 18 века были первыми и наиболее ярыми адептами гуманизма в энциклопедиях и романах до того, как они стали его «жертвами», но они открыли ему навстречу свой дух.

Русские аристократы даже сами писали романы.

Когда необъятный Толстой писал Анну Каренину, ему еще не было известно, что исследованное им таким образом общество уже недолговечно. Дойдя до своего последнего романа « Воскресенье» он возжаждал пережить результаты своих исследований. Он захотел для себя мученичества, для всех же остальных — голой правды.

Русская литература -это революция, запечатленная в книгах, — навечно вошла в конце прошлого века в мир и в сознание западной интеллигенции. Я вспоминаю, как совершенно независимо от всего воспринималась Крейцерова соната Толстого — как заповедь целомудрия, понятая буквально во всей своей святости спустя тысячелетия. Нас коснулось что то совсем незнакомое и самые стойкие среди неверующих, пытавшиеся скептически улыбаться, были поражены. Действенная мораль (только что казалось бы Ницше освободил нас даже от ее бессильных остатков) неожиданно захватила нас. Она произвела сенсацию, дойдя до равнодушных, ничего не читающих. Крейцерова соната — это чудо века.

Духовно наиболее честные скоро поняли, что требование целомудрия составляет лишь часть целого. Речь шла о чистоте вообще, о жизни, определяемой требованиями нравственности, о правде, правде! — неважно, что потом, больше ничего и не нужно. В то же время прозвучал другой сигнал такой же требовательности и не меньшей силы — дело Дрейфуса. Различие между ними было не духовное, а социологическое.

Французская интеллигенция в своей решающей борьбе за правду оказалась одинокой (несмотря на тот факт, что совесть многих была разбужена), осужденной со всех сторон ненавистью при всей взбудораженности западного мира.

Русские, их замечательные романисты, были в лучшем положении — если считать что безмерные страдания, страдания в обстановке «Мертвого дома» — от всеобщей и собственной в том числе — неправедности, что страдания причиненные одной правдой, которая требовала своего претворения в жизнь — когда либо кому либо доставляли удовольствие. Но зато отныне они жили глубоко почитаемые, в душах безграничного числа читателей, для которых они явля-

лись подтверждением того, что познание истины, нравственная воля могут побеждать, и успех необязательно всегда на стороне низменной ловкости и корысти.

Октябрьская революция, как всякая настоящая радикальная революция, явилась осуществлением вековой литературы. Это оценка всей интеллигенции нашего культурного круга, в центре которого Советский Союз. Если же Советский Союз против ожидания пришел бы к самоотрицанию....

Но это невозможно» при первой же уступке он упразднил бы сам себя. Он без единого слова зачеркнул бы великую славу народа: она зиждется на его литературе. Он потерял бы — но кто знает это лучше его самого! — все интеллектуальные симпатии, которые в реальной действительности есть не что иное, как завершенная мировая революция. ЕЕ нельзя будет снова начать, она не нуждается ни в военных завоеваниях,, ни в коммунистической пропаганде, ни в искусственном выращивании партий (никогда не близких полностью). Питательная почва мировой революции — все люди без исключения, люди мыслящие и уважающие себя.

Частичные успехи революции! Считается что за пределами ее родины, революцию скорее терпят, чем принимают, скорее сдержанно приветствуют, чем горячо мечтают осуществить у себя. Но и ожидаемые частичные успехи носят вначале духовно-нравственный характер, лишь впоследствии они достигают максимально возможного осуществления при данных обстоятельствах и данных людях. Понабилось бы много Октябрей и чтобы один тип людей за другим раскрыл свою духовную сущность.

Понятие духовного человека, интеллигента, или «сына духа» охватывает все человечество. Интеллектуальным может быть и крестьянин. В русских избах, зимними вечерами при сальных коптилках, лет шестьдесят назад один крестьянин читал другому — и так в тысячах изб, тысячу вечеров, и обычно это был лишь один самостоятельно научившийся читать. Он читал например народные рассказы графа Льва Толстого, важного барина, который писал однако о том, о чем следует прочесть крестьянину. Крестьянин читал «Сколько человеку земли надо?» Притча такой силы, такой неуемности, какую мог бы придумать Иисус Христос — о тщете собственности и человеческой жизни, потерянной ради нее.

И таких притч было много, если только народ способен сочинить их и прислушиваться к ним — это ведет к революции. Она уже существовала до того, как разразилась.

Это — исток. Западные интеллигенты, увидевшие ее, склонились перед ней. Истоки ее остались им чужды. Другие отклоняли ее,

> не поняв. Я мог бы рассказать что именно постепенно убедило их: глубокая, изначальная интеллектуальность революции. В таком же положении как мы шестьдесят лет назад были крестьяне в избах при сальных коптилках, когда они слушали чтение».

Ромен Роллан и Альбер Камю также видят в основе русской революции русскую литературу, а Камю четко отделяет гегельянский коммунизм марксистов-латинистов от движения русского анархизма Белинского, Герцена, Кропоткина, Бакунина.

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»:

> «Так что же нам делать?» — первая веха на трудном пути Толстого, когда, отвергнув относительный покой религиозных исканий, он ринулся в общественные схватки. С тех пор началась та двадцатилетняя война против лжи и преступлений цивилизации, которую вел во имя евангелия старец-пророк из Ясной Поляны, вел в одиночку, оставаясь вне партий и все их осуждая. Впервые он столкнулся так близко с нищетой больших городов. Впечатление было ужасающим. Вечером того дня, когда он впервые лично обнаружил эту скрытую язву цивилизации, он рассказывал своему другу обо всем виденном и при этом начал «кричать, плакать, потрясать кулаками». Он начинает с того, что с фотографической точностью описывает нищету, которую наблюдал в Москве, посещая кварталы, где ютятся бедняки, и ночлежные дома. И видит, что заблуждался раньше, что не деньгами можно спасти этих несчастных, на которых лежит каинова печать больших городов. Тогда он смело принимается за поиски источников зла. И звено за звеном разворачивается перед ним ужасающая цепь виновности. Сначала богачи и проклятая зараза их роскоши, которая привлекает и развращает. Всеобщий соблазн праздной жизни. И, наконец, государство, — эта все убивающая ма шина, придуманная насильниками, чтобы грабить и порабощать человечество. Церковь — его союзница; наука и искусство — соучастники... Как бороться со всеми этими полчищами зла? Прежде всего отказываясь присоединиться к ним. Отказываясь принимать участие в эксплуатации людей. Отказываясь от денег и земельной собственности, ни в чем не помогая этому государству. Но это еще не все, на до «не лгать», не бояться правды». Так евангелист из Ясной Поляны, противник насилия, сам того не зная, предсказал коммунистическую революцию: «Я и думаю, что революция 1905 года, имеющая целью освобождение людей от насилия, должна начаться и начинается уже теперь именно в России». Неутомимый борец против лжи, он продолжает неутомимо травить все религиозные и общественные предрассудки,

все суеверия и фетиши. Он разоблачает не только вред старых официальных устоев церкви-гонительницы и царского самодержавия. Теперь, когда все, кому не лень, бросают в них камень, он становится даже несколько спокойнее в этом смысле. Ему кажется, что все знают им цену и по тому церковь и самодержавие уже не столь опасны. Ведь они делают то, что им положено, и никто не обманывается на их счет. Письмо Толстого царю Николаю II, беспощадное в отношении монарха, кото рому он высказывает всю правду, полно снисхождения к нему как к человеку»

А. Камю, «Бунтующий человек»:

«Но ничто не может подавить стремление к божественному в сердце человека.

….Весьма показательна в этом отношении эволюция Белинского, одного из самых знаменитых и влиятельных русских мыслителей 30-40-х годов. Живший дотоле довольно смутными понятиями либерального идеализма, Белинский внезапно открывает для себя Гегеля. Впечатление было ошеломляющим…«Не существует ни случая, ни произвола: я прощаюсь с французами». В одну ночь он становится консерватором и поборником социального квиетизма, без колебаний пишет об этом, храбро защищая свою позицию в том виде, в каком она ему представляется. Но вскоре до этого человека щедрой души доходит, что он таким образом оказался на стороне несправедливости — а ее он ненавидит больше всего на свете. Если все логично, то все оправдано. Остается только сказать «да» кнуту, крепостному праву и Сибири. Принять мир таким, как он есть, со всеми его страданиями, на какой-то миг показалось ему признаком величия духа, ибо он думал лишь о собственных страданиях и метаниях. Но у него не хватило духу смириться со страданиями других. И он поворачивает вспять.

Одинокий протест Белинского, на мгновение умиротворенного идеей, что все на свете поддается оправданию, вспыхивает с новой силой. Он в самых резких выражениях обращается непосредственно к Гегелю: «Со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести вам, что, если бы мне и удалось лезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории… Я не хочу счастия и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братии по крови…"….«Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон («Каин») «*. Примечательно, что здесь одна за другой перечислены все темы метафизического бунта. Разумеет-

ся, заимствованная из Франции традиция индивидуалистического социализма все еще жила в России. Сен-Симона и Фурье читали в 30-е годы, а Прудон, открытый в 40-е, вдохновлял великого мыслителя Герцена, а позднее — Петра Лаврова. Но эта мысль, не терявшая связи с этическими ценностями, в конце концов потерпела поражение в великой схватке с иным, циническим направлением, хотя ее поражение и было временным…. Впрочем, под конец жизни — он умер в 1848 г. — его взгляды были весьма близки взглядам Герцена. ….Ничто в личности Бакунина не предрасполагало его к этой философии цепного пса. Возможно также, что его поездка в Германию и нелестное впечатление, сложившееся у него о немцах, не очень-то помогли ему согласиться с мнением старика Гегеля, считавшего прусское государство чуть ли не единственным хранителем замыслов духа. Бакунин, несмотря на свои вселенские амбиции, ни в коем случае не мог бы подписаться под гегелевским восхвалением Пруссии, основанным на довольно хрупкой логике: «Воля других народов не должна приниматься во внимание, поскольку народ, наделенный этой волей, главенствует над миром». С другой стороны, в 40-е годы Бакунин знакомится с французским социализмом и анархизмом и становится проповедником некоторых тенденций, свойственных этим учениям. Как бы там ни было, он резко порывает с немецкой идеологией

…Итак, здесь, в конце пути, пройденного нигилизмом, у самого подножия виселицы, возрождаются прежние ценности. Они — отражение, на сей раз историческое, той формулы, которую мы вывели, завершая анализ мятежного духа: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Суть этих ценностей — в лишениях и одновременно в ослепительной уверенности. Именно она предсмертным отблеском озарила лицо Доры Бриллиант при мысли о тех, кто отдал жизнь во имя нерушимой дружбы; она толкнула Сазонова к самоубийству на каторге в знак протеста против нарушения прав его собратьев; она снизошла и до Нечаева, когда он ответил пощечиной жандармскому генералу, который склонял его к доносу на товарищей. Наделенные этой уверенностью террористы утверждали братство людей и в то же время ставили себя над этим братством, в последний раз в истории доказывая что истинный бунт — это источник духовных ценностей».

3. Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ О РЕЛИГИОЗНЫХ ОСНОВАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ — КАК ВОЖДИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Д. С. Мережковский «Пророк Русской Революции Достоевский»:

> «Но может быть оба зверя борются только до тех пор, пока не соединятся для борьбы с общим врагом — с Агнцем. Тогда то снова в Третьем Риме, как некогда в Первом, «произойдет столкновение двух самых противоположных идей, которые когда-либо существовали на земле», — ЧеловекБог встретит БогоЧеловека, Антихрист — Христа.
>
> Достоевский вложил этот меч в наши руки. Сам он только и делал всю жизнь, что выковывал и оттачивал его, но не поднял в бою, по тому ли что не успел, или не наступил еще срок для последнего боя. Во всяком случае одна черта отделяет сознание Достоевского от нашего религиозного сознания — борьбы с Грядущим Зверем под ли чиной Господа Грядущего — в апокалипсических чаяниях и ужасах русского народа о самодержавии. В его последнем величайшем и наиболее синтетическом произведении, в «Братьях Карамазовых»,, дана уже почти совершенная фор мула этого сознания; уже почти вскрывается неразрешимое противоречие между Церковью и Государством, как между абсолютною истиной и абсолютною ложью, Царством Божьим и Царством дьявола.. О смешении этих двух царств говорит недаром в первых же главах романа не кто иной как Иван Карамазов, ученик Великого Инквизитора, старцу Зосиме, ученику или учителю самого Достоевского. «Церковь должна заключать в себе все государство, в не занимать в нем лишь некоторый угол, и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества.... Таким образом не церковь должна искать себе места в государстве, а напротив всякое земное государство должно впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным как церковью». Ученый монах, о. Паисий, обостряет и доводит до конца эти мысли Ивана Карамазова: «Не церковь обращается в государство. То Рим и его мечта. То третье дьяволово искушение. А напротив государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, — что совершенно противоположно Риму...» «Церковь есть воистину царство и определена царствовать и в конце концов должна явиться как

царство, на всей земле несомненно, на что имеем обетование...» И старец Зосима подтверждает: «Общество христианское пребывает незыблемо в ожидании своего полного преображения из общества, как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено свершиться» И если Иван Карамазов допускает «необходимый еще в наше грешное и не завершившееся время компромисс», то старец Зосима возражает: «Церковь с Государством сочетаться даже и в компромисс временный не может. Тут нельзя уже в сделки вступать». Только этою непримиримостью меч Христов и заостряется до последней остроты для последней битвы со Зверем. Заострение этого серпа и есть теократическое сознание. Борьба между государством и церковью — борьба на жизнь и смерть. Всему, чему государство говорит абсолютное «да», церковь говорит абсолютное «нет». Как невозможен переход абсолютной лжи в абсолютную истину, дьявола — в Бога, так невозможен и переход Государства в Церковь. Возможен только переход общества в Церковь, и этот переход, естественная эволюция, действительно совершается во всемирно-историческом процессе. Теократическое сознание вскрывает неразрешимое противоречие между Государством и Церковью и постепенный переход эволюции становится революцией, история — апокалипсисом, самой разрушительной и убийственной для государства революцией. Религиозная революция — предельная и окончательная, ниспровергающая всякую человеческую власть, всякое государство в его последнем метафизическом основании. Это тот малый камень, пущенный из пращи Божьей, который разбивает глиняные ноги Истукана в видениях пророка Даниила. Это — та малая искра, которая взрывает пороховой погреб, так что не остается камня на камне. «Огонь пришел Я низвесть на землю и как томлюсь, чтоб он возгорелся» Будучи внутри себя величайшим порядком, властью, теократия будет казаться величайшим бунтом

.....«Социалист-христианин страшнее социалиста-без божника». Слова эти и тогда меня поразили, но теперь у вас госпо да, они мне както припомнились. — То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? — прямо и без обиняков спросил отец Паисий». Вопрос этот остается без ответа, а между тем это самый важный все решающий вопрос для религиозно-общественных идей Достоевско го. Ответ, впрочем, для нас теперь уже ясен: конечно, старец Зосима, отец Паисий, Иван Карамазов, и сам Достоевский, с точки зрения не только французских и русских сыщиков, но и тех кого эти сыщики преследуют, — опаснейшие бунтовщики, революционеры и анархи-

сты. Красные знамена политических восстаний бледнеют перед этим невиданным ультрапурпуровым цветом религиозной революции. Такова последняя сущность общественных идей Достоевского, которую проглядели одинаково как русские реакционеры, так и русские революционеры».

Д. С. Мережковский «Пророк русской революции»:

«но отсутствие религиозной идеи в русской революции свидетельствует именно только о том, что ее настоящий фазис очень ранний. Как ни огромен поднявшийся вал, он все еще не возмутил послед них глубин стихии народной. Как ни страшна буря над землею, она лишь слабый отзвук того, что происходит под землею: это одна из тех бурь которые предшествуют землетрясениям. Впрочем и теперь уже русская революция бессознательная религия, как и всякий великий переворот общественный, потому что во вся кой религиозной общественности скрыто начало соборности, и при том соборности вселенской — „мечта всемирного объединения человечества“ в какой-нибудь последней всечеловеческой истине, то есть начало бессознательно-религиозное. В этом смысле душа русской революции — социал-демократия, уже и теперь соборно-вселенская и следовательно, бессознательно религиозная. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ — этот призывный клич, напоминающий крик журавлей, нигде еще не раздавался с такой недосягаемо-далекой и торжественно-грозною, словно апокалипсическою, надеждою или угрозою, как именно в русской революции».

Д. С. Мережковский, «Предисловие к одной книге»:

«В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божиим. Дьявол украл у нас имя Божие. Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, «они летят на смерть, как пчелы на мед». Русская революция — не только политика, но и религия — вот. что всего труднее понять Европе, для которой и сама религия давно уже политика. Вы судите по себе: вам кажется, что мы переживаем естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; пусть же перебесимся — все равно, выше головы не прыгнем, кончим тем же, чем вы, остепенимся, протянем ножки по одежке, взнуздаемся парламентским намордником, откажемся

от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся вместо града Божиего, старенькой конституционной лавочкой, буржуазно-демократической серединкой на половинке; — так было везде, так будет и у нас. Пожалуй, и действительно было бы так, если бы мы были не наизнанку, если бы не наша трансцендентность, заставляющая нас разбивать голову об стену, лететь «пятами вверх». Во всяком случае, на конституционной монархии мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотела, русская монархия дать конституцию.

Для царя православного отречься от самодержавия значит отречься от православия. Но когда все исторические формы нашей государственности и церковности будут низвергнуты, тогда в политическом и религиозном сознании народа зазияет такая пустота, которую не наполнят никакие существующие формы европейской государственности — не только конституционная монархия, но и буржуазно-демократическая республика. Для того чтобы тысячелетние громады окончательно рухнули, нужно такое землетрясение, что все старые парламентские лавочки попадают, как карточные домики. Ни на одной из них русская революция не остановится. Но тогда на чем? и что же далее? Далее — прыжок в неизвестное, в трансцендентное, полет «пятами вверх». Русская революция так же абсолютна, как отрицаемое ею самодержавие. Ее сознательный эмпирический предел — социализм; бессознательный, мистический — безгосударственная религиозная общественность.

Еще Бакунин предчувствовал, что окончательная революция будет не народной, а всемирной. Русская революция — всемирная. Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас. Истинное безвластие есть боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкою. Мы обращаемся не к буржуазному европейскому обществу, а лишь к отдельным личностям высшей всемирной культуры, к тем, для кого уже и теперь, по слову Ницше, «государство самое холодное из чудовищ». Такие одинокие, слишком ранние анархисты, как Бакунин, Толстой, — горные вершины, озаряемые первыми лучами дня; а внизу, где еще темная ночь, — бесчисленные неведомые братья наши, всемирный рабочий народ, великое воинство грядущей всемирной революции. Мы верим, что рано или поздно дойдет и до них громовой голос русской революции, в котором зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая страшный суд и воскресение мертвых».

Д. С. Мережковский «Революция и Религия»:

«Имеет ли русская революция религиозный смысл? Для Европы и для самих русских пока заслоняется в ней все остальное великим смыслом общественным. Что это переворот не только политический, как все доныне бывшие европейские революции, но и социально-экономический, следовательно, небывалый в истории, уже и теперь, кажется, явно для всех. Именно в этом социальном значении своем русская революция есть продолжение и, может быть, конец того, что начали и не кончили революции европейские Во всяком случае, этим грозным девятым валом уносится Россия от всех берегов исторических; этим небывалым пожаром охвачено государственное строение, величайшее не только в пространстве, но и во времени. Русское самодержавие уходит корнями своими через Византию, Второй Рим христианский, в Первый Рим языческий и еще далее, в глубину веков, в монархии Востока. Рушится здание тысячелетней древности, тысячелетней крепости, твердыня, которая служила оплотом всех реакций и о которую разбивались все революции. Последняя, глубочайшая основа этой твердыни, — не только социально-политическая, но и религиозная. низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный. Для того чтобы понять этот смысл, следует рассматривать русскую революцию, как одно из действий и, может быть, именно последнее действие трагедии всемирного освобождения; тогда пер вое действие той же трагедии — Великая французская революция.

….Безмолвное недоумение Шлиссельбургского узника Новикова, младенческий лепет декабристов-мистиков, тихая молитва сумасшедшего Чаадаева, громкий смех Гоголя, неистовый вопль бесноватого или пророка Достоевского, подземный ропот слепого титана Л. Толстого, глас вопиющего в пустыне Вл. Соловьева — все они твердят одно и то же: да приидет Царствие Твое. У всех бессознательная стихия религиозная соединяется со стихией революционною. Но религиозное сознание и революционное действие соединились только на один миг, в одной точке обоих движений, в декабристах, и тотчас опять разошлись. Русская революция совершается помимо или против русского религиозного сознания; и это сознание развивается по мимо или против русской революции. Революция без религии или религия без революции; свобода без Бога или Бог без свободы. Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой, нам пред стоит раскрыть единую мысль в обоих движениях; это — мысль о Церкви как Царстве Божием на земле: Да приидет Царствие Твое».

Никто лучше Уэллса не сказал о том, что марксизм-ленинизм, будучи «чисто нацистским учением разлива 1933–

1938 годов», в конечном итоге служил только тому, чтобы скомпрометировать идею «западного коллективизма», или иначе идею Града Божьего, о которой западный мир говорит со времен Августина Блаженного и отцов христианской церкви.

Г. Уэллс, Новый Мировой Порядок (Будущее нашего мира, Москва, 2021):

> «Даже для 1848 года это не интеллектуальный социальный анализ. Просто прочтите Коммунистический Манифест и подумайте, кто мог бы разделить эту ненависть или даже полностью взять на вооружение, если бы Маркс не был сыном раввина. Поставьте „евреи“ вместо буржуазии, и Манифест предстанет чисто нацистским учением разлива 1933–1938 годов....на пути социалистического продвижения к коллективизации и к научному поиску облика компетентной руководящей организации мировыми делами вклинивается неуклюжая инициатива марксизма с его догмой классовой войны, которая сделала больше для искажения и стерилизации человеческой доброй воли, чем любое другое неправильное представление о реальности, когда-либо сводившее на нет человеческие усилия. Он изобрел и противопоставил два фантома. Одним из них был Капиталистический строй, другим — Пролетарский. На земле никогда не было ничего, что можно было бы по праву назвать Капиталистической СИСТЕМОЙ. В мире со всей очевидностью наблюдалось полное отсутствие системы. Социалисты видели свой путь в том, чтобы открыть и утвердить мировую систему. В реальности пролетарии были так же бесконечно разнообразны, как и люди на вершине жизни; в реальности, но не в сознании коммунистического провидца. Там они быстро консолидировались. Так началась великая пропаганда классовой войны с чудовищными передергиваниями очевидных фактов. Коллективизацию не придется организовывать: она возникнет волшебным образом, когда инкуб Капитализма и эти раздражающие нас преуспевшие люди будут отторгнуты от великой пролетарской души».

ГЛАВА 4. ХРИСТИАНСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И РУССКАЯ РЕФОРМАЦИЯ ЦЕРКВИ: МЕРЕЖКОВСКИЙ, ТОЛСТОЙ, ДОСТОЕВСКИЙ, ГАЗДАНОВ

1. ПРОБЛЕМА РАЗДВОЕННОСТИ В ХРИСТИАНСКОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ: НАЙТИ СВОЕ ИСТИННОЕ Я.

Исследователи творчества Газданова пишут о одной из постоянных тем его произведений — о проблеме раздвоенности, которую он ощущает в себе — как о чем то настолько оригинальном, что чуть ли не уникальной черте его творчества. Возможно, он просто сумел поставить акцент на теме раздвоенности сознания человека с глубокой рефлексией, — это похоже на правду. Но сама тема не только не оригинальна, и тем более не уникальна, поскольку напротив составляет постоянный мотив творчества всех великих писателей, рефлексирующих на тему пробудившегося сознания, или пользуясь современной терминологией — на тему философии экзистенциализма.

Тема эта на сегодняшний день уже даже не тема чисто философская или литературная, а тема самого серьезного направления в психологии — это гуманистическая психология Э. Фромма, Карен Хорни, Г. Олпорта, К. Роджерса, А. Маслоу, А. Адлера, К. Юнга. И все они ставят именно эту постановку проблему: две антагонистичные энергии сознания, где разумной, живой, здоровой энергии духа противостоит неразумная и мертвая патология материальной энергии, пожирающей Истинное Я, энергию духа человека.

Понятно, что поиски Добра и Зла в сознании человека начались не с философией экзистенциализма, а значительно раньше в философии Платона, потом в Евангелиях Христа и Граде Божьем Августина, в поисках рациональной постановки проблематики евангелий Фомой Аквинским, потом в «Этике» Спинозы, в «Эмиле» Руссо, и наконец в «Болезни к смерти» Кьеркегора, который и дал современное формулирование проблемы двух различных и враждебных силовых полей психики, где только одно из них является истинным и вечным Я духовной энергии человека. С его работ как раз и начинается гуманистическая психология, а вместе с ней и современный пафос экзистенциализма о «пробужденном сознании» в его поисках истинного Я духовной энергии.

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> «narrator-hero whose split personality was such a marked feature of both The specter of Alexander Wolf and Buddha ' s Return.....Both are „metaphysical" or „psychological thrillers"; in both the hallucinatory phantom world of the narrator-hero's consciousness is interwoven with a suspense plot designed to illustrate a philosophy of fatalism and chance. Both narrators (young men, clearly alter egos of the author) suffer from a **split personality**, a state that besides being based on the author's personal experience gives him ample opportunity to introduce numerous psychological observations».

Г. Газданов, «Вечер у Клэр»:

> «Я делил свое время между чтением, гимназией и пребыванием дома, на дворе, и бывали долгие периоды, когда я забывал о том мире внутреннего существования, в котором пребывал раньше. Изредка, однако, я возвращался в него, — этому обыкновенно предшествовало болезненное состояние, раздражительность и плохой аппетит, — и замечал, что второе мое существо, одаренное способностью бесчисленных превращений и возможностей, враждебно первому и становится все враждебнее по мере того, как первое обогащается новыми знаниями и делается сильнее. Было похоже, что оно боится собственного уничтожения, которое случится в тот момент, когда внешне я окончательно окрепну. Я проделывал тогда безмолвную, глухую работу, пытаясь достигнуть полноты и соединения двух разных жизней, которые мне удавалось достигать, когда представлялась

> необходимость быть резким в гимназии и мягким дома. Но то была простая игра, в этом же случае я чувствовал, что такое напряжение мне не по силам. Кроме того, мою внутреннюю жизнь я любил больше, чем другие».

Например, Гете в Фаусте

«Две силы есть, живущие в груди моей,
Не схожие меж собою»
«Одна влечет с восторгом за собой
В земные, полные любовей,
Другая рвется из оков
К пределам родины святой»

Однако, задолго до Гете это сказали сначала Заратустра и платоновский Сократ, а потом и Спиноза в знаменитой «Этике». Также тема раздвоенности сознания считается центральной для трактата О Воспитании (Эмиль) Ж-Ж Руссо. И уж тем более, проблема раздвоенности сознания между Истинным Я и ложным Эго — это центральная тема известных сочинений Серена Кьеркегора, основоположника философии экзистенциализма

Ж-Ж. Руссо, «Эмиль»:

> «Я чувствую в себе две действующие силы… одна возносит меня к познанию вечных истин, к любви к справедливости и моральному благу… а другая тянет меня вниз, подчиняет меня власти чувств».

Далее, мы читаем в интернете о «понятии совести как божественном инстинкте» Истинного Я энергии Духа, которое вводит Руссо: «Руссо вводит понятие **Совести** (Conscience) как „божественного инстинкта“. Это внутреннее чувство, которое безошибочно указывает духу верное направление, помогая преодолеть раздвоенность и хаос страстей»

Неслучайно, что Мережковский в своей статье о Гете цитирует именно эти строчки о раздвоенности личности — ведь Мережковский положил в основу своего исследования не только человеческого сознания, но всей античной культуры именно факт ее «раздвоенности» (вслед за Ницше).

> «Он обнажает два вечные начала, — пишет Мережковский в статье „Трагедия целомудрия и сладострастия“ о Еврипиде, — „я“ и „не-я“, Аполлона и Диониса, его мощное и тонкое сознание, поднимающее его над стихийностью, и приближает к нему нас, людей с душами, едва пробудившимися к сознанию, еще таки ми же раздвоенными как душа Еврипида»

В этой связи Мережковский сравнивает Достоевского (особенно его «Записки из подполья») с св. Августином, подчеркивая, что оба выступают как ученые естествоиспытатели, анатомы души, опытным путем обнаружившие ее раздвоенность между добром и злом двух различных энергий (духовной и материальной), и показавшие людям что «законы природы» для всех одинаковы: все человечество заражено злом, как первородным грехом, как законами природы материальной энергии, разлагающей энергию духа. В книге «Толстой и Достоевский» он специально подчеркивает, что Достоевский не только психолог, но прежде всего психиатр в этом смысле: настолько велик его вклад в исследование именно болезни души.

Д. С. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Вот оно, «простое химическое тело» Зла — в чистейшем виде, «Первородный Грех» — восстание человека на Бога, «воля к превратности», perversitas, — «Зло ради зла». «И, сделав это, унесли груш великое множество, но не для лакомства… потому что, едва отведав, бросили их свиньям, а для чего-то иного… Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое… пусть скажет оно Тебе, чего искало в этом бескорыстном зле — зле ради зла». — «Гнус но было зло, но я его хотел; я любил себя губить, amavi perire; любил мой грех, — не то, ради чего я грешил, а самый грех. Гнусная душа моя низвергалась с неба Твоего, Господи, во тьму кромешную. Я хо тел не чего-либо стыдного, а самого стыда» Кажется, в религиозном опыте всего христианского человечества не будет ничего подобного этому, вплоть до…«Записок из подполья» Достоевского. С этим-то огненным оружием опыта и вступает Августин в борьбу с Пелагием, безопытным, безогненным, и одним прикосновением уничтожает его, испепеляет, как солому. «Всякий грех частен и личен; относится лишь к человеку, а не к человечеству», говорит Пелагий. Врач, смертельно заболевший и с неумолимою точностью наблюдающий за ходом болезни на собственном теле, чтобы сделать открытие, которое может спасти дру-

> гих от той же болезни, — вот кто такой Августин в этом страшном опыте зла. Этот опыт Павла, «Свет, озаривший его на пути в Дамаск», есть и опыт Августина: «Свет пролился в сердце мое, и мрак озарился», после «гласа Божия», услышанного в «детской песенке». Но, чтобы увидеть всю белизну Света, спасающую силу Благодати — Жизни, надо увидеть и всю черноту Мрака, губящую силу Грехопадения — Смерти. «Смертью заражена вся толща, всё тесто (massa, по слову Павла), вся громада человечества; ядом первородного греха отравлена вся».

2. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА ГАЗДАНОВА: ПОСТРОИТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МИР!

Газданов очень четко дает понять в своих произведениях, что во-первых, эллинская и христианская культура лежат в основе всей европейской цивилизации, и что если бы он искал ответов на свои вопросы, то искал бы их прежде всего в христианстве. Но с другой стороны, и это также очевидно, как значение христианства для западной цивилизации, человечество, по слову Мережковского выросло из него как младенец из пеленок. И ничего не смогла современная культура, наука предложить взамен тех разрушенных твердых истин, на которых стоял мир в Средние века. Газданов в этой связи говорит о том, что завидует тем, кто думает, что нашел истину, потому что самое трудное –«ужас Арзамаса», как называет это Диенеш вслед за Толстым, — жить в постоянном сомнении в потере в Бога.

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

«Broadly speaking, it is the spiritual condition, the Zeitgeist of the West in the twentieth century; there is „something wrong“ with religion, it has lost its appeal and convincingness as nearly everybody admits it yet the spiritual (and psychological) void created by this loss is not replaced by scientism or a humanism that assumes man with all his flaws and frailties to be the self-sufficient goal of the universe».

Однако, казалось бы, это именно то, чем пропитаны его романы — постоянными поисками истины, и постоянным сомнени-

ем, которыми эти поиски сопровождаются. Это то, за что его окрестили скептиком и даже иррационалистом и анти-интеллектуалом, который якобы не верит в силу разума и отрицает ее. Это несомненно та же ошибка, которую критики делают в отношении философии льва Толстого, называя его анти-интеллектуалистом только потому, что Толстой справедливо восстал против лже-науки своего времени. И исследователь трудов Газданова, венгерский профессор Ласло Диенеш подчеркивает, что такое отношение к творчеству Газданова в корне неправильно.

Он говорит, что в основа основ газдановской прозы — это рефлексия интеллектуал, который постоянно анализирует весь свой опыт и опыт окружающих, вплоть до изначального чувственного и биологического опыта с тем, чтобы в конечном итоге построить правильную теоретическую картину мира, найти наконец ту истину, поисками которой он озабочен во всех своих произведениях. И что если в конечном итоге он сомневается в успехе этих поисков истины, то это не потому, что он не придает значения науке и интеллекту, а потому, что одного интеллекта оказалось недостаточно для решения такой масштабной задачи. И Диенеш говорит, что он больше чем интеллектуал, и что в его прозе много такого поэтического откровения, которого не скажешь одной теорией.

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> «There are numerous esoteric moments in Gazdanov, moments when the narra — tor-writer feels he is approaching that final illumination which has always escaped him yet which he knows to exist for otherwise he would not be searching for it. Gazdanov seems to have reached the organic limits of his perceptive powers here; whereas his is an undoubted case of anti-intellectualism (but in the sense, and only in the sense, that the intellect was weighed in the balance and found wanting), he might be called an agnostic manqué. The search for the final understanding may be futile, may only be an illusion for him, yet he knows it is possible for some and cannot help envying those.
> ..... And yet man cannot help thinking; his predicament is to contemplate the spectacle of life and death with his mind and to try to make sense of it. Without intellectual reflection of this spectacle man ceases to be man.

> The circle is closed; one cannot escape one's destiny; an intellectual, a writer has to face all levels of reality. Ignoring them, let us emphasize once again, is not Gazdanov's way, although his tendency to trace man's intellectual life back to its biological-physiological-psychological sources may give that erroneous impression.
> The mind's life, its search with its victories and defeats, is very much part of the Gazdanovian oeuvre Gazdanov was, could not help being, an intellectual; but he was not only an intellectual. He knew more than the intellect; he knew of worlds sine materia, without form and signification, of things incomprehensible and inexpressible, he knew that most events, of the real life, take place, as Rilke said, «in a realm which no word has ever entered»

Есть большая разница между «методическим сомнением» Декарта в поисках устойчивой истины, и отказом от истины скептика-агностика. Первые ищут законы природы, но ставят под сомнения все первичные материалы ощущений и впечатлений, всю поверхность событий, пока не докопаются до существа законов природы в основе этих процессов. И в этом смысле методическое сомнение Декарта — важная часть научного метода в поисках законов природы, — то есть в поисках одной абсолютной истины. Вторые же, которые подобно эмпирикам и субъективистам объявляют о том, что Истины Нет вообще, что законов природы не существует, и что человек сам приписывает природе законы, которых там нет –это люди фиктивного формально-логического мышления, которое «совершило самоубийство» в отказе от истины и разума как инструмента ее познания. Это и есть скептики и агностики, субъективисты и циники, которые разрушили философию рационализма и науку 20-го века.

Если Толстой назвал это состояние крушения Истины и Разума — «ужасом Арзамаса» в Дневнике сумасшедшего — ведь человек жив разумом и без разума его ждет стихия безумия (Честертон также пишет в Апологии, что ад есть безумие, и что безумие пришло с философией субъективизма и скептицизма), то Достоевский, как известно определил скептиков и материалистов — Человекоогами или Бесами, противопоставив их Богочеловечеству.

Действительно, Человекобоги Ницше и Сартра отвергали как известно все законы природы и особенно какие-либо законы природы человека, которые бы ограничивали его абсолютную свободу: у них Бог умер и люди жили под «пустыми небесами», чтобы претворить свою жизнь в «творческий, художественный проект». Это творчество взбесившейся гордыни, которая отказывалась признавать законы природы закончилось как известно из истории немецкого идеализма и сверхчеловека Ницше — немецким фашизмом и сумасшествием Ницше.

Поэтому, Альбер Камю, когда он после войны выступил против этой философии Человекобога или сверхчеловека Ницше, четко разделил два вида сознания, два интеллекта. Один — лженауку фиктивного, шизоидного интеллекта «Демонического бунта» Сада, Ницше, дендизма, Гегеля, Маркса и др нигилистов, отрицающих законы природы человека в «абсолютной свободе», которую они противопоставили Господу. И другой — бунт Метафизический, который происходит из Законов Природы Человека, как единственной и абсолютной истины существования людей, и которая есть Природа Совести, Справедливости, потребности в Правде и Церкви Дружбы человечества (он подчеркивает единство человеческого роды). То есть вместе с Толстым и Достоевским Альбер Камю становится на сторону Богочеловечества, на сторону метафизики интеллекта христианства, которая смиренно подчиняет свою волю — воле Господа, явленной в Законах природы.

Той же дорогой идет Газданов, особенно в послевоенные годы. Уже в Призраке Александра Вольфа он противопоставляет Человекобогу Вольфу с его «демоническим бунтом» утверждения абсолютной власти через убийства — Богочеловечество своего рефлексирующего героя-рассказчика, который, сознавая, что он должен найти правильный ответ на агрессию насильника, все же упорно ищет правильный ответ, согласный с совестью и правдой, а не с его личной гордостью. В этом суть романа, который начинается с угрызений совести героя-рассказчика о том, что он убил на войне Вольфа, и заканчивается поисками

и утверждением правды о том, что ответ на агрессию «мертвых призраков», которые только кажутся людьми, но потеряли человеческий облик, — убийством не является. Он убивает Вольфа, когда тот стреляет в Елену Николаевну, замученную Вольфом итак уже жертву. Вот почему Кибальник пишет в труде о Газданове, что роман ПАВ содержит «утверждение положительной философии», и не основан более на скептических нотах. То есть теперь уже показана четкая разница между добром и злом, вместо все уравнивающего сомнения, которое как говорит Камю оправдывает убийство. ПАВ не оправдывает убийство, роман начинается с угрызений совести героя, который думал, что убил Вольфа на войне, защищаясь от его нападения — и все равно переживает много лет после войны. Такая чувствительность к насилию на войне говорит о категорическом отрицании убийства. Однако, как показывают события, Вольф оказывается, не человеком, а призраком, лишенным совести, и в конечном итоге приходит убивать свою жертву, которая отчаянно пытается вырваться из его сетей. И когда герой-рассказчик в конечном итоге в него стреляет, теперь уже уверенно и без угрызений совести — он как бы хочет сказать, что убить убийцу, в котором мертвая часть материальной энергии пожрала его живую часть духовной энергии, — не есть убийство. Ведь называя Вольфа призраком и мертвецом, он в то же время постоянно проводит параллель с собственным раздвоением, подчеркивая, что опасность стать «живой падалью», утонуть в собственной материальной энергии — угрожает абсолютно всем. Однако его позиция — это позиция пробужденного сознания, которая «бдит» эту опасность и постоянно над ней рефлексирует.

Г. Газданов, «Эвелина и его друзья»:

> «Далеко не всегда, мне кажется. Это зависит от того, какие факты. Если это донос, шантаж или анонимные письма, тогда ты знаешь, что имеешь дело с мерзавцем. Но в других случаях… Вот тебе два примера, два человека. Один из них был вор, другой убийца. Не смотри на меня с таким удивлением. Первый находился одно время в крайне бедственном положении, ему нечего было есть. У него была жена и двухлетняя девочка — и он воровал для них картошку

> в продовольственных магазинах до тех пор, пока не получил наконец работу. Второй был мой товарищ, которого я знал всю жизнь. Во время гражданской войны в России его отряд — он был в кавалерии — занял небольшое село, где жили главным образом евреи. Он увидел, что один солдат, который вообще был профессиональным бандитом, насиловал еврейскую девочку лет десяти-двенадцати. У нее было посиневшее лицо, и она даже не могла кричать. Мой товарищ слез с лошади и из револьвера убил этого солдата. Потом он оттолкнул ногой его труп, взял девочку на руки и внес ее в ближайший дом. И ты знаешь, что он мне сказал? — Если бы я дол жен был еще раз это сделать, я бы не колеблясь убил его как собаку, и это один из поступков, о которых я никогда не жалел. Вот тебе, мой милый, совершенно неопровержимые факты: воровство и убийство. Какой прокурор мог бы осудить этих людей? -М не иногда кажется, что ты похож на машину, которая регистрирует события и потом из них получаются какие-то архивы воспоминаний, — сказал Мервиль».

Газданов продолжал кропотливо работать над своим образованием в течении всей своей жизни — ценой «подвига силы» как говорит Диенеш, дисциплины и нечеловеческой работоспособности. Он ставит «главный вопрос» о законах природы для всей вселенной, в том числе и для человека, как части этой вселенной: какими законами управляется вся энергия космоса, где человек только одна разновидность этой энергии?

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> «The question of all questions is formulated with expressive power in The History of a Journey (p. 125): «What mysterious thing, what terrible and incomprehensible power permeates the seas and the rivers and pulls the oaks and pines out of the earth? Where is the beginning and where is the meaning of this irreversible movement, of the air filled with anguish and of this dull pressure inside, just below the heart?» Man is only a «brittle material shell in which is embodied part of this mysterious aggregate of movements» which is life («xrupkaja mater'jal, naja obolofika, v kotoroj voploSÖena Cast* ètoj tainstvennoj sovokupnosti dviženij,» Buddha's Return, vol. 23, p. 16).Where does it come from, where is it heading? Who are we and why are we here? What is that incomprehensible terrible power that causes all things to live and move, all this motion of atoms, of the soul, of the planets? If one has the «fierce and sad courage that makes one live with open

> eyes» («svirepoe i pe&al'noe muSest- vo, kotoroe zastavljaet čeloveka 2it' s otkrytymi głazami,» The Specter of Alexander Wolf, vol. 18, p. 41), if these questions penetrate into one's being beyond the intellect, if they become part of one's sensation of total being, one is faced with the «terror of Arzamas.» We have named this condition after Lev Tolstoj's experiences in Arzamas the literary outcome of which is his «The Diary of a Madman.»

И потом продолжает поиски уже законов природы человека, — становится на путь традиционного христианского экзистенциализма Кьеркегора (или как пишет Кибальник Габриэля Марселя, последователя Кьеркегора), — и начинает движение к Истинному Я. В этом движении к Истинному Я — основные законы природы человека уже найдены, ведь существо нашего духовного существования как раз в антагонизме двух силовых полей психики — материальной и духовного. И в произведениях Газданова, как я еще постараюсь показать в этой книге, сидром характеристик каждой энергии показан очень четко и очень проницательно. Отсюда и понимание того, что жить по правде — это в конечном итоге движение от материальной энергии психики — к энергии духа, и понимание того, как должно происходить это движение.

Вот почему Диенеш пишет, что послевоенные романы Газданова — это победа в нем идеалиста над разочарованным скептиком: ведь теперь Газданов знает в чем смысл жизни, и устами «евангелического характера господина Роже» он учит бывшего уголовника Фреда вечным истинам о борьбе с материализмом Эгозащиты и о необходимости «строить теоретический мир» знаний законов природы в поисках научного контроля. Фред посвящает много месяцев чтению солидной библиотеки и становится совсем другим человеком. Так совершается «перерождение», «Метаморфоза», или иначе «Рождение от Духа», о котором говорил Христос, и которое в центре почти всех сюжетов Газданова.

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> «It appears to be new in Gazdanov, but perhaps it is only the final victory of the idealist in him over the disillusioned pessimist. The teaching, as expressed by Roger, a somewhat mysterious evangelical

> character who is instrumental in Fred's reformation, is as follows: „People need help. For me in this is the meaning of life. One has to be compassionate toward the vast majority of people. This is what life has to be built on." Helping others, regardless of anything, its possible uselessness, or hopelessness, regardless of death or chance, is the only activity one can feel spiritual contentment about at the end of one's life; the only activity that needs no justification or proof of usefulness to the man who leads such a life. The teaching is not new or original, as Roger himself says; one can call it evangelical Christianity, humanism or something else. .....But what makes the novel reverberate with meaning and, if not transcend its own teaching to a still higher level, then, at least, further deepen it is a confrontation of this teaching to that universal existential meaninglessness that is conferred upon life, all life, by chance and death. .....And if one lives the life Roger propagates chance or death can strike at any moment: they will not deprive that life of the inner meaning it has acquired»

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> Pilgrims (Piligrimy), probably written during 1950
> «It is again, as nearly always in Gazdanov, about psychological «journeys» (here called «pilgrimages») through life towards identity, towards one's real self, expressed in the metamorphosis of characters. At least six of the novel's major characters undergo complete changes. They were all, as Lazarus said, pilgrims who had forgotten their destination: some begin to think of it because the end of the pilgrimage, death, is near, others for other reasons. But life starts to acquire a meaning only when this journey towards one's real identity is begun: «Now you are becoming what you would have been all along had the circumstances not disfigured you...", — Roger says to Fred — «It is impossible to change a human being. One can only try to rid him from the reasons that prevent him from being what nature made him to be.»
> We all* have «two destinies, one that we have and one that we should have» until the questions «who am I?» and «what am I?» are asked with sincerity and a genuine need to know, until one is resigned to accept what cannot be changed — for there are people whom nature, not circumstances, made evil — and has the courage, the determination, the vital energy to change what can and should be changed (of which Janine is the illustration as a notation in Gazdanov's manuscript indicates) and until one is given the wisdom to distinguish one from the other (as Valentine, Senator Simon's daughter, was not)».

Фиктивная рефлексия шизоидной Эгозащиты — то есть формальная логика, оторванная от жизни, и активная только на поле Эгосистемы — не имеет ничего общего с Интеллектом как Научным Контролем Энергии Духа. Шизоидная Эгозащита — это часть физического контроля материальной энергии, — вот почему опыта «вознесения в другое пространство и в другое время» у сверхчеловеков Ницше, Набокова, Сада или Сартра не бывает. Они пишут, разминая свою «технику» софизмов утверждать свое Эго, развлекаться замками на песке или откровенными пошлостями.

Специфика поисков Научного Контроля Энергии Духа — в втом появляющемся на себя взгляде со стороны, о котором так четко написал Толстой в «О Жизни» — в том числе и о ощущении другого пространства и времени, отличного от материального.

«Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Обнаружение истинной жизни состоит в том, что животная личность влечет человека к своему благу, разумное же сознание показывает ему невозможность личного блага и указывает какое-то другое благо. Разумное сознание, незаметно вырастая в его личности, дорастает до того, что жизнь в личности становится невозможною. Истинная жизнь человека, проявляющаяся в отношении его разумного сознания к его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицание блага животной личности. Отрицание же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознание. Но что же такое это разумное сознание? Евангелие Иоанна начинается тем, что Слово, «Logos» (Логос — Разум, Мудрость, Слово), есть начало, и что в нем всё и от него всё». Силы пространственные и временные — силы определенные, конечные, несовместимые с понятием жизни; сила же стремления к благу через подчинение разуму есть сила, поднимающая в высоту, — сама сила жизни, для которой нет ни временных, ни пространственных пределов. Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть

> сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидал с высоты. Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости — его пространственное и временное существование — не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его»..

Если вы внимательно прочтете это описание Толстого своего опыта поисков Научного Контроля энергии духа — которое всегда есть в самом деле обнаружение своего Истинного Я в Пространстве-времени Интеллекта, а потом прочтете соответствующие выписки из романов Газданова, у вас не останется сомнений, что речь идет об одном и том же процессе. При чем каждый описывает свой опыт так, как он ему явился из практики, и о заимствованиях не может быть и речи — у Газданова, как и у Толстого эти переживания Пространства Интеллекта в обретении Научного контроля органически связаны с контекстом всего их жизненного опыта в романах.

Метатема Газданова вовсе не «Метаморфоза» и «Перерождение» как пишут и Диенеш и Кибальник — его основная тема упорные и болезненные попытки в Построения Пространства Интеллекта в Законах Психической Энергии — то есть в законов человека и его общества, законов социальных джунглей, в которых нам приходится жить. Он старается объяснить читателю, что с самого раннего детства, когда он « в душевном обмороке» зачитывался совсем не детскими книгами, в нем проснулась эта настойчивая и неистребимая потребность, без которой он не мог существовать — потребность Построить Пространство Интеллекта для своего Истинного Я, то есть найти научный контроль, узнать законы психической энергии. Он

не умеет объяснить без помощи религии, которая очень помогала Толстому, откуда эта неуемная потребность, и почему ему так «печально» и невозможно жить без нее. Почему, он словно «каторжник с привязанной к ноге гирей тащит за собой груз воспоминаний о себе и совсем чужих людях» и постоянно возвращается к нему, чтобы построить «какую-то гармоничную теорию из хаоса событий и впечатлений». Почему ему чтобы до конца осознать события реальности недостаточно факта их свершения, но нужно время чтобы оценить эти факты в этом другом «воображаемом» пространстве отвлеченных идей. Он так и не смог сделать вывода к которому пришел Толстой — что ответ попросту в том, что его Дух, его истинное Я живет в другом пространстве –времени, и именно поэтому «тащит за собой груз прошлого», ведь время разумного Я отмеряется событиями, которые произошли с ним и со всем человечеством, а вовсе не отсчетом лет. Вот почему не только груз своих воспоминаний он тащит за собой, но постоянное «созерцание» всей истории человечества, и места своей собственной жизни в этой глобальной картине, развертывающейся перед его взором.

И вот почему «мир отвлеченных идей, о котором он так часто упоминает, как части своего существа, — составляет лейтмотив всех его теоретических и психологических построений.

Вся его проза об этой драме человека с Сильным Духом, как говорит о нем Диенеш со слов его коллег и друзей, с сильным полем интеллекта, которая задала ему неуемную потребность обрести Научный контроль знаний, — то есть не много не мало сделать открытие психической энергии, узнать законы двух силовых полей и расположить согласно этой теоретической системе — события мировой истории. И поскольку задача была нелегкой, а потребность в контроле, как у всех людей одаренных интеллектом, от этого не становилась меньше — то это драма страданий одаренного человека в поисках научного контроля, о которой он сам говорит очень красноречиво.

И вот человек с Истинным Я дом которого — это Пространство Интеллекта Научного контроля, вдруг обнаруживает, что материальный мир, в котором живут все люди, — не его дом, и что он родился выброшенным на улицу бродягой, которому нечем прикрыть голову под дождем и снегом, и негде отогреть и очистить себя ото льда и грязи. И бросился строить себе дом, потому что иначе у него оставался только один выход — умереть. И бросился он искать знания, и истину, и строить гармоничные теории мира, и изучать историю и искать в ней закономерности и упорядоченность человеческого движения — и вопрос этот был для него вопросом жизни и смерти, вопросом крыши над головой, а не просто забавой лентяя, которому итак хорошо живется в пространстве-времени материального мира.

Толстой нашел для себя ответ в очищенных от волшебства и магии Евангелиях, которые он переложил на разумный, философский, психологический язык противоборства двух враждебных психических сил в «Соединение и перевод четырех Евангелий». Так, построив себе дом законов психической энергий — - Пространство Интеллекта для своей энергии духа — он как известно, окончательно ушел в него жить, и обитал уже там до конца своей жизни. Газданов в конечном итоге сделал то же самое, особенно в романах «Пилигримы» и «Пробуждение» — нашел свой художественный, философский и психологический путь к истолкованию Евангелий. Однако, Газданова никогда не удовлетворяла эта попытка до конца — он пишет в последнем романе «Эвелине и ее друзьях» — об иллюзии обретения истины. Тем не менее, факт налицо: и Толстой и Газданов и Мережковский — Реформаторы Христианства на пути к рационалистической его версии, выраженной в поисках законов психической энергии уже на строгом научном языке.

Л. Толстой, «Исповедь»:

> «В поисках за ответами на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек. Вышел на поляну, влез на дерево и увидал ясно беспредельные пространства, но увидал, что дома там нет и не может быть; пошел в ча-

> щу, во мрак, и увидал мрак, и тоже нет и нет дома. Так я блуждал в этом лесу знаний человеческих между просветами знаний математических и опытных, открывавших мне ясные горизонты, но такие, по направлению которых не могло быть дома, и между мраком умозрительных знаний, в которых я погружался тем в больший мрак, чем дальше я подвигался, и убедился, наконец, в том, что выхода нет и не может быть. Отдаваясь светлой стороне знаний, я понимал, что я только отвожу себе глаза от вопроса. Как ни заманчивы, ясны были горизонты, открывавшиеся мне, как ни заманчиво было погружаться в бесконечность этих знаний, я понимал уже, что они, эти знания, тем более ясны, чем менее они мне нужны, чем менее отвечают на вопрос»

Г. Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

> «От всего этого я испытывал постоянно раздваивающееся ощущение, словно я смотрел на себя со стороны …. И я жалел о том, что за долгие годы я никогда не научился жить без постоянной оглядки назад, что, помимо моего желания, память неизменно возвращала меня к тому, о чем следовало бы забыть, и влачила за собой ненужный груз образов, представлений, чужих жизней, печаль ной судьбы несуществующих людей, которые возникли однажды в моем воображении и потом не покидали меня, сопровождая меня, как безмолвная толпа созданных мной призраков, от которых я не мог уйти. Но это все-таки не было самым главным. Главным было то, что на вопросы, которые я ставил себе, не было и не могло быть ответа. Иногда я начинал завидовать авторам некоторых книг которые я читал и где излагались совершенно бесспорные, по мнению этих людей, истины о том, что вне материалистического метода не существует возможности понять мир или что только приближение к христианским откровениям может спасти человека от бездны, на краю которой он стоит. Я вспоминал споры с моими товарищами о воображаемых и недоказуемых законах истории и о длительном бреде старого и несчастного в личной жизни человека с длинной бородой, бесчисленные и бесполезные портреты которого были теперь развешаны в общественных учреждениях и в кабинетах людей, многие из которых ничего не поняли в его архаических теориях. Но христианство…»

Г. Газданов, «Вечер у Клэр»:

> «В тот вечер мне казалось более очевидно, чем всегда, что никакими усилиями я не могу вдруг охватить и почувствовать ту бесконечную

последовательность мыслей, впечатлений и ощущений, совокупность которых возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения.…Очень часто в концерте я внезапно начинал понимать то, что до тех пор казалось мне неуловимым; музыка вдруг пробуждала во мне такие странные физические ощущения, к которым я считал себя неспособным, но с последними замиравшими звуками оркестра эти ощущения исчезали, и я опять оставался в неизвестности и неуверенности, мне часто присущими. Болезнь, создававшая мне неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым, заключалась в неуменье моем ощущать отличие усилий моего воображения от подлинных, непосредственных чувств, вызванных случившимися со мной событиями.…тех бесчисленных противоречий, которые впоследствии погружали меня в бессильную мечтательность; они укрепляли во мне сознание невозможности проникнуть в сущность отвлеченных идей; и это сознание, в свою очередь, вызывало неуверенность в себе».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

«Миллионы и миллионы людей были чужды этим понятиям и этой культуре. И в том, что ее можно было передать женщине, которую он любил, он находил удовлетворение, какого не знал раньше, — ни тогда, когда ему казалось, что он приближается к пониманию далекой истины, найденной много лет тому назад умершим философом, ни тогда, когда ему удавалось построить более или менее гармоничную теорию в той или иной области».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

«Он не задумывался над тем, почему именно книги интересовали его больше, чем все остальное. Но если бы его спросили, что он считает самым важным в жизни, и если бы его природная медлительность не помешала бы ему сразу сосредоточить свое внимание на этом вопросе, он, вероятно, ответил бы, что ему казалось самым существенным — понять, почему люди живут так или иначе, почему возникают те или иные религии или системы идей, как идет жизнь и каков в каждом отдельном случае или в каждом произвольном отрезке времени смысл того или иного факта. Но ему не приходила в голову мысль, — и если бы она пришла, он тотчас же отбросил бы ее, — что это преобладание отвлеченных интересов над непосредственными объяснялось отсутствием в нем той стихий ной и нерассуждающей жизненной силы, которая была так характерна для его отца. Он прекрасно понимал теоретически, отчего людей так всеце-

ло захватывает жажда личного обогащения, или политическая деятельность, или упорное стремление к какой-то ограниченной цели, незначительность которой со стороны казалась совершенно очевидной. Но так как все эти стремления — в силу разных личных причин — были ему чужды, они казались ему не стоящими усилия».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

«- Я думал: если этого нет или если это надо отбросить, — что остается от меня? Я оказываюсь в пустоте. Вокруг меня пустота, mr. Рожэ, и я не знаю, кто я такой.
— Построение мира! — сказал Рожэ. — Ты должен построить целый мир, Франсис.
Мы ощущаем наши очертания потому, что мы окружены внешним миром, — таким, каким мы его видим и каким мы его создали. Тот, в котором ты жил, исчез, его больше нет. Ты строили» другой. И это очень долгая работа. Когда он будет кончен, ответ на твой вопрос будет найден автоматически. А теперь, я думаю, ты можешь опять приняться за чтение».

Газданов, «Вечер у Клэр»:

«Было в моих воспоминаниях всегда нечто невыразимо сладостное: я точно не видел и не знал всего, что со мной случилось после того момента, который я воскрешал: и я оказывался попеременно то кадетом, то школьником, то солдатом — и только им; все остальное переставало существовать. Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле; и долгими часами, лежа в саду, я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел, и эта постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку. Потом сразу наступил такой период моей жизни, когда я потерял себя и перестал сам видеть себя в картинах, которые себе рисовал. Я тогда много читал; помню портрет Достоевского на первом томе его сочинений. Эту книгу у меня отобрали и спрятали; но я разбил стеклянную дверцу шкафа и из множества книг вытащил именно том с портретом. Я читал все без разбора, но не любил книг, которые мне давали, и ненавидел всю „золотую библиотеку“, за исключением сказок Андерсена и Гауфа. В то время личное мое существование было для меня почти неощутимо. Читая Дон-Кихота, я представлял себе все, что с ним происходило, но работа моего воображения совершалась помимо меня, и я не делал почти никаких уси-

лий. Я не принимал участия в подвигах Рыцаря Печального Образа и не смеялся ни над ним, ни над Санчо Пансой; меня вообще как будто не было и книгу Сервантеса читал кто-то другой. Я думаю, что это время усиленного чтения и раз вития, бывшее эпохой моего совершенно бессознательного существования, я мог бы сравнить с глубочайшим душевным обмороком. Во мне оставалось лишь одно чувство, окончательно созревшее тогда и впоследствии меня уже не оставлявшее, чувство прозрачной и далекой печали, вполне беспричинной и чистой».

Г. Газданов, Эвелина и ее друзья

«И в том, что ты можешь сегодня сказать, не будет, я надеюсь, той какой-то геометрической логики, которая составляет главный недостаток твоих рассуждений. Ты все пытаешься анализировать, и всякий отдельный случай ты склонен рассматривать как своего рода эмоциональную алгебраическую задачу. Но не все можно анализировать, ты это знаешь, ты только делаешь вид, что вот с высоты твоей беспристрастности это представляется так-то и так-то, а в самом деле ты вряд ли в это веришь. Почему ты так смотришь на меня? Ты считаешь, что я не прав?

Я закрыл глаза. Передо мной проходили разрозненные, беспорядочные эпизоды и пейзажи — снежные поля, южное море, леса, холод и зной, далекие воспоминания, глаза Сабины и желание, не менее повелительное, быть может, чем у Мервиля, — найти во всем этом какой-то смысл, который связывал бы все это в понятную последовательность, характерную для одной человеческой жизни.

Я стараюсь найти ответ на твой вопрос, — сказал я. — Ты знаешь, чего мне хотелось бы больше всего? Моя жизнь тоже проходит в поисках. Я хотел бы найти наконец возможность воплощения, ты понимаешь? Я хотел бы быть портным, сапожником, депутатом парламента, архитектором, то есть найти что-то определенное раз навсегда и не теряться в тех бесконечных блужданиях, в которых проходит мое существование.

В остальное время, милый мой, это блуждания и невозможность воплощения.- В сапожника или депутата парламента? — Хотя бы. ….Писатель, вообще говоря, это человек с каким-то глубоким недостатком, страдающий от хронического ощущения неудовлетворенности. Его личная жизнь не удалась и не может удаться, потому что он органически лишен способности быть счастливым и довольствоваться тем, что у него есть. Он не знает, что ему нужно, не знает, что он собой представляет, и не верит до конца своим собственным ощущениям. Вся его литература — это попытка найти себя, остановить это

движение и начать жить как нормальные люди, без неразрешимых проблем, без сомнений во всем, без неуверенности и без понимания того, что эта цель недостижима. Когда он пишет книгу, у него есть смутная надежда, что ему удастся избавиться от того груза, который он несет в себе. Но эта надежда никогда не оправдывается. В этом его несчастие и его отличие от других людей».

Г. Газданов, «Пробуждение»:

«Христианство, дитя мое, это не только мягкий свет Гефсиманского сада, сумерки, спускающиеся на Голгофу, видения Апокалипсиса, трубы архангелов, то есть все то, к восприятию чего так чувствительна ваша романтическая натура. Это не только Тициан, не только Сикстинская капелла и Микеланджело, как бы гениально все это ни было. Христианство — это победа над чувственным миром, победа духа над материей, победа идеи бессмертия над всем тем, что люди так склонны ценить на нашей бедной земле и что есть только прах, дитя мое, только прах. — Анна вспомнила надгробную речь, которую отец Симон произнес, когда хоронили ее мать, и которая по своей торжественности была похожа на речи Боссюэ: — Господи, прими ее душу, которую Ты создал бессмертной в те дни несравненной Твоей славы, когда в грохоте рождающегося мира Ты сотворил все, что существует. Теперь эта душа покидает землю, чтобы войти в Царство Небесное. Господи, дай ей силы перенести нестерпимое сияние Твоей славы. — В церкви было прохладно в этот жаркий день, в безоблачном небе летали ласточки, горячий воздух дрожал над раскаленной землей. „Эмоциональная жизнь имеет только чисто функциональную ценность“, „Христианство — это победа над чувственным миром“. Анна не могла спорить ни со своим отцом, ни с аббатом, объяснявшим ей смысл Откровения святого Иоанна. Каждый из них без труда доказал бы ей, что это именно так, как он говорит. С одной стороны, это было отрицание искусства, с другой — проповедь аскетизма, и, в конце концов, может быть, действительно надо было примириться с этой неизбежностью осуждения всего, что так влекло ее к себе?»

Г. Газданов, «Пробуждение»:

«Что такое раздвоение личности? И где граница между ее клиническим значением и творческой силой воображения, той самой, которая заставила Флобера сказать эти слова — ты их не можешь не помнить: „Мадам Бовари — это я!“? Что это, как не раздвоение личности, которое доходило до того, что у него была рвота, когда он

описывал ее отравление? Но оставим искусство потому, что никакой ан лиз никогда не объяснит возможности появления таких людей, как Микеланджело, Дюрер, Шекспир, Толстой. Я тебе скажу, что я думаю о Пьере. Он не фанатик, не святой, он не из тех, кто готов посвятить свою жизнь уходу за прокаженными, он не склонен ни к какой экзальтации. Но он способен сделать то, чего мы с тобой сделать не можем, и именно потому, что в нем есть творческая сила, которую ты у него отрицаешь. Он способен создать и построить мир, ты понимаешь? Какую волю надо было иметь, чтобы сделать то, что он сделал! Какой огромный запас душевной силы! Если хочешь, он действительно живет не для себя. Но что значит жить для себя? И для кого, в конце концов, он строит тот или иной мир? Ты понимаешь, что это такое — победа над небытием?»

3. ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА У ГАЗДАНОВА: ПЕЛАГИЙ ИЛИ АВГУСТИН?

Газданов устами своей героини заявляет, как подчеркивает С. А. Кибальник, о том, что «положительная философия» может быть найдена и следовательно теоретический мир пространства интеллекта может спасти скитальцев духа от той органической «печали», которая стала ему сродни после периода интенсивного чтения в детстве.

Вопрос идет о том, чью интерпретацию Евангелий Христа лучше использовать для строительства этого крова для Русской Реформации Церкви — Августина Блаженого, или святого человека Пелагия, который проиграл в споре с Августином и был осужден Римом как еретик?

Августин, как подчеркивает С. А. Кибальник — один из любимых Газдановым авторов, но он не может принять его концепцию мистической благодати, которая и впрямь кажется устаревшей для нашего века научного знания. А Пелагий, при всем при том, что он сделал акцент на освобождении концепции благодати от всякого мистицизма, — подобно Толстому, тем не менее известен как разрушитель христианской церкви. Тем более, что его обвиняли в отрицании первородного греха человечества, и в утверждении индивидуальности пороков каждого человека.

Вот какие сложные задачи приходилось решать всем до тех пор, пока Открытие законов психической энергии не открыло широко дверей Пространства Интеллекта для всех страждущих душ в поисках научного контроля!

Г. Газданов, «Пробуждение»:

> «- Допустим, что ваш мрачный взгляд на вещи совершенно оправ дан. Но это отрицательное суждение о многих вещах — это только одна часть вашей задачи, вашего назначения на земле. Вы должны, мне кажется, и у вас для этого есть все данные, это преодолеть и создать для себя самого какую-то положительную философию, которая была бы важнее, чем эта отрицательная оценка.- Это мне напоминает спор блаженного Августина с Пелагием о благодати, — сказал Франсуа. — Но Пелагий еретик, как вы знаете. Да, конечно, нужно было бы это преодолеть. Но не все это могут. Что ты думаешь об этом, Пьер? — Конечно, не все, — сказал Пьер. — Но ты, я думаю, — больше, я уверен, — ты это можешь. И если тебе кажется, что ты не можешь, это значит, что ты плохо себя знаешь. На блаженного Августина я ссылаться не могу, так как читал только его „Исповедь“ и никак не мог отделаться от какого-то странного чувства: он всюду пишет — да, я гре шен, но Ты, Господи, Ты знал это — и так далее — так, точно у Господа Бога было только одно занятие — следить за тем, что делает или чего не делает блаженный Августин. Был уже поздний вечер, а Франсуа все не уходил и думал о том, что он никогда и нигде не чувствовал себя так свободно и хорошо, как после этого ужина у Пьера. Он смотрел на Анну и Пьера и не мог найти слов, чтобы определить то сложное чувство, которое он испытывал при этом, чувство, в глубине которого было что-то похожее на начало нового понимания жизни, о котором он до сих пор не думал».

Как же решает этот вопрос Газданов?

Начнем с ответа на меньший вопрос: считал ли Газданов подобно Пелагию, что первородного греха нет, или подобно Павлу и Августину утверждал что «заражена вся масса», как цитирует святых христиан Мережковский? Очевидно, что Газданов стоит на точке зрения Августина и Павла, и что эта позиция единственно правильная: материальная энергия физического контроля поля Эгосистемы — «зло», болезнь, которая врождёна каждому человеку. И Газданов, как мы можем видеть ниже из приведенных цитат вполне соглашается с этой точкой зрения.

С. А. Кибальник пишет в своем исследовании его творчества, что Газданов в отличии от Достоевского и «Мертвого дома» последнего, а также вразрез с традициями русской литературы осуждает порочных людей, как незаслуживающих прощения, в то время как Достоевский имеет снисходительный взгляд на каторжников и говорит даже о них в конце своего отчета, что в них погибли возможно «лучшие силы России».

Мне кажется, что этот упрек несправедлив. Во-первых, Достоевский далеко не обо всех каторжниках говорит как о погубленных системой прекрасных душах. Конечно, Достоевский здесь полностью прав и выражает мнение Герцена в знаменитом «Письме к Мишле», где тот оправдывает «рабство» русских крепостных перед французским историком, ссылаясь на «две России»6 Царское самодержавие как «Россию-чудовище» и крестьянскую Россию, как настоящую народную Россию с мощным духовным потенциалом. И там же он говорит, что в рабстве повинны не мужики, а террор царизма, и что мужики часто идут в каторгу, отвечая угнетателям топором, которым они умеют орудовать. Конечно, никак нельзя сравнивать исторические условия «Мертвый дом» Достоевского и его каторжников с ночным миром буржуазного Парижа, где при всех условностях понятия «свободы» даже в демократических системах, все же есть самая настоящая свобода выбирать условия своей жизни. Наконец, Достоевский также как Газданов четко разделил тех, кто разложился окончательно, как описанные им проститутки или Газин, о котором он писал как об ужасном существе: «Этот Газин был ужасное существо. Он производил на всех страшное, мучительное впечатление. Мне всегда казалось, что ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его»

Точно такая же позиция и у Газданова, который видит, что есть люди, которых изуродовали обстоятельства, но у которых живы еще мысль и совесть — и для этих людей, как для Фреда и Жанины в Пилигримах нужно сделать все, чтобы их спасти, и прежде всего дать им правильное образование. С другой стороны, он говорит как о «живой человеческой падали» о людях,

которых он вынужден был наблюдать каждый день в этой ночной жизни поневоле, и о том, что эта жизнь отравляла его больше и больше, и мысль и совесть которых окончательно разложились в этом многолетнем растлении.

Важно также отметить, что когда он в этой связи говорит о себе: я верю в бога, ноя наверное плохой христианин, потому что некоторых людей я презираю, он имеет ввиду вовсе не подонки общества, а как говорили Августин и Павел — «заражена вся толща», но прежде всего и коррумпированные правительства. Наконец, он подчеркивает, что эта болезнь — болезнь материальной энергии физического контроля мешает умственного развитию всех, и в том числе и его самого, подчеркивая постоянно это раздвоение в самом себе в поисках избавления от него.

Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»:

> «- Ты, конечно, бандит, — сказал я, — ты не так одеваешься, как, может быть, следовало бы, и тебе не хватает известного образования. Все это верно. Но если ты думаешь, что какой-нибудь известный человек, о котором ты читаешь в газетах, банкир, министр, сенатор, лучше тебя, это ошибка. Он работает, и прежде всего — меньше рискует. Ему говорят „господин председатель“ или „господин министр“. Он иначе — и лучше — одет, и у него, конечно, есть некоторое образование, хотя тоже далеко не всегда. Но как человек он не лучше тебя, так что ты можешь не волноваться. Не знаю, утешает ли это тебя, но это, по-моему, так».

Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»:

> «я сам страдал всю свою жизнь от непреодолимого и чрезвычайно упорного раздвоения, с которым тщетно пытался бороться и которое отравило лучшие часы моего существования. ....Впоследствии все это приняло несколько иные формы, далекие, однако, от какого бы то ни было улучшения, потому что, чем дольше это продолжалось, тем больше становилось расхождение и резкое противоречие, характерное для моей жизни. Оно находилось между тем, к чему я чувствовал душевную склонность и тяготение, и тем, с чем я так тщетно боролся, именно этим бурным и чувственным началом моего существа. Оно мешало всему, оно затемняло те созерцательные возможности, которые я ценил больше, чем что бы то ни было другое,

> оно не позволяло мне видеть вещи так, как я должен был их видеть, оно искажало их в своем грубом, но непреодолимом преломлении, оно заставляло меня совершать множество поступков, о которых я потом неизменно сожалел. Оно побуждало меня любить вещи, эстетическую ничтожность которых я прекрасно знал, это были вещи явно дурного вкуса, и сила моего влечения к ним могла сравниться только с отвращением, которое я необъяснимым образом испытывал к ним в одно и то же время. ….По мере того как проходило время и вместе с ним медленно двигалась моя жизнь, я привык к двойственности своего существования, как люди привыкают, скажем, к одним и тем же болям, характерным для их неизлечимой болезни. Но я не мог примириться до конца с сознанием того, что мое дикарское и чувственное восприятие мира лишило меня очень многих душевных возможностей и что есть вещи, которые я теоретически понимаю, но которые навсегда останутся для меня недоступны, как мне будет недоступен мир особенно возвышенных чувств, которые, однако, я знал и любил всю мою жизнь. Это сознание отражалось на всем, что я делал и предпринимал; я всякий раз знал, что то душевное усилие, на которое я, в принципе, должен был быть способен и которого другие были вправе от меня ждать, мне окажется непосильным»

Г. Газданов, «Пилигримы»:

> «- Кто из нас мог бы утверждать — в конце своей жизни, — что он прожил недаром и если бы его судили за все, что он делал, у него было бы какое-то оправдание? Я долго думал над этим и пришел к одному выводу. Он не новый, он известен тысячи лет. И он очень простой. Если у тебя есть силы, если у тебя есть стойкость, если ты способен сопротивляться несчастью и беде, если ты не теряешь надежды на то, что все может стать лучше, вспомни, что у других нет ни этих сил, ни этой способности сопротивления. И ты можешь им помочь. Ты понимаешь? Для меня лично в этом смысл человеческой деятельности. Фред слушал его, не пропуская ни слова.- Меня спрашивали: зачем это делать? или: почему надо так поступать? Мне както сказали: вы говорите так, потому что вы христианин и потому что вы верите в Бога. Но я знал людей неверуюпщх, знал других, которые едва слышали о христианстве и которые поступали именно так. Самое замечательное в этом то, что такая деятельность не нуждается ни в оправдании, ни в доказательстве своей пользы.
> Я верю в Бога, но, вероятно, я плохой христианин, потому что есть люди, которых я презираю. Если бы я сказал, что это не так, я бы солгал. Правда, я замечал, что презираю не тех, кого обычно презира-

ют другие, и не за то, за что людей чаще всего презирают. Но огромное большинство людей надо жалеть. На этом должен строиться мир. Он говорил просто, не повышая голоса.- Нас, то есть таких, кто думает, как я, нередко называли сумасшедшими. Но многих из тех, которые так говорили, давно уже нет, давно забыты их имена и то, что они считали правильным и нужным, а мы еще существуем. И я думаю, что пока будет стоять мир, это будет так. И, в конце концов, не так важно, быть может, как это будет называться: гуманизм, христианство или что-нибудь другое. Сущность остается одна и та же, и сущность эта заключается в том, что такая жизнь, о которой я тебе говорю, не нуждается в оправдании. И я тебе скажу больше — то, что я лично думаю: только такая жизнь стоит того, чтобы ее прожить».

Г. Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

«Но каждый раз, когда я просматривал газету, я, помимо своего желания, погружался в тот мир, от которого трудно было отгородиться, мир, в котором играли такую значительную роль невежественные фанатики, убийцы, деспоты и их министры, голодающее население азиатских стран, нищие арабы, американские негры, наркоманы, преступники, проститутки, — и весь тот человеческий мусор, который всегда всплывает на поверхность событий. Это было неизбежной и наиболее отвратительной частью каждого человеческого существования, — во всяком случае в известном кругу людей, — но от этого все-таки можно было дер жаться вдалеке, не принимая в этом никакого участия. Но был другой мир, в котором я жил, — мои друзья, лучшее, что у меня было, — и о них я не мог забыть и не хотел забывать».

Г. Газданов, «Пробуждение»:

«Можно писать о любовных приключениях кинематографических артисток — для этого нужен умственный и душевный багаж горничной или портнихи, — и это тоже называется журнализмом. Это, конечно, дно профессии. И все-таки самое печальное — это участь журналиста, который пишет политические комментарии, как я, например.- Почему? -Н у, во-первых, потому, что ты всегда должен повторять общие места — необходимо, чтобы распределение доходов было более справедливым, чтобы государство заботилось о бедных, чтобы банкиры платили больше налогов, чем подметальщики улиц, чтобы правительство тратило народные деньги менее нелепо, и так далее. Чтобы во внешней политике правительство помнило, что национальные интересы страны требуют... Ну, я не бу-

ду повторять содержание тех передовых статей, которые можно прочесть каждый день во всех газетах. Но дело даже не в этом. Один очень умный человек сказал, что, когда он начинал свою политическую карьеру, он думал, что он может отдать своей стране все свои способности. Но очень скоро он понял, что если он в своих политических выступлениях не будет оставаться на уровне среднего лавочника, то никакой карьеры он не сделает. И, уверяю вас, что это не преувеличение и не парадокс. Было бы естественно, казалось бы, думать, что у власти должны сто ять лучшие люди страны. В действительности это совсем не так. Когда вы сталкиваетесь с этими людьми, когда вы находитесь с ними в постоянном контакте, вас иногда охватывает отчаяние от их умственного и нравственного убожества. Конечно, этого нельзя сказать обо всех, есть и исключения, но чрезвычайно редкие. И когда вы подумаете, что от этих людей зависит иногда участь миллионов других и что этого нельзя изменить, то ничего печальнее быть не может.

.....Это уже не мизантропия, — сказала Анна.- У меня мизантропия не сплошная, — сказал Франсуа. — Она распространяется только на некоторые области жизни, к сожалению, довольно обширные. Но оазисы все- таки есть, и цель человеческой жизни, мне кажется, заключается в том, чтобы создать себе свой собственный душевный оазис. Это, конечно, трудно, но это единственное, ради чего стоит жить. И для этого нужно многое забыть. Надо забыть, что такой-то министр раздражающе глуп, надо забыть, что существуют газеты, реклама, дурной вкус ночных кабаре и мюзик-холлов, разные виды проституции — политической, литературной, театральной, кинематографической, — надо все это забыть и помнить только о положительных вещах. Надо забыть о плохих книгах и плохих авторах и помнить только о хороших, надо забыть об изменниках и помнить о героях, надо забыть о мораль ном сифилисе, который разъедает общество, и помнить о миллионах людей, которые им не затронуты, надо забыть о Торквемаде и помнить о Франциске Ассизском. И тогда, вероятно, можно жить настоящей человеческой жизнью, а не задыхаться каждый день от отчаяния и презрения. Но это дано не всем. У меня этого никогда не будет, и вот почему я не могу не быть мизантропом».

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

«Я возвращался домой обычно в пятом или шестом часу утра, по неузнаваемым пустым и сонным улицам. Иногда я проезжал через Центральный рынок — и, я помню, меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки,

в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток — и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности, почти такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда, — как не существовала история вообще, смена политических режимов, кровавое соперничество идей, расцвет христианства, распространение письменности. Тысячи лет тому назад их темные предки существовали почти так же, как они, и так же работали, и так же не знали истории людей, живших до них, — и все всегда было приблизительно то же самое. И они все были приблизительно одинаковы — рабочие-арабы, познанские крестьяне, приезжающие во Францию по контрактам, — и вот эти рабы на Центральном рынке; все великолепие культуры, сокровища музеев, библиотек и консерваторий, тот условный и торжественный мир, который связывает людей, причастных ему и живущих за десятки тысяч километров друг от друга, эти имена — Джордано Бруно, Галилей, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Моцарт, Толстой, Бах, Бальзак — все это были напрасные усилия человеческого гения — и вот прошли тысячи и сотни лет цивилизации, и снова, на рассвете зимнего или летнего дня, запряженный системой ремней тот же вечный раб везет свою повозку. После того как я прожил несколько лет среди различных категорий таких людей, и в частности, после ужасного фабричного стажа, позже, в университете, когда я слушал лекции профессоров и читал книги, необходимые для курса социологии, который я сдавал, меня удивляло глубочайшее, неправдоподобное несоответствие их содержания с тем, о чем в них шла речь.

….каждую ночь я уходил оттуда все более и более отравленным — и мне понадобилось все-таки несколько лет для того, чтобы впервые подумать о всех этих ночных жителях как о живой человеческой падали, — раньше я был лучшего мнения о людях и, несомненно, сохранил бы много идиллических представлений, которые теперь навсегда недоступны для меня, как если бы зловонный яд выжег во мне ту часть души, которая была предназначена для них. И эта мрачная поэзия человеческого падения, в которой я раньше находил своеобразное и трагическое очарование, перестала для меня существовать, и я полагаю теперь, что ее возникновение было основано на незнании и ошибке, которая оказалась такой непоправимой для Жерара де Нерваля, упомянутого Платоном в нашем утреннем раз-

> говоре. И люди, создавшие ее и которых тянуло туда, как их тянет смерть, лишены даже того утешения, что, умирая, они видели вещи такими, какими они были действительно и какими они их описали;»

Laszlo Dienes, «On Gazdanov:

> «We have seen in An Evening with claire that already the very young Gazdanov felt «too strongly the imperfection and impermanence» of everything surrounding him. *
> *It. is a shame,» Gazdanov says in The History of a Journey, «that in essence we are slaves to the coarsest and most imperfect things» and describes the conditions in which an average human life is living as «monstrous absurdity, abomination and idiocy» (p. 117, 119). The narrator of «Bombay» feels a deadly ennui and the theme of suicide is an important minor theme in Night Roads.
> In the same novel Platon, the philosopher-tramp thinks drinking is the only way to endure it all».

4. НЕ МИСТИЧЕСКАЯ, А РЕАЛЬНАЯ БЛАГОДАТЬ В РУССКОЙ РЕФОРМАЦИИ ЦЕРКВИ

Эрнест Ренан пишет в «Жизни Иисуса», что ни один демон не искушал Иисуса в пустыне, кроме того, что сидит в каждом человеке — его собственная материальная энергия. То же самое говорит Толстой в «Соединении и переводе четырех Евангелий» только раскрывает свою мысль на много страниц.

Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Место это искушения особенно замечательно тем, что составляет камень преткновения для толкования церкви, так как самая мысль о Боге, искушаемом Диаволом, сотворенным Богом, составляет внутреннее противоречие, из которого нельзя выйти.
> В церковном толковании прямо сказано, что не надо и нельзя (хотя, как всегда, не сказано, почему это не надо и нельзя) считать дьявола представлением, а надо считать действительным лицом, и такое утверждение привычно нам.
> Для всякого человека, свободного от церковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искусителю, выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисус после проповеди Иоанна.. Такое понимание значения слов: искуситель, обманщик, сатана, означающих одно и то же, подтверждается 1) тем, что

> лицо искусителя введено только ровно настолько, насколько оно нужно для выражения внутренней борьбы; ни одной черты относительно самого искусителя не прибавлено; 2) тем, что слова искусителя выражают только голос плоти и больше ничего, и 3) тем, что все три искушения суть самые обычные выражения внутренней борьбы, повторяющиеся в душе каждого человека.
>
> В чем же состоит эта внутренняя борьба?
>
> Церковные толкования любят представлять это место как победу Иисуса над Диаволом. Победы ни по какому толкованию не выходит никакой: Диавола можно считать столько же победителем, сколько и Иисуса. Победы нет ни с той, ни с другой стороны; есть только выражение двух противоположных друг другу основ жизни. И ясно выражена и та, которую отрицает Иисус, и та, которую он избрал. Оба хода рассуждения поразительны тем, что философские системы, системы морали, религиозные секты, различные направления жизни в тот или другой исторический период имеют в основе только различные стороны обоих этих рассуждений.
>
> В каждом серьезном разговоре о значении жизни, о религии, в каждом случае внутренней борьбы отдельного человека повторяются все те же рассуждения этого разговора Диавола с Иисусом или голоса плоти с голосом духа.
>
> То, что мы называем «материализм» есть только строгое следование всему рассуждению Диавола; то, что мы называем «аскетизм», есть только следование первому ответу Христа о том, *что не хлебом жив человек»*

Понятно, какой цели добивались Толстой и Ренан, отказываясь от мистической интерпретации текстов Евангелий, традиционных для церкви. Мистика церкви постепенно уничтожила ту Свободу Духа, которая была целью и результатом ранней католической церкви великих Отцов Церкви. Ту Свободу Духа, которую принесла проповедь Христа и ее соединение с философией рационализма Греции и Рима, платоников и стоиков в вековой работе ранних христианских институтов.

Нужно было вернуть все на круги своя, а для этого нужно было очистить философию христианства от ее магической составляющей. И вот на место рогатого Сатаны, искушающего волшебного Бога в пустыне (сказка) становится быль, где нет больше волшебных добрых и злых сил, а есть святой человек одарённый духовной энергией пророков, который борется

с общим для всех людей пороком — материальной энергией, пожирающей дух каждого из нас. И тогда и выводы из Евангелия будут другие: нужен в том числе и личный подвиг воли, и усилие каждого отдельного индивида для того, чтобы преодолеть в себе эту врожденную болезнь.

В принципе именно это сказал Пелагий, и именно за это на него обрушился святой Августин — ведь такими словами Пелагий попирал Церковь как Мистическую Благодать, которая одна только может дать спасение людям.

Е. Трубецкой, «учение Блаженного Августина о Граде Божьем»:

> «Главный фактор спасения у Пелагия — свободная личность, спасающаяся индивидуальным усилием своей воли; принцип Августина, выдвинутый им против Пелагия, есть всесильная благодать, идеальным воплощением которой может служить лишь всесильная церковь.
> В этом индивидуалистическом направлении заключается центр тяжести пелагианства. Пелагиане не отрицают благодати, как таковой, но они отрицают какое бы то ни было ее социальное действие. Как не существует греха коллективного, родового, так же точно и благодать не есть принцип коллективной организации: индивидуалистическое учение пелагианства исключает как солидарную ответственность человечества во грехе, так и солидарное единство людей в спасении. Пелагиане не отрицают благодатной помощи, посылаемой Богом человеку. Но благодать не представляется им единым действием Божества, обнимающим и организующим человечество, как единый союз; она раздробляется на всех, на множество мелких, единичных актов Божественного произвола, представляется им рядом чисто внешних воздействий Бога на единичного человека.
> В се эти воздействия сводятся к трем главным: творению, законодательству и учению. Создавая человека, Бог вложил в него естественный закон, дав ему свободную волю для его исполнения.
> Человек мог не грешить, но так как он согрешил, и, следовательно, вложенного в него от природы сознания нравственного закона оказалось недостаточно, то явилась необходимость во внешнем напоминании закона богооткровенного и, наконец, во внешнем авторитетном примере и учении Спасителя.
> Жизнь и страдания Христа — Его индивидуальная заслуга, а не универсальное спасающее действие; крестной смертью не искупаются наши, чужие для Него грехи: она может быть спасительна для нас

не как искупление, а как назидание и пример, могущий побудить нас к исполнению закона. Человек не органически связан со своим Спасителем, а относится к Нему лишь чисто внешним образом, как ученик и подражатель. Каждый из нас может спастись не чужими заслугами, а лишь полным и безукоризненным соблюдением закона. Основным принципом спасения является не милость, а правда Божия, выражающаяся в формуле «каждому свое»; спастись можно только полным и безукоризненным соблюдением закона: не исполнившие хотя бы одной йоты закона подпадают без милосердия осуждению и вечному аду.

Учение о наследственном грехе и о благодати, спасающей даром, с этой точки зрения, есть лишь оправдание апатии и лени; этими учениями устраняется индивидуальная ответственность личности, так как грехи наши взваливаются на наследственную нашу природу, а спасение представляется независящим от нас даром Божиим. Характерным представляется во всем этом пелагианском учении отрицание какого бы то ни было мистического элемента в христианстве, отрицание сверхприродного действия Божества на человека. Закон и свободная личность, как его исполнитель, суть единственные факторы спасения.

Пелагианство оставляет нетронутой всю совокупность церковных учреждений, но превращает их в чисто внешний юридический механизм. Спасительная сила коренится не в каком-либо мистическом, возрождающем действии на человеческую волю: человеческая воля не извращена наследственным грехом и потому не нуждается в возрождении. Спасение достигается ее собственными силами; церковные учреждения и таинства суть лишь обязательные внешние юридические нормы, от соблюдения коих зависит наше спасение».

Из этой трактовки пелагианства известным русским философом и юристом Е. Трубецким сразу становится ясно, почему Газданов, который подобно Толстому и Ренану принимал только христианскую философию, но стремился очистить ее от магического склоняется в споре Пелагия с Августином на сторону Пелагия.

Действительно, если Пелагий отдавал предпочтение той же чисто научной и психологической трактовке, которую мы находим у Ренана и Толстого об «искушении Христа Дьяволом», как об искушении каждого человека его материальной энергией, то в «Век Разума» нам следует принять трактовку Пелагия, а не ми-

стическую благодать Августина, спасающую даром и не образ бога Христа, умершего за все человечество и искупившего своей смертью грехи всего человечества. Действительно позиция Пелагия, полагавшего, что Христос был великим святым, который дал пример жизни каждому из нас, и очистил самого себя, а нам помог понять как очистить себя — выглядит куда более разумной, нежели версия согласно которой, смерть Христа искупила грехи всего человечества.

Но тогда остается другой вопрос — а как же быть с благодатью христианской церкви? Разве правда, что человек в одиночку, без помощи церкви может найти спасение? Разве не коллективное это дело всего человечества спасать души людей?

Вопрос правомерный ставит Евгений Трубецкой — если бы позиция Пелагия разрушала Церковь Дружбы христианства, то она была бы полностью неприемлема. Но она не разрушает Церковь Дружбы, она только опять таки освобождает ее от мистики.

И мы можем убедится в этом опять таки в произведениях Гайто Газданова, где он с таким упорством строит Пространство Интеллекта научного контроля и Церковь Дружбы, и в конечном итоге добивается соединения всех деталей Благодати Церкви Дружбы, но на этот раз без сказок магического сознания, которых Толстой (исповедь) не мог принять и не сойти с ума.

Статья в интернете дает цитату из письма Толстого о широте обхвата мировой культуры в поисках знаний Пространства Интеллекта человечества, в том числе и русских авторов. Толстой как известно, так же рекомендовал и французских реалистов своего века, друзей Ивана Тургенева: Флобера, Мопассана, Золя: это общее для всего направления Рационалистической Реформы Церкви, достаточно почитать «Спиридиона» Жорж Санд, написанного совместно с Пьером Леру, или же «Вселенское Евангелие Вивекананды» Ромена Роллана, большого поклонника толстого и Махатмы Ганды, которым он посвятил отдельные монографии.

Что значит понятие традиционной «мистической благодати церкви»? Понятно, что это «спасение души», которая церковь

обещает за слепое принятие ее магических догматов, лишенных какой либо связью с реальностью и ее магических ритуалов. Известно, что Толстой не принимал ни догматов божественности и воскресения Христа, ни непорочного зачатия, и не признавал ритуалов церкви, и прежде всего причастия. Такая магическая благодать церкви естественно не имеет ничего общего с реальным «спасением души», о котором говорил еще Платон, и существо которого в очищении духовной энергии от силового поля материальной энергии.

Реальное спасение души будет как раз в построении Пространства Интеллекта научного контроля духовной энергии — то есть тот процесс психологического и когнитивного процесса борьбы со своим полем Эгосистемы, о котором говорит Толстой, когда отказывается от церковной, волшебно-магической трактовки «искушения Христа в пустыне». Вместо этого он подобно Газданову в Пилигримах, предлагает создавать для народа правильный Круг Чтения, где гении духа, великие мыслители разных культур и эпох всего человечества рассказывают об одном и том же процессе: о процессе очищения духовной энергии от материальной энергии поля Эгосистемы.

> «Круга чтения», Толстой производил некоторые изменения и главным образом сокращения, в том числе и в произведениях даже таких авторов, как Тургенев, Герцен, Достоевский, Чехов, Лесков.24 сентября 1904 года Толстой писал Г. А. Русанову: «Я занят последнее время составлением уже не календаря, но Круга чтения на каждый день, составленного из лучших мыслей лучших писателей. Читая все это время, не говоря о Марке Аврелии, Эпиктете, Ксенофонте, Сократе, о браинской, китайской, буддийской мудрости, Сенеку, Плутарха, Цицерона и новых: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра, Эмерсона, Чанинга, Паркера, Рескина, Амиеля и др. (притом не читаю второй месяц ни газет, ни журналов), я все больше и больше удивляюсь и ужасаюсь тому не невежеству, а „культурной“ дикости, в которую погружено наше общество. <…> Как хотелось бы сколько-нибудь <помочь> этому ужасному бедствию».

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «С древнейших времен учение о том, что признание своей жизни в личности есть уничтожение жизни и что отречение от блага личности есть единственный путь достижения жизни, было проповедуемо великими учителями человечества. „Да, но это что же? Это буддизм?“ говорят на это обыкновенно люди нашего времени. „Это нирвана, это стояние на столбу!“ И когда они сказали это, людям нашего времени кажется, что они самым успешным образом опровергли то, что все очень хорошо знают и чего скрыть ни от кого нельзя: что жизнь личная бедственна и не имеет никакого смысла. „Это буддизм, нирвана“, говорят они, и им кажется, что этими словами они опровергли все то, что признавалось и признается миллиардами людей и что каждый из нас в глубине души знает очень хорошо, — именно, что жизнь для целей личности губительна и бессмысленна, и что если есть какой-нибудь выход из этой губительности и бессмысленности, то выход этот несомненно ведет через отречение от блага личности. То, что так понимала и понимает жизнь большая половина человечества, то, что величайшие умы понимали жизнь так же, — то, что ни как нельзя ее понимать иначе, нисколько не смущает их. Они так уверены в том, что все вопросы жизни если не разрешаются самым удовлетворительным образом, то устраняются телефонами, оперетками, бактериологией, электрическим светом, робуритом и т. п., что мысль об отречении от блага жизни личной представляется им только отголоском древнего невежества. А между тем несчастные не подозревают того, что самый грубый индус, стоящий годы на одной ноге во имя только отречения от блага личности для нирваны, — без всякого сравнения более живой чело век, чем они, озверевшие люди нашего современного, европейского общества, летающие по всему миру по железным дорогам и при электрическом свете показывающие и по телеграфам и телефонам разглашающие всему свету свое скотское состояние».

Таким образом, Благодать церкви перестает быть магией и сказкой, которой деспоты и Антихристы пользовались для угнетения народа и становится реальными и действующими институтами, поддержания свободы духа и демократии в обществе.

Важно понимать, что Индивид — отдельно от Церкви Дружбы христианства — действительно не может обрести спасения, потому что человек рождается со своей материальной энергией и ничего о ней не знает, и нужны совместные усилия всего человечества, чтобы каждое новое поколение имело шанс

стать здоровым вовремя, прежде чем его разъест эта страшная врожденная болезнь. Но в то же время, в благодати христианской церкви, понятой таким образом, нет ничего магического и волшебного — сказки дурачившие людей заканчиваются, и на свет божий рождается настоящий, человеческий союз дружбы. Об этом союзе дружбы, возникающем из Пространства Интеллекта много сказано и у Толстого, и у Мережковского, и у Герцена, и особенно у Газданова. В этой не мистической, реальной благодати церкви и состоит особенность Русской Реформации Церкви, очень четко просматривающаяся в произведениях Газданова.

В приведенных ниже цитатах из произведений Газданова видно, что он безусловно строит церковь, то есть единое тело человечества, причем в пространстве и времени интеллекта, ибо главную роль в нем играет вклад прошлых поколений, без которых у нас не было бы этого уникального багажа знаний и культуры, которым не перестает восхищаться Газданов, каждый раз подчеркивая, что это единственное ради чего стоит жить.

Далее, он подчеркивает, что членов коллектива церкви Дружбы связывают Совесть и Сочувствие, чувство Справедливости, так живо выраженное в кредо Французской Революции: Свобода, Равенство, Братство. Он постоянно переживает о несчастных людях, и думает о том, как можно им помочь. Позиция, которую обычно принято называть традиционной для русской литературы и для еврейских откровений, — помощь слабым, забота о слабых. Далее подчеркивается, что человек, который выздоравливает, чье сознание пробуждается от спячки материальной энергии (то что у Камю называется бунтом и противопоставляется спячке «сакрального сознания» — магического сознания физического контроля), это человек с проснувшейся Совестью: так, уголовник Фред, после пробуждения сознания чтением озабочен прежде всего тем, чтобы не обмануть доверия своего благодетеля.

В последнем романе «Эвелина и ее друзья» наконец строится и сама Церковь Дружбы — узы неразрывной дружбы, посто-

янной взаимопомощи и главное самого искреннего и глубокого научного дискурса об истине жизни связывают много лет четырех друзей. Газданову становится ясно, как Камю, что этот бунт пробудившегося сознания — есть всегда дело коллективное, что совесть, справедливость и истина имеют значение только для «боевых товарищей», которые проснулись чтобы бороться со злом — в себе и других. Диенеш называет, эти романы «подвигом силы» уже потому что эту тему старого как мир «моралистического утопизма», как говорит Кибальник, Газданову удается преподнести не скучно, но напротив очень интересно изложенной.

Наконец, очень важно, что Газданов вовсе не думает отрицать ритуалы и искусство церкви подобно протестантам средневековья, на которых жалуется еще герой романа Вальтера Скотта в «Пуританах»: «Вы ненавидите искусство». Напротив, Газданов считает искусство первым проявлением божественной энергии Духа и для него христианство -это прежде всего великие полотна Микеланджело, Караваджо, Тинторетто, Синьорелли, Джотто, Рафаэля, Челини и многих других, о чем он пишет с умением знатока. Однако и музыка имеет огромное значение в его творчестве.

И вот выясняется, что классическая православная Панихида (рассказ Панихида) вдруг оказалась повергнуть его в такую прострацию метафизического очищения, что он потом, после рассказа Панихида, о котором Диенеш говорит что он всецело автобиографичен, вспомнит вновь об этой панихиде и в романе «Пробуждение» и в романе «Эвелина и ее друзья». И это тот же человек, что любит подчеркивать свою нелюбовь к православию и вообще к ортодоксальному богословию в своих произведениях. Так, он считает слова «блаженны нищие духом» неприемлемыми, — те слова, которые Толстой разоблачил в «евангелиях» как неправильный перевод: «Блаженны духом те — кто нищие», — такой перевод греческого текста дает Толстой. Действительно, все Евангелие о силе и свободе Духа, и место где якобы восхваляется отсутствие энергии Духа в человеке — явное противоречие.

Г. Газданов, «Пробуждение»:

> «Пьер вдруг вспомнил о необыкновенном потрясении, которое он испытал, когда ему было четырнадцать лет и когда его отец решил, что в воскресенье они всей семьей отправятся в Лувр, в котором Пьер до тех пор никогда не был. Пьер помнил ощущение неловкости, которую он чувствовал, когда надевал свой воскресный костюм, — тугой, непри вычный и чем-то тягостный, — праздничный облик его родителей, которые казались ему чужими, потому что на них было платье, в котором он не привык их видеть, длинные коридоры музея, залы, следовавшие за залами, и это огромное количество картин, проходивших перед его глазами первый раз в жизни. Отец ему объяснял — фламандская школа, Возрождение, семнадцатый век французской живописи. Он говорил уверенно, как всегда, но потом Пьер убедился, что его отец знал обо всем этом очень немного и путал имена художников. Когда они вышли из Лувра, перед глазами Пьера продолжало стоять сложнейшее смешение красок и лиц, бесчисленные переливы черного и красного цветов, кардинальские мантии, надменные лица королей, восторженные глаза святых, голые тела женщин, то узкие, то широкие, розовые, белые, смуглые, деревья, море, поля, собаки, мечи, латы, калеки и нищие, безмолвные толпы людей, усы, каски, львы, лошади, путь на Голгофу, солнечный свет и сумерки, стрелы, вонзающиеся в святого Себастьяна, воины, сражения, смерть побежденных, торжество победителей. Пьер никогда не представлял себе этого необыкновенного богатства, этого кладбищенского великолепия музея, где был представлен исчезнувший мир, который нельзя было сравнить ни с чем, что Пьер знал и видел обычно: серые улицы Парижа, люди в пиджаках, женщины в обыкновенных платьях, безличный отблеск желтого электрического света, — мир, в котором погасли краски, потухли глаза, в котором не осталось ни пророков, ни святых, ни этого бурного расцвета жизни во всем ее чудовищном многообразии. Пьер плохо знал историю, еще меньше знал живопись, но это посещение Лувра погрузило его в такую глубокую печаль, какой он никогда до этого не испытывал и причины которой не были ему ясны; в конце концов, это было зрительное впечатление и, казалось бы, ничего больше. Но он увидел то, о чем раньше не имел представления, и после этого ему стало казаться, что он живет в постоянной убогой полутьме скудно освещенного подвала. Он понял это не тогда, когда вернулся домой из Лувра, не тогда, когда ему было четырнадцать лет, а значительно позже, но это чувство подавленности и жестокого лишения того, на что он

имел право, — это смутное и непонятное ощущение он тогда уже чувствовал с необыкновенной силой. Он нередко возвращался потом к этому незабываемому впечатлению от Лувра. Оно постепенно расширялось и переходило в то сложное ощущение, которое сопровождало его всюду и в подлинном происхождении которого он не отдавал себе отчета. Это было почти необъяснимо. Как, казалось бы, зрительное воспоминание об отблеске солнца на каске неизвестного героя, или о неподвижных глазах портрета, написанного в начале шестнадцатого века, или о круглых линиях лошадиного крупа, — каким образом эти впечатления могли привести его к этому ощущению неудовлетворенности своей собственной жизнью, к нелепой мысли о том, что он, Пьер, в силу жестокой несправедливости судьбы был раз навсегда лишен доступа к настоящей, полноценной жизни, а не такой, как та, которая выпала на его долю, — доступа к этому воображаемому великолепию, к этой полноте, к этой силе чувств, к трагедии и торжеству, к тому, ради чего, в сущности, только и стоило жить»

Г. Газданов, «Пилигримы»:

«В течение нескольких лет он бесцельно бродил по парижским улицам. Он знал во многих кварталах все витрины магазинов, все повороты и вид каждого дома. Ему были так же хорошо известны те части города, где жила беднота, и когда он видел маленьких детей, игравших на тротуаре, заплатанное белье, развешенное над ржавыми балюстрадами окон, простоволосых женщин с огрубевшими от стирки и работы руками и то непередваемое выражение лица у всех этих людей, которое так резко отличало их от других, более богатых, ему станови лось тяжело и почти что стыдно за свой костюм, свою квартиру, свою жизнь. Он думал тогда о том, что против этой очевидной и жестокой несправедливости были бессильны любые государственные и политические теории, потому что во всех странах мира царила в этом смысле железная неизменность: одни жили безбедно и комфортабельно, не переутомляя себя работой, существование других проходило в тяжелом труде и бедности, и никакой коммунизм не мог сделать так, чтобы это стало иначе, — если даже допустить, что он к этому стремился».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

«Фреду казалось совершенно естественным, что он действительно должен поехать туда и жить теперь там, так как Рожэ находил это необходимым. Он питал к Рожэ необыкновенное доверие. Он смутно

понимал, что в жизни, которая ему предстояла и о которой он не имел никакого представления, потому что в ней не было ни одного из элементов, составлявших его существование до сих пор, — что в этой новой области Рожэ, конечно, знал все гораздо лучше, чем он. Ему казалось, что с недавнего времени началось какое-то движение, в котором ему, Фреду, предстояла важная роль, — движение, возникшее потому, что существовал Рожэ, и потому, что Рожэ участвовал в нем наравне с Фредом. И он впервые за свою жизнь поду мал, что обмануть этого человека нельзя и что он этого не сделает ни при каких условиях.

Когда Рожэ приехал через неделю, он его спросил:- Ты что-нибудь читал за это время? — Нет. Вы сказали мне, что надо сделать перерыв.- И тебе не хотелось читать? — Очень хотелось, — сказал Фред.- Теперь ты понимаешь, что происходит? — спросил Рожэ. — Я тебе посоветовал не читать, ты со мной согласился, то есть, вернее, не возражал. Я уехал с уверенностью, что ты последуешь моему совету. И ты действительно это сделал. Почему? — Но как же я мог поступить иначе? — Я знал, что ты поступишь именно так. Я от тебя этого не требовал, и я тебя этому не учил. Но ты не сделал этого потому, что ты не хотел обмануть мое доверие. Ты понимаешь? Сейчас ты становишься таким, каким ты был бы всегда, если бы тебя не искалечили внешние обстоятельства.

.....И когда он захватил из библиотеки несколько томов, которые ему указал Рожэ, и начал читать вечером, сидя перед печкой, у него появилось необыкновенное ощуще ние, которого он до сих пор не мог бы себе представить. Ему было трудно изложить это своими словами. Но когда через неделю приехал Рожэ, Фред ему сказал:- Я не мог даже подумать, что есть такие вещи. Mr. Рожэ, я все понимаю. И я понимаю, как живут другие люди, о которых это написано. Но это все правда? Это так и было? — Было — или могло быть, — сказал Рожэ.- И вы все это читали? — Да-да, — сказал Рожэ. — Вот ты увидишь, что будет дальше. Ты поймешь много вещей, о которых ты до сих пор не думал. Я очень доволен. Ты сдвинулся с места, и теперь я надеюсь, что ты не остановишься. Свое свободное время Фред посвящал исключительно чтению, и с каждым днем он все явственнее ощущал то, о чем ему было бы трудно рассказать, но в чем была одна очевидная истина: как бы ни сложилась в дальнейшем его жизнь, она никогда и ничем не будет похожа на ту, какую он вел до встречи с Рожэ. В том, прежнем существовании для него не оставалось места».

Г. Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

«то меня несколько удивляло, хотя за время моей многолетней дружбы с ним иногда случалось, что я долгие месяцы не знал, что про исходит с Мервилем. Но рано или поздно это всегда кончалось одинаково: телефонный звонок или телеграмма, его появление и очередной рассказ о том, что он никогда не думал... что он не понял... что теперь он знает лучше, чем когда-либо... И мне казалось, что каждый раз, когда Мервиль вновь входил в мою квартиру, неизменно печальный, после расставания с той, которая... — он возвращался в мир, где не могло быть ни неожиданностей, ни трагедий, ни сколько-нибудь значительных изменений, мир анализа и комментариев и попыток понять по-иному то, что происходило и произошло. В этом, на первый взгляд, была некоторая парадоксальность, так как Мервиль всегда начинал с того, что повторял истину, в бесспорности которой он был, по его словам, твердо убежден: логика и анализ, выводы и заключения неизменно оказываются несостоятельны, когда речь идет о движении человеческих чувств. Но как это ни казалось странно, он все-таки каждый развозвра щался именно к этому. Было, конечно, и нечто другое — уверенность в незыблемости этого мира: нас было несколько, и каждый из нас всегда был готов прийти другому на помощь, в чем бы она ни заключалась. И без этой помощи, например, я не знаю, что стало бы с Артуром, который нередко оказывался без пристанища и без копейки денег, и тогда он являлся к Мервилю или ко мне, зная, что все будет устроено и что его не оставят в беде. Совершенно так же поступала Эвелина — с той разницей, что у нее был такой вид, будто она нам делает одолжение и мы должны ценить то, что она обращалась к нам, а не к кому-нибудь другому. У Мервиля было иное положение — он был богат, но моральная поддержка была ему не менее необходима, чем материальная помощь была — Артуру или Эвелине. Ему было нужно что-то, что не может измениться, на что можно рассчитывать всегда. Конечно, об этом никогда не было речи, конечно, об этом никто никогда не думал, но это было именно так. И когда, после долгого отсутствия и путешествий — Америка, Канада, Испания — Мервиль вх дил в мою квартиру и садился в кресло, он говорил:- Есть что-то утешительное в этом, ты знаешь? Все те же книги на тех же полках, тот же диван, тот же стол, ничто не меняется. Удивительно, как ты можешь жить в этой неподвижности?»

Г. Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

«И ничто не могло им помочь в этом Богом забытом мире — и я подумал, что только, быть может, в последний день над деревянным ее гробом хор русской церкви будет петь эти незабываемые

и торжественные слова «со святыми упокой» — если ей не будет суждено быть похороненной в братской могиле муниципального кладбища, откуда в объятиях ангела с лебедиными крыльями ее бедная душа вознесется туда, где «несть ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная», — как это давно, в моем детстве, объяснял нам отец Иоанн, наш законоучитель, высокий человек в рясе, с лицом пророка и картинной черной бородой. Славянские глаголы в их архаическом великолепии медленно струились в его речи, и он всегда оставался для нас живым образом того библейского и евангельского мира, о котором он говорил на своих уроках и в своих проповедях в церкви: Иисус Навин останавливал солнце, пророк Даниил стоял, окруженный львами, горела и не сгорала неопалимая купина, апостол Павел писал свои послания, и на Царских Вратах нашей церкви, освещенные огнем восковых свечей, горели слова: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою Вы».

Г. Газданов, «Панихида»:

«Служите, батюшка, как в монастыре, — сказал он, — а мы вас поддержим, не собьемся. Он обернулся к своим товарищам, поднял вверх обе руки повелительным и привычным, как мне показалось, жестом, — священник посмотрел на него с удивлением, — и началась панихида. Нигде и никогда, ни до этого, ни после этого я не слышал такого хора. Через некоторое время вся лестница дома, где жил Григорий Тимофеевич, была полна людьми, которые пришли слушать пение. Хрипловатому и печаль ному голосу священника отвечал хор, которым управлял Володя. „Воистину суета всяческая, житие же сень и соние, ибо всуе мятется всяк земнородный, яко же рече Писание: егда мир приобрящем, тогда во гроб вселимся, иде же вкупе цари и нищие“. И затем опять это беспощадное напоминание: „Таков живот наш есть: цвет и дым и роса утренняя воистину: придите ибо узрим на гробех ясно, где доброта телесная; где юность; где суть очеса и зрак плотский; вся увядоша яко трава, вся потребишася“. Когда я закрывал глаза, мне начинало казаться, что поет чей-то один могучий голос, то понижающийся, то повышающийся, и его звуковое движение заполняет все пространство вокруг меня. Мой взгляд упал на гроб, и в эту минуту хор пел: „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробе лежащую, по образу Божию созданную нашу красоту — безобразну, бесславну, не имеющую вида“. Никогда панихида не казалась мне такой потря сающей, как в этот сумрачный зимний день в Париже. Никогда я не чувствовал с такой судорожной силой, что ни в чем, быть может, человеческий гений

не достигал такого страшного совершенства, как в этом сочетании рас каленных и торжественных слов с тем движением звуков, в котором они возникали. Никогда до этого я не понимал с такой пронзительной безнадежностью неудержимое приближение смерти ко всем, кого я любил и знал и за кого возносилась та же молитва, которую пел хор: „Со святыми упокой…“ И я думал, что в этот страшный час, который неумолимо придет и для меня, когда перестанет существовать все, ради чего стоило — быть может — жить, никакие слова и никакие звуки, кроме тех, которые я слышал сейчас, не могут выразить ту обреченность, вне которой нет ни понятия о том, что такое жизнь, ни представления о том, что такое смерть. И это было самое главное, а все остальное не имело значения. „Вси бо исчезаем, вси умрем, цари же и князи, судьи и насильницы, богатые и убогие и всё естество человеческое“. И над умершим будут звучать эти же раскаленные, как железо, слова. Когда отпевание кончилось, я спросил Володю:- Откуда это все у вас? Каким это чудом все вышло, как вы составили такой хор? Да просто так, — сказал он. — Кто в опере когда-то пел, кто в оперетке, кто просто в кабаке. И все в хоре пели, конечно. А уж церковную службу мы с детства знаем — до последнего вздоха».

Laszlo Dienes, On Gazdanov:

«The Funeral Service» takes place during «the cruel and gloomy time of German occupation of Paris.» The narrator, whom we know to be Gazdanov for the story is wholly based on a real-life event, meets through an acquaintance several Russians who are turning big profits on the black market trading with the Germans. These peo- pie, destitute before the war, are now rich, yet not happy. When one of them, Grigorij Timofeevič, the one who kept wondering about happiness, dies his friends arrange a funeral service in his house. The narrator is invited and there he undergoes one of the most moving spiritual experiences of his life- These simple Russians, now blackmarketeers and collaborators, most of whom were physical workers or on welfare before the war, make up a choir the like of which the narrator has never heard in his life, either before or after- They sing the Church Slavic words of the Orthodox funeral service with so much feeling, they sing life is a condemnation to death («vsi bo isčezaem, vsi umrem, cari že i knjazi, sud'i i nasil'nicy, bogatye i ubogie i vse estestvo čelovečeskoe») with so much under- standing that when he later recalls this night that so shook him «it begins to seem to him that all this did not really happen, that itwas all a vision, a short-lived intrusion of eternity into that contingent historical reality in which we

lived, speaking foreign words in a foreign language, not knowing where we go and where we come from.
With an astounding artlessness and lack of means Gazdanov succeeds in evoking the atmosphere of the funeral service; one hears its painfully beautiful music and its words seem to carry the full weight of their meaning»

ГЛАВА 5. МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ БУНТ ГАЗДАНОВА ПРОТИВ АБСУРДА МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА

1. СОЦИАЛЬНЫЙ МИР ЭНЕРГИИ ДУХА ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО МИРА ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

«Ночные дороги» Газданова принято сравнивать с «Мертвым домом» Достоевского, — с книгой, которую сам Газданов ценил чрезвычайно высоко. Тем не менее, мне кажется, что весь тон книги — как выражение крайней степени отвращения к абсурду социального мира, построенного людьми материальной энергии — этот тон книги значительно ближе, конечно же, «Над пропастью во ржи» Джерома Селинджера или «Крейсеровой сонате» Льва Толстого.

Действительно, читая отчет о социальном устройстве окружения, где людям самой высокой культуры не найти места лучше, чем шофера такси, — каждый раз словно слышишь слова Селинджера:

«Boy, was I depressed!»

Та позиция Газданова об абсурдности социальной действительности, которую Ласло Диенеш в своем отчете о произведениях Газданова называет «that monstrous absurdity, abomination and idiocy in which ordinary human life is spent» — та чудовищная абсурдность, мерзость и идиотство в которых протекает жизнь рядовых людей.

Что роднит Газданова и Селинджера? Да то же, что его роднит с Толстым и Камю: Метафизика Интеллекта, интерес к «пробуждению сознания», как этот метафизический бунт назван в буддизме. Известно, что Селинджер, как почти все герои Газданова был очень замкнутым человеком, который старался

и избегать контактов с обществом, и много времени посвящал религиозным практикам аскетизма и буддизма. Главная тема Селинджера в его самом известном произведении — это тема абсурдности социальной действительности, которая своим безумием и отсутствием человеческого облика погружает его героя в глубокую депрессию и постоянные мысли о самоубийстве.

Обычно людей, которые так резко критикуют современные капиталистические демократии западного мира принято называть социалистами. Видимо просто потому, что так называемый «социализм» — это единственная известная альтернатива современному капитализму, — ведь ни Селинджер, ни Камю, ни Бенда, ни Честертон, ни тем более Толстой или Газданов никогда не высказывали своего принятия того строя, который называют «социализмом» — то есть того «убогого» деспотизма, который всем знаком по опыту страны совестов.

Нет, дело вовсе не в разделении людей на капиталистов и социалистов, как это кажется наивным и убогим дарвинистам и марксистам — людям, которые привыкли смотреть на мир глазами теории людей обезьян, которые отличаются друг от друга только склонностями к тому или иному экономическому устройству.

Однако, на самом деле, как мы могли видеть в предыдущей главе, все намного сложнее. Люди — не обезьяны, а сложные существа, в которых присутствует две совершенно различные и враждебные друг другу энергии: духовная энергия интеллекта, и материальная энергия поля Эгосистемы. Соответственно, люди различаются не своими предпочтениями в области экономического устройства общества — плановой или рыночной экономики, — а они различаются тем, в каком мире они хотят жить: в духовном мире Пространства Интеллекта или в материальном мире отношений Насилия и Подчинения; в мире научного контроля разума, совести и справедливости, или в мире физического контроля права сильного.

Вот в чем определяющее различие между людьми. И когда такие люди, как Бенда и Камю, Честертон и Рассел, Толстой

и Газданов, Селинджер и Генрих Манн выражают свое самое непримиримое отношение к современному капиталистическому миру — они противопоставляют его не другой организации материальной энергии, — нет, не социализму; они противопоставляют его старым как мир поискам «Республики» Платона, «Царствия Небесного Христа или иначе «Града Божьего Блаженного Августина.

Они противопоставляют тот социальный мир, который может и должна создать Энергия Духа Человека — тому социальному миру, который сегодня сумела создать лишь материальная энергия человека, то есть физический контроль поля Эгосистемы вместо научного контроля Пространства Интеллекта. И возмущаясь капиталистическим миром все эти великие умы говорят — капиталистический мир не есть порождений научного контроля Энергии Духа человека, точно также как коммунистический мир марксизма-ленинизма не имеет никакого отношения к Энергии Духа. А нам, людям, непременно нужно построить такое общество, такой Град Божий, такую Республику Платона, в которых смог бы жить Человек, а не убогое животное поля Эгосистемы. Вот о чем идет философский дискурс в произведениях Камю, Франца Кафки, Генриха Манна и Льва Толстого.

Л. Толстой, «Царствие Божье внутри вас»:

> «Если социалисты и коммунисты считают злом индивидуалистическое капиталистическое устройство общества, анархисты считают злом и самое правительство, т. е. и монархисты, консерваторы, капиталисты, считающие злом социалистическое, коммунистическое устройство и анархию; и все эти партии не имеют иного, кроме насилия, средства соединить людей. Какая бы из этих партий ни восторжествовала, для введения в жизнь своих порядков, так же как и для удержания власти, она должна употребить не только все существующие средства насилия, но и придумать новые. Порабощены будут другие люди и людей будут принуждать к другому, но будет не только то же, но более жестокое насилие и порабощение, потому что вследствие борьбы усилится ненависть людей друг против друга и вместе с этим усилятся и выработаются новые средства порабощения.
> .....Одно из поразительных явлений нашего времени это — та проповедь рабства, которая распространяется в массах не только прави-

> тельствами, которым это нужно, но теми людьми, которые, проповедуя социалистические теории, считают себя поборниками свободы. Люди эти проповедуют, что улучшение жизни, приведение действительности в согласие с сознанием произойдет не вследствие личных усилий отдельных людей, а само собой, вследствие известного, кем-то произведенного насильственного переустройства общества».

Они не видят разницы между капитализмом и социализмом как разными экономическими системами — они считают обе системы частью материального мира физического контроля поля Эгосистемы. Они ищут «симфонии счастливого человечества» как говорит Газданов в построении социального мира, органичного для духовного энергии научного контроля поля совести и справедливости человечества. Социальный мир материальной энергии — всегда будет оставаться миром зловонного тления для всех людей, хотя только люди с пробудившимся сознанием, с пробудившейся энергией Духа, могут почувствовать это зловоние. И именно это зловоние тления духовной энергии человечества под автоматизмами материальной энергии физического контроля и внушает Селинджеру, Камю, Газданову, Толстому такое сильное отвращение.

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

> «И неоднократно мне хотелось, разом, в один короткий день, забыть все, что мне пришлось видеть, испытать и узнать, — для того, чтобы исчезло это тягостное видение мира и заменилось бы каким-либо сверкающим и гармоническим представлением, чем-то вроде сложной и стройной симфонии счастливого человечества.
> .....в силу какого невероятного стечения обстоятельств все это множество чужих и великолепных существований, весь этот бесконечный мир, в котором я прожил столько далеких и чудесных жизней, свелся к тому, что я очутился здесь, в Париже, за рулем автомобиля, в безнадежном сплетении улиц, на мостовых враждебного города, среди проституток и пьяниц, мутно возникающих передо мной сквозь легкий и всюду преследующий меня запах тления?
> Но вопрос о моей личной судьбе не был ни единственным, ни даже самым важным. Мне все чаще и чаще начинало казаться, что та беззвучная симфония мира, которая сопровождала мою жизнь, нечто трудно определимое, но всегда существующее и меняющееся, огромная и сложная система понятий, представлений, образов, дви-

> гающаяся сквозь воображаемые пространства, — что она звучала все слабее и слабее и вот-вот должна была умолкнуть».

Л. Толстой, «Царство Божие внутри вас»:

> «И тут-то с составом людей, одуренных до того, что они обещаются убивать своих родителей, общественные деятели — консерваторы, либералы, социалисты, анархисты — толкуют о том, как устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть.
> И вот, с одной стороны, люди, христиане по имени, исповедующие свободу, равенство, братство, рядом с этим готовы во имя свободы к самой рабской, униженной покорности, во имя равенства к самым резким и бессмысленным, только по внешним признакам, разделениям людей на высших, низших»

Каковы же очертания этого социального мира духовной энергии? Какие примеры мы знаем из истории?

Человек отличается от животного так радикально, что ничего общего между людьми и животными не остается — даже пространства и времени, в которых они существуют. Разум человек — не есть инструмент приспособления к материальной среде, как учат Дарвин и Маркс. Разум человека есть Ключ к Пространству Интеллекта Господа, установившего Законы Природы. И когда человек научился пользоваться этим ключом и стал открывать законы природы, а потом понял что законы природы всегда приводят к открытию природных энергий — Человек получил Доступ в Пространство Интеллекта Господа. Он познал Законы Природы, установленные Господом. И теперь он также сильно отличается от животного, как отличается от материального пространства-времени конкретных вещей — пространство-время интеллекта, представленное законами природы (формулами интеллекта), определяющими движение энергий материального мира. Вот какова непроходимая пропасть между Человеком и животным» Человек — гость в Про-

странстве Интеллекта Господа, он не может устанавливать законов природы или менять их, или отказать подчиняться им, но он может познавать эти законы и контролировать их» он имеет доступ таки образом к Силе Всего Космоса, тогда как животному, в его каждодневной борьбе за глоток воды, воздуха и пищи, никогда не выйти из круга своего биологического голода. Вот как отличается человек от животного!

Каким же должен быть социальный мир духовной энергии человека, который уже успел поселится в специфически человеческом Пространстве-времени, то есть познал законы природы и научился их контролировать, получил доступ к силе природных энергий? Теперь пространство его обитания — мысленное, духовное — это пространство формул интеллекта, «отвлеченных идей», как говорит часто Газданов, законов природы, известных теперь человечеству. Теперь время его жизни измеряется не количеством лет от рождения тела до смерти тела индивида, — теперь время жизни каждого человека отмеряется его образованием, его доступом в Пространство Интеллекта Человечества, доступом к Культуре человечества, — знанием открытых законов природы, знанием искусства, в которых эти открытия запечатлены. Жизнь Человека, знающего всемирную историю равна длительности этой истории. Вот что значит Пространство-время энергии Духа человечества.

Понятно, что социальное устройство общества духовной энергии человечества будет основано на законах природы Энергии Духа человечества. Каковы эти законы? Потребность в Правде, Истине, Справедливости, Совести, Сочувствии — все это составляет эмоциональное поле духовной энергии, и свидетельствует о Единстве силового поля Энергии Духа, о едином Я, о едином объекте контроля духовной энергии, где люди ценой своей жизни будут защищать общую правду и чистоту совести.

Это общество Церкви Дружбы в пространстве-времени Интеллекта, где люди общими усилиями будут поддерживать и расширять знания законов природы, установленных Господом (все законы установлены Господом, никто другой не мог их

установить, или их совсем нет, как говорят скептики и агностики). Поддерживать, расширять и передавать эти знания новым поколениям — вот почему нет и не может быть Спасения индивидуального, вне Церкви, — ведь нужны все эти институты науки и образования, институты заботы граждан друг о друге и о подрастающих поколениях, чтобы каждое новое поколение приходило в мир со знанием законов психики и законов истории, и таким образом очищалось от активности вложенной природой материальной энергии.

Общество, которое будет озабочено прежде всего сохранением своего обитания в пространстве-времени Интеллекта, то есть сохранением научного контроля, — такое общество всегда будет основано как Церковь Дружбы Совести и Справедливости, как общее Я человечества, где несчастье других автоматически означает несчастье каждого.

Эрнест Ренан в жизни Иисуса точно поставил диагноз материалистам-социалистам, которые пытались воссоздать единство духовной энергии на базисе материализма — Иисус поднимал народы на восстания против правды, и все движения материалистов будут провальными, пока Церковь Дружбы не встанет на своем органическом базисе: на базисе пространства-времени Интеллекта, научного контроля законов природы. То же самое говорит Достоевский в «Братьях Карамазовых», и Мережковский приводит эту цитату в анализе его творчества. Нет и не может быть «товарищей» на базисе материальной энергии, ибо материальная энергия психики устроена как все материальные энергии — круговороте равновесия-неравновесия, что для живых энергий значит постоянный и неутолимый Голод и поедание друг друга. Если биология устроена как Голод пищи и секса (голод воздуха, воды, тепла), то поле Эгосистемы устроено как Голод (страх) Силы, и если животные поедают друг друга, чтобы подавить голод, то поле Эгосистемы людей разрушают друг друга в круговороте Насилия и Подчинения (садомазохизма). Вот почему все попытки поставить общество «Товарищей» на базисе дарвинизма и марксизма-ленинизма всегда приводит к установ-

лению обыкновенного архаичного Левиафана, как мы знаем их с самых древних восточных деспотий Вавилона, Ассирии, Египта, Финикии, с которыми сражались еще ветхозаветные пророки, проклиная «Тир и Сидон».

Смешно то, что фашизм Режима Путина, обозначил под «духовностью» магическое сознание Антихристов, которые есть точная противоположность Толстому и евангелиям: там, где Толстой стремится очистить от «магии и волшебства, сводящих с ума разумного человека» Евангелия, чтобы вернуть им их философию и Дух, там Режим Путина стремится наоборот свести великую философию Силы и Свободы Духа, презирающую насилие и подчинение поля Эгосистемы — свести эту философию к волшебной сказке, где сам Бог учит людей подчиняться насилию варваров: «Господь терпел и нам велел», вот вся истины великой философии духа Евангелий Христа, что оставили антихристы Режима Путина, поставившие свой Левиафан Мертвой Мысли и Мертвой Совести на крови святого мученика.

Выйти из этого круга насилия, как говорит Толстой, значит основать Церковь Дружбы на пространстве-времени Интеллекта — то есть на научном контроле законов природы. Для открытия законов природы психической энергии например, это означает — Написание Учебников Всемирной Истории согласно законам Священной Войны, которую ведет Энергия Духа Человечества с материальной энергии с момента зарождения разума человечества (приблизительно первое осевое время Откровений Индии, Персии, Израиля, Греции, Рима). Сейчас в так называемой истории — открыто признается вообще отсутствие каких-то закономерностей. «История учит нас тому, что история ничему не учит» — вот слова Гегеля и его последователей скептиков. Однако, Открытие законов психической энергии доказывает, что история — это священная Война Энергии Интеллекта (Духа) с материальной энергии поля Эгосистемы, показывает этапы этой войны, великие победы духа и трагедии его поражений, и объясняет причины побед и поражений. И в результате учит людей смотреть на материаль-

ный мир, в том числе на социальный мир материальной энергии — с точки зрения «вечных ценностей», «are always seen sub specie aeternitatis», как пишет Ласло Диенеш о законах «перерождения личностей» в романах Газданова — с точки зрения вечных законов природы.

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> «these changes are always seen **sub specie aeternitatis**, in a perspective that is not satisfied to explain events by their immediate causes and effects, in their temporal and material reality, but seeks (and cannot help seeking) an explanation, an understanding of why all this, cause and effect, the cause of the cause, the effect of the effect, happens, why things are what they are, what their real nature or purpose or essence (these being the same here) is, why they occur, why, in fact, they exist».
> …Even a superficial acquaintance with Gazdanov's works would make it obvious that psychological-spiritual movement («self- realization») is always and everywhere in the center of attention and is, with all the philosophical implications, what the works are ¯ really «about».

Самоактуалы Маслоу неслучайно также смотрят на мир только с точки зрения вечности **sub specie aeternitatis** — то есть с точки зрения вечных законов природы, и неслучайно у них, как у Газданова цель всего жизненного движения как подчеркивает Ласло Диенеш, есть Воплощение или самореализация (самоактуализация).

Действительно, Газданов говорит Фреду устами Роже в Пилигримах, что познать себя — значит построить теоретический мир. И мы строим такой теоретический мир, такой мир Знаний Законов Природы Человечества, когда научаемся объяснять факты всемирной истории законами противоборства двух силовых полей психической энергии, — священной Войной Духа с «сатанизмом» материальной энергии, разлагающей и поедающей его. Понятно, что в так понятом «сатанизме» не остается ничего магического — только энергия-паразит, пожирающая разумную энергию Духа, и кощунство сознательного нападения на Энергию Духа у разложившихся Гадов Бесхребетных физического контроля поля Эгосистемы.

И когда человек увидит всемирную историю Человечества во всем великолепии этой грандиозной войны Духа с Гадом, который приполз к его колыбели, когда Дух был совсем младенцем и не имел ни развитой логики ни знаний законов природы — и началась страшная кровая бойня Духа мясником полем Эгосистемы, физическим контролем садомазохизма! И в этом неравном бою, выросший и возмужалый Дух, постепенно задушил Змея Эгосистемы подобно маленькому Гераклу в колыбели. И перед взором человека обретающего научное видение всемирной Истории встанут Великие Герои Духа, их грандиозные победы; встанут Великие трагедии их поражения в неравной войне с подлыми и низкими Гадами Бесхребетными; и в восхищении их подвигами, в жалости к их поражениям, в ненависти к Гадам Бесхребетным, в любви к великому знанию и искусству, что в тяжелой борьбе, жертвуя жизнь и здоровье создавали для них великие герои человечества — люди наконец обретут то, чего до сих пор у них не было: облик своего истинного Я, ибо облик нашего истинного Я не есть история жизни индивида, а есть тело духовной энергии, как оно разворачивается в законах психики во всемирной истории!

Вот тогда, когда это великое здание Культуры Человечества, о котором с такой трогательной и пронзительной тоской пишет Газданов как о чем то недостижимом — когда это здание всемирной культуры станет обликом каждого человека, и люди узнают как выглядит их Истинное Я и смогут отделить его от ложного Эго, то есть от своей роли в примитивной иерархии насилия и подчинения, которую сегодня представляет любое общество, как его не назови — только тогда они станут гражданами пространства-времени Интеллекта. И только тогда, спонтанно возникнет Церковь Дружбы из этого истинного интеллектуального и чувственного образа Я, который им даст научное понимание Всемирной истории, как становления единого тела духовного энергии.

Понятно, что меньше всего такая Церковь Дружбы может устоять на «любви ко всем» и на прощении Гадов Бесхребет-

ных, — убежденных кощунников, мертвой совести и мысли, сознательно калечащих и уничтожающих энергию Духа. И нигде в евангелиях нет призыва ни к тому, ни к другому, ибо Иисус прямо говорит в евангелии от Иоана, что просит «не за всех, но за избранных», — за тех, что пошли за словом Господа. И вся проповедь евангелия — проповедь борьбы Добра со Злом, проповедь Священной войны, на которой и встала великое сообщество Отцов Католической Церкви Church Militant!

Ибо существо Церкви Дружбы — Священная война со Злом, та самая война что лежит в основе всей истории человечества. И если до сих пор эта Церковь так и не возникла из небытия, как антипод и гроза Левиафанов Гадов Бесхребетных, которые умудрялись все Революции и Победы Духа превращать в «кровавое колесо» своего садомазохизма, то это потому, что не было до сих пор Пространства Интеллекта Законов Природы Психической Энергии. Хотя были зачатки знаний уже со времен первых этических религий, которые расширяли многие великие умы, о вкладе которых рассказано подробно в томах Научной Революции Энергетика! Как сейчас мы рассказываем о вкладе Гайто Газданова!

Первые попытки установить Церковь Дружбы предпринимались с амого Осевого времени первых этических религий — так известна слава пифагорейских сообществ («а у друзей все общее» найдены были их чашки с такими надписями), которые сравнивают с христианскими монастырями.

Сократ и Платон оставили нам первое великое теоретическое построение социального мира духовной энергии — «Республику» Платона.

Е, Трубецкой, «Социальная утопия Платона»:

> «Для осуществления религиозной цели спасения необходим особый религиозный союз, не связанный мирскими задачами, отличный от государства и свободный от него. Такого союза языческая древ ность не знала. В результате получается то двойственное создание, которое Платон изобразил в своей „Политии“: государство с функ циями церкви, языческий монастырь идеальных граждан, общество верующих во всеоружии светского меча. Прежде всего

это — подго товительная ступень к блаженству — воспитательное учреждение, которое должно вести человека к его вечной цели спасения. В пла тоновском государстве спасение — не одна из многих задач, а та единая и единственная задача, которая определяет собою все его устройство и все направление его деятельности. Одна из любимых тем „Политии“ — полемика против многоделания. Платон хочет, что бы у всего государства, как и у каждого отдельного человека, было 76 УБИЙСТВО СВЯТОЙ ДИАНЫ только одно дело, одна всепоглощающая забота — о том едином, что есть на потребу. Это единое и единственное дело государства и гражданина есть справедливость, правда. Правда в государстве и душе таким образом, — одно и то же. Гармо ническое соотношение общественных сил, которое она устанавлива ет в государстве, совершенно соответствует той внутренней гармо нии сил и способностей, которую она устрояет в душе: а потому справедливое государство совершенно подобно праведному чело веку. Нормальное состояние души заключается в господстве высшей способности над низшими, то есть ума — над честолюбием и чув ственными влечениями. Ум видим красоту, истину и благо, он распо знает ту цель к которой надо стремится, ему и подобает вести душу к этой цели. Задача философского государства именно в том и за ключается, чтобы осуществить этот нормальный душевный строй, со вершить тот полный душевный поворот человека к Богу, о котором повествуется в знаменитом сравнении земной жизни с пещерой. Чтобы быть совершенно благим, государство должно быть мудрым, мужественным, воздержанным и справедливым. Отсюда видно, что собственно светские задачи в платоновом госу дарстве — на последнем плане: они здесь составляют не цель, а средство и допускаются лишь в пределах забот о хлебе насущном. Основная же задача заключается в полном духовном возрождении человека, в изменении всех его жизненных ценностей, в преобразо вании всего его внутреннего мира.. Но вопрос о спасении души сплетается с вопросом о образах правления очень тесно. Чтобы по рвать путы, задерживающие полет человеческой души в горние вы си, нужно освободить ее от честолюбия и властолюбия, от стяжания, от вольницы разнузданных страстей, от тирании аффекта. Но все эти разнообразные пути неправды и соответствующие им человеческие типы, выражают собой внутреннее содержание существующих обра зов правления — тимократии, олигархии, демократии, тирании. Вот почему и царство правды в философии Платона стремится выразить ся в особом образе правления. Этой новой форме общежития предстоит заботит-

ся не столько о те лах, сколько о душах. Неудивительно, что когда Платон говорит о ней, самый язык его предвосхищает позднейшие христианские и в особенности средневековые выражения: правители у него — пастыри, воины — сторожевые псы, охраняющие стадо (Платон оза бочен тем, чтобы они не выродились в волков); наконец, прочие граждане — овцы. И совершенно также как впоследствии в сред ние века, на первом плане у Платона — единство стада. Начиная от Августина религиозно-политическая литература средних веков видит в Единстве форму царствия Божьего, печать божественного в строе вселенной, в человеческой душе и в особенности в челове ческом обществе. В действительности мы имеем здесь традицию идущую от Платона, быть может даже от пифагорейцев. Во всяком случае несомненно, что для Платона идея блага — начало единства всего мира идей, а идея вообще — единое во многом, то что сво дит к единству разнообразие мира явлений, начало стройного по рядка; раздвоение же проявление дурного материального начала, которое противится идее. К своим гражданам Платон предъявлял те же требования какие впо следствии апостол Павел предъявлял к членам Церкви — тела Хри стова: „страдает ли один член, страдают с ним все члены; славит ся ли один член, с ним радуются все члены". Сходство выражений тут не случайно. Платон ставит идеальному государству ту самую за дачу, которая по праву принадлежит только церкви. Но еще ценнее и значительней для нас положительный вывод фило софа: он понял, что в этой языческой жизни от начала до конца все — ложь, что правда не справа, не слева и не в центре, а сверху, НАД борьбой классов и партий, НАД существующими формами об щежития, что жизнь личности и общества только тогда обретет свой смысл, когда она воссоздается согласно ее божественному первооб разу. Гигантским усилием мысли он вознесся над землею и вспомнил небесную родину. В порыве вдохновения он увидел то, чего раньше в его вреде никому не было дано видеть — тот мир, тот мир где Бог есть все во всем, где нет ни борьбы, ни раздвоения, ни ненависти, ни страсти, ту всеобщую гармонию где хаосу навеки положен пре дел. Он понял, что истинное общежитие есть то, где люди едины в Боге, где все живут единой мыслью и единым чувством — в том со вершенном дружестве, которое упраздняет различие моего и твоего».

Рим удивил мир Империей Антонинов, и той Церковью Дружбы, которую Эрнест Ренан называет Республикой Платона впервые воплощенной в истории Марком Аврелием. Мое мне-

ние, что истинная Церковь Дружбы великих героев Духа Тацита и Плиния Младшего в их бессмертных книгах, которые несомненно являются Священными Писаниями римлян.

Следующее чудо на пути воплощения в жизнь Церкви Дружбы как социального мира Духовной энергии сделала конечно же Великая Ранняя Католическая Церковь, которой Огюст Конт по понятным причинам предсказывал «вечную славу». А Эрнест Ренан пишет в Жизни Иисуса- что христианская церковь есть величайшее достижение этого религиозного гения (ни Ренан, ни Толстой, ни Эйнштейн, ни Научная Революция Энергетика не признают конечно же мифов о божественности великого духоборца Иисуса Христа). Христос как все люди — Божественен в том смысле в каком божественная духовная энергия, и значительно больше в том смысле, в каком мощь его Духа превышала мощь Духа среднего человека. Но в остальном, мы все — дети законов природы, установленных Господом.

На мой взгляд, научной истории еще предстоит находить такие ранние зачатки церкви духа в истории интеллигенции всех народов — как например сообщество Флобера, Золя, Жорж Санд, Тургенева, Мопассана, братьев Гонкур и Доде. Или же подобно великому братскому Духу, переданному в знаменитых воспоминания Александра Герцена о революционной борьбе в России самых прекрасных ее сынов — «Былое и Думы». Из этих зачатков Церкви Дружбы в недрах интеллигенций всех времен встанет со временем великое и грандиозное здание Победы Энергии Духа человечества в Священной войне с Гадами Бесхребетными — встанет на обломках жутких тел этих Гадов, их страшных и кровавых Левиафанов садомазохизма.

Сегодняшний коллапс человеческой культуры проявляется не только в том, что как утверждают Бенда (Предательство Интеллектуалов), Честертон (Ортодоксия и др. Апология), Камю (Бунтующий человек), Финкелькраут (Поражение разума), Толстой (Дневник сумасшедшего, Круг Чтения, Что такое искусство) — не только в том, что разрушена наукой, а вместе с ней и разум человеческий ввергнут в бездну отчаяния (самоубий-

ство разума, ужас Арзамаса), но еще и в том, что Литература и Искусство как Зрелость Человека понимают Романтизм, то есть свадьбу Мужчины и Женщины.

Напротив, когда Разум человечества будет реабилитирован, и возвращен из «глубокого душевного обморока», как говорит Газданов, — то станет очевидным, что Зрелость Личность есть момент ее инициации в Церковь Дружбы, момент, когда человек не только теоретически понимает что такое человеческое Я и история священной войны за Энергию Духа, но и на опыте чувствует это грандиозное чувство единства с великими героями Духа. Это и есть Церковь Дружбы, (а дружа есть честь, как говорит Спиноза в Этике), это и есть «счастливая симфония человечества», которую так упорно искал Газданов. И на мой взгляд, это также величественно и красиво как когда пятая симфония Бетховена стучит в дверь судьбы человечества.

2. АБСУРД СОЦИАЛЬНОГО МИРА ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ В «НОЧНЫХ ДОРОГАХ» ГАЗДАНОВА

Как известно, тема «абсурда» является центральной в экзистенциализме, как в атеистическом, так и в христианском. Кардинальное отличие этой темы в двух разновидностях экзистенциализма в том, что абсурд в атеизме — пессимистичен, как у Ницше, который не может и не хочет его преодолеть; в христианском экзистенциализме, начиная уже с Сократа, которого Ницше ругает за оптимизм научного контроля законов природы — абсурд преодолим, и потому тон христианства действительно оптимизм.

Понятно, что Абсурд — это ни в коем случае не состояние всего мира, и ни в коем случае не нормальное или постоянное состояние мира социального, — по крайней мере с точки зрения христианского экзистенциализма. Абсурд — это неправильное положение вещей, которое происходит из временной победы материальной энергии поля Эгосистемы — над Энергией Духа

поля Интеллекта человечества. Таким образом, абсурд окружающего нас социального мира — это только симптом болезни, пожирающий человечество, или как говорит Герберт Уэллс о Гитлере, — только прыщик на теле больного человечества.

Понятно также, что чтобы понять природу Абсурда как заболевания человечества, возникшего вследствие разложения разумной духовной энергии под активным полем Эгосистемы материальной энергии, — для этого нужно смотреть на человечество подобно самоактуалам Маслоу — с точки зрения вечности законов природы, и в данном случае законов природы психической энергии.

Если обычный человек попробует написать о том, какое сильное отвращение вызывает у него его окружение, его просто обвинят в высокомерии и мизантропии, или попросту в том, что он плохой и злой человек. Чтобы обвинение против абсурда общества прозвучало убедительным, человек в том обвинительном акте, как говорил Герцен о русской литературе, что он составляет в своем произведении, должен суметь воссоздать вертикаль перспективы взгляда « с точки зрения вечности sub specie aeternitatis», — то есть с точки зрения Господа, с точки зрения его Законов Природы, сточки зрения Божественной Энергии Духа пространства-времени Интеллекта.

И если мы в произведениях Газданова, Селинджера, Толстого, Достоевского, Камю — слышим этот апокалиптический крик святого Иоана против Зверя, пожирающего духовное тело человеческого общества, — то это потому, что они сумели воссоздать эту вертикаль Метафизического Бунта против материальной энергии поля Эгосистемы. Они кричат не о том, что их обидели, они кричат о том, что Природа Человека в законах природы Духа, в потребности в Правде, Справедливости, Совести была осмеяна и искалечена, и что ни один человек не в силах этого изменить в одиночку, своими собственными силами, и потому каждая живая еще душа чувствует себя в западне, запертая в абсурде мертвого мира материальной энергии, как в каменном гробу. Потому Камю подчеркивает, что его Бунт —

это Метафизический Бунт. Он хочет сказать этим, что есть одна правда для всего человечества, установленная Господом в законах природы, и что если бы этой единой правды не было — как–утверждают скажем атеисты — то, они не имели бы права возмущаться абсурдом материального мира. Тогда любой идиотизм и любая мерзость были бы также хороши как история святости и культуры человечества. И только утверждение Метафизической истины, как законов природы, установленных Господом, делают Бунт против социального мира поля Эгосистемы — не только оправданным и должным, но еще и придают ему силу Священного Бунта против Кощунников и святотатцев, посмевших посягнуть на святая святых человечества — на здоровье и жизнь Энергии Духа человечества, на святость и культуру всемирной истории своим зловонным разлагающим воздействием насильников и варваров.

И у Газданова получилось сказать это с апокалиптической убедительностью Священных писаний — получилось воссоздать эту вертикаль Метафизического Пространства Интеллекта, с высот которого только и можно выносить приговор мертвящего воздействию всей системы социального мира материальной энергии.

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

> «И тогда трагическая нелепость моего существования представала передо мной с такой очевидностью, что только в эти минуты я отчетливо понимал вещи, о которых человек не должен никогда думать, потому что за ними идет отчаяние, сумасшедший дом или смерть. Но, как это ни странно, за такими мыслями никогда не следовала идея самоубийства, которой я был совершенно чужд, всегда, даже в самые страшные моменты моей жизни; и я знал, что ее не нужно было смешивать с тем постоянным и жгучим желанием каждый раз, когда из туннеля к платформе подходил поезд метро, — отделиться на секунду от твердого, каменного края перрона и броситься под поезд — таким же движением, каким с трамплина купальни я бросался в воду.
>
> ...Все или почти все, что было прекрасного в мире, стало для меня точно наглухо закрыто — и я остался один, с упорным желанием не быть все же захлестнутым той бесконечной и безотрадной чело-

вческой мерзостью, в ежедневном соприкосновении с которой состояла моя работа. Она была почти сплошной, в ней редко было место чему- нибудь положительному, и никакая гражданская война не могла сравниться по своей отвратительности и отсутствию чего-нибудь хорошего с этим мирным, в конце концов, существованием. Конечно, это объяснялось еще и тем, что население ночного Парижа резко отличалось от дневного и состояло из нескольких категорий людей, по своей при роде и профессии чаще всего уже заранее обреченных. ...При самом беспристрастном отношении ко всем, я не мог не заметить, что разница между ними была всегда невелика, и в этом оскорбительном уравнении женщина в бальном туалете, живущая на avenue Henri Martin, немногим отличалась от ее менее удачливой сестры, ходившей по тротуару, как часовой, от одного угла до другого; и люди почтенного вида на Passy и Auteuil1 так же униженно торговались с шофером, как выпивший рабочий с rue de Belleville; и доверять никому из них было нельзя, я в этом неоднократно убеждался.

.....В этом ночном Париже я чувствовал себя каждый день, во время работы, приблизительно как трезвый среди пьяных. Вся его жизнь была мне чужда и не вызывала у меня ничего, кроме отвращения или сожаления, все эти любители ночных кабачков или специальных заведений, эти своеобразные влюбленные, по терминологии Ральди, похожие своим бесстыдством на обезьян зоологического сада, — от всего этого, как говорил один из моих коллег по шоферскому ремеслу, специалист по греческой философии и неутомимый комментатор Аристотель, с души воротило. Уйти от этого было нельзя; и об этих годах моей жизни у меня осталось впечатление, что я провел их в огромном и апокалиптически смрадном лабиринте.

.....Мимо нас проходила по тротуару сильно прихрамывающая женщина. Посмотрите, — сказал негр с презрением, — это называется женщина! — В чем ты ее упрекаешь? — Это алкоголичка, месье, вот в чем я ее упрекаю; ее надо упрекнуть в пьянстве, вот что я ей ставлю в упрек. — И он закричал ей вслед: — Ты опять пьяна? — Кусок грязного негра, — ответила она.- Что? Ты хочешь, чтобы я тебе морду набил? Он кричал с очень свирепой интонацией, но не двигался с места, и когда оборачивался ко мне, то смотрел ленивым взглядом своих черных глаз с желтоватыми белками.- Вы знаете, как здесь работают? — Нет, старик, не знаю.- Т ак вот, месье, здесь нет гостиниц. Такой здесь квартал. Есть Ритц и Мерис, но это для королей и герцогов, снять комнату там нельзя.- И что же? — Так работать приходится на скамейках Тюильри. Клиент садится на скамейку, а женщина садится на него верхом.- А? — Д а, так здесь работают. Так вот эта стер-

ва была такая пьяная вчера ночью... Ее клиент сидел и ждал ее, а она никак не могла сесть сверху как следует. Было просто стыдно смотреть на это, месье, — женщина в таком состоя нии, что она не могла даже делать свою работу.

.....у меня, как прежде, в далекие российские времена, все смешивалось в моем представлении и в беззвучном пространстве, наполнявшем мое воображение, сквозь немые мотивы и длинную галерею человеческих лиц, похожую на двигающиеся и исчезающие лица бесконечно струящегося экрана, в котором появлялись и пропадали то высохшая и сморщенная физиономия старухи на инвалидной тележке, то наполовину мертвое лицо Ральди с нежными глазами, то спокойно-печальное выражение Платона, то пьяная уродливость субботних посетителей кафе, то эта непрозрачная пленка под густыми и длинными, коричнево-черными ресницами проституток

.....И мне никогда не удалось никого спасти и удержать на краю этого смертельного пространства, холодную близость которого я ощущал столько раз. И вот почему, просыпаясь каждый день, я торопился тотчас соскочить с постели и начинал делать гимнастику. Но до сих пор, всякий раз, когда я остаюсь совершенно один и со мной нет ни книги, которая меня защищает, ни женщины, к которой я обращаюсь, ни, наконец, этих ровных листов бумаги, на которых я пишу, я, не оборачиваясь и не шевелясь, чувствую рядом с собой — может быть, у двери, может быть, дальше — призрак чьей-то чужой и неотвратимой смерти.

..... — Платон, это невозможно, — сказал я почти в исступлении, — обстоятельства складываются так, что всюду, куда бы я ни попал, я вижу всегда умирание и разрушение, и, оттого что я не могу этого забыть, вся жизнь моя отравлена этим. Я впервые говорил Платону об этих вещах, которыми я обычно ни с кем не делился; я, может быть, не сказал бы этого, если бы Платон, — так же как Ральди, — не пребывал бы в том небытии, сохранившем призрачный и обманчивый облик подлинной жизни, где умолчания и расчет уже давно не имели смысла

....Встречаясь с самыми разными людьми, я нередко завидовал их простодушным убеждениям; большинство из них имели определенные взгляды на все — политику, роль культуры, искусство. Меня изумляли речи профессиональных политических ораторов, которые чаще всего были наивными и невежественными людьми и так же твердо верили в свои программы, как мой старичок-профессор — в несуществующие законы той условной науки, которую он преподавал всю жизнь..... Потом, присмотревшись, я начал думать, что это спокойное отсутствие мышления объяснялось, по-видимому, после-

довательностью нескольких поколений, вся жизнь которых заключалась в почти сознательном стремлении к добровольному душевному убожеству, к «здравому смыслу» и неприятию сомнений, к боязни новой идеи, той боязни, которая была одинаково сильна у сред него лавочника и у молодого университетского профессора.

.....Я не мог еще привыкнуть к тому, что все вокруг меня судорожно цеплялось за деньги, которые они откладывали даже не для достижения какой-нибудь цели, а просто потому, что так вообще было нужно. И эта наивная, нищенская психология была одинаково сильна в самых разных людях. Даже сутенеры и проститутки, даже профессиональные воры, даже самые отчаянные из них и близкие к сумасшествию, даже коммунисты и анархисты, которых мне приходилось видеть, никогда не сомневались ни на минуту в том, что право собственности есть священнейшее из прав.- Бедный Прудон! — сказал как-то Платон, когда я поделился с ним своими мыслями.

....Мне было тогда шестнадцать лет, но уже в те времена я знал чувство, которое потом неоднократно стесняло меня, — как если бы мне становилось трудно дышать, — стыд за то, что я молод, здоров и сыт, а они стары, больны и голодны, и в этом невольном сопоставлении есть нечто бесконечно тягостное. Это же чувство охватывало меня, когда видел калек, горбунов, больных и нищих. Но я испытывал подлинные страдания, когда они кривлялись и паясничали, чтобы рассмешить народ и заработать еще несколько копеек. И только в Париже, на ночных его улицах, я увидел нищих, которые не вызывали сожаления; и сколько я ни старался себе внушить, что нельзя же это так оставить и нельзя дойти до такой степени очерствения, что их вид у тебя не вызывает ничего, кроме отвращения, — я не мог ничего с собой поделать. Я никогда не мог забыть, как однажды поздно ночью ко мне подошла женщина, одетая в черные лохмотья, с грязно-седыми, нечесаными волосами; она приблизилась вплотную ко мне, так, что я почувствовал тот сложный и тяжелый запах, который исходил от нее, и что-то пробормотала, чего я не разобрал; я вынул монету ей, но она отказалась и продолжала бормотать. — Что же тебе нужно? — сказал я. — Ты идешь со мной? — спросила она, собираясь взять меня под руку. — Что? — сказал я с изумлением. — Ты с ума сошла?»

И когда С. А. Кибальник говорит, что его полное и бескомпромиссное отвержение этого зловонного мира рабов и насильников, сумасшедших и дегенератов, развратников и наркоманов, сутенеров и проституток не вполне отвечает традиции

русской литературы, то он конечно ошибается. Достаточно вспомнить трубу Апокалипсиса, которая звучит в Крейцеровой сонате Толстого, который на примере своего героя-рассказчика показывает, что вся система социального мира поля Эгосистемы развращает людей уже с юности, и что это такой мир абсурда и зловония, с которым ни при каких обстоятельствах мириться нельзя.

Что же до позиции Газданова, то она у него уже в «Ночных дорогах» классически евангелическая. Он, подобно Христу, который пришел лечить грешников, призывать их к покаянию и прощать тем «ко не ведает что творит» всячески помогает всем заблудшим душам, в которых еще теплится живой огонек души. Позже, он будет стараться не просто поддерживать их всячески в их несчастье, но и стараться помочь их «перерождению» в порядочных людей с живой Мыслью и живой Совестью. Есть другая категория людей — которые подобно ему самому объявили Бунт, Метафизический Бунт — социальному миру поля Эгосистемы, в котором они не видят ничего кроме абсурдаи мерзости разложения человека. И эти люди подобно ему самому — шоферу такси, отказавшемуся делать карьеру в мире абсурда, они либо шоферы, либо бродяги и пьяницы, не умеющие выносить мерзость окружающего мира без алкоголя, подобно его другу философу Платону. И этих людей он по настоящему любит и жалеет, и это другая сторона его постоянной и «густой тоски».

Что же касается других, в ком он отчаялся найти что-либо кроме Мертвой Мысли и Мертвой Совести, — такие люди, как Вольф, описанный в Призраке Александра Вольфа, как та элита-насильников мира поля Эгосистемы, где преступники, сутенеры и министры, управляющие обществом в сущности мало отличаются друг от друга — к ним он действительно не чувствует никакой жалости и никакого снисхождения. И подобно романам Вальтера Скотта, где такие законченные негодяи в конечном итоге почти всегда погибают, и чаще от руки грозного и справедливого возмездия — негодяи-насильники также гибнут и в рома-

нах Гайто Газданова. В особенности ему претит развращение невинных, в частности женщин, что опять полностью согласно с евангельским текстом: «кто соблазнит одного из малых сил, верующих в меня, тому лучше бы одели жернов на шею и бросили в море». Негодяи, растлевающие души женщин насилием над ними, всегда находят свою смерть в его романах. Другими словами, Газданов становится на сторону Вальтера Скотта в Айвенго, где Ульрика жестоко отомстила за поругание своей чести против позиции Ричардсона, где Кларисса Гарлоу наложила на себя руки и даровала Ловеласу прощение. Не может быть всепрощения там, где социальный мир поля Эгосистемы — есть кощунство и святотатство в разрушении и растлении Энергии Духа.

И опять его позиция всецело согласна евангелиям, хотя сам он считает, что таким образом восстает против якобы догмы христианства о всепрощении. Нет такой догмы в христианстве. Есть знаменитые слова Христа о том, что «Кто скажет на имя мое тому простится, но кто скажет Хулу на Духа Святого — тому не простится ни в этой ни в другой жизни».

А что есть тот Люцеферианский или Демонический бунт против Господа, как называет его Альбер Камю в «Бунтующем человеке», где маркиз Сад, Ницше, Гитлер сознательно и откровенно восстают против Истины и Совести человечества с тем, чтобы утвердить всесилие своего Эго на костях невинных людей? В этой связи Камю гениально разделяет три позиции в современном мире абсруда, где победила материальная энергия.

Он говорит во первых о состоянии как бы спячки «сакрального сознания» обычных, рядовых людей — тех грешников, в помощь которым пришел Иисус. На языке Открытия ПЭ — это Нижняя Эгозащита Притяжения Влюбленности (Подчинение), которая есть слабая активность поля Эгосистемы и оставляет живым фундамент духовной энергии.

Далее, Камю говорит о Люцеферианском Бунте Истины и Совести в поисках абсолютной свободы и воли к власти Эго таких людей как Сад, Гитлер Денди, Ницше, Гегель, Маркс —

тех, кого он называет нигилизмом, отрицающим вечности ценности законов природы человека, потребность в Совести и Справедливости, Истину прежде всего. Им он ответил в «Письмах к немецкому другу», назвав фашистов мертвецами, «причем я говорю вам это не Над схваткой, — говорит он отмежеваясь от пацифизма Ромена Роллана в Первую Мировую, — а в самом разгаре схватки». Он — боец партизанского Сопротивления, и он как Газданов, как Church Militant, считает войну со Злом Священным долгом каждого здорового человека. Он называет французов «защитниками Духа» (как Генрих Манн называет себя, обвиняя немецких фашистов), и называет фашистов преступниками против разума и против сердца человеческого, врагами, с которыми они будут драться до последнего вздоха. И говорит он — вы, убиваете самых лучших из нас, самых храбрых и самых добрых, — ведь Гады Бесхребетные Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия действительно враги всего чистого, честного, божественного, святого в человеке. Это они — Хула на Духа святого, предатели Господа и человечества, кому никогда не простится!

И наконец, он говорит о Метафизическом Бунте Природы Человека, который чувствует свой Долг бороться за истину в мире абсурда, где победила материальная энергия. И эта природа человека не может быть индивидуальной — он не устает подчеркивать. Как Платон и как Ренан, как Генрих Манн и Ромен Роллан, как Рассел и как Честертон, как Газданов и как Толстой — как все великие гении духа он видит и понимает, что природа Человека есть единство духовной энергии в Церкви Дружбы.

Теперь, если мы обратимся к текстам Газданова, то сразу станет очевидным, что он, как всякий духоборец (то есть человек Энергии Духа, который борется с засильем пагубной материальной энергии), прекрасно понимает, что основа болезни абсурдного общества — это замена отношений Дружбы в духовном мире Живой Мысли и Совести — отношениями Садомазохизма Притяжений Влюбленности и Самолюбия физического контроля поля

Эгосистемы. Газданов, как всякий умный человек, никогда не скажет вместе с дарвинистами, что сутенеры, проститутки и их опереточным эквиваленты дешевого романтизма в высших классах общества — это «тоже любовь», как говорит его знакомая престарелая куртизанка, находясь на краю могилы. Вслед за Фроммом, показавшего физический контроль поля Эгосистемы как «симбиотическую связь Садомазохизма» в «Искусстве любить», вслед за Толстым в Крейцеровой сонате, который называет развратом и проституцией культуру отношений полов своего времени, вслед за Расселом, называющим «любовь садомазохизма» отношениями вампира и его жертвы, вслед за Шекспиром, наконец, который говорит о таких отношениях «любви, как о каннибализме в «Отелло»: «мужчина — брюхо, а жена — еда, он ее жрет и жрет» — Газданов называет «унылой порнографией» как «опереточную романтику» высших слоев общества и их куртизанках, так и «веселость» ночных домов терпимости. И слова старой куртизанки, погибающей в одиночестве в нищете и продолжающей свое ремесло до смертного одра, о том, что проституция — это тоже любовь, Газданов «может понять только теоретически». Мир сутенеров — этот «мир морального сифилиса», и любовь «обезьян зоологического сада» «этой живой падали» останутся для него непостижимыми. Подобно Чехову в «Дуэли», который видит саркому в голове людей, способных обозначить садомазохизм физического контроля поля Эгосистемы — любовью, и зациклиться на этом как на смысле жизни, — Газданов видит непрозрачную пленку в глазах проституток, сутенеров и ….мертвецов. Действительно материальная энергия поля Эгосистемы есть духовная смерть, и люди, в которых разложился дух — своего рода ходячие мертвецы. «Зловонный яд живой человеческой падали». Вслед за Толстым в «Крейцеровой сонате» Газданов не видит разницы между пагубностью опереточного романтизма, пронизывающего культуру социального мира материальной энергии в том числе высших слоев общества и «весельем» ночных публичных домов.

Вот почему он считает самым страшным грехом развращение невинных душ, после чего им также грозит духовная смерть,

непрозрачная пленка идиотизма на глазах и «моральный сифилис» сутенеров. «Кто соблазнит одного из малых сил сих верующего в меня, тому лучше бы жернов на шею и бросили в море». «Вы как гробы накрашенные, у которых внутри мерзость и нечистоты», «Кто на меня скажет тому простится, кто скажет на Духа святого — тому никогда не простится». Газданов как всегда интуитивно стоит на Евангельской позиции, когда не видит никакой возможности ни общения, ни прощения тем, кто развращает невинные души, кто сознательно в своем Дьявольском бунте против Господа, святотатствует и кощунствует, насилуя и втаптывая в грязь все божественное и святое в человеке.

Вместе с евангелиями и вместе с Толстым, который сокрушается, что молодых людей развращают в юности и они становятся сладострастниками, которые уже не видят в женщинах человека — товарища, сестру — вместе с Толстым Газданов возмущен этому канибализму в отношениях садомазохизма материальной энергии, который заменил все нормальные дружеские, товарищеские отношения людей.

Он никогда не пользуются развращённостью несчастных жертв, — напротив он делает все возможное, чтобы на место садомазохизма опять поставить нормальные отношения людей.

Газданов, «Ночные дороги»:

> «..... — В ы помните, Платон, — сказал я, — какие слова приписывал Сократу ваш блистательный предшествен ник? «Вся жизнь философа есть длительная подготовка к смерти»... Я не могу удержаться от одного и того же, неиз менного представления: кровать, простыни, умирание, дурной запах агонизирующего человека и полная невоз можность сделать так, чтобы это было иначе.- Сократ говорил не об этом, — сказал Платон. — Если вы не забыли «Федона»... — И у меня будет магазин, — говорил пьяный голос Сюзанны. — И потом, я люблю этого человека, я без него жить не могу. Она ни к кому не обращалась в частности и говорила в дымное пространство, в котором терялись и глохли ее слова о любви. Я подумал о Ральди, которая говорила мне, что женщины типа Сюзанны так же любят, как другие; но это унизительное уравнение я всегда понимал только теоретически, я никогда не мог почувствовать и поверить до конца, что это так.

….И вот — снова ночь, и парижские улицы, Монмартр, Монпарнас, Большие бульвары, Елисейские поля и, время от времени, мрачные и картинные кварталы окраин или нищих центров города. Я проезжал в ту ночь, около часу, по бульвару Огюста Бланки; на тротуаре невысокий человек в кепке бил по лицу женщину, которую я не успел рассмо треть. Она кричала и рыдала на всю улицу. Я знал, что не надо и нельзя в это вмешиваться и что мое заступничество было бы неуместно и бесполезно. Но я не мог на это смо треть, меня начала давить тупая и вялая тоска и желание остановить этого человека, по всей видимости, сутенера, и я испытывал еще невыносимое отвращение, почти похо жее на позывы к рвоте. Я затормозил автомобиль, слез и направился к этому месту. Но я не успел ничего сделать. Откуда-то быстро подошел высокий, хорошо одетый муж чина без шляпы; он оттолкнул субъекта в кепке и сказал с американским акцентом:- Вам не стыдно, животное? Женщин не бьют.- Что? — угрожающе сказал субъект в кепке. — Не может быть! Тебе тоже захотелось получить по морде? Он поднял правую руку, но в ту же короткую часть секунды человек с американским акцентом ударил его в нижнюю челюсть. Я видел это вблизи и мог оценить удар, исключительной, безошибочной удачности, почти профес сиональной: вся тяжесть тела была брошена вперед в не обыкновенно быстром движении, которое начиналось от ступни левой ноги, проходило по диагонали через бедро и грудь и заканчивалось стремительным и незаметным выпрямлением правой руки, сжатой в кулак. Субъект в кепке как-то особенно всхлипнул и упал, ударившись со всего размаха головой о тротуар. Изо рта у него текла кровь, он остался неподвижно лежать. И тогда женщина, которую он только что перед этим бил, набросилась на американца и визгливо закричала:- Т ы раскровенил моего… Посмотрите на него, он, может быть, умер! Сволочь! Он удивленно на нее посмотрел, пожал плечами и пошел прочь своей быстрой и гибкой походкой. Она бежала за ним и кричала, уже совершенно захлебываясь от слез и бешенства:- Сволочь! Сволочь! Сволочь! Убийца! Я стоял недалеко от фонаря. Она опустилась на колени перед субъектом в кепке, продолжавшим лежать с мертвой неподвижностью, и говорила рыдающим голо сом, в котором я с удивлением расслышал нечто похожее на животную и булькающую нежность:- Бебер, ты меня слышишь? Бебер, мой миленький Бебер! И в эту секунду из темноты выехали на велосипедах два медлительных полицейских. Я сел в автомобиль и поехал дальше, и мне вспомни лись слова Ральди:- Да, мой милый, это любовь. Ты этого, может быть, никогда не поймешь. Но это любовь.

....Она обычно тихо сидела в углу, и я недоумевал, что она здесь делает в эти часы: она была всегда одна. Я спросил об этом у хозяйки: хозяйка ответила, что эта женщина работает, как другие. В первое время такие вещи удивляли меня, но потом я узнал, что даже очень пожилые и неряшливые женщины имеют свою клиентуру и нередко зарабатывают не хуже других.

.....Я был свидетелем того, как его беспощадно обкрадывали все, начиная от людей, отворявших ему дверцу автомобиля, которым он имел неосторожность дать крупный билет: они долго и нудно пересчитывали ему сдачу, он терпеливо стоял и смотрел на деньги мутными глазами — и в результате ему оставляли каких-нибудь двадцать франков мелочью, — и кончая горничными и самыми случайными субъектами, с которыми он сталкивался и которые немедленно становились его спутниками и посредниками, хлопали его по плечу и вместе с голыми женщинами, внутри этих учреждений, все время громко смеялись. Это было правило хорошего тона, которое я давно знал и происхождение которого, я думаю, нужно было искать во всей той рекламной литературе, которая обслуживала эту область промышленности и где визиты в публичные дома и другие учреждения такого же типа раз навсегда было принято считать выражением жизнерадостности, веселья и того самого знаменитого «галльского веселья», которое меньше всего вязалось с этой смертельно унылой порнографией. И я подумал, что он жил годами все в одном и том же своем маленьком городке, составлял нотариальные акты — все одни и те же: «в конторе нотариуса...», «с законной подписью...», «тысяча девятьсот...», — и тайком от семьи и близ ких знакомых лелеял убогую и наивную иллюзию, что он, в сущности, блестящий кутила и любитель женщин, и вот ради этой иллюзии, которая придавала всей его жизни тайный смысл, он уезжал в Париж, «по делам», и здесь уже не мог ни в чем отступить от того поведения, которое было бы характерно именно для этого, нигде, кроме его бедного воображения, не существующего, кутилы и развратника. А за это он платил такой дорогой ценой.

.....Хозяйка мне с удивлением рассказывала о нем, что, когда однажды в кафе происходил шумный арест одного сутенера и убийцы, бежавшего с каторги и вернувшегося именно туда, где все его знали и куда ему ни в коем случае нельзя было возвращаться, — но своеобразное тщеславие и провинциальная глупость, характерные для людей его круга, побудили его совершить этот бессмысленный поступок, чтобы предстать во всем своем сутенерском великолепии (светло-серая кепка, двухцветные ботинки на высоких каблуках) перед несколькими испуганными проститутками и почти-

тельными товарищами, — в тот вечер была стрельба и свалка, и потом полицейские уволокли со свирепой торопливостью этого человека, — лицо его было окровавлено, кепка потеряна, костюм залит кровью, — Платон, находившийся тут же, молча смотрел на все это неподвижными глазами и даже не шевельнулся. Я предпочитал дни, когда у него было очень мало денег, на два или три стакана вина; тогда он был почти совершенно трезв и с ним можно было говорить. Я любил в нем полную бескорыстность его суждений и то, что его собственная судьба и вообще вещи непосредственные оставляли его совершенно равнодушным. Он оживлялся только тогда, когда речь шла либо о новых безразличных для него людях, либо об абстрактных вопросах.

.....И все-таки, несмотря на трагическое, животное небытие, в котором пребывали бродяги, они казались мне достойными гражданами вселенной по сравнению с сутенерами. Они, во всяком случае, заслуживали хотя бы теоретического сожаления, и в них не было какого-то морального сифилиса, характерного для сутенеров. Я никогда не мог привыкнуть к тому, что видел каждую ночь, к этим бедным женщинам, так особенно одетым, и к их спутникам, которые ждали их в кафе, обсуждали между собой программу завтрашней скачки и сравнительные достоинства той или иной лошади. Они все были одеты по моде, с особенным шиком, убогим и хамским одновременно. Я слушал их разговоры — друг с другом и с этими женщинами. Им было, впрочем, свойственно стремление к буржуазности — иметь свою обстановку, уезжать на лето — и они жили в особенном, прокаженном мире, куда не проникал никто, кроме них. Некоторые из них, более удачливые, чем другие, и которые не исчезли навсегда либо на каторге, либо в темном сведении счетов, богатели и становились почтенными людьми. Тогда они открывали, через подставных лиц, публичный дом или кабаре. Но это случалось чрезвычайно редко. Собственно, то, что их губило, это желание разбогатеть; не довольствуясь доходами, которые им доставляли женщины, они были склонны к другому виду деятельности, к кражам и к грабежу, и именно на этом пути их ждали опасности. До тех пор пока они ограничивались чисто сутенерской «работой», их не трогали. Но когда они покушались в такой недозволенной форме на священное право собственности, они сталкивались с полицейскими инспекторами, государственной магистратурой и всем тем огромным защитительным аппаратом, который ограждал имущественное благополучие или иллюзию имущественного благополучия — своих граждан.

.....И на ее глазах опять появились слезы. Все это было так же непоправимо, как многое, что я видел в своей жизни, как эта свин-

цовая непрозрачность глаз у умирающих, как мое последнее свидание с князем Нербатовым, пронесшим сквозь всю жизнь свою рыдающую и неутолимую любовь к этой самой Ральди, этой старой женщине в мужском потертом пальто, которая сидела против меня перед своим остывшим кофе.....Он был по-своему не глупый человек, понимавший, в частности, то, что он называл «женской пронзительностью», но испорченный той видимостью культуры, в ценности которой он никогда не сомневался. Он восхищался «Орленком» и «Дамой с камелиями», был недалек от того, чтобы сравнивать Оффенбаха с Шубертом, с удовольствием читал малограмотные светские романы; он не был плох сам по себе, он был жертвой своих денег и не был виноват в том, что никогда в жизни не сталкивался с людьми, в представлении которых культура не носила того опереточного характера, который он невольно придавал ей.....Но о чем бы он ни говорил, он всегда возвращался к своим любовным воспоминаниям и в конце вечера всегда сбивался на единственную тему, которая, по-видимому, потрясла его навсегда; и если случалось, что он особенно много выпил, он начинал плакать, вспоминая об этом. Это был рассказ о женщине, имени которой я не помнил и которая жила в Париже на улице Ренекэн. У него с ней был длинный роман, и он сообщал, без тени стыда, неприличнейшие и подробные его обстоятельства и нередко горько плакал, вспоминая именно эти нецензурные детали. Женщина, которую он описывал, казалась бы совершенной богиней, если бы не было этих подробностей, и обладала, по его словам, и необыкновен ной, непобедимой очаровательностью, и исключительным умом и вкусом, и вообще всеми решительно достоинствами, за исключением добродетели. Я вспомнил, что он рассказывал о ее карьере, — и именно о герцоге Орлеанском, короле, банкирах, министрах, этих ее «мимолетных капризах», как он говорил; он очень любил эти выражения, и было удивительно, что личные его — и нередко подлинные — несчастья и переживания укладывались именно в такие невыразительные и ничему живому не соответствующие слова; но он был весь проникнут этой словесной дребеденью; ...Но воспоминание о нем навсегда было связано у меня с тем опереточным и вздорным миром, который он так любил наивной своей душой и рассказ о котором не вызывал бы ничего, кроме невольного презрения и насмешки, если бы он весь не находился в тени трагического и неприличного силуэта этой женщины. ....Я спросил Ральди, — неужели среди всех ее много численных покровителей не осталось в живых никого, кто мог бы ей платить какую-нибудь незначительную сумму денег, которая бы позволила ей су-

ществовать. Она отрицательно покачала головой и тотчас назвала несколько очень известных политических имен. — Они все, как Алиса, — сказала она. Я вспомнил эти имена и то, что карьера каждого из этих людей состояла из многочисленных политических измен, ренегатства, угодливости и воровства, и понял, почему Ральди не на кого рассчитывать. .....Когда она сказала это мне, я заметил, что весь огромный ее опыт касался в сущности только одной категории людей, действительно ничтожной, людей, которые посещают полусвет, — жеманная глупость этого выражения всегда раздражала меня, — дома свиданий, специальные ночные кабаре, содержат актерок и танцовщиц и в которых нет ничего, кроме душевной и физической дряблости и все того же, всепобеждающего дурного вкуса. Она слушала то, что я говорил, смотря на меня насмешливо-нежным своим взглядом.- Ты бы хотел все это уничтожить? взорвать? — Нет, но если бы это исчезло, об этом не стоило бы жалеть. Она покачала головой и сказала, не переставая улыбаться, что это не есть особенная категория людей.- Что же это такое? — Известная степень благосостояния, и если бы ты его постиг, ты, даже ты, наверное, был бы таким же, как они.- Никогда, — сказал я.- Я бы надеялась на это, — ответила она, — но я бы не ручалась. Однажды она сказала мне:- Тебе не кажется нелепым, что ты шофер такси, ты не думаешь, что эта работа тебе не подходит? Я ответил, что выбора у меня не было. И тогда она предложила мне свои услуги, чтобы поблагодарить меня, как она сказала, за человеческое отношение к ней. — Я устрою твою жизнь иначе, ты еще очень молод и, кажется, здоров. — Я, недоумевая, смотрел на нее. Она объяснила мне, что у нее большие знакомства, что есть женщины, в конце концов, нестарые, сорок два, сорок три года, француженки или англичанки... Я сидел с ней в кафе и хохотал как сумасшедший, не будучи в силах остановиться. Потом со слезами смеха я поблагодарил ее.

.....и мне понадобилось все-таки несколько лет для того, чтобы впервые подумать о всех этих ночных жителях как о живой человеческой падали, — раньше я был лучшего мнения о людях и, несомненно, сохранил бы много идиллических представлений, которые теперь навсегда недоступны для меня, как если бы зловонный яд выжег во мне ту часть души, которая была предназначена для них. И эта мрачная поэзия человеческого падения, в которой я раньше находил своеобразное и трагическое очарование, перестала для меня существовать, и я полагаю теперь, что ее возникновение было основано на незнании и ошибке, которая оказалась такой непоправимой для Жерара де Нерваля, упомянутого Платоном в нашем утреннем раз-

> говоре. И люди, создавшие ее и которых тянуло туда, как их тянет смерть, лишены даже того утешения, что, умирая, они видели вещи такими, какими они были действительно и какими они их описали; их заблуждение было столь же несомненно, сколь несомненно было, что влюбленный в проститутку, бывшую владелицу гастрономического магазина почтенный человек, с которым она выходила по средам и субботтам, был неправ, считая ее своей второй женой»

В отличии от наивных материалистов, Газданов видит еду общества не в борьбе классов — хороший высший класс против плохого низшего класса; или наоборот, хороший пролетариат против плохих капиталистов — ничего этого нет в его критике абсурда современного ему общества. Напротив, он считает и верхи и низы общества частями единого, невежественного целого — частями абсурда материальной энергии, победившем в современном ему социальном мире.

Газданов, «Ночные дороги»:

> «С пассажирами попроще — рабочими, мелкими коммерсантами, торгов ками — у меня никогда не бывало подобных разговоров, они обращались ко мне как к равному и если спорили, то спорили как с равным. Но клиенты в вечерних костюмах из тех кварталов Парижа, где были дорогие квартиры, могли иногда вызвать припадок бешенства у самого спо койного человека, — вроде дамы, которую я вез однажды на авеню Фош и которая, проехав несколько сот метров, застучала зонтиком в стекло, отделявшее ее сиденье от моего, и закричала:- Мы едем не на похороны, я надеюсь? Побыстрее, пожалуйста. Обычно в таких случаях я нажимал изо всех сил на тормоз и говорил:- Бели это вам не нравится, слезайте и берите дру гую машину. Но в тот день я был в особенно дурном настроении. Я надавил на акселератор и повел автомобиль настолько быстро, насколько это было вообще возможно. Мы обго няли другие машины, проскакивали перекрестки, чуть не въехали в автобус; она кричала, что это самоубийство, что я сошел с ума, но я не обращал на ее крики никакого вни мания. Наконец, доехав до авеню Фош, я замедлил ход.- Вы сумасшедший! — кричала она. — Вы хотели меня убить! Я подам на вас жалобу! — В ам нужно было бы лечиться, мадам, — сказал я, — мне кажется, что состояние вашей нервной системы не может не внушать некоторого беспокойства. Хотите, я укажу вам адрес клиники? -Ч то это за комедия? — она была возмущена до последней степени. — Вы, может быть, не знаете, кто я такая?_- А, вы револю-

ционер! — сказала она. Несмотря на неприятный оборот, который сразу же принял разговор, она не уходила и не платила мне; счетчик продолжал идти. — Я ненавижу эту породу людей.-Потому что вы, вероятно, ничего не знаете ни о революционерах, ни о социальных и экономических вопро сах, — сказал я. — Заметьте, что я очень далек от намерения поставить вам это в упрек. Но имейте, по крайней мере, такт не говорить о вещах, о которых вы не имеете пред ставления.- Никогда в жизни никто со мной так не разговари вал, — сказала она. — Какая удивительная наглость!

….Людей он, впрочем, так же низко расценивал, как Ральди, всех решительно, причем ни чины, ни положение, ни репутация человека не играли в его глазах никакой роли; и я рад был однажды услышать от него, что в его представлении средний преступник, имеющий в своем прошлом два или три уголовных дела, не очень отличается от среднего депутата или министра и в сфере бескорыстного суждения, как он говорил — в своеобразной его социальной иерархии, они стоят на одном и том же уровне; — и я был рад это услышать, так как разделял совершенно этот взгляд.

….Но зато вид его предместий остался таким же; и я не знаю ничего более унылого и пронзительно печаль ного, чем рабочие предместья Парижа, где, кажется, в самом воздухе стелется вековая, безвыходная нищета, где жили и умерли целые поколения людей, жизнь которых по будничной своей безотрадности не может сравниться ни с чем, — разве только с окрестностями Bd Sébastopol, где столетиями стоит запах гнили и где каждый дом пропитан этим невыносимым зловонием.

….я бывал возле Ménilmontant, Belleville, Porte de Clignancourt, и у меня сжималось сердце от жалости и отвращения. Но я никогда не знал бы много из того, что знаю, и половины чего достаточно, чтобы отравить навсегда несколько человеческих жизней, если бы мне не пришлось сделаться шофером такси. Работа на фабрике оказалась для меня невозможной не потому, что была особенно изнурительной; я был совершенно здоров и почти не знал физической усталости, особенно после моего стажа в Сен-Дэни. Но я не мог выдержать этого постоянного заключения в мастерской, я чувствовал себя как в тюрьме и искренне недоумевал: как могут люди всю жизнь, десятки лет жить в таких условиях? Правда, этому предшествовали, чаще всего, целые поколения их предков, всегда занимавшихся физическим трудом, — и никогда, ни у одного из профессиональных рабочих я не замечал протеста против этого невыносимого существования; все их возмущение чаще всего сводилось к тому, что они считали свой труд недостаточно оплачивае-

мым, но против принципа этого труда они не восставали, эта мысль никогда не приходила им в голову. Я еще не знал в те времена, что разные люди, которых мне приходится встречать, отделены друг от друга почти непереходимыми расстояниями; и, живя в одном городе и одной стране, говоря на почти одинаковых языках, так же далеки друг от друга, как эскимос и австралиец.

.....Позднее я понял, что она ни в какой степени не была исключением, ее пример был чрезвычайно характерен; я знал миллионеров с грязными руками, трудившихся по шестнадцати часов в день, старых шоферов, у которых были доходные дома и земли и которые, несмотря на одышку, изжогу, геморрой и вообще почти отчаянное состояние здоровья, — все же продолжали работать из-за липших тридцати франков в день; и если бы их чистый заработок опустился до двух франков, они все равно работали бы до тех пор, пока в один прекрасный день не могли бы встать с кровати, и это был бы их кратковременный отдых перед смертью. Один из гарсонов этого кафе был тоже замечателен: это был счастливый человек. Он объяснил мне, что это именно так: оказывается, у него всегда была мечта — «работать и зарабатывать на жизнь — и она осуществлена: он совершенно счастлив. Я внимательно на него посмотрел: он стоял в своем синем переднике, с засученными рукавами, за влажной цинковой стойкой; сбоку слышался голос Мартини, — смешно, смешно, смешно, — справа кто-то хрипло говорил: — Я тебе говорю, что это мой брат, понимаешь? — Рядом с моим собеседником, который был убежден во вращении Солнца вокруг Земли, толстая женщина — белки ее глаз были покрыты густой сетью красных жилок — объясняла своему покровителю, что она не может работать в этом районе: — Не нахожу и не нахожу. — И в центре всего этого стоял гарсон Мишель; и желтое его лицо было действительно счастливо. — Ну, милый мой, поздравляю, — сказал я ему. И уже уехав оттуда, я все вспоминал его слова: «У меня всегда была одна мечта, всегда: зарабатывать на жизнь». Это было еще более печально, пожалуй, чем Мартини, или мадам Дюваль, или толстая Марсель, которая не находила клиентов на Монпарнасе

.....Я встречал беспечных бродяг, но знал и других, которые копили деньги. Я видел одного зловонного старика, который мрачно бормотал за стойкой кафе, что ему нечем платить и что гарсон его обкрадывает, — потому что он не хотел менять тысячефранковый билет; он носил с собой свое состояние, четырнадцать тысяч франков. Я не знаю, что в его жизни было более случайно — то, что он был бродягой, или то, что он не был банкиром. Он был одет так же, как все бродяги, так же питался отбросами, которые подбирал на Централь-

ном рынке, и так же спал на ступень ках метро. Но я думаю, что корпорация ростовщиков или акционеров потеряла в нем ценного члена их общества.

.....заявил, что счетчик показывает слишком много. Я ему ответил, что он ошибается и что к сумме, которую показывает счет чик, надо прибавить еще два франка, по одному с каж дого чемодана. Он поднял скандал и стал кричать, что это воровство и что двух франков он уж, во всяком случае, ни при каких обстоятельствах не заплатит.- Это воровство! — кричал доктор. — Вы не получите ни одного сантима из этих двух франков.- Хорошо, — сказал я, — вы хотите, чтобы я вам их подарил? Я даю два франка первому нищему, когда он просит у меня милостыни. Тем более я не вижу, почему я отказал бы вам в такой сумме. Но для этого вы должны ее у меня попросить, как это делают нищие. Он смотрел на меня изумленными глазами и, нако нец, сказал, что тут недоразумение, что он доктор — именно тогда я это узнал — и что я ничего не понимаю.- В ы доктор, — ответил я, — но у вас психология нищего, это парадоксально, но это бывает.- Нет, нет, — сказал он растерянно, заплатил деньги и ушел, оборачиваясь».

Газданов, Пилигримы:

«Мы должны жить иначе, чем мы жили бы, если бы за смертью не было ничего. Я вижу, например, людей, которые выбиваются из сил, чтобы достигнуть совершенно незначительной цели. И когда им это, наконец, удается, у них не остается сил, чтобы вос пользоваться тем, что они сделали. Но, помимо всего, то, чего они добиваются, не стоит труда. Он вдруг улыбнулся.- Т ы знаешь, Франсис, мне однажды было нужно достать крупную сумму денег. Я отправился к одному человеку, у которого много миллионов. Он мне отказал. Он сказал мне, что согласился бы дать деньги только в том случае, если бы был абсолютно уверен, что они будут разумно использованы. Он прибавил еще, что с деньгами нужно уметь обращаться и что они не должны попадать в недостойные руки. Он так и сказал — недостойные руки. Рожэ засмеялся.- Я ушел и на прощанье сказал, что выражаю ему свое сочувствие. Он удивился. Тогда я сказал ему, что хотя он и миллионер, но ведет себя как нищий и, в конечном итоге, фактически он не богаче последнего оборванного бродяги, который ночует под мостом. Потому что, если бы я обратился к такому бродяге с той же просьбой, что к нему, результат был бы одинаковый».

Газданов, Эвелина и ее друзья:

«Ты не понимаешь, что деньги — это символ власти. Нищий, который сидит на груде золота, знает, что он король, что он может сделать все. И потому что он знает, что в его руках власть над людьми, одно-

> го этого ему, как созерцателю, достаточно. Так он и живет — властелин в лохмотьях, и ты находишь, что в этом нет какого-то библейского великолепия? — Нет, милый мой, — сказал Мервиль, — не только нет библейского великолепия, а есть то, что наш общий друг — он показал на меня — как-то назвал моральным идиотиз мом. Ты говоришь о потенциальных возможностях, но если они не использованы, то остается неподвижность и бессилие, — какой тут, к черту, король? Тем более, что твой нищий умирает на своем золоте, которое тянет его вниз, как мертвый груз, так и не сделав ничего в своей жизни — не потому, что он этого не хотел, а оттого, что не мог»

Теперь рассмотрим позицию Газданова поочередно

— к порядочным людям развитой духовной культуры, потерянным как он сам в мире материальной энергии;

Газданов, «Ночные дороги»:

> «В то время как у большинства людей, имевших несчастье находиться в затянувшемся бедственном положении, лица приобретали неприятную развязность, часто переходящую в угодливость, лицо Платона следовало совершенно противоположному принципу. Но любезность его оставалась прежней. Он был одним из тех пяти или шести человек — за всю мою жизнь, — с которыми я мог подолгу разговаривать, и, во всяком случае, единственным французом, не казавшимся мне идеально чуждым и далеким собеседником. Не знаю, было ли бы это так, если бы я с ним познакомился в пору его благополучного существования. Но теперь, пережив множество неудач и дойдя до глубокого несчастья и нищеты, он приобрел ту гибкость души и понимания, которую можно, пожалуй, сравнить с какой-то особенной личной одаренностью человека, как талант художника или дар композитора. Как большинство по-настоящему думающих людей, он был сильнее в отрицательных суждениях, нежели в положительных. Если только речь не шла о политической программе, он склонен был сомневаться — как он не раз говорил мне это — в подлинном существовании каких бы то ни было схем и построений, претендующих на известную стройность и законченность, искусственность которых ему почти всегда казалась очевидной.
> ….Раза два в неделю в это кафе являлся человек в берете, с трубкой, которого называли m-r Мартини, потому что он всегда заказывал мартини, это происходило обычно в одиннадцатом часу вечера. Но в два часа ночи он был уже совершенно пьян, поил всех, кто хотел, и в три часа, истратив деньги — обычно около двухсот франков, — он начинал просить хозяйку отпустить ему еще один марти-

ни в кредит. Тогда его обычно выводили из кафе. Он возвращался, его снова выводили, и потом гарсоны просто не пускали его. Он возмущался, пожимал покатыми плечами и говорил:- Я нахожу, что это смешно. Смешно. Смешно. Все, что я могу сказать. Он был преподавателем греческого, латинского, немецкого, испанского и английского языков, жил за городом, у него была жена и шесть душ детей. В два часа ночи он излагал философские теории своим слушателям, обычно сутенерам или бродягам, и ожесточенно с ними спорил; они смеялись над ним, помню, что они особенно хохотали, когда он наизусть читал им шиллеровскую «Перчатку» по-немецки, их забавляло, конечно, не содержание, о котором они не могли догадаться, а то, как смешно звучит немецкий язык. Я несколько раз отводил его в сторону и предлагал ему ехать домой, но он неизменно отказывался, и все мои доводы не оказывали на него никакого действия; он был, в сущности, доволен собой и, к моему удивлению, очень горд, что у него шесть человек детей. Однажды, когда он был еще наполовину трезв, у меня был с ним разговор; он упрекал меня в буржуазной морали, и я, рассердившись, закричал ему:- Разве вы не понимаете, черт возьми, что вы кончите больничной койкой и белой горячкой и ничто вас от этого уже не может удержать? — В ы не постигаете сущности галльской философии, — отвечал он.- Что? — сказал я с изумлением.- Да, — повторил он, набивая трубку, — жизнь дана для удовольствия. Только тогда я заметил, что он пьянее, чем мне показалось сначала; С годами его сопротивляемость алкоголю уменьшилась, так же, как его ресурсы, его вообще перестали пускать в кафе; и в последний раз, когда я его видел, гарсоны и сутенеры стравливали его с каким-то бродягой, стремясь вызвать между ними драку, потом их толкнули обоих, они упали, и m-г Мартини покатился по тротуару, затем на мостовую, где и остался лежать некоторое время, — под зимним дождем, в жидкой ледяной грязи.- Это, если мне не изменяет память, вы называете галльской философией, — сказал я, поднимая его.- Смешно. Смешно. Очень смешно — все, что я могу сказать, — повторил он, как попутай. Я усадил его за столик.- У него нет денег, — сказал мне гарсон.- Если бы только это! — ответил я. М-г Мартини вдруг протрезвился.- В каждом случае алкоголизма есть какое-то основание, — сказал он неожиданно.- Может быть, может быть, — рассеянно ответил я. — Но вы, например, отчего вы пьете? От огорчения, — сказал он. — Моя жена презирает меня, она научила моих детей презирать меня, и единственный смысл моего существования для них это, что я даю им деньги. Я не могу этого вынести и вечером ухожу из дому. Я знаю, что все потеряно. Я смотрел на его за-

литый грязью костюм, ссадины на лице, сиротливые, маленькие глаза под беретом.- Я думаю, что уже ничего нельзя сделать, — сказал я.

….Я подошел ближе, и мне пришлось присутствовать при длительной дискуссии; клиентов, к счастью, не было, и я узнал много интересного. Спор не отличался последовательностью; после судебной реформы шли декабристы, после декабристов — суждения о Тевтонском ордене, после Тевтонского ордена — славянофилы и русская историософия, затем — Аттила, его роль, его культурный уровень, и потом, наконец, современная английская литература, на которой этот диалог был прерван, так как подошли клиенты и шофер, защищавший судебную реформу, повез их — за шестнадцать франков — из Пасси на порт д'Орлеан. Впоследствии я познакомился с ним ближе — так же, как с обычными его собеседниками той же стоянки. Я искренне жалел этого человека. В России он готовился к профессуре, во время войны работал в министерстве иностранных дел, так как знал несколько иностранных языков, и всю свою жизнь, до отъезда за границу, учился. У него была прекрасная память и исключительные, почти энциклопедические познания. Но он настолько привык оперировать понятиями иного порядка, нежели те, с которыми ему теперь приходилось иметь дело, что никогда так и не мог принять деятельного участия в жизни, которую вел, и не мог усвоить многие нехитрые особенности шоферского ремесла. Он так свыкся с этими понятиями — категорические императивы, этика и культура, последовательность дипломатических отношений, иерархия ценностей, социальная структура, генезис, синтез, эволюция правовых норм, — что все, находившееся вне этих вопросов, для него почти не существовало и, во всяком случае, не имело никакого значения. Он ездил на автомобиле, как и другие его товарищи по несчастью, русские интеллигенты, и оставался совершенно чужд этому делу, которого он, в сущности, не понимал и в котором участвовал только механически. После долгих разговоров с ним я заметил, что ему был свойственен недостаток, характерный для большинства людей, награжденных слишком сильной памятью: количество его знаний перегружало его, ему было трудно делать логические или исторические построения, так как он имел дело с огромным числом данных, нередко одинаково бесспорных и в то же время противоречивых. Он все же справлялся и с этим; и каждое его суждение представляло из себя некий умственный tour de force, потому что должно было преодолеть предварительное сопротивление множества противоречий и исключающих друг друга положений. Если бы это происходило в первые годы моего пребывания во Франции, мне бы, наверное, показалось удивительным, что такие люди, как он, не могут найти ничего

лучшего, чем ремесло шофера такси. Но знакомству с этим человеком предшествовало несколько лет моего пребывания в Париже, работа на фабрике, служба в конторе, годы учения в университете, — и теперь я этому не удивлялся и считал это совершенно естественным. Во-первых, он был иностранцем, во-вторых, из его огромной культуры нельзя было извлечь никакой непосредственной, коммерческой выгоды, в-третьих, я знал давно и хорошо, что ценности именно культурного порядка, если только их нельзя немедленно эксплуатировать, не имели никакого значения. Отсюда происходило то невольное и несправедливое отношение к Франции, которое я замечал у большинства таких людей; в лучшем случае, это было пренебрежение и насмешка.....А он продолжал читать мне лекцию о современной Европе, о причинах военных поражений России в девятнадцатом столетии, о тоталитарных системах, про которые, между прочим, сказал:-М ы унаследовали известную последовательность культур, вы сами знаете какую. И теперь нам предлагают, после шестого века до Рождества Христова, после христианства, Возрождения, немецкой философии и девятнадцатого столетия, — нам предлагают добровольно отказаться от всего этого, радикально поглупеть, забыть все, что мы знаем, и спуститься до уровня малограмотного подмастерья. С другой стороны, конечно, послевоенная Европа представляет из себя зрелище настолько омерзительное... ...И в это время к нам подошел пьяный безработный, который стал уговаривать моего собеседника отвезти его за пять франков куда-то в далекое предместье. Он долго хныкал, жаловался на тяжелую жизнь, говорил, что бед ствует пятый год, так как болен и не способен к труду, говорил, что его жена тоже больна и что у них шестеро малолетних детей. Комментатор судебной реформы начал было объяснять ему на вежливом французском языке, что, во-первых, он не может везти его за пять франков, во-вторых, что если он действительно болен, то не должен иметь детей. Он приводил в доказательство своих слов совершенно неопровержимые доводы и был недалек от общих рассуждений о мальтузианстве, но я прервал его и сказал по-русски, что он напрасно теряет время. Безработный посмотрел на меня с пьяным любопытством.- Слушайте, — сказал я, — во-первых, из ста шансов девяносто, что он врет. Затем, даже если все, что он говорит, правда, то и тут вы ничего ему не докажете, это так же бессмысленно, как советовать ему читать Аристотеля. — После этого я посоветовал безработному «убираться к дьяволу». Мой собеседник покачал головой и сказал:- Как вы, интеллигентный человек, можете так раз говаривать? Я пожал плечами и ответил ему, в свое оправдание, что с каждым следовало, по-моему, говорить его языком, иначе он вас не поймет. — Вспомните анекдот о Гам лете, — сказал я ему. Он не знал его; тогда я

> рассказал, как командир какого-то полка, решив развивать своих под чиненных, выписал приличную труппу актеров, которая исполнила перед полком знаменитую пьесу Шекспира. Солдатам пьеса чрезвычайно понравилась: хохот стоял в зале с начала до конца.-К акая злостная ерунда! — сказал он. — Какая несправедливая клевета!»

— к грешникам Христа (Нижняя Эгозащита Притяжения Влюбленности (Подчинение) или иначе Милграм- Эго);

Газданов, «Ночные дороги»:

> ...Несмотря на то, однако, что я был совершенно чужд этим моим товарищам по работе — фрезеровщикам, сверлильщикам, слесарям, — у меня с ними были прекрасные отношения, и в чисто человеческом смысле они были, во всяком случае, не хуже, а часто даже лучше, чем представители других профессий, с которыми мне пришлось сталкиваться, и, во всяком случае, честнее. Меня поражало, мне не могло не импонировать то веселое мужество, с кото рым они жили. Я знал, что то, что мне казалось каторжным лишением свободы, было для них нормальным состоянием, в их глазах мир был иначе устроен, чем в моих; у них соответственно этому были изменены все реакции на него, как это бывает с третьим или четвертым поколением дрессированных животных, — и как это, конечно, было бы со мной, если бы я работал на фабрике пятнадцать или двадцать лет. Но вне зависимости от того, чем объяснялась их веселость, насмешливость и беззаботность, — эти качества сами по себе были настолько хороши, что я не мог не поддаться их своеобразной привлекательности.
>
> «- У меня было много любовников, — сказала она, не отвечая, и глаза ее наполнились слезами. — Они все обязаны мне тем, что если бы не я, они бы никогда не знали, ни что такое счастье, ни что такое наслаждение. И вот, в эти дни, может быть, последние дни моей жизни, никто из них не вспомнит обо мне, я одна, — и только ты, который опоздал на четверть столетия и который мне ничем не обязан, — ты сидишь у моей кровати, рядом со мной. Если бы ты знал, как я была хороша и как я умела любить! Но ты никогда этого не узнаешь. Я слушал ее и думал, что, несмотря на свой несомненный ум и громадный опыт, она представляла себе только одну возможность счастья, именно ту, которую она продавала и раздавала всю свою долгую жизнь и к которой остальное было лишь случайным дополнением
>
> ....Но, как это ни странно, я не прошел сквозь все это без того, чтобы не связать — случайно и косвенно — свое существование с дру-

гими существованиями, как я прошел через фабрики, кон тору и университет. И вот, неожиданным и маловероятным образом, моя жизнь оказалась сплетенной с тремя женщинами, Ральди, Сюзанной и Алисой. Знакомство с Ральди возникло из ее ошибки, может быть, потому, что ей изменила зрительная память, или потому, что я действительно имел незавидное и нелестное достоинство походить на какого-то давно исчезнувшего мерзавца, этого злополучного Дэдэ. Но Сюзанна и Алиса, обе питали ко мне нечто вроде непонятного доверия, которое было чрезвычайно трудно объяснить чем бы то ни было, кроме явного заблуждения, даже не умственного, а душевного. И хотя ни той, ни другой я никогда не сказал — так как мне незачем было притворяться и быть неискренним — ни одного даже просто вежливого слова, они обе рассказывали мне все, что им приходило в голову и что им казалось важным; и хотя я отвечал им с неизменной резкостью и ничем не мог и не стремился им помочь, они вновь, с непонятной настойчивостью, обращались ко мне. Может быть, впрочем, частичным объяснением этой их настойчивости было то, что меня явно не интересовала их покупная близость и что я не принадлежал к среде, в которой они жили» .....- И последним исчезновением, совпавшим с этими днями, днями Алисы, предшествовавшими новому несчастью, которого мне опять пришлось стать свидетели, — было исчезновение музыки. — Но, мой бедный друг, у нас никогда не было музыки. Да и что бы мы с ней стали делать? Мы ее не слышим, она нам так же не нужна, как пещерному человеку не были нужны картины Ренессанса. У нас есть Тино Росси, вот наша музыка! Мне было тяжело слушать то, что говорил Платон; он был одним из немногих людей, судьба которых мне не была безразлична»

Газданов, Призрак Александра Вольфа:

«.....Я не мог забыть, как я встретил одну женщину, замечательную во многих отношениях, но отличавшуюся непонятно-адским характером; я провел с ней несколько лет, мне было ее искренне жаль, и я делал все, чтобы она была менее несчастной, так как она сама была первой жертвой своих собственных недостатков. Долгий период душевного спокойствия повлиял, наконец, на нее благотворно — и после этого она ушла от меня, особенно настаивая на том, что не питает ко мне никаких дурных чувств, и считая, с бессознательным простодушием, что это одно должно мне казаться чуть ли не незаслуженным счастьем. И через некоторое время ее новый любовник, очень милый вообще человек, сказал мне, что она ему много рассказывала обо мне, и он рад со мной познакомиться,

> и что она удивительная женщина с совершенно идеальным характером — и это так редко, как он заметил, в наш нервный век. И мне начало казаться, что вообще моя роль заключается в том, что я появляюсь после катастрофы и все, с кем мне суждена душевная близость, непременно перед этим становятся жертвами какого-то несчастья».

— к Гадам Бесхребетным Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия (Насилие) или иначе, Сатан-Эго.

Газданов, На Французской земле:

> «Много лет тому назад в России один офицер убил другого шестью выстрелами из револьвера (это было во время гражданской войны). Когда председатель суда спросил его, почему он это сделал, он ответил: — Этот человек и двое его товарищей ворвались в мой дом, связали меня, застрелили на моих глазах мою мать, и он изнасиловал при мне сначала мою сестру, потом мою жену в присутствии моего шестилетнего сына. Мне было бы стыдно смотреть вам в глаза, если бы я не убил его. И я хотел вас спросить: могли бы вы на моем месте поступить иначе?
> Его присудили к условному наказанию — и через полчаса он был свободен.
> Сколько тысяч таких историй могли бы рассказать советские партизаны?»

Газданов, На Французской земле:

> «В очень многих случаях эти люди были воодушевлены той самой «жаждой мести», которая со времен наивно-романтической литературы изветшала, износилась и стала звучать как шаблон, вызывавший снисходительную улыбку. Мы знали, однако, что в этих словах было заключено некогда страшное содержание, которое медленно умирало и в последнее время почти перестало существовать или, во всяком случае, выродилось. И вот теперь, во время этой войны, эти слова вновь налились кровью.
> Я знаю историю тринадцатилетнего советского мальчика. В России на его глазах немецкие солдаты убили его родителей и изнасиловали двух его сестер. Его и младшего брата, ребенка восьми лет, они увезли во Францию. Здесь, когда они прибыли к месту назначения, немцы почему-то решили «ликвидировать» целую партию «рабочих-добровольцев». Их выстроили и открыли по ним огонь из пулемета.

Этот мальчик чудом спасся, уполз в лес и, вернувшись на место казни через час или два, нашел трупик своего восьмилетнего брата. Какое, чье милосердие в мире, какая самая всепрощающая мудрость, какие тысячелетия христианства заключали бы в себе достаточно моральной силы, чтобы простить этих людей?!

Мальчику удалось спастись. Он попал в Париж, где скрывался в квартире приютивших его людей, в полуподвальном этаже, через окно которого он видел сапоги проходящих солдат. Он целыми днями плакал от бессильного бешенства и просил только одного — чтобы ему дали револьвер. Когда, наконец, отчаявшись вернуть его в нормальное состояние, ему дали оружие, он ушел и с тех пор последние месяцы своей несправедливо и незаслуженно короткой жизни посвятил охоте на одиноких немцев, которых он убивал. В письме об этом он писал крупными детскими буквами, с восклицательными знаками, что он убил еще двоих, что он убьет еще, что он всегда будет их убивать. Он разбился насмерть, некоторое время спустя, спрыгнув на полном ходу с поезда, где SS обнаружили его присутствие».

Газданов, Эвелина и ее друзья:

«Далеко не всегда, мне кажется. Это зависит от того, какие факты. Если это донос, шантаж или анонимные письма, тогда ты знаешь, что имеешь дело с мерзавцем. Но в других случаях... Вот тебе два примера, два человека. Один из них был вор, другой убийца. Не смотри на меня с таким удивлением. Первый находился одно время в крайне бедственном положении, ему нечего было есть. У него была жена и двухлетняя девочка — и он воровал для них картошку в продовольственных магазинах до тех пор, пока не получил наконец работу. Второй был мой товарищ, которого я знал всю жизнь. Во время гражданской войны в России его отряд — он был в кавалерии — занял небольшое село, где жили главным образом евреи. Он увидел, что один солдат, который вообще был профессиональным бандитом, насиловал еврейскую девочку лет десяти-двенадцати. У нее было посиневшее лицо, и она даже не могла кричать. Мой товарищ слез с лошади и из револьвера убил этого солдата. Потом он оттолкнул ногой его труп, взял девочку на руки и внес ее в ближайший дом. И ты знаешь, что он мне сказал? — Если бы я дол жен был еще раз это сделать, я бы не колеблясь убил его как собаку, и это один из поступков, о которых я никогда не жалел. Вот тебе, мой милый, совершенно неопровержимые факты: воровство и убийство. Какой прокурор мог бы осудить этих людей? -М не иногда кажется, что ты похож на машину, которая регистрирует события и потом

> из них получаются какие-то архивы воспоминаний, — сказал Мервиль».

Газданов, Пилигримы:

> «В сотый раз он с ужасом представлял себе, какой могла бы быть судьба Жанины. И когда он думал, что это тело могло стать тем, что из него хотел сделать Фред, и что эта самая Жанина, дыхание которой он слышал сейчас, должна была бы пройти через тягчайшие человеческие унижения, у него кровь приливала к лицу, и он чувствовал, что если бы это зависело от него, — в каком-то идеально-теоретическом плане, — то, чтобы помешать этому, он не остановился бы ни перед чем, даже перед убийством».

Газданов, Эвелина и ее друзья:

> «Он бы не узнал никогда, это она узнала его в Порт-Саиде, и тогда, сидя рядом с ней, в ее убогой комнате, на ее кровати, он вдруг почувствовал, что его глаза наполнились слезами от бешенства и сожаления в то время, как она рассказывала ему почему она попала сюда. Того человека по вине которого это произошло, тоже теперь не было в живых, он умер накануне отъезда Жерара из Порт-Саида. Но это было слишком поздно и ничто уже не могло спасти Марго и вновь сделать ее такой какой она была 14 июля — ничья смерть и ничье желание..... — Вы могли в этом убедиться, вы, Жерар, двенадцать лет тому назад, в тот день, когда вы встретили Марго в Порт-Саиде. Я хорошо ее знал. Она была единственной женщиной, ради которой я был готов на убийство. В этом у меня никогда не возникало сомнений. То, что вы избавили меня от необходимости стать убийцей, объясняет мое сегодняшнее решение. Я говорю вам это потому, что мне не хотелось бы быть превратно понятым. Он стоял прямо против Жерара, и Жерар с удивлением заметил, что его пальцы, державшие папиросу, дрожали.- Я знаю всю вашу жизнь, Жерар. В ней нет ничего, что заслуживало бы награды. Но вот случилось, что в этой жизни было несколько дней, когда вы действовали именно так, как было нужно. То, что вы рисковали в эти дни головой, не так важно, это был не первый и не последний раз за все время. Но вы поступили так, как хотел бы поступать я и как я поступил бы, если бы вы не сделали этого за меня. Может быть, это было совпадение — или случайность. Но это предопределило мое отношение к вам и, в частности, наш сегодняшний разговор со всеми последствиями, которые из него вытекают. Это заключение того, что произошло двенадцать лет тому назад в Порт-Саиде.- Monsieur Лазарис, — сказал Же-

рар, вставая, — я не умею говорить, как вы, и не нахожу слов. Но я благодарю вас со всей искренностью, на которую я способен».

Газданов, Эвелина и ее друзья:

«В ней было все, что обычно фигурирует во многих биографиях людей этого типа, — грабежи, жестокие побои, которым он подвергался и которым он подвергал других, психология преследуемого и полное отсутствие отвлеченных понятий. Кроме того, его на каждом шагу могла ждать смерть. Она была неизбежна или почти неизбежна, это был вопрос вре мени, и было чрезвычайно маловероятно, что он умрет от старости в своей постели. Но ему могли предстоять еще годы жизни. То, что предрешило его участь, это было его непреодолимое тяготение к Лу, которое было сильнее сознания того, что всякая попытка приближения к ней грозила ему опасностью. На первый взгляд казалось, что Канелли сам по себе не представлял особого интереса ни для кого, кроме случайного автора заметки о нем в уголов ной хронике газеты. Но по странной случайности судьбы он был совершенно необходим Лу и не менее нужен Мер- вилю. Тот мир, который теперь возникал для них обоих, — возникновению этого мира должна была предшествовать, его началом должна была быть смерть Канелли, как счастью Андрея должно было предшествовать убийство Жоржа. Если бы Жорж был жив, Андрей продолжал бы вести печальное существование и быть таким, каким мы всегда его знали. Если бы Лу не убила Канелли, ни она, ни Мервиль не могли бы быть счастливы. То напряжение, в котором она жила столько лет, не могло не привести к взрыву. Этого повелительно требовала почти безличная ненависть, которая накопилась в ней, и, может быть, неда ром ее жизнь началась с убийства и не могла не привести к убийству: минус на минус дает плюс. Как это ни каза лось парадоксально, то лучшее, что было в ней, ее любовь к Мервилю и неудержимое движение ее души, это лучшее могло проявить себя в полной мере только после того, как она перешагнула через труп Канелли, после того, как была _ утолена ее слепая и бессознательная жажда убийства. Кто мог бы ее за это осудить?»

Газданов, Призрак Александра Вольфа:

«я увидел Елену Николаевну, стоявшую у окна, и вполоборота к ней силуэт мужчины, который так же, как и я, держал револьвер. Не поднимая руки, почти не целясь, на таком расстоянии нельзя было промахнуться, — я выстрелил в него два раза подряд. Он повернулся на месте, потом выпрямился и тяжело рухнул на пол. Несколько се-

кунд я стоял неподвижно, и все мутно качалось передо мною. Я заметил, однако, кровь на белом платье Елены Николаевны: она была ранена в левое плечо. Как я узнал потом, она, защищаясь, бросила в стрелявшего стеклянную вазу почти одновременно с тем, как он нажал на курок, и этим объяснялось отклонение его пули. Он лежал теперь во всю длину своего тела, разбросав руки; голова его была почти у ее ног. Я сделал шаг вперед, наклонился над ним, и вдруг мне показалось, что время заклубилось и исчезло, унося в этом непостижимо стремительном движении долгие годы моей жизни. С серого ковра, покрывавшего пол этой комнаты, на меня смотрели мертвые глаза Александра Вольфа»

ГЛАВА 6. ФРОНТ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ ДОБРА СО ЗЛОМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГАЗДАНОВА: МИР ЭНЕРГИИ ДУХА ПРОТИВ МИРА МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ

1. МИР ОТВЛЕЧЕННЫХ ИДЕЙ КАК ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА

В произведениях Газданова, как в произведениях всех великих религиозных гениев, очень четко выраженно противопоставление двух миров: Пространства-Времени Интеллекта против Пространства-времени материального мира. Именно этим и отличается мировоззрение религиозных гениев, которые всегда противопоставляют материальному миру — мир Интеллекта, будь то Мир Идей Платона, или Царствие Небесное Христа, или же Град Божий Августина, или Бог-Интеллект Декарта, Спинозы и Эйнштейна.

Напротив, теоретики –материалисты и теоретики-скептики, которые отказавшись от метафизики интеллекта, в итоге недалеко уходят от магического сознания дикарей материальной энергии, противопоставляют Классы общества. Так, знаменитая война классов Маркса, которую он тоже взял у Гегеля, где идет речь о господах и рабах как «борьбе противоположностей», утвердила этот взгляд на общество в современном мире, где принято противопоставлять класс Господ и класс Рабов (как бы их не называли). Хотя, на самом деле, совершенно очевидно, что Господа и Рабы — составляют органически две части одной целостности — циклического гомеостаза материальной энергии, притяжения Влюбленности и Самолюбия, Насилие и Подчинение Физического контроля поля Эгосистемы.

И тот кто этого не видит, и старается представить эти классы как противоположности друг другу, даже как Добро и Зло, какому бы классу они не приписали Добро — не видит этого по той же причине по которой свинья никогда не видит неба. Они не смотрят наверх, не поднимаются до уровня законов природы, не смотрят «с точки зрения вечности» этих законов природы — этих формул интеллекта, установленных для движения энергий материального мира. Иначе бы, они увидели, что Насилие и Подчинение Господ и Рабов — всего лишь единый механизм функционирования материальной энергии психики поля Эгосистемы физического контроля.

Однако, для тех кто смотрит с точки зрения вечности, с точки зрения законов природы и метафизики интеллекта — эта истина всегда очевидна. Потому для Платона, который написал свое Откровение о Республике, не было секретом, что там, где тиран есть лживая сатана предательства всего благородного, там же и обычный необразованный народ часто вступает в сделку с тиранами своей угодливостью, потаканием, или мелкой завистью. Потому вывод Республики в том, что править должны не большинство голосов малообразованных людей, а Истина Научного контроля, то есть Естественное Право, основанное на открытии психической энергии, и Международный Институт естественного Права, как бы мы сказали сегодня. И между прочим, заслуга Прудона, товарища Герцена, состоит именно в том, что он развил это положение Платона, и в частности «Что такое собственность?» говорит о том, что не количество голосов должно решать, что есть правда (ведь мы не голосованием решаем как строить самолеты!), а Научный контроль Естественного Права.

Итак, людям Энергии Духа, которые смотрят на наш социальный мир с высот Законов Природы, с высот Мира Идей Платона и Града Божьего Августина, всегда очевидно, что то что Маркс называл смертельной войной двух противоположных классов общества, войной Добра и Зла, войной, где Тираны Господа угнетают Рабов пролетариев — на самом деле функциони-

рование одной и той же материальной энергии поля Эгосистемы, где Господа И Рабы просто противоположные притяжения циклического гомеостаза функционирования этой системы. И чтобы выйти из заколдованного круга Адского страдания человечества, порождаемого этой системой, надо менять не экономические системы, и не политические системы, — а менять Энергию в сознании человека. Ибо до тех пор, ока оставаться доминирующей будет материальная энергия физического контроля поля Эгосистемы — до тех пор какие бы экономические и политические учреждения не устанавливались, через них всегда тело материальной энергии устремится к единственно возможному для него способу существования, — к отношениям господства и рабства, лжи и насилия в каком-либо виде из многих уже известных истории.

А. Герцен, «С того берега»:

> «Я не умею выбирать между рабствами так, как между религиями; у меня вкус притупился, я не в состоянии различать тонкостей, кото рое рабство хуже, которое лучше, которая религия ближе к спасе нию, которая дальше, что притеснительнее: честная республика или честная монархия, революционный консерватизм Радецкого или консервативная революционность Каваньяка, что пошлее: квекеры или иезуиты, что хуже: розги или краподина. С обеих сторон раб ство, с одной — хитрое, прикрытое именем свободы и, следственно, опасное; с другой — дикое, животное и, следственно, бросающееся в глаза. По счастию, они друг в друге не узнают родственных черт и готовы ежеминутно вступить в бой; пусть борются, пусть составля ют коалиции, пусть грызут друг друга и тащат в могилу. Кто бы из них ни восторжествовал, ложь или насилие, на первый случай это победа не для нас, а впрочем, и не для них; все, что победители успеют, — это ловко попировать денек, другой»

Потому те пророки и религиозные гении, которые приходили в помощь людям, всегда ставили акцент на необходимости морального преображения человечества — «Рождении от Духа Святого», как говорил Христос, на подчинении низшего физического — высшему разумному и духовному, как говорили Сократ и Платон. И вот именно на этом моральном Перерождении,

на поисках путей к нему и строится все творчество Гайто Газданова.

И начинает он с того же, с чего начинали Платон, Христос, Толстой — с противопоставления Пространства-времени Интеллекта — пространству-времени материальной энергии поля Эгосистемы, ибо только в этом противопоставлении человек правильно определяет Фронт Священной войны, которую он ведет: Фронт между Добром Энергии Духа пространства –времени Интеллекта и материальной энергией поля Эгосистемы физического контроля (магического сознания). Здесь действительно разграничены Добро и Зло, и следовательно победы Добра уже гарантирована. Ибо, самое сложная задача, которая предстояла человечеству в его испытании найти и победить Зло, данном ему Господом — самым сложным было обнаружить это всегда неуловимое Зло. Но вот разграничительная линия установлена, и проходит она не в материальном мире между двумя частями материальной энергии, а между двумя пространствами — между пространством Интеллекта энергии Духа и пространством материальной энергии поля Эгосистемы.

Вот почему правы Герцен и Прудон, когда они разделяют Добро и Зло как две разные логики, как две разные энергии сознания; вот почему ошибались Маркс и Ленин, когда он разделяли Добро и Зло как материалист, не между энергиями сознания, а между людьми и классами людей, экономическими и политическими классами.

Герцен, «С того берега»:

> «враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга, у них разные логики, два разума. Когда вопросы становятся так, нет выхода — кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте — монархия или социализм».

Точно также Камю противопоставляет две энергии сознания, как Метафизический бунт и Демонический бунт. Точно также Толстой противопоставляет две энергии сознания, когда говорит

о пространстве-времени Разумной энергии и противопоставляет ее пространству-времени «физической личности». И точно также, как мы уже успели убедиться, в творчестве Гайто Газданова Метафизический бунт «мира отвлеченных понятий», которым неизменно характеризуются все его положительные герои, — противопоставляется пошлости и зловонию материального мира Насилия и Подчинения, этой любовной войны классов, которая есть не что иное как движение колеса садомазохизма варварских Левиафанов со дня их возникновения.

И в этом противопоставлении «Разумных личностей» как говорит Толстой с «миром отвлеченных идей», как говорит Газданов — социальному миру, в котором победила материальная энергия психики, «ненормальной и сумасшедшей» будут называть конечно же ту, что сегодня проигрывает — Энергию Духа. Ведь, это, как говорит Герцен, война «двух логик», которые не смогут никогда друг друга понять, и значит для каждой из них другая будет неизбежно выглядеть — ненормальной. Которая из них в самом деле разумна, а которая безумна, решить было бы невозможно с точки зрения материализма — и это тема «Писем к немецкому другу» Камю. Там, он объясняет, что пока он отрицал Метафизику Интеллекта вечной истины законов природы, установленных Господом — он не видел разницы между безумием фашистов и их собственной позицией совести. Но с пониманием Истины вечных законов природы, — законов совести и справедливости — установить какая из «двух враждебных логик», как говорит Герцен, правильная, а какая безумная не представляет никакого труда. Нам, в нашем современном мире, где дарвиновская парадигма, разрушившая научный контроль энергии духа, привела к победе материальной энергии Гадов Бесхребетных, вновь возродившихся фашистов Расы Господ уже в новом обличье Путиных и Трампов — нам следует опять поставить этот вопрос со всей остротой вопроса жизни и смерти человечества, с которой его поставил Камю в «Письмах к немецкому другу»: Кого же этот мир признает сумасшедшими — развратных фашистов насильников женщин и детей режима Путина

или Открытие психической энергии, победу научного контроля Энергии Духа?

Однако в мире, где отказались и от Метафизики Интеллекта, и от истины и законов природы и на их место поставили материализм и скептицизм, поставили дарвиновскую парадигму обезьяний правды сильного, поставили войну классов маркса и ленина и фашизм Расы Господ — в том мире, люди материальной энергии обязательно назовут «безумием», «сумасшествием» и «ненормальностью» — Живую Совесть, Потребность в Справедливости, Поиски Истины и Церковь Дружбы людей Энергии Духа. Как они назвали сумасшедшим Христа и Руссо, как назвали сумасшедшим Толстого, и его родные даже хотели добиться лишения его дееспособности, как известно. В то же время, Толстой пишет в Исповеди о своем метафизическом бунте против социального мира материальной энергии, и основное определение, которое он для него находит то же, что у Газданова — это мир сумасшедших.

Вот почему люди с «миром отвлеченных идей», люди высокой культуры в социальном мире материальной энергии — считаются «ненормальными» или «не вполне нормальными», как говорил старая куртизанка Ральди герою-рассказчику в «Ночных дорогах» только за то, что он проявляет к ней бескорыстную доброту и воротит нос даже от самой красивой проститутки, которую она ему предлагает.

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Я думаю, что в этом заключался для нее весь ее личный опыт, как у большинства людей, которые достаточно развиты и умны, чтобы понимать отвлеченные вещи»

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Он ездил на автомобиле, как и другие его товарищи по несчастью, русские интеллигенты, и оставался совершенно чужд этому делу, которого он, в сущности, не понимал и в котором участвовал только механически. После долгих разговоров с ним я заметил, что ему был свойственен недостаток, характерный для большинства людей, на-

> гражденных слишком сильной памятью: количество его знаний перегружало его, ему было трудно делать логические или исторические построения, так как он имел дело с огромным числом данных, нередко одинаково бесспорных и в то же время противоречивых. Он все же справлялся и с этим; и каждое его суждение представляло из себя некий умственный tour de force1, потому что должно было преодолеть предварительное сопротивление множества противоречий и исключающих друг друга положений. Если бы это происходило в первые годы моего пребывания во Франции, мне бы, наверное, показалось удивительным, что такие люди, как он, не могут найти ничего лучшего, чем ремесло шофера такси. Но знакомству с этим человеком предшествовало несколько лет моего пребывания в Париже, работа на фабрике, служба в конторе, годы учения в университете, — и теперь я этому не удивлялся и считал это совершенно естественным. Во-первых, он был иностранцем, во-вторых, из его огромной культуры нельзя было извлечь никакой непосредственной, коммерческой выгоды, в-третьих, я знал давно и хорошо, что ценности именно культурного порядка, если только их нельзя немедленно эксплуатировать, не имели никакого значения».

Газданов, «Ночные дороги»:

> «На его неподвижном обычно лице появилась улыбка. Он был совершенно трезв, и его разговор очень выигрывал от этого в связности и логичности, хотя тот абстрактный и книжный его характер, к которому трудно было привыкнуть, был еще более подчеркнут, чем всегда. Со стороны получалось впечатление, что он читает наизусть отрывки из ненаписанного трактата, — именно эта отвлеченность его речи создала ему в кафе, где его собеседники были чаще всего простые люди, репутацию сумасшедшего».

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»:

> «Метемпсихоз или близкие к нему явления неизменно характеризуют героя-рассказчика и второго автобиографического романа Газданова. Главного героя «Истории Одного Путешествия» Володю хорошо его знающий брат характеризует как «ненормального»: «....он фантазер и путешественник, он не такой как другие. Мы живем среди чувств, которые мы испытываем и вещей, которые нас окружают. Нам этого достаточно. А Володе недостаточно. Его все тянет куда-то, ему все чего-то не хватает. Он лежит на спине и придумывает необыкновенные истории, в которых сам участвует, или ходит без

> току по городу, точно ищет чего-нибудь, точно что-то потерял. А что? Спроси его, он сам этого не знает»

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Теперь она жила в глубокой нищете, в одной из холодных комнат старого дома, находившегося на той же самой улице, где у нее когда-то был особняк. Она расска зывала мне, что в течение долгих лет ей принадлежал — во второй, менее блистательной половине ее жизни — один из лучших домов свиданий в Париже.- Да, да, — рассеянно сказал я, — все то же самое. Кафе уже закрывалось. Я расплатился, и мы вышли на улицу. Она все время дрожала от холода, и слезы опять мгновенно показались на ее глазах.- Идите домой, — сказал я, — вы простудитесь, тогда будет еще хуже. Она отрицательно качала головой и отказывалась, говоря, что не заработала ни одного франка. Мне было очень жаль ее, я дал ей немного денег и отвез ее домой.- Спасибо, мой милый, — сказала она, стоя уже на тротуаре, перед дверью своего дома. — Я думаю, что ты не совсем нормален, и я верю теперь, что ты русский. Если ты будешь еще в этих местах, ты всегда найдешь меня здесь. Я буду рада тебя видеть, мы поговорим».

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Я помню, какими дикими глазами смотрели на меня клиенты, когда я им отвечал нормальнейшим, по моим представлениям, образом; из-за своей манеры разговаривать с ними я несколько раз попадал в комиссариат, но, к счастью, все кончалось благополучно.
> — Это воровство! — кричал доктор. — Вы не получите ни одного сантима из этих двух франков.- Хорошо, — сказал я, — вы хотите, чтобы я вам их подарил? Я даю два франка первому нищему, когда он просит у меня милостыни. Тем более я не вижу, почему я отказал бы вам в такой сумме. Но для этого вы должны ее у меня попросить, как это делают нищие. Он смотрел на меня изумленными глазами и, наконец, сказал, что тут недоразумение, что он доктор — именно тогда я это узнал — и что я ничего не понимаю.- В ы доктор, — ответил я, — но у вас психология нищего, это парадоксально, но это бывает.- Нет, нет, — сказал он растерянно, заплатил деньги и ушел, оборачиваясь. Один из полицейских, присутствовавший при этом разговоре — на тот случай, если бы дело приняло скандальный оборот, — посмотрел на меня и спросил:- Скажите, пожалуйста, вы случайно не сумасшедший? — Не думаю, — сказал я. — Во всяком случае меньше, чем мои клиенты».

А. Камю, «Письма к немецкому другу»: (Но вы насмеялись над знанием, вы говорили об одном лишь могуществе):

> «Она — эта моя традиция — имеет две элиты: избранников разума и избранников мужества, у нее есть свои властители духа и свои бесчисленные подданные. Судите сами, отличается ли эта Европа, чьи границы — плод гения некоторых из ее народов, эта Европа, чьим вечным духом осенены все ее сыновья, от того пестрого пятна, которое вы заштриховали черным на своих временных военных картах.
> Вспомните, что вы сказали мне в тот день, когда смеялись над моим возмущением: «Дон Кихот не осилит Фауста, если тот захочет победить его». Я тогда ответил вам, что ни Фауст, ни Дон Кихот не созданы для борьбы и победы друг над другом, что не для того возникло искусство, чтобы нести в мир зло. Но вам нравилось утрировать образы, и вы продолжили эту игру. Теперь нужно было выбрать между Гамлетом и Зигфридом. Мне вовсе не хотелось выбирать, а главное, я был твердо уверен в том, что Запад может существовать не иначе как в хрупком равновесии силы и знания. Но вы насмеялись над знанием, вы говорили об одном лишь могуществе. Сегодня я понимаю себя куда лучше и знаю, что даже Фауст вам ныне не помощник. Ибо мы и в самом деле освоились с мыслью, что в некоторых случаях выбор неизбежен. Но наш выбор будет иметь так же мало значения, как и ваш, если он не будет делаться с ясным сознанием того, что он бесчеловечен и не имеет ничего общего с интеллектуальными ценностями. Мы-то сумеем впоследствии возродить их, а вы не умели этого никогда. Как видите, я повторяю ту же мысль: мы возвращаемся издалека. Но за эту мысль мы заплатили достаточно дорого, и теперь имеем на нее право. Это побуждает меня сказать вам, что ваша Европа не годится для нас. В ней нет ничего способного объединять или воспламенять сердца. Наша же — это общее дело, которое мы продолжим вопреки вам в духе разума».

2. МНИМЫЙ (ЛОЖНЫЙ) «АНТИ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ» ФИЛОСОФИИ ГАЗДАНОВА

Ласло Диенеш в своем труде о творчестве Газданова пишет о том, что Газданов вне всяких сомнений ученый и интеллектуал, философ, который смотрит на мир с точки зрения его вечных законов и ищет его причинно-следственные связи — причину каж-

дой причины вплоть до фундаментальных законов вселенной, и свой самый главный философский вопрос в романе «История одного путешествия» ставит в духе Энергетики В. Оствальда — что за энергия в основе всего мирового движения, и что есть человек, как частица этого мирового движения энергии?

Тем не менее пишет Диенеш, если Газданов, прямо отмежевается от теоретических социальных схем и построений, то это потому, что все его попытки построить «гармоничную теорию» о социальном мире, которая объяснила бы «преступления и подвиги» мировой истории, и современный ему социальный ад, ему не удалось. Однако, подобно Льву Толстому, который ясно слышал в душе глас Божий, и который тоже разочаровался в философиях и теориях, предлагавших построение здорового общества, — он не сдался. Толстой, как всякий религиозный гений, пошел за своим внутренним откровением, за Чувством Правды, которое было у него в сердце, и стал утверждать эту правду вопреки современной ему лженауки, вопреки Дарвинизму и Марксизму, которых он никогда не признавал.

Проповедь Христа также была Откровением, которое Христос нес в своем сердце, — Откровением сердца во времена, когда знания и научный метод находились еще в зачаточном состоянии. И потому и были даны эти Откровения Господом, что люди сами своими силами в те времена, не смогли бы понять, где истина, и что им надо делать, чтобы двигаться в правильном направлении. Откровения Христа, как когда то Откровения Заратустры и Сократа, Исайы и Будды, дали человечеству Прометеев Огонь Истины, Факел Правды, Свет, который направил человечество в лоно христианской церкви в страшные времена варварства и всеобщего хаоса. Какая там наука!

Толстой, родившись значительно позже, также обнаружил, что наука в ее теперешнем состоянии — дарвинизм и марксизм — беспомощна дать ответы человеческой душе в поисках ее равновесия в пространстве-времени интеллекта — «разумной личности» отделенной от «физической личности» материальной

энергии, как он формулирует постановку проблемы в философском трактате «О Жизни».

И как говорит Диенеш о Газданове, Толстой тоже таким образом, сначала изучил все основные направления философии и социальной науки своего времени, и только потом сказал свое мнение о том, что современная ему социальная наука есть лженаука, и что следовать этой «науке» значит двигаться к катастрофе.

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»

> «К своей книге «О жизни» (1887 г.) он берет эпиграфом знаменитые строки Паскаля: «Человек не более, чем тростник, самое слабое из того, что есть в природе, но тростник этот мыслит. Все наше достоинство в том, что мы способны мыслить… Будем же стараться мыслить правильно: в этом основа морали». И вся его книга — гимн разуму. Надо оговориться: разум этот — не тот ограниченный разум науки, который принимает «часть за целое и животную жизнь за всю жизнь», а верховный закон, управляющий жизнью человека, «тот за кон, по которому должны жить неизбежно разумные существа — люди». «Разум для человека… — такой же закон, как и тот закон для животного, по которому оно питается и плодится, — как и тот закон для растения, по которому растет, цветет трава, дерево, — как и тот за кон для небесного тела, по которому движутся земля и светила… исполнении этого закона, в подчинении своего животного закону разума, для достижения блага, и состоит наша жизнь…»

Между тем, известно мнение о Толстом как о защитнике анти-интеллектуализма и иррациональности. Понятно, что все дело в безнадежности путанице терминологии, и что этот хаос с терминами не утрясется до тех пор, пока настоящая единая наука законов природы не утвердится наконец в исследовании человеческом общества — наука о законах психической энергии.

Как бы то ни было, схожесть Газданова и Толстого в философской их позиции в том, что оба отказались от современных философских и теоретических рецептов врачевания общества, как от лженауки — но отказались сознательно, как ученые, которые сначала изучили, а потом доказали и показали, что эти теории ложные. И тогда оба обратились к Откровению сердца,

которое было дано человечеству В Первое Осевое время и которое, как говорит Христос в Евангелиях (что любит цитировать Мережковский, предсказывая Третий завет) должно было закончится Открытием законов психической энергии, — то есть теперь уже научным и точным знанием того, что невежественному человечеству Милость Божья дала сначала в Откровении сердца.

Как все гении духа, они чувствовали истину спонтанно, — ведь и Эйнштейн говорит о большом участии бессознательной работы мысли. Газданов говорит, что чувствовал эту правду эмоционально, как «некую счастливую симфонию человечества». И отказавшись от лженауки своего времени, он обращается за «положительной философией», которую так долго и мучительно искал, мучительно изучая современную философию и науку, к старым как мир евангельским истинам. Ведь как часто он подчеркивает как разочаровали его наивные представления университетских профессоров о жизни, которую он видел не в книжках каждый день.

Отвергая социальный мир материальной энергии в «Ночных дорогах», — он переходит к утверждению своей «положительной философии» в «Призраке Александра Вольфа, в «Пилигримах», в «Пробуждении», в «Эвелине и ее друзьях». То есть к утверждению того социального мира духовной теперь уже энергии, который так искала его душа в «счастливой симфонии человечества».

И он начинает с нападок на то, что называется «рациональностью» в мире материальной энергии, — то есть на философию так называемого «Прагматизма» и «Здравого смысла», иначе говоря то, что он называет душевным убожеством Эгоцентризма. Ведь Прагматизм есть проповедь оппортунизма — все тот же дарвиновский принцип выживания сильнейшего в приспособлении к окружающей среде. «Философия» людей поля Эгосистемы — лженаука материальной энергии. И отвергая этот «рационализм» прагматизма в Эгоцентризме и этот здравый смысл приспособления к среде с «целью выживания

ради выживания», в котором он всегда подчеркнуто отказывается видеть какой то смысл достойный усилий, — он в то же время утверждает то, что эти люди называют «ненормальностью» и «иррационализмом», а атеистический экзистенциализм «абсурдом». Он утверждает вечные ценности Энергии Духа — снятие Эгозащиты в поисках Истины, Совести, Справедливости и Церкви Дружбы человечества. И утверждает эмоционально, как Христос и Толстой, и бросает вызов обществу материальной энергии в своем бунте против нее: Если вы называете эти вечные ценности Истины, Совести, Справедливости — иррациональностью, потерей здравого смысла и абсурдом, то я пью за иррациональность и абсурд. Однако, понятно, что на самом деле, именно его позиция поисков законов природы психической энергии для научного утверждения Откровений сердца — и есть настоящий рационализм и настоящий научный метод, впрочем для его времени все еще незрелый.

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Это были вещи, к отсутствию которых я никогда не мог привыкнуть, как я не мог привыкнуть к выражению глаз у большинства людей, с которыми мне приходилось чаще всего встречаться. Видя лица коммерсантов, служащих, чиновников и даже рабочих, я находил в них то, чего не замечал раньше, когда был моложе, какое-то идеальное и естественное отсутствие отвлеченной мысли, какую-то удивительную и успокаивающую тусклость взгляда. Потом, присмотревшись, я начал думать, что это спокойное отсутствие мышления объяснялось, по-видимому, последовательностью нескольких поколений, вся жизнь которых заключалась в почти сознательном стремлении к добровольному душевному убожеству, к „здравому смыслу“ и неприятию сомнений, к боязни новой идеи, той боязни, которая была одинаково сильна у сред него лавочника и у молодого университетского профессора».

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе»:

> «Полемика с атеистическим экзистенциализмом выражается в романе в том, как преломляется в нем понятие абсурда. «-Я пью за тех, кто верит в чудеса. Я пью за то, что может казаться абсурдом,

> и за торжество этого абсурда над действительностью. Я пью за непобедимую силу иррациональных и нелепых чувств, которые во всем противоречат так называемому здравому смыслу. Важнейшее понятие экзистенциализма абсурд, которым широко пользовался в том числе и Камю в „Мифе о Сизифе", употреблено здесь в совсем ином значении. Защита самостоятельного значения эмоционального мира и одновременно традиционное для Газданова разоблачение рационализма, проходит красной линией через весь роман»

Свой «Мир отвлеченных идей» пространства-времени Интеллекта он считает оторванностью спекулятивного разума формальной логики от действительности, и старается преодолеть в себе этот неумолимый поиск научного контроля, настаивая на важности эмоционального мира. Он, который подобно Роберту в «Пилигримах» и Писателю в «Эвелине и ее друзьях» закрылся от мира в своем логическом анализе и потерял всякий смысл жизни в мире, где «рациональность» и «здравы смысл» учат делать карьеру, копить деньги и обманывать ближних — прагматизму и выживанию сильнейшего, — он старается преодолеть эту полную атрофию мотивации к жизни, настаивая на важности ни одного только интеллекта, но и эмоций. «Красной нитью» через все его книги проходит та атрофия смысла жизни в обществе материальной энергии, которую он отразил в рассказе «Нищий», и о которой он снова и снова в своих романах говорит как о том, что «он не чувствовал, что этот мир стоит каких-то усилий».

И тогда в качестве самокритике своего чрезмерного интеллектуализма он обращается к самокритике, и настаивает на важности эмоционального мира. И тогда выясняется, что только социальный мир церкви дружбы, только социальный мир духовной энергии способен пробудить в нем желание жить, пробудить энергию выходить из дома и идти на работу, пробудить энергию любить женщину. Подобно тому как Роберт, вся мотивация которого в мире материальной энергии атрофирована до такой степени, что ему не хочется выходить из квартиры, хотя он сын богатого предпринимателя, находит в себе силы жить только когда у него получилось создать свою маленькую церковь дружбы

с Жаниной, которую он спас из рук сутенера, и которая оказалась чистейшим существом самой чувствительной совести и способной ученицей, — таким же образом и Пьер Форэ, находит в себе силы ходить на работу только для того чтобы облегчить жизнь своей замученной нищетой матери. Каждый раз когда герой Газданова, находит силы преодолеть в себе свой чистый интеллектуализм, и выйти из раковины своего родного мира книг и «отвлеченных понятий», он делает это для совершенно особенного эмоционального мира, неизвестного миру материальной энергии — для церкви дружбы, которая и в любви мужчины и женщины качественно отличается от того «зоологического сада обезьян», как он говорит в «Ночных дорогах», который сутенеры и проститутки высших и низших слоев общества материальной энергии называют «любовью».

Но Газданов интеллектуал в такой крайней степени — это самый радикальный исследователь в поисках научного контроля пространства-времени интеллекта — что даже для того, чтобы найти этот особенный эмоциональный мир духовной энергии, ему приходится провести над собой титаническую работу. Вот почему он обращается к критике своих героев интеллектуалов — он критикует себя самого, и показывает в образе Роберта и Писателя в «Эвелине и ее друзьях», как этот герой преодолел свой радикальный интеллектуализм и сумел найти эмоциональную мотивацию жить в Церкви Дружбы духовной энергии.

Газданов, «Пробуждение»:

> «Я всегда считал, что эллинская культура, в частности греческая трагедия, — ты слушаешь меня, Анна? — с ее нелепым много божием, с ее ходульными и искусственными страстями, результат примитивных, в конце концов рабовладельческих, концепций, заслуживает, конечно, изучения, но не больше, чем что-либо другое, и никак не заслуживает преклонения, и, в сущности, даже история Рима в некотором смысле нам представляется более поучительной, чем история Эллады... Большую часть времени он проводил в своем кабинете, перегружен ном множеством научных книг. К литературе, которую так любила его дочь, он относился с неизменным пренебрежением. — Наша задача в том, чтобы свести все существующее к ря-

ду естественных и понятных законов, которые могут быть выражены определенными формулами, законов, в которых эмоциональный момент может играть известную роль, но чисто функциональную, Анна, пойми это, чисто функциональную. Что из этого делает твоя литература?

Как это думала потом Анна, ее отец, которому не удалась его личная жизнь, который не умел уживаться с людьми и не скрывал своего пренебрежительного отношения к ним, объяснявшегося тем, что их не интересовало то, что интересовало его, — ее отец представлял себе всю историю мира как последовательность вполне определенных систем, которые, по его мнению, направляли в соответствующую эпоху развитие человечества. Задача человека заключалась в том, чтобы понять основные принципы этой системы и способствовать их эволюции. Конечно, людей, которые могли выполнить эту задачу, было немного».

Газданов, «Пилигримы»:

«Для того чтобы выйти из дому, ему приходилось делать над собой усилие. Но зная прекрасно, что его душевное состояние не могло быть названо нормальным для совершенно здорового человека его возраста, он был, однако, очень далек от отчаяния или мысли о самоубийстве.

….Нет, Роберт был убежден, что этого он не поймет никогда. Он не представлял себе, каким образом с ним могла бы произойти такая метаморфоза, в результате которой та жизнь, какую Жоржетта называла настоящей, вдруг приобрела бы для него хоть малейшую привлекательность.

Жоржетта говорила ему:- По внешнему виду ты ничем не отличаешься от нормального человека. Но я не могу отделаться от впечатления, что в твоих жилах течет не кровь, а вода.

Пожалуй, единственное, что имело отвлеченную и постоянную ценность, это были книги. Он истратил на них целое состояние. Он не задумывался над тем, почему именно книги интересовали его больше, чем все остальное. Но если бы его спросили, что он считает самым важным в жизни, и если бы его природная медлительность не помешала бы ему сразу сосредоточить свое внимание на этом вопросе, он, вероятно, ответил бы, что ему казалось самым существенным — понять, почему люди живут так или иначе, почему возникают те или иные религии или системы идей, как идет жизнь и каков в каждом отдельном случае или в каждом произвольном отрезке времени смысл того или иного факта. Но ему не приходила в голову мысль, — и если бы она пришла, он тотчас же отбро-

> сил бы ее, — что это преобладание отвлеченных интересов над непосредственными»

Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

> «В остальное время, милый мой, это блуждания и невозможность воплощения.- В сапожника или депутата парламента? — Хотя бы. Ты никогда не думал о том, что в упор ном и постоянном занятии литературой есть что-то почти клинически неестественное? Где ты видел нормальных людей, которые занимаются литературой..... Писатель, вообще говоря, это человек с каким-то глубоким недостатком, страдающий от хронического ощущения неудовлетворенности. Его личная жизнь не удалась и не может удаться, потому что он органически лишен способности быть счастливым и довольствоваться тем, что у него есть. Он не знает, что ему нужно, не знает, что он собой представляет, и не верит до конца своим собственным ощущениям. Вся его литература — это попытка найти себя, остановить это движение и начать жить как нормальные люди, без неразрешимых проблем, без сомнений во всем, без неуверенности и без понимания того, что эта цель недостижима. Когда он пишет книгу, у него есть смутная надежда, что ему удастся избавиться от того груза, который он несет в себе. Но эта надежда никогда не оправдывается. В этом его несчастие и его отличие от других людей»

В конечном итоге, он утверждает этот мир отвлеченных идей — Мир Идей Платона — вопреки всему здравому смыслу и всему прагматизму общества материальной энергии поля Эгосистемы, утверждает эмоционально, Откровением сердца, которое всегда есть Церковь Дружбы:

Газданов, «Пилигримы»:

> «Я верю в Бога, но, вероятно, я плохой христианин, потому что есть люди, которых я презираю. Если бы я сказал, что это не так, я бы солгал. Правда, я замечал, что презираю не тех, кого обычно презирают другие, и не за то, за что людей чаще всего презирают. Но огромное боль шинство людей надо жалеть. На этом должен строиться мир. Он говорил просто, не повышая голоса.
> — Нас, то есть таких, кто думает, как я, нередко называли сумасшедшими. Но многих из тех, которые так говорили, давно уже нет, давно забыты их имена и то, что они считали правильным и нужным, а мы еще существуем. И я думаю, что пока будет стоять мир, это будет так. И, в конце концов, не так важно, быть может, как это будет называть-

ся: гуманизм, христианство или что- нибудь другое. Сущность остается одна и та же, и сущность эта заключается в том, что такая жизнь, о которой я тебе говорю, не нуждается в оправдании. И я тебе скажу больше — то, что я лично думаю: только такая жизнь стоит того, чтобы ее прожить. Он замолчал. Фред тоже не произносил ни слова.- Я часто думал о тебе, — сказал Рожэ. — Какая-то случайность предшествовала твоему рождению. Ты был брошен в этот мир, и ты погрузился в небытие. В тех условиях, в которых ты жил, это не могло быть иначе. Но, начиная с известного момента, всякий человек становится ответственным за то, что он делает. Уклониться от этой ответственности — это значит вести себя, как последний трус. Есть еще другие категории людей, которые от нее уклоняются. Есть люди слабые. Есть люди, ум которых недостаточно развит, чтобы в этом разбираться. И есть мерзавцы. Я всегда спрашивал себя, зачем нужно их существование? Вероятно, затем, чтобы мы, глядя на них, лучше понимали, как не надо жить, и их роль — в этом постоянном напоминании. Я думаю, что ты не принадлежишь ни к одной из этих категорий, и я уверен, что ты не трус. Если бы это было иначе, мы бы с тобой сейчас здесь не разговаривали».

3. ДОБРОДЕТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ ИНТЕЛЛЕКТА И ПОРОК ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Легко видеть, что во всех произведениях Газданова Беда, Катастрофа всегда там, где отсутствует Мир Отвлеченных Идей — то есть пространство-время Интеллекта. И это одинаково справедливо в отношении как верхов, так и низов общества материальной энергии, хоть и по разному.

Для низов общества, то есть для Милграм Эго Нижней Эгозащиты притяжения Влюбленности и Подчинения — это катастрофа абсолютной беззащитности перед лицом страшных волков, Насильников Верхней Эгозащиты Сатан-Эго. Так что люди низов общества, в целом здоровые, божеские люди живой духовной энергии оказываются добровольными жертвами этих потерявших совесть и человеческий облик сатанов. И он именно так и описывает всегда низшие классы — родителей Жанины из Пилигримов, например, или мать Пьера Форэ из Пробуждения —

как работяг, которые полностью оправдывают существующее положение вещей, и мученики выносят все несправедливости своего нечеловеческого образа жизни, и только мечтают что какое-нибудь чудо позволит им перейти в высшие классы, — лотерейный билет или наследство бывшей куртизанки. В «Ночных дорогах» его также возмущает эта позиция соглашательства не только с угнетением, но даже с догмой якобы кастового превосходства верхов над низами. И корни этой катастрофы низов он видит опять таки — в отсутствии мира отвлеченных идей, Мира Идей Платона у бедных слоев общества.

Газданов, «Пробуждение»:

> «- Твой отец нас разорил, — сказала ему мать. — Теперь, Пьеро, ты глава семьи. Мы работали всю жизнь. Если бы твой отец не играл на скачках... Что касается меня, я всегда выполняла свой долг. — И она заплакала. „Мы работали всю жизнь...“ Она действительно никогда не оставалась без дела. Она натирала полы, мыла окна, готовила, стирала, чистила овощи, выносила мусор, шила, вытирала пыль, и когда наконец казалось, что сделано решительно все, она садилась в свое твердое кресло и начинала вязать. Но, кроме этого, ее ничто не интересовало, и у нее никогда не было даже желания прочесть газету. Когда они бывали всей семьей в кинематографе, раз в неделю, она была не способна сосредоточить свое внимание на фильме, который показывался, это ее только утомляло, и Пьер не помнил, чтобы она когда-либо сказала хоть несколько слов о том, что ей понравилось или не понравилось в картине. Когда отец ее спрашивал, что она думает, она неизменно отвечала одно и то же: — Не хуже, чем другие, — независимо от того, что это было — исторический сюжет, мелодрама или фарс».

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Меня неоднократно поражало отношение шоферов к пассажирам из Auteuil и Пасси; питая к ним нечто вроде классовой неприязни, они бессознательно и молча признавали их воображаемое превосходство. У меня было с ними несколько разговоров на эту тему. Я стоял как-то, ожидая театрального разъезда, вместе с товарищами; мы знали, что будет много клиентов, это всегда легко определить по большему или меньшему количеству частных автомобилей, ожидающих своих владельцев. Шла „Arlésienne“, я сказал, что удивительно, как такая пьеса привлекает столько народу. Старый шофер,

> к которому я обратился, ответил мне:- Слушай, старик. Это не такие люди, как мы. Ты этой пьесы не можешь понять, и я тоже. Для этого, старик, надо быть образованным. Там, может, есть такие слова, которых ты никогда не слышал. Для тебя это все ерунда. Они — другое дело, мы никогда не будем такими, как они. Тут нечего себе ломать голову»

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Та культура, с которой ему пришлось соприкоснуться во время учения, прошла для него совершенно бесследно; и никогда ни один отвлеченный вопрос не занимал его внимания. И долгое время мне казалось, что всю его жизнь, все его мысли, побуждения и чувства можно было свести, как в алгебре, к двум-трем основным формулам — остальное было бесполезной и расточительной роскошью. Я не мог предвидеть беспощадной мести, которую ему готовила эта самая ненужная культура и отвлеченные понятия; мне всегда казалось, что против них у него был природный и непобедимый иммунитет.. ….Так было и с Федорченко. Он прожил свою жизнь, и все считали его — имея на это достаточные, казалось бы, основания — тупым и ограниченным человеком, которого не интересовало ничто, кроме вещей материального порядка. И вот теперь он умирал, забыв совершенно о своих доходах и своем предприятии, и как он одет, и когда будет воскресенье, и искренно мучаясь над тем самым душевным и отвлеченным миром, которого все его прежнее существование было отрицанием».

Хоть и невольно, но Низы Нижней Эгозащиты материального мира становятся соучастниками Зла, предлагая себя в своем наивном невежестве жертвами на стол сатанов Верхней Эгозащиты. Для чего служит как показал Толстой в «Царстве Божьем внутри вас» «одурение» людей, под которым Толстой раскрывает целую систему сознательного насилия над людьми, и прежде всего искусственное поддержание их невежества, одурение алкоголем и проституцией, а также сведением христианской религии через! фарисеев православия» к магическим ритуалам. Бертран Рассел тоже писал о большом вреде, которые правительства сознательно наносят сознанию масс, о ложной пропаганде и ложных учебниках, с целью порабощения населения.

Эта та самая антропофагия общества материальной энергии, о которой Герцен писал в «С того берега»:

Герцен, «С того берега»:

> «Аристократия — вообще более или менее образованная антропо фагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

Но настоящий источник Зла — это конечно Сатан-Эго Верхней Эгозащиты, — люди, которые сознательно выступает против поля Совести и Справедливости духовной энергии человека, чтобы использовать наивность простых людей, развращая и порабощая их. И об этих людях Газданов пишет как об уголовниках, то есть как о людях физического контроля, где Власть, Право сильного в животных джунглях поедания людей друг другом решает все.

Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

> «В ней было все, что обычно фигурирует во многих биографиях людей этого типа, — грабежи, жестокие побои, которым он подвергался и которым он подвергал других, психология преследуемого и полное отсутствие отвлеченных понятий».

Независимо от того, говорит ли он о министрах или об обычных бандитах и сутенерах, или об известных писателях вроде Александра Вольфа — все это люди, которые не имеют ничего общего с «Миром отвлеченных идей» умных людей и гениев истории, но принадлежат к физическому контролю уголовного закона Силы. Иными словами, к полю Эгосистемы материальной энергии. Так, каким бы «культурным» ни был Александр Вольф, его мысль как и его совесть мертвы — он призрак со страшным лицом смерти, и рассказы его, как пишет Кибальник, анализируя мысль Газданов — только размазывание пошлости. В этом мнение Газданова с его героем бродягой-философом

Платоном из «Ночных дорог» полностью совпадали. То же он говорит о душевном убожестве политических деятелей и в «Пробуждении» устами одного из героев «мира отвлеченных идей», журналиста Франсуа.

> «Людей он, впрочем, так же низко расценивал всех решительно, причем ни чины, ни положение, ни репутация человека не играли в его глазах никакой роли; и я рад был однажды услышать от него, что в его представлении средний преступник, имеющий в своем прошлом два или три уголовных дела, не очень отличается от среднего депутата или министра и в сфере бескорыстного суждения, как он говорил — в своеобразной его социальной иерархии, они стоят на одном и том же уровне; — и я был рад это услышать, так как разделял совершенно этот взгляд».

Газданов, «Пробуждение»:

> «Один очень умный человек сказал, что, когда он начинал свою политическую карьеру, он думал, что он может отдать своей стране все свои способности. Но очень скоро он понял, что если он в своих политических выступлениях не будет оставаться на уровне среднего лавочника, то никакой карьеры он не сделает. И, уверяю вас, что это не преувеличение и не парадокс. Было бы естественно, казалось бы, думать, что у власти должны сто ять лучшие люди страны. В действительности это совсем не так. Когда вы сталкиваетесь с этими людьми, когда вы находитесь с ними в постоянном контакте, вас иногда охватывает отчаяние от их умственного и нравственного убожества. Конечно, этого нельзя сказать обо всех, есть и исключения, но чрезвычайно редкие. И когда вы подумаете, что от этих людей зависит иногда участь миллионов других и что этого нельзя изменить, то ничего печальнее быть не может.

В конечном итоге этот фиктивный интеллект поля Эгосистемы, который характеризует Ницше и подобных ему циников и скептиков, разложивших мысль и науку — не имеет ничего общего с реальностью законов природы, то есть с тем самым миром отвлечённый идей пространства-времени Интеллекта, с научным контролем действительности. Это такой же в самом деле физический контроль Права Сильного, как у самых невежественных уголовников. И об этом хорошо сказано у Камю в «Бунтующем человеке»:

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Не существовало больше истинных ценностей, признаваемых всеми этими людьми и в то же время возвышающихся над ними, во имя которых они могли бы судить друг Друга. И вот в 1933 г. Германия не только согласилась признать низкопробные ценности, принадлежавшие всего нескольким людям, но и попыталась навязать их целой цивилизации. За неимением морали Гёте она избрала мораль уголовного мира и поплатилась за это.
> ….Мораль уголовника — это бесконечное чередование побед, Свершающихся местью, и поражений, порождающих отчаяние и злобу. Прославляя «стихийные порывы личности», Муссолини предвосхищал преклонения перед темными силами инстинкта и крови, биологическое оправдание всего наихудшего, к чему может привести слепая тяга к господству
> ….Если ничто не может ясно мыслиться, пока в конце времен не будет явлена истина, то всякое действие — произвол и в мире царствует сила «Если действительность немыслима, — восклицает Гегель, - нужно придумать немыслимые понятия». Немыслимое понятие, как и заблуждение, в самом деле нуждается в том, чтобы его придумали. Но нельзя рассчитывать, что его примут благодаря убедительности, которая относится к порядку истины; немыслимое понятие в конце концов должно быть навязано»

Газданов, «На Французской земле»:

> «Теперь, в конце войны, становится очевидна та истина, что человечество в предвоенные годы культурного двадцатого столетия существовало, не подозревая этого, под угрозой древнего и первобытного закона: уничтожить или быть уничтоженным, разрушить или быть разрушенным, убить или быть убитым. И страшный цикл того биологического закона — или биологического безумия, — который предрешает и обуславливает войну, неудержимо приближался к самому патриотическому своему моменту. Россия это поняла и почувствовала раньше иных, может быть, потому, что ее восприятие было более обостренным, чем у других народов, так как опасность угрожала больше всего ей»

Газданов, «Призрак Александра Вольфа»:

> «С той минуты, что я знаю это, мир для меня становится другим и я не могу жить, как те, остальные, у которых нет ни этой власти, ни этого понимания, ни этого сознания необыкновенной хрупкости

> всего, ни этого ледяного и постоянного соседства смерти. Это было простым логическим выводом из той свое образной философии, отрывки которой мне излагал Вольф, проявлением той идеи неподвижности, совершенно для меня неприемлемой, но против которой можно было бороться только ее же оружием; и применение этого способа борьбы невольно приближало ко мне зловещий и мертвый мир, призрак которого преследовал меня так давно. Что можно было еще противопоставить этой философии и почему каждое ее слово вызывало у меня внутренний и неизменный протест?»

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция русской литературы»:

> «……В этом образе Газданов показывает трагедию ницшеанского сверхчеловека». В убежденности героя в том, что «нет большего соблазна, чем соблазн заставить события идти так, как вы хотите, не останавливаясь для этого ни перед чем», «человекобожеские» мотивы звучат довольно ясно: «В этих нескольких секундах насильственного прекращения чьей-то жизни заключалась идея невероятного, почти нечеловеческого могущества» Вглядываясь в появляющееся иногда в глазах Вольфа «страшное выражение», герой начинает понимать, что «этот человек был убийцей» и что все для него «бессильно перед этой минутной властью убийства». Между равнодушием ко всему, ощущением бессмысленности и смертности всего живого и поползновениями на власть над другими людьми, по Газданову, существует прямая связь: «Это было простым логическим выводом из той своеобразной философии, отрывки которой мне излагал Вольф…» В своем разоблачении «идеи сверхчеловека» Газданов опирался конечно же на самого Достоевского и возможно в какой то степени на его интерпретации в русской религиозно-философской критике. Противопоставление Достоевского, как мыслителя, знавшего соблазн «человекобожества», но раскрывшего «гибель человека» на этом пути, — Ницше, у которого «идея сверхчеловека» «убила человека», Газданов мог найти, например у Н. Бердяева».

Как можно видеть из проведенного анализа Гайто Газданов не только отрицает мир материальной энергии в своих произведениях, но и активно утверждает свою положительную философию, а именно другой мир, мир церкви дружбы энергии духа.

И для этого он в первую очередь правильно очерчивает линию фронта, разграничивая не классы общества, которые часто две стороны одной медали физического контроля садомазохизма, а разграничивая пространство-время Интеллекта Энергии Духа и пространство-время материальной энергии садомазохизма.

Также совершенно очевидно, что Газданов после периода юношеского увлечения философией Юма и его скептицизмом, как он указывает в Вечер у Клэр, уже перед войной переходит на позиции метафизики интеллекта, того что С.А, Кибальник называет Христианским Экзистенциализмом Газданова. И будучи таким образом выраженным рационалистом, он разделяет не мир интеллекта от мира эмоций как таковых, а разделяет два разных мира Эмоций: один патологический, принадлежащий садомазохизму материальной энергии, а другой — здоровый и счастливый мир Церкви Дружбы Энергии Духа.

ГЛАВА 7. ЦЕРКОВЬ ДРУЖБЫ ЭНЕРГИИ ДУХА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

1. ЭМОЦИИ СОЦИАЛЬНОГО МИРА ЭНЕРГИИ ДУХА ПРОТИВ ЭМОЦИЙ САДОМАЗОХИЗМА ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Положительная философия Газданова — это утверждение Церкви Дружбы как особого эмоционального мира Энергии Духа. Этот тот особый мир, который обретают его «разгримировавшиеся» радикальные интеллектуалы, надевшие маску абсолютного академизма и геометрической логики в мире материальной энергии, где все потеряло для них смысла, и эмоции садомазохизма которого «самолюбие и влюбленность» не вызывают у них ничего кроме отвращения. Этот мир счастья и главное вновь обретенных смысла и радости жизни открывается Писателю из «Эвелины и ее друзей», когда он находит любовь в Церкви Дружбы среди своих давних друзей, — Эвелину; это счастье обретает Пьер Форэ в Пробуждении, когда сначала посвящает свою жизнь заботам о матери, а потом заботам о тяжело больной женщине, которую ему удается вылечить своей искренней заботой; и друг Пьера Форэ, журналист Франсуа также оказывается частью этой церкви дружбы, и находит счастье в том счастье, которое обрели его друзья. Это счастье обретает журналист из Призрак Александра Вольфа, когда ему удается спасти из лап убийцы Вольфа, и «отогреть « своей душевной заботой погибающую в отчаянии женщину; это счастье обретает Роберт из Пилигримов, когда ему удается спасти из лап другого негодяя прекрасную девушку Жанину, которую впрочем отличает сильное

поле Совести. Это счастье находит бывший уголовник Фред, в дружбе со своим учителем Роже, «евангелическим характером», как его определяет Ласло Диенеш, который научил его читать книги и навсегда погрузил его в сладостный мир отвлеченных идей.

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция русской литературы»:

> «Вольф сеет вокруг разрушение и смерть: гибель его бывшей любовницы-самоубийцы стала первой в этом ряду, наследственная смерть Елены Николаевны должна была стать второй. Назначение героя-рассказчика противоположно: во время романа с Еленой Николаевной он и сам начинает думать, что вообще его роль заключается в том, чтобы «появляться после катастрофы» и все с кем ему «суждена душевная близость, непременно перед этим становятся жертвами какого-то несчастья»
>
> ….Героиню с самого начала влечет к нему его теплота и открытость героя-рассказчика. Не случайно ей кажется, что его жанром в литературе должны бы быть лирические рассказы. В какой-то момент ее сближения с героем-рассказчиком «с ее лица исчезло то выражение отчужденности, которое «он знал до сих пор». Под влиянием встреч с героем она постепенно меняется»…я начал замечать в ней некоторые проявления человеческой теплоты, она как будто понемногу оттаивала».
>
> …..«Чуть ли не с первых же дней» рассказчика поражает «ее душевная небрежность, ее безразличие к тому, что о ней подумает ее собеседник», и проявления «неожиданной жестокости» по отношению к нему. Однако это не органическая ее черта: «она была отравлена» близостью другого человека, как выясняется в конце романа, все того же Вольфа. Именно в течении ее связи с ним «та теплота которая в ней была постепенно слабела и уходила»
>
> …..«Отогревая» для этой жизни Елену Николаевну, герой рассказчик, в сущности, возвращается к ней и сам. Услышав однажды как она напевает мелодию, которая непостижимым образом заключала в себе свет», он впервые произносит слова, которые потом уверенно скажет в своем очном споре с Вольфом: «И может быть, действительно все в конце концов, не так печально и все положительные вещи не всегда и не непременно иллюзорны»
>
> …. Вольф далек от какой бы то ни было душевной гармонии: он с готовностью идет на все в погоне за острыми ощущениями, но это только делает его все более и более равнодушным. Через весь ро-

ман проходят эпизодически повторяющийся образ «разрезанных на куски женщин» как характеристика тематики репортажей героя-рассказчика, и в контексте романа этот образ приобретает символическое значение. Однако до своей встречи с Вольфом рассказчик знакомится с героиней и роман с ней начинает постепенно вылечивать его от «непреодолимого и чрезвычайно упорного раздвоения. .... Как постепенно выясняется, задача каждого из героев состоит в том, чтобы избавиться от своего внутреннего двойника, олицетворяющего «отрицательное» начало души. И если избавится от него оказывается невозможным, то это как в случае с Вольфом, приводит к гибели. Таким образом, внутренний сюжет роман направлен на защиту надежд в поддержку Толстого и Достоевского».

Газданов, «Пилигримы»:

«Вещи и понятия, которые Роберт объяснял Жанине, приобретали для него значение, какого раньше не имели. Он настолько привык полагать, что всякое определение неточно, всякое утверждение может оказаться в некоторых случаях необоснованным, всякая истина относительной, что вся сумма его знаний представлялась ему чем-то не особенно ценным. Рассказывая о самых разных вещах Жанине, он думал о той совокупности понятий, которая определялась словом «культура»: это было то, чего нельзя было не знать. Миллионы и миллионы людей были чужды этим понятиям и этой культуре. И в том, что ее можно было передать женщине, которую он любил, он находил удовлетворение, какого не знал раньше, — ни тогда, когда ему казалось, что он приближается к пониманию далекой истины, найденной много лет тому назад умершим философом, ни тогда, когда ему удавалось построить более или менее гармоничную теорию в той или иной области.

...Каждый день она собиралась незаметно уйти, вернуться на rue St. Denis и избавить Роберта от угрозы, которая нависла над ним. Но у нее не хватало сил это сделать. Она смутно надеялась, сама не зная на что, но чаще всего у нее было томительное ощущение временности и хрупко сти ее теперешней жизни. И то, чего она не знала, — это что сознание ежедневной опасности и готовности к тому, что это может насильственно и страшно оборваться каждую минуту, придавало ее чувству к Роберту ту зыбкую глубину и то душевное изнеможение, которых не было бы, если бы рядом с ними не было мысли о смерти.....Ответа не было. Он быстро прошел в одну комнату, в другую, в ванную, в кухню. Жанины не было нигде. Он вошел в кабинет — и почувствовал незнакомую ему боль в левой стороне груди: посередине стола лежал лист бумаги, на котором он

увидел подпись Жанины. Он несколько раз, не понимая, прочел эти строки. Это было, конечно, именно то, чего он боялся. Она писала, что она уходит, потому что не может перенести того, что его жизнь подвергается ежедневной опасности из-за нее. Она прибавляла, что хотела бы ему сказать еще очень много, но слезы мешают ей писать, и она боится, что он может вернуться каждую минуту, и она знает, что второй раз у нее не хватит силы принять это решение»

Газданов, «Пробуждение»:

«То, что больше всего запомнилось Пьеру, это лицо его матери, когда он как-то вернулся домой, через несколько дней после смерти отца. Когда он вошел в комнату, он увидел, что она сидела опустив голову и беззвучно плакала. На ней было старое платье и вечный ее передник, в правой руке она опять держала пыльную тряпку. В ее низко склоненной голове, во всем ее теле была такая глубокая усталость и такое непоправимое несчастье, что Пьер почувствовал, как слезы навернулись на его глаза. — Бедный мой Пьеро! — сказала она едва слышно. Он сел прямо на пол перед ней, обнял ее колени, как он делал, когда был маленьким, и начал говорить ей, чтобы она не беспокоилась ни о чем, что он будет о ней заботиться, будет работать и она не будет знать нужды. — Да, да, мой миленький, я знаю, — сказала она. — На тебя я могу положиться. Я не об этом плачу, Пьеро. Он не решился расспрашивать ее. Ему все было ясно и без этого: такая долгая жизнь, упорная экономия, постоянная работа, никаких радостей, кроме иллюзорной надежды на чудесное разрешение всех вопросов — тетка Жюстина, — и все это совершенно впустую.
Так он думал тогда и решил сделать все, чтобы облегчить существование матери. Ему оставался год до получения аттестата зрелости, но он не вернулся в лицей. Через две недели после похорон отца он уже работал писцом в небольшом предприятии. Он относился к своему делу с необыкновенной добросовестностью, кото рая, однако, вовсе не объяснялась его интересом к работе и его служебным усердием, как это думал его хозяин, неизменно мрачный и неразговорчивый пожилой человек, один из бывших клиентов Альберта Форэ. Через месяц он сказал Пьеру:- Ну, знаете, могу только сказать, что вы не похожи на вашего отца. Совершенно не похожи, совершенно. Пьер не курил, не ходил в кафе и на службу отправлялся пешком. Все свои деньги он приносил домой, и в этом суровом воздержании от каких бы то ни было удовольствий он находил удовлетворение, заполнявшее его жизнь. По воскресеньям он сам натирал полы в квартире, никогда не забывал ни одного поручения матери и искренне страдал от того, что она, по многолетней привычке, вставала

раньше, чем он, и приносила ему кофе в кровать. Она изменилась, постарела, стала медленнее в движениях, но чистила и мыла все по-прежнему. Иногда, в отсутствие Пьера, она разговаривала с соседками — всегда о том, какой у нее заботливый сын. — Я уверена, — говорила она, — что даже если он женится, то будет так же хорош ко мне, как теперь.

Откладываемая сумма стала увеличиваться; два, иногда три раза в неделю мать теперь кормила его то кроликом, то дичью и начала говорить, что мужчине как-то неловко не курить. Затем, однажды заглянув в свой бумажник, Пьер совершенно неожиданно нашел в нем пятисот франковый билет, который она ему туда положила, считая, что молодому человеку нельзя ходить без денег. Он пожал плечами и билета не тронул. В сущности, не было никакой необходимости, особенно теперь, — он это прекрасно понимал, — в таком суровом аскетизме. Но он настолько к нему привык, что для него было действительно трагедией заказать себе, напри мер, новый костюм. Он вовсе не был скуп, но ему казалось, что он не имеет морального права тратить такие деньги, в то время, как его мать была лишена самого необходимого всю свою жизнь. Ему доставляло особенное удовольствие отдавать ей все, что он зарабатывал, не оставляя себе почти ничего. Кроме того, он просто физически не любил деньги, ни кредитные билеты, ни монеты, и очень хорошо понимал кассира, веселого тридцатилетнего муж чину, который говорил:- К деньгам я чувствую отвращение. Я их перебираю целый день, и под конец дня меня начинает тошнить».

Газданов, «Пробуждение»:

«- Я хотел бы быть твердо уверен в том, что могу счи тать себя человеком порядочным, — сказал Пьер. — В этом ты, может быть, не ошибаешься. Но то, в чем я убедился за последнее время, это что я, к сожалению, эгоист. Пред ставь себе, что я бы предпочел, чтобы Мари не вспомнила своей прежней жизни.- Я это знаю, Пьеро, — сказал Франсуа.- Я часто ловил себя на мысли, — сказал Пьер, — что я теоретически готов пожертвовать ее возвратом к прежней жизни ради своего собственного морального и душевного удовлетворения, ты понимаешь? И к этому нужно еще прибавить какую-то глупейшую манию величия: дескать, я, Пьер Форэ, я создал эту женщину, я дал ей жизнь.- Но это так и есть, — сказал Франсуа.- Нет, — сказал Пьер, — нет, это не так. Если бы это было так, то каждый фельдшер имел бы право на манию величия. Ухаживать за больным может всякий. Но дело не в этом. Да, я готов ради своего морального удовлетворения пожертвовать всем, что у нее есть или было в жизни.

Но если бы я так поступил, это было бы с моей стороны последней душевной низостью, то есть моим собственным моральным самоубийством, не говоря уж о том, чем это было бы по отношению к ней. Я этого не сделаю ни при каких обстоятельствах. Я останусь один — со своим эгоизмом и со своей манией величия, но с сознанием того, что я не исковеркал ее жизнь и что я не совершил насилия над ее свободой. И если нужно, чтобы один из нас пожертвовал чем-то для другого, то это должен сделать я, а не эта бедная женщина, которую мы с тобой вернули к жизни. Да, да, не смотри на меня так удивленно. Я говорю — мы с тобой. Ты ее поднял с дороги, ты кормил ее несколько лет, она жила, в общем, у тебя, ты согласился на то, чтобы я взял ее в Париж, без тебя все это было бы невозможно и ее, вероятно, давно бы не было в живых.- «Мы с тобой», — это вздор, Пьеро, — сказал Франсуа. — Но, конечно, судьба этой женщины для меня далеко не безразлична. Как фамилия твоего психиатра? ….Но ей никогда и ни с кем не было так легко, как с Пьером. Его постоянное присутствие ничем и никогда не стесняло ее, и она не могла себе представить, что Пьер вдруг ушел бы из ее жизни. Ей казалось, что Пьер был не похож ни на кого из тех людей, которых она знала. То, что она ощущала в его присутствии, — это его неизменную доброжелательность и его немую готовность поддержать ее во всем, — то, чего она никогда не испытывала раньше и что ей казалось самым ценным, что может быть. Она понимала, что потерять это было бы для нее непоправимым несчастьем, и потому она все не решалась сказать Пьеру, что она знает теперь свою прошлую жизнь. …..Та жизнь, которую вела раньше она, вели ее родители и их знакомые, не имела ничего общего с той, о которой ей говорил Пьер. Она представляла себе, что сказал бы об этом ее отец — «статистика». До ее матери это вообще не дошло бы: в узком кругу тех нелепых понятий, которые определяли ее существование, просто не было места для того, о чем рассказывал Пьер. Вспоминая все, что он говорил, она думала, что в этом никакой роли не играло то, что в другой жизни, в той, какую она знала раньше, имело важное значение: соображения денежного характера, вопрос о положении — общественном, служебном, дела, которых здесь вообще не было, наконец, брак, приданое, пристрастие к крупной игре, разорительные увлечения — сколько раз она слышала эти слова: и поду мать, что из-за нее он едва не погубил всю свою карьеру… и подумать, что она, забыв обо всем, позволила себе… Не было также и другого — семейных традиций, кастовых предрассудков.

….Был уже поздний вечер, а Франсуа все не уходил и думал о том, что он никогда и нигде не чувствовал себя так свободно и хорошо,

> как после этого ужина у Пьера. Он смотрел на Анну и Пьера и не мог найти слов, чтобы определить то сложное чувство, которое он испытывал при этом, чувство, в глубине которого было что-то похожее на начало нового понимания жизни, о котором он до сих пор не думал».

Характерной особенностью этих Особых Эмоций Счастья духовного мира служит именно тот факт, что в их базисе лежит Дружба поля Совести Энергии Духа. Как это например написано у Эриха Фромма в «Искусстве любить» о здоровой любви между мужчиной и женщиной, которую он противопоставляет болезни Садомазохизма поля Эгосистемы — что в основе любой здоровой любви одна и та же братская любовь человечества, то есть Дружбы людей поля Совести. То же пишет и Маслоу в своем исследовании половых отношений здоровых людей, которых он обозначил как самоактуалов. Он пишет что в отличии от обычных людей, которым свойственно разделять роли между мужчиной и женщиной на противоположные «Самолюбие и Влюбленность садомазохизма), у самоактуалов или иначе здоровых людей — нет таких ролей, а вместо них совсем другой эмоциональный феномен, который он обозначил как Любовь-дружба. И кстати говоря, подобно Газданову, «метатемой» всех произведений которого Ласло Диенеш и С. А. Кибальник называют Самореализацию или Воплощение личности, самоактуалы Маслоу тоже озабочены именно самореализацией своей Духовной Энергии, а значит снятием Эгозащиты.

Поэтому, Газданов прежде всего противопоставляет любовные союзы своих Церквей Дружбы — садомазохизму зоологического сада миру материальной энергии, где, как утверждает Толстой в Крейцеровой сонате, развращение душ в опереточный романтизм ведет в конечном итоге к тому, что мужчины неспособны смотреть на женщин как товарищей по духу или «сестер во Христе», но становятся пошляками и сладострастниками ничуть не лучше сутенеров и проституток.

Газданов, «Пробуждение»:

«Да, Мартина, если бы составить корпорацию из всех бывших любовников Жюстины, это была бы крупная организация. — И за этим шли бесконечные рассказы, — как тетка Жюстина пустила по миру такого-то, как застрелился из-за нее скромный молодой человек, растративший казенные деньги. — Это было безумие, Мартина, да, просто безумие, все говорили ему: опомнитесь, несчастный, разве вы не видите, что эта женщина вас губит? — Но он не мог остановиться. Первые сто тысяч, вторые сто тысяч... И она его даже не любила, у нее в то время было еще два любовника. — Родственница рассказывала, как умер Бержэ, полный шестидесятилетний человек, тот самый, который подарил Жюстине прекрасно обставленный дом и брильянтовое ожерелье, которым она так гордилась, — умер в ее кровати в час ночи. Жюстина вызвала из комнаты верхнего этажа своего второго любовника, вместе с кото рым они одели покойника и посадили его в кресло, а сами поднялись наверх, и только «удовлетворив свою страсть», как выразилась дальняя родственница, Жюстина с не остывшим еще от объятий телом позвонила по телефону в полицию и потом рассказала полицейским, что месье Бержэ пришел к ней в гости, сел в кресло, — так, как вы его сейчас видите, — и умер мгновенно от разрыва сердца. Пьеру казалось совершенно неправдоподобным, чтобы какая бы то ни было женщина в мире могла думать при таких обстоятельствах, рядом с трупом, об «удовлетворении страсти». В рассказах родственницы, вероятно, — как он думал, — было много выдумки, но даже приняв это во внимание, нельзя было не прийти к тому выводу, что жизнь тетки Жюстины проходила все время по какой-то зыбкой границе между преступлением и развратом

— А х да, ваша тетка Жюстина. Я недавно о ней думала, — сказала Анна. — Она, может быть, была не такой плохой женщиной, в конце концов. Вы склонны ее осуждать за ее многочисленные увлечения? — Нет, — сказал Пьер, — это, я думаю, вещь второстепенная, хотя это были скорее коммерческие расчеты, чем увлечения. То, что мне представляется — с моей точки зрения — предосудительным, если это можно считать предосудительным, это ее непоколебимая вера в то, что самое главное на свете — это материальные блага. Я этого не могу понять. Франсуа мне как-то сказал, что это, может быть,_ объясняется тем, что она начала свою жизнь в бедности, как вся моя семья. Но это, по-моему, объяснение недостаточное. Мне кажется, что скупость и жадность к деньгам — это что-то вроде душевного увечья, которое может быть и у бедного, и у богатого человека».

Газданов подчеркивает параллели между любовью Пьера к женщине которую он спас от отчаяния в мире материальной энергии и его беззаветной любовью к своей замученной «долгом» и работой матери. Или же параллели между Дружбой четырех друзей и любовью-дружбой мужчин и женщин в «Эвелине и ее друзьях». Или же подчеркивается тот факт, что друг Пьера Форэ Франсуа, который начинал помогать тяжело заболевшей Мари, также является членов возникшей таким образом Церкви Дружбы с излечением Анны-Мари.

Как Вальтер Скотт подчеркивает в женщинах высокую нравственность, совесть и чувство долга, когда говорит о любви-дружбе здоровых людей, так и для Газданова именно эта черта товарищества всех членов ЦЕркви Дружбы, не только союзов между мужчинами и женщинами — чистота поля Совести — есть самое главное в Особых Эмоциях Энергии Духа.

И конечно все собратья Церкви Духа — члены общества Мира Идей Платона. Все они ведут свои долгие и увлекательные путешествия в мире отвлеченных идей, имея широкие познания в какой либо области искусства или литературы, как спасенная Пьером Анна-Мари, или как Эвелина, Мервиль, журналист Франсуа, друг Пьера Форэ, интеллектуалы Роберт и Роже и многие другие.

Газданов подчеркивает, что Энергия Духа — это единственная мощь в человеке, и что трусы именно те, кто проповедует Право Сильного, — подлецы и мерзавцы поля Эгосистемы. «Воля к Власти» сверхчеловеков всегда оборачивается их поражением, как это случилось с автором идеи Сверхчеловека. И наоборот, люди Энергии Духа, сидящие в своих комнатах с томами книг — это в конец концов именно те люди, которые показывают дисциплину и ответственность во всяком своем добром начинании, в том числе и в спорте, подобно Роберту, который легко дважды нокаутировал сутенера Фреда, пытавшегося отнять у него Жанину.

Газданов также подчеркивает органическую связь между Энергией Духа человека и Образованием, так что оказывается,

что даже люди очень одаренные энергией духа от рождения (самое главное потенциал — говорит Мервиль), и выросшие в бедноте в мире материальной энергии, оказываются жертвами своего поля Эгосистемы. Однако, очень сильные ввиду Потенциала Духовной Энергии, который находит выражение в мощной силе воли и природном уме, они обычно сильно выделяются в той бандитской среде самых низов общества, где они родились. И этим людям, как людям с чувствительной врожденной Совестью, Газданов пророчит открытые пути к перерождению, к обретению своей врождённой энергии Духа — к Воплощению и Самореализации при условии, что они все таки получат хорошее образование.

Так, подобно Вальтеру Скотту, прекрасные дамы которого так же бесстрашны в защите истины и совести как самые храбрые рыцари, у Газданова Любовь –Дружба Мервиля и Лу Девидсон становится возможной именно благодаря тому факту, что Лу Девидсон очень сильная личность, и физически и морально. А интеллектуал Мервиль, конечно позаботится об ее образовании.

Газданов, «Пилигримы»:

> «Роберт поднял его — Фред опять застонал — и посадил в кресло. Потом он покачал головой и сказал коротко:- Ну вот.- Подожди, придет моя очередь, — неуверенно сказал Фред. Он с удивлением заметил, что, в сущности, даже не испытывает никакой ненависти к Роберту. Он не чувствовал, вместе с тем, страха ни перед Робертом, ни перед чем бы то ни было, что ему могло предстоять: он находился в состоянии спокойного безразличия, которого до сих пор никогда не знал. Было похоже на то, что он следит со стороны за всем, что происходит, и его собственная судьба его интересует только так, как она интересовала бы какого-то постороннего и далекого человека. Роберт отрицательно покачал головой. Затем он сказал голосом, в котором Фред услышал сожаление и насмешку:- Вот твой револьвер. Чего ты ждешь, чтобы им воспользоваться? Фред, не отвечая, смотрел перед собой мутными глазами. И как это неоднократно бывало с ним в последнее время, перед ним на секунду возникло желтое и худое лицо Лазариса. („Вот чего тебе не хватает — знаний!“) Потом оно расплылось и исчезло. Он со-

брал свои силы и произнес:- Мне так больно, что мне трудно говорить. Что ты сейчас со мной сделаешь? Роберт пожал плечами.- А ты на что, собственно, рассчитывал? — Я рассчитывал с этим покончить, — сказал Фред.- Я полагаю, что это тебе удалось. Сейчас я позвоню в полицию — как в первый раз, когда ты пришел. Я не могу поступить иначе. Но я тебя предупреждаю, что, если ты еще раз что-нибудь попробуешь, ты живым не уйдешь. Сегодня я тебя пожалел. Фред бледно улыбнулся, несмотря на страшную боль.- Я никогда ничего не боюсь.- Это неважно, — ответил Роберт рассеянно. — Сегодня, вероятно, ты тоже не боялся.- Что ты со мной сделал? — спросил Фред, и Роберту показалось, что в его голосе прозвучало нечто вроде упрека. — Я не могу пошевелить ни правой, ни левой рукой. Я останусь калекой? Роберт подумал, что если бы события шли иначе, — другими словами, если бы свет в передней зажигался только изнутри, — то, вероятно, ничего похожего на этот разговор не могло бы быть. Он сказал:- Нет, ты не останешься калекой. У тебя вывихнуты плечи.- С тобой опасно иметь дело, — сказал Фред. — Я пони маю: ты не способен нападать, но ты еще можешь защищаться.- Да, да, — сказал Роберт, думая о другом».

Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

«опять-таки, понятие о власти. Я повторил, что она совершенно свободна и что ей нечего бояться какого бы то ни было принуждения. Я добавил, что у меня есть несколько старых друзей, которыми я не пожертвую ни для кого, и что если она это считает неприемлемым, то я даю ей право и возможность распоряжаться своей свободой.

— До сих пор ты никогда так с женщинами не говорил. Мервиль встал с кресла и сделал несколько шагов по комнате. Потом он остановился и сказал:-

Т ы знаешь, я думаю, что я очень изменился за последнее время. И я думаю, что, когда ты мне говорил, что я вел себя как кретин, ты был прав.

— Я никогда этого не говорил, — сказал я, — не клевещи на меня. Я считаю тебя неисправимым романтиком. Я считаю, кроме того, что ты никогда не хотел отказаться от своих иллюзий и измерить то расстояние, которое их отделяло от действительности.

— Есть еще одно, — сказал он. — Я имею в виду то, что происходит сейчас. До сих пор все, кого я знал, принадлежали приблизительно к одному и тому же кругу людей. Хорош он или плох, это другое дело. Но с ними у меня был общий язык.

— Во многих случаях не было, милый друг. Вспомни, как ты излагал Анне свои соображения по поводу Гегеля и Лейбница в то время, как она с трудом могла усвоить таблицу умножения.
— Да, да, — нетерпеливо сказал он. — Но в области этических понятий ей ничего не нужно было объяснять.- В этом я с тобой согласен. Не нужно было потому, что она все равно ничего не поняла бы.
— Ей не надо было понимать, они у нее носили, так сказать, органический характер. — Ее родители и подруги, среда, в которой она выросла, — это была вполне определенная социальная категория, для которой характерна известная этическая система. Но представь себе, что ты сталкиваешься с кем-то, кто об этой системе не имеет понятия, чья жизнь была построена на совершенно других принципах. Представь себе общество, которое состоит из профессиональных преступников, шантажистов, взломщиков, наемных убийц — то, что в газетах иногда называют джунглями. Мы с этим миром никогда не встречались, мы не знаем, что это такое.
— Она в этой среде была исключением, — сказал Мервиль. — Она знает четыре языка — английский, французский, испанский и итальянский, она чему-то училась, и у нее есть нечто похожее на культуру, конечно, очень поверхностную, тут себе иллюзий строить не следует. Но это, в общем, второстепенно. Есть главное — и об этом труд нее всего говорить. Именно оно все определяет, и когда ты это поймешь, тебе становится ясно, что все остальное не имеет или почти не имеет значения.
Ты сам говоришь, что у многих людей есть несколько жизней. Я тебе это напоминаю. Одна из них — это биография, которая определяется местом рождения, национальностью, средой, образованием, бытовыми условиями. Но наряду с этим есть другие возможности, потенциальные, в этом же мужчине или в этой же женщине. Они могут никогда не осуществиться. Но именно эти непроявленные еще возможности, именно это — вторая природа того или той, о ком идет речь, подлинная, в тысячу раз более важная, чем биографические подробности. Это главное, а остальное второстепенно. Ты со мной согласен?
— Она сразу попала в уголовную среду и оставалась в ней до последнего времени. И ее постоянное пребывание там, — тебе не кажется, что это может быть не только случайность? Американец мне сказал, что Лу прекрасно знает технику защиты, что она очень хорошо умеет обращаться с огнестрельным оружием и что человеку, который, скажем, захотел бы заставить ее делать то, что ей не нравится, пришлось бы очень скоро отказаться от этой мысли и дорого за это заплатить. Он мне привел пример этого — единственный, ко-

торый он знал. Человек, о котором шла речь, оказался в госпитале, откуда он вышел инвалидом. Я не сомневаюсь, что он, может быть, лучшего не заслуживал, но согласись, что иметь дело с такой женщиной довольно опасно. Она тебе об этом эпизоде не говорила? — Я этот эпизод знаю, — сказал Мервиль. — Кроме того, она стреляет без промаха, она работала в цирке, она все видит, все замечает, застигнуть ее врасплох почти невозможно, и она умеет найти выход из любого положения».

Г. Газданов, «На Французской земле»:

«И когда я думаю об упорстве этих людей, я не могу не вспомнить историю лейтенанта Василия Порика. Я называю его полным именем потому, что его нет в живых: он был расстрелян немцами 22 июня 1944 год. Но этой смерти предшествовала удивительная жизнь, наполненная такой невероятной силой сопротивления и борьбы, что, думая о ней, всякий беспристрастный человек поневоле должен будет отказаться от обычных и законных взглядов на пределы человеческих возможностей, физических и моральных. На фотографии, где он снят в своей лейтенантской форме, он похож на гимназиста последнего класса: у него юношеское лицо, короткие волосы и — что меня особенно поразило — очень добрые карие глаза. Общее впечатление — это мягкость его широкого, типично русского лица. Если бы я видел только его карточку и ничего другого не знал бы о нем, я склонен был бы предположить, что это немного ленивый русский молодой человек, который, наверное, любит рыбную ловлю, тихие летние вечера на юге России, откуда он был родом, и разговоры по душам. Может быть, это и было так — до тех испытаний, через которые он прошел. Но все остальное противоречит такому представлению с начала до конца.

.....Он сидел против меня в мирной парижской квартире; на нем были открытая рубашка и серый летний пиджак. Иногда он оборачивался по сторонам и смотрел вокруг своими мягкими карими глазами. В нем не было ничего ни воинственного, ни героического. В этом смысле именно теперь он был похож на двух своих товарищей по партизанской войне — на капитана Пьера и на Алексея Петровича. Они втроем представляли бы из себя совершенно идиллическое соединение, бесконечно удаленное от всякого представления о войне. Если бы другие люди были похожи на них, то мир, надо думать, никогда бы не нарушался. Они были благожелательны, мягки и уступчивы. Эту категорию людей национал-социалисты презирали: их мягкость они считали бы признаком слабости, их уступчивость — признаком трусости. Более грубой ошибки нельзя было совершить,

> потому что события показали, что ни один из них не боялся ни риска, ни ответственности, ни смерти и ни один из них не уклонился бы от борьбы самой страшной, самой неравной, самой безнадежной. И в нужную минуту эти идеалисты оказались рядом с советскими партизанами во время последней схватки на французской земле. Победа над ними значила бы, что побеждены последние остатки свободы, разума и культуры; и она оказалась так же невозможна, так же неосуществима, как и иллюзия тех малограмотных преступников, которые правили Германией, — по поводу всеобщего торжества национал-социализма».

2. МИР ОТВЛЕЧЕННЫХ ИДЕЙ И ЦЕРКОВЬ ДРУЖБЫ У ГАЗДАНОВА

С самого начала романа «Эвелина и ее друзья» между Писателем (героем-рассказчиком) и его многолетним другом Мервилем идут дебаты двух философов, двух людей энергично вовлеченных в «мир отвлеченных идей» философии, литературы и искусства.

Однако, важны не только вовлеченность друзей в мир пространства-времени Интеллекта, но и существо споров, которые они ведут. Ведь спорят они именно о Характер Эмоций двух разных миров: мира материальной энергии, где правит циклический гомеостаз садомазохизма (самолюбие и Влюбленность) против мира Энергии Духа, где правит поле Совести и рыцарей товарищества.

Мервиль страдает Романтизмом, что Писатель иронично называет «лирическим миром», а их друг «Андрей насмешливо называл это Perpetuum mobile», потому что приступы романтизма у Мервиля происходят по бесконечному заколдованному кругу: от восторженности первичной Влюбленности и до отчаяния обязательного последующего разочарования, когда Мервиль вновь погружается в депрессию и возвращается к своим друзьям в поисках моральной помощи.

Газданов устами героя-рассказчика, Писателя, в этой связи убеждает своего друга Мервиля, что так происходит потому, что он отказывается прибегнуть к своему мощному критическому

уму, вооруженному хорошим образованием и отказаться от поисков призрачного счастья в романтизме. Мервиль понимает этот упрек как упрек философа и логика, который вообще не хочет признавать эмоциональной жизни человека. И отвечает в свою очередь ему упреками в такой немудрой позиции, в отказе от мира человеческих чувств и маске железного мудреца-интеллектуала, не желающего снисходить до мира человеческих страстей.

Однако, когда Мервиль встречает свою настоящую любовь, сильную духом Лу Девидсон, он вдруг соглашается со своим другом, что вел себя как кретин, когда искал счастья в приступах романтизма, и что даже этой самой Лу, которая поначалу пыталась рассорить его с друзьями, он строго сказал, что самое главное в его жизни его друзья, и что тот кто этого не хочет понимать, может быть свободен и никто его не держит.

Таким образом, в конечном итоге в споре двух товарищей выясняется, что спорят они не о том, надо ли быть интеллектуалом или надо быть кретином-романтиком, а спорят они о том, какие именно эмоции мудры и правильны, и обеспечивают душевное здоровье и счастье. И в конечном итоге, оба останавливаются на Церкви Дружбы, так что и Писатель признает, что он никогда не отказывался совсем от чувств, но искал именно счастья в Церкви Дружбы.

Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

> «.- Вероятно, и там и здесь, — сказал я, — но только это реальность разная. Я уверен в одном: во всех твоих эмоциональных катастрофах ты виноват только в той степени, в какой твое воображение и твое чувство не дают тебе возможности применять те суждения и тот анализ, значение которых ты так упорно отрицаешь. Ты ищешь эмоционального богатства и находишь душевную бедность, ждешь бескорыстного чувства и наталкиваешься на рас чет, и это все отличается обидной простотой. А здесь, у нас, тебе не нужны никакие усилия воображения, ты знаешь заранее все. Ты возвращаешься домой, если хочешь. Ты очень хорошо знаешь, что если после долгого отсутствия ты явишься к нам, потеряв все свое состояние, усталый и отчаявшийся во всем, — мы тебе все устроим, и ты будешь спокойно жить, не нуждаясь в самом необходимом и ожидая наступления

лучших времен. Потому что нам не нужны ни твои деньги, ни твое положение, и если завтра ты станешь нищим или миллиардером, то ни то, ни другое не изменит нашего отношения к тебе. Была еще одна причина того, что Мервиль неизменно возвращался к нам. После каждой его неудачи, которую он переживал как катастрофу, ему казалось, что все погибло и что он, в сущности, конченый человек. Это представление, явно ошибочное, казалось ему, несмотря на его несомненный ум, соответствующим истине. И вот, когда он вновь появлялся у нас, в этом неподвижном, как он говорил, мире, где за это время ничто не измени лось, он начинал думать, что, может быть, в конце концов, не все так безнадежно, как он думал. Это бывало началом его медленного и постепенного возвращения к самому себе — такому, каким он был всегда и каким мы его знали. Потом он опять исчезал, и Андрей насмешливо называл это Perpetuum mobile. ….- Попробуй отказаться от эгоцентризма, — тебе не хватает склонности к созерцательному мышлению. — Были бы я тебя не знал, — ответил он, — то, выслушав твою тираду, я бы мог подумать, что ты не способен понять что бы то ни было в том, что мы условно называем эмоциональным миром. Но я тебя знаю давно и хорошо, и вся твоя логика и твой беспристрастный, как ты говоришь, анализ меня убедить не могут. Ты выдумал себе совершенно воображаемое и неверное представление о своем собственном облике — все иллюзия и обман, наши чувства случайны и непостоянны, единственное, что имеет ценность, это правильное, по мере возможности, суждение о том, что происходит или произошло, суждение, основанное на якобы неопровержимом сравнительном методе, — все, что ты так хорошо понимаешь, жалея тех, кто это понимает иначе, чем ты, то есть, ошибочно, тех, кто придает некоторым вещам преувеличенное значение. Но все это, милый мой, только ширма, и я мог бы тебе доказать, как дважды два четыре, что ты так же уязвим, как другие, если не больше. Но ты с бесплодным усердием продолжаешь играть роль, которую себе сам придумал. Меня, во всяком случае, ты в заблуждение не введешь. — Я никогда не собирался вводить тебя в заблуждение, — сказал я. — Но ты не делаешь никакого усилия, чтобы понять некоторые вещи не только так, чтобы твое суждение всецело зависело от твоего чувства, положительного или отрицательного. Ты понимаешь, что это не может быть так просто: все хорошо, если ты счастлив, и все плохо, если ты несчастлив. Искусство, музыка, поэзия, лиризм — все расцветает, когда ты смотришь в единственные в мире глаза, чудесно отражающие твое чувство, — и все увядает, когда ты больше не видишь этих глаз. Но в конце концов искусство имеет какую-то постоянную ценность, которая не меняется от того,

> что ты в такое-то время испытываешь те или иные чувства. Этого ты отрицать не можешь»

В прекрасном отрывке в романе «Вечер У Клэр», посвященном дяде героя-рассказчика Виталию (равно как и отрывки о его любимом учителе русского языка Василий Николаевич), Газданов раскрывает другой важный аспект Церкви Дружбы и ее Особых эмоций совести, чести, мужества и нежности друг к другу в мире, где победило чудовище материальной энергии, пожирающее все живые души.

Если с Мервилем диалог идет о вреде идиотского романтизма и Мервиль в конечном итоге признает, что был «кретином», то с дядей Виталием, человек совести и редкого мужества, человеком большого ума и широкого образования, герой-рассказчик осуждает проблемы одиночества людей Энергии Духа в мире победившей материальной энергии. «Все равно останешься в дураках!» — говорит ему дядя. Действительно, мы видели, что героя «Ночных дорог» называли сумасшедшим и не вполне нормальным только потому, что он был идеальным в моральном отношении, а также в отношении требования во всем истины и справедливости. «Что же делать?» спрашивает он дядю. «Быть негодяем», — говорит дядя, имея ввиду не совсем, но констатируя действительное положение вещей. В мире материальной энергии правят негодяи. Он говорит племяннику о нежной своей любви к нему и его покойному отцу, дает совет на дорогу: анализировать все что он видит, и ничего не принимать на веру. Ибо самое главное в жизни -это что-то понять. И когда племянник спрашивает его о смысле жизни, он особенным чувством произносит слово «товарищ» и повторяет его, словно хочет воскресить любимого друга, который покончил с собой, не найдя смысла жизни в мире победившей материальной энергии. И прощаясь с дядей, которого герой тоже нежно любит, он плачет в сердце о том, «что так бесцельно пропал человек с громадными способностями, с живым и быстрым умом, — и ни один из близких даже не пожалел его». А ведь это судьба всех людей Энергии Духа вне Церкви Дружбы в том мире, где правят негодяи.

Газданов, «Вечер у Клэр»:

«Дядя мой, Виталий, скептик и романтик, оставшийся навеки драгунским ротмистром за то, что вызвал на дуэль командира полка, а в ответ на его отказ драться дал ему пощечину в офицер ском собрании и сидел потом пять лет в крепости, откуда вышел очень изменившимся человеком и где он приобрел удивительную и вовсе уж для офицера необыкновенную эрудицию в вопросах искусства, философии и социальных наук, и затем продолжал служить в том же полку, но не продвигался в чинах,

— Почему неправду? — Потому что они идиоты, — уверенно сказал Виталий. — Они думают, что если у тебя будет ложное представление о русской истории как смене добродетельных и умных монархов, то это хорошо. В самом же деле ты изучаешь какую-то сусальную мифологию, которой они заменяют историческую действительность. И в результате ты окажешься в дураках. Впрочем, ты все равно окажешься в дураках, даже если будешь знать настоящую историю.- Непременно окажусь в дураках? — Непременно окажешься. Все оказываются.- А вот ты, например? — Т ы говоришь дерзости, — совершенно спокойно ответил он. — Таких вопросов нельзя задавать старшим. Но если ты хочешь знать, то и я сижу в дураках, хотя предпочел бы быть в другом положении.-А что же делать? — Быть негодяем, — резко сказал он и отвернулся.

— Я очень любил твоего отца, — сказал Виталий, не отвечая на мой вопрос, — хотя он смеялся всегда над тем, что я офицер и кавалерист. Но он был, пожалуй, прав. Я и тебя люблю, — продолжал он. — И вот перед твоим отъездом я хочу сказать тебе одну вещь: обрати на нее внимание. Я не знал, что Виталий мне хочет сказать, в мое отношение к нему как-то не вмещалась мысль о том, что он может интересоваться мной и советовать мне что бы то ни было: он предпочитал всегда бранить меня за мое непонимание чего-нибудь или за любовь к разговорам на отвлеченные темы, в которых я, по его словам, ничего не смыслил; и однажды он чуть не до слез смеялся, когда я ему сказал, что прочел Штирнера и Кропоткина, а в дру гой раз он сокрушенно качал головой, узнав о моем пристрастии к искусству Виктора Гюго;

— Послушай меня, — говорил между тем Виталий. — Тебе в ближайшем будущем придется увидеть много гадостей. Посмотришь, как убивают людей, как вешают, как расстреливают. Все это не ново, не важно и даже не очень интересно. Но вот что я тебе советую: никогда не становись убежденным человеком, не делай выводов, не рассуждай и старайся быть как можно более простым. И помни,

что самое большое счастье на земле — это думать, что ты хоть что-нибудь понял из окружающей тебя жизни. Ты не поймешь, тебе будет только казаться, что ты понимаешь; а когда вспомнишь об этом через несколько времени, то увидишь, что понимал неправильно. Л еще через год или два убедишься, что и второй раз ошибался. И так без конца. И все-таки это самое главное и самое интересное в жизни.- Хорошо, — сказал я. — Но какой же смысл в этих постоянных ошибках?..

— Смысл жизни? — печально переспросил Виталий, и в его голосе мне послышались слезы, и я не поверил себе; я думал всегда, что они неизвестны этому мужественному и равнодушному человеку.- У меня был товарищ, который тоже спрашивал меня о смысле жизни, — сказал Виталий, — перед тем как застрелиться. Это был мой очень близкий товарищ, очень хороший товарищ, — сказал, часто повторяя слово «товарищ» и как бы находя какое-то призрачное утешение в том, что это слово теперь, много лет спустя, звучало так же, как раньше, и раздавалось в неподвижном воздухе пустынного парка. — Он был тогда студентом, а я был юнкером. Он все спрашивал: зачем нужна такая ужасная бессмысленность существования, это сознание того, что если я умру стариком и, умирая, буду отвратителен всем, то это хорошо, — к чему это? Зачем до этого доживать? Ведь от смерти мы не уйдем, Виталий, ты понимаешь? Спасения нет. — Нет! — закричал Виталий. — Зачем, — продолжал он, — становиться инженером, или адвокатом, или писателем, или офицером, зачем такие унижения, такой стыд, такая подлость и трусость? — Я говорил ему тогда, что есть возможность существования вне таких вопросов: живи, ешь бифштексы, целуй любовниц, грусти об изменах женщин и будь счастлив. И пусть Бог хранит тебя от мысли о том, зачем ты все это делаешь. Но он не поверил мне, он застрелился. Теперь ты спрашиваешь меня о смысле жизни. Я ничего не могу тебе ответить. Я не знаю.

Мне же было жаль покидать его, потому что я его искренне любил, — а окружающие его побаивались и не очень жаловали. — Каменное сердце, — говорила о нем его жена. — Жестокий человек, — говорила тетка. — Для него нет ничего святого, — отзывалась его невестка. Никто из них не знал настоящего Виталия. Уже потом, размышляя об его печальном конце и неудачливой жизни, я жалел, что так бесцельно пропал человек с громадными способностями, с живым и быстрым умом, — и ни один из близких даже не пожалел его»

Газданов не забывает показать мир отвлеченных идей своих героев церкви интеллекта, и очень часто он мало отличается

от того мира его детской начитанности, который уже тогда увлекал его в мир совести и чести Рыцарей христианской церкви, или же в Мир Идей Платона.

Газданов, «Вечер у Клэр»:

> «И, с другой стороны, я всегда бессознательно стремился к неизвестному, в котором надеялся найти новые возможности и новые страны; мне казалось, что от соприкосновения с неизвестным вдруг воскреснет и проявится в более чистом виде все важное, все мои знания, и силы, и желание понять еще нечто новое; и, поняв, тем самым подчинить его себе. Такие же стремления, только в иной форме, воодушевляли, как я думал тогда, рыцарей и любовников; и воинственные походы рыцарей, и преклонение перед иностранными принцессами любовников — все это было неутолимым желанием знания и власти. Но тут же возникало противоречие, которое заключалось в том, что были для походов рыцарей непосредственные причины, в которые они сами верили и из-за которых они шли воевать; и не были ли эти причины настоящими, а другие — выдуманными? И вся история, и романтизм, и искусство являлись лишь тогда, когда событие, послужив шее основанием их возникновения, уже умерло и более не существует, а то, что мы читаем и думаем о нем, — только игра теней, живущих в нашем воображении. И как в дет стве я изобретал свои приключения на пиратском корабле, о котором рассказал мне отец, так потом я создавал королей, конквистадоров и красавиц, забывая, что иногда красавицы были кокотками, конквистадоры — убийцами и короли — глупцами; и рыжебородый гигант Барбаросса не думал никогда ни о знании, ни о фантазии, ни о любви к неизвестному; и, может быть, утопая в реке, он не вспоминал о том, о чем ему полагалось бы вспоминать, если бы он подчинялся законам той воображаемой своей жизни, которую мы создали ему много сот лет после его смерти. И когда я думал об этом, все представлялось мне неверным и расплывчатым, как тени, движущиеся в дыму».

Газданов, «Пробуждение»:

> «Ей вспомнилось далекое детство, книги, которые она с жадностью читала, — путешествия, подвиги рыцарей и героев, стихи о любви, где говорилось о том, чего она не знала и не понимала, но что, как она это думала позже, она смутно предчувствовала. Когда ей было двенадцать лет, она представляла себе свою собственную жизнь

> как продолжение того, что она читала, как новое и непрекращающееся путешествие по этому чудесному миру, в котором звучали магические слова о единственной любви. Она никогда не училась ни в какой школе. К ней приходили учителя, преподававшие ей те предметы, знание которых было необходимо, чтобы сдать экзамен на аттестат зрелости. И вот тянулись годы уроков алгебры, тригонометрии, истории, географии, литературы, философии, английского языка, появились новые книги, которые она читала с восторгом, не отрываясь, случайные цитаты, которые она запомнила на всю жизнь»

Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

> «Я думал о своих друзьях. У каждого из них было что-то, чего у меня не было, чаще всего чувства, которое искало бы выхода или удовлетворения, интерес к искусству или философии»

Газданов, «Эвелина и ее друзья»:

> «Он был благодушно настроен и был склонен рассматривать метампсихоз, о котором Эвелина не переставала говорить, как совершенно невинную, в сущности, вещь, никому не причиняющую особенного вреда. Он подтрунивал надо мной и над тем, как я, по его словам, защищал Платона от комментаторских покушений Эвелины.- Слава Богу, — сказал он, — что бы ни говорила Эвелина, это ничего изменить не может. А тебе бы хотелось, чтобы в ту минуту, когда она начинает говорить об Элладе, она бы вдруг исчезла и на том месте, где она только что была, возник лоб Сократа с этой необыкновенной вертикальной морщиной, и ты услышал бы блистательную речь о том, что так как мы неспособны представить себе вечность, то боги дали нам ее верное отражение в понятии о времени?»

ГЛАВА 8. РАСА ГОСПОД В ЗАГОВОРЕ СПЕЦСЛУЖБ ПРОТИВ ОТКРЫТИЯ ПЭ.

1) УДК 82—9 ББК 76.01 Т36 Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп» Тесла Лейла Хугаева Т36 Коррупция в РСО-Алании / Тесла Лейла Хугаева. — [б. м.]: Издательские решения, 2021. — 244 с. ISBN 978-5-0053-7915-3

2) УДК 82—9 ББК 76.01 Т36 Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп» Тесла Лейла Хугаева Т36 Я обвиняю язычников: Гибель сармато-алан и осетинская лира / Тесла Лейла Хугаева. — [б. м.]: Издательские решения, 2021. — 342 с. ISBN 978-5-0053-4891-3

1. ЗАГОВОР СПЕЦСЛУЖБ РОССИИ, АМЕРИКИ, АНГЛИИ, ВАТИКАНА, ФРАНЦИИ, ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ ОТКРЫТИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

У меня закончились слова, нужные чтобы описать всю глубину мерзости и неправдоподобности по степени предательства всего божеского и человеческого в тех событиях, которые с 2015 года, — с тех пор как режим Путина сломал мне позвоночник на четырех уровнях, — происходят вокруг меня, Автора Открытия Психической Энергии.

В 2015 году мне сломали позвоночник и с тех пор я не было дня в моей жизни, который я не провела бы в инвалидном кресле, в крови и экскрементах, часто в больницах с температурой 40—41. И в таком состоянии меня лишили возможности нанимать сиделок — ведь каждую женщину, которая входила в мой дом, тут же вербовали спецслужбы Пу-

тина, и его западных друзей по Заговору Спецслужб вокруг Открытия.

Цинизм этих людей, в прямом смысле продавших душу дьяволу, настолько безграничен насколько безгранична мертвенность их совести. Они могут легко вести войны за территории, власть и деньги, жертвуя миллионами жизней мирных граждан, ввергнутых в ад бомбежек и гуманитарной трагедии, и в то же время оставаться единым союзом против покалеченного ими Автора Научного Открытия именно потому, что оно может остановить войны, и положить конец их сатанизму.

Во второй раз на меня напали в 2022 втором году, год агрессии режима Путина на Украину. С тех пор я написала больше десяти книг на английском языке и разослала в мировые СМИ, чтобы познакомить мировую общественность в эпохальным событием в истории цивилизации — С Открытием Психической энергии. И я все это время я продолжала писать книги на русском языке, которых у меня, начиная с 2011 года (зрелых книг с 2011, небольшие эссе на тему Открытия я стала публиковать с 2005 года) уже было достаточно опубликовано с ISBN. За время, проведенное в инвалидном кресле я написала на русском языке такие важные книги как «Ось мировой Истории. Авраамические религии в Век Разума», «Проблемы Развития Духа», «Рационализм против Эмпиризма. Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации», «Гражданская война демократов и консерваторов. Кто убил Кеннеди?», «Клиника Доктора Бене Финкеля», «Теория психической энергии вместо Психологии и Социологии» — в 2020—21 годах.

Однако, в 2024—25 вышли еще семь моих книг на русском языке уже после второго нападения на меня Заговора Спецслужб: я в буквальном смысле писала под бомбами, сидя в своей собственной крови, часто с температурой 40 градусов. Это два тома книги Антихрист Путин И Откровение Русской Классической литературы, Век Дьявола и Философия Ницше, Убийство Святой Дианы, Война Церкви и Государства, Иисус и Открытие Психической Энергии, и наконец вот эта, последняя моя книга

на русском языке, которая выходит уже в 2026 году и имеет английское название, потому что изначально я планировала как предыдущие писать на английском.

Всеми этими книгами на русском и английском языках которые я рассылала в СМИ и Университеты по всему миру, включая Россию должны были показать и доказать цивилизованному миру всю критическую важность научного открытия для человечества. Мне неизвестно, как много людей осознали эту важность, могу сказать только что кроме Издательства Университета Кембриджа ни единая душа мне с тех пор не ответила на этот поток книг, который во всех отношениях был результатом крайнего напряжения сил забитой и затравленной в коляске калеки, наплевавшей давно на свою собственную жизнь, и отдавшей все силы научной работе — как во все времена делали все великие ученые.

История жесточайшего и подлейшего цинизма преследования Автора Открытия описана в моей книге на английском языке: Убийство автора Открытия. Информация на Фейсбуке, где я собрала все посты за последние два года. Информация о всех четырех годах остается на моей странице на Фейсбуке если только господа фашисты и нацисты не уничтожат ее всю вместе с моей страницей.

Фашистами Заговор Спецслужб оказался не только в цинизме Мертвой Совести и Мертвой Мысли, но даже в таких мелочах и деталях, как именно в подчеркивании моей якобы «расовой несостоятельности». Обсуждать рациональность этого вопроса — в любом случае дикий бред, поскольку как известно давно уже не осталось чистых рас, и Гитлеровский бред был не более чем физическим контролем Эгозащиты, с той Мертвой Мыслью, которая производит на свет белый Расы Господ. Тем не менее, я насколько это очевидно для всего мира принадлежу в иранскому (осетины) и грузинскому народам, и тем не менее господа фашисты — Раса Господ — обозначили меня как «негра» в своих бредовых коммуникациях в интернете, где Мертвая Мысль Сатан-Эго Гадов Бесхребетных извращается в «разговорах на-

изнанку», когда льют тонны клеветы и откровенной грязи и маскируют все это под анонимными и нелепыми картинками и тд. Так, они мне все это время совали фашистскую свастику, наряду с бесконечным потоком угроз, чтобы я понимала что меня ждет. Но свастику не открыто и гордо, как делали гитлеровцы, которые наивно верили, что Сатана может победить божий народ если открыто выйдет на свет белый. а свастику в тех постах, где якобы осуждались фашистские проявления любви к этому символу у «негодяев». И так во всем — Мертвая Мысль гнилого Сатан-Эго давно не пользуется человеческим языком и открытыми дискуссия и дебатами.

Я с гордостью напоминаю, что эта моя последняя книга написана о моем соотечественнике — великом писателе и философе Гайто Газданове — и я надеюсь мне удалось здесь показать всю величину его вклада в Открытие Психической Энергии. Он был одни из великих пророков этого Открытия наряду с теми многими уважаемыми мыслителями, о которых я старалась рассказать в многих томах моего Открытия. Помимо всего прочего он был человеком необыкновенной моральной чистоты, как это видно и из его книг, и из показаний его друзей и современников, и из исследования его жизни и трудов профессором Гарвардского университета венгерского происхождения Ласло Диенеш. Прекрасная работа глубокого мыслителя и настоящего профессионала, который сумел оценить по достоинству не только труды Газданова, но и его необыкновенную, героическую личность, как называли его товарищи по эмиграции.

Я хочу выразить огромную благодарность моим родным, моей сестре, и моей больной маме на ее 85 году жизни, которая все это время, что я была лишена возможности нанимать помощников инвалиду, помогала мне и спасала меня таким образом от агрессии этих страшных людей. Чтобы не случилось со мной дальше, за эти последние три года, что меня выручила моя мама, я написала много томов книг на русском и английском языке, — и значит у вас, у людей, для которых мы ученые работаем, Открытие теперь гарантированно никто не отнимет. Это и было моей целью.

Перед этой последней моей книгой на русском языке я написала ряд очень важных книг на английском языке: Открытие ПЭ в дебатах между Честертоном, Расселом и Уэллсом, Мория Эразма Правит Миром, Научные Формулы как Поразить Зло, и наконец, Рыцарство Вальтера Скотта как Метафизика Интеллекта отличная от шизоидного Идеализма (пятой английской книгой стал сборник моих постов на Фейсбуке о страшной травле которой меня подвергли Спецслужбы Заговора).

Мне не выразить словами какого напряжения мне стоила каждая из написанных книг — и на русском и на английском, но особенно на английском языке в этих обстоятельствах, когда буквально как описанные Газдановым Партизаны Сопротивления, ты окружен в своих окопах фашистами со всех сторон, и вынужден подобно героическому Порику драться бутылками с врагом, который ежеминутно наступает на твое инвалидное кресло.

так, преследование начал Алан Огоев, бывший Министр Образования РСО-Алании, и сейчас насколько мне известно Ректор Северо-осетинского Государственного Университета. Начал очень давно, еще в бытность мою студенткой аспирантуры Плехановской Академии, о чем я оставила Заявлении в милицию района Вешняки города Москвы, где я была тогда прописана. Потом, когда режим Путина стал меня преследовать после публикации Переключи себе ток в 2008 году, они стали пользоваться механизмами разработанными Огоевым. В 2015, когда режим Путина остановил мне сердце, и когда после 44 дней в реанимации Склифа я осталась сидеть навсегда в коляске, А. Огоев первым стал вербовать моих сиделок с целью проникновения в мой дом и нанесения мне беды — убийства или насилия как они поступили с другой невинной больной девочкой, Викторией Дзастеловой.

И этот способ меня погубит Режим Путина и Заговор Спецслужб тоже сразу взяли на вооружение, и с тех пор попытки проникнуть в мой дом, завербовав моих сиделок никогда не прекращались — одну даже заставили подменить мне лекар-

ство, после чего у меня вскочила температура до 41 градуса, других мне удалось вовремя выпроводить, но с тех пор я никогда не пускала в дом никого кроме моей еле-еле передвигающей на девятом десятки ноги, больной пожилой матери.

Потом придумали большую Аферу со специально нанятыми армянами — Оганесянами, которых поселили подо мной с целью сломать мою дверь и вывезти меня в дурдом. Как там были распределены роли между местными бандитами Коррупции Власти и центром режима Путина Заговора Спецслужб мне неизвестно, но то что без помощи местных властей им не удалось бы натравить на меня всех соседей, которых я знаю с детства — это совершенно очевидно.

С тех пор как сумасшедший А. Огоев стал с навязчивостью маньяка меня преследовать я старалась публиковать постоянно об этой его навязчивой слежке данные. Среди моих писем того времени на сайт Президента, где я впервые писала об Открытии Правительству, были и письма о постоянной угрозе со стороны А. Огоева. все мои письма на сайт Президента и ответы на них опубликованы в книге Мои Документы и доступны скачиванию. Однако, режим Путина сразу взял сторону А. Огоева, и вместо того чтобы наказать преступников по закону, они стали пользоваться разработанными им механизмами, чтобы меня добить, скомпрометировать, посадить в дурдом и отнять у меня Открытие. В том числе, они соединились для атаки на меня Севаком Оганесяном, который стучал мне ночью в дверь и врал, что я его затопила, и что он сломает мне дверь — и все это чтобы вывезти меня силой в дурдом. Однако ко мне в дом Севак Оганесян, приезжего армянина, которому я не открывала дверь, привели в первый раз три пожилые соседки, двух я знаю с детства. И значит кто то местный и авторитетный провел большую подготовительную работу. Вот например один из постов на эту тему в последние месяцы 2025 года.

«Знаменитостями Осетии» Огоев назвал сам себя в книге с одноименным названием. Мне рассказывала об этом учительница в поезде в его бытность Министром Образования — что он пользу-

ясь положением заставил учительниц скидываться по две тысячи рублей на книгу в дорогом переплете с таким несуразным названием Знаменитости Осетии, куда он записал своих родственников. Известна книга Батырова У.А, Гордость Осетии о героях войны Исса Плиеве и Георгии Хетагурове, подобно герою двух войн — Гайто Газданову. Как бы эта книга выглядела если бы автор назвал ее Знаменитости Осетии?? Или как бы выглядел Гайто Газданов, если бы он называл себя Знаменитостью Осетии?? Это тоже надо было в своем порочном сознании додуматься до такого названия.

Знаменитость Осетии Жанна Бирагова

Сначала она затопила Автора Научной Революции, работягу и инвалида в коляске

Потом она и её сын Полицейский Эльбрус отказались заплатить копейку за нанесённый ущерб!!

Потом она вместе с Эллой Осаевой и Таей Бибиловой привела мне в дом Бандита Севак Оганесян!!

Потом она пыталась говорить гадости соседям, но все разговоры у меня записаны и давно выложены в интернет!!

Наконец, она взяла на себя функции Севак Оганесян и стала стучать мне- то молотком, то палкой

Особенно после того как я пожаловалась в интернете что психбольной Алан Огоев создал мне кипящей ад постоянными звонками, стуками в дверь, в телефон, на улице меня останавливались прохожие, пока наконец он амбала не подослал

Тогда видимо до дебилов дошло что тонкую нервную систему умных людей можно довести простым постукиванием:

Как вы себя будете чувствовать, зная, что последний дебил и негодяй, насильник, запугавший ваших родных, стучит вам чтобы напомнить что он всю жизнь над вами издевался??

Что же Жанна Бирагова и её сын полицейский Эльбрус имеют все шансы в скором времени пополнить списки Знаменитостей Осетии!!

Так легко свалить гения умственного труда, Автора Открытия простым стуком!!

И вот Жанна уже на равных с генералами Огоевыми!!

Подайте Жанне Бираговой труп Автора Открытия — безграмотной старухе, не видевшей в глаза ни одной книги.

И да, не забывайте, что теперь за Всеми Этими Изобретениями Сатаны Осетии — маньяка Огоева — стоит Путин, который спешит дать ему погоны третьего Генерала Огоева!!

Здесь я разговариваю с Эллой Осаевой, её соседкой (15 и 16 квартиры), но они втроём привели ко мне в дом Севак Оганесян.

На следующий день я написала Заявление в Полицию Участковому Гацалову, и с тех пор не получила никакого постановления. Дело было в середине Июля!!

Из этого разговора видно, что соседки прекрасно знают почему на меня напал Алан Огоев, который заплатил и Оганесянам и им, и тем не менее предпочитают сторону Силы: Люди боятся Силы, это поговорка самого Огоева. В отношении своих соплеменников он прав, редкий человек становится на сторону правды!! Как Залина Дудуева например, и вот чем для неё правда закончилась!

Моральным убийством и физическим надругательством её больной дочери.

Что же тем лучше для моих соседок, если знают что делают.

Жанна Бирагова продолжает мне сверху стучать, разыгрывая Тюремщицу. И эта Бессовестная женщина меня залила, и отказалась хоть в малейшей степени компенсировать ущерб Инвалиду!!

Вот они Знаменитости Осетии.

Что до третьей их спутницы — Таи Бибиловой, то она тоже не случайно была в компании людей, которые привели бандита, нанятого Огоевым Аланом.

Алёна Готоева, её племянница, живёт на шестом этаже и мы знаем друг друга вместе, какое то время поработала у меня.

На неё конечно сразу вышел Огоев — нанимать моих сиделок — это его идея, только потом спецслужбы у него скопировали.

Я как всегда вовремя поняла, уволила её и написала о том, что психбольной Огоев теперь уже начал нанимать моих сиделок — в книге «Я обвиняю язычников». Конечно они все видели эту книгу и они все знают, и Осетинки встали на сторону Осетина, каким бы ничтожеством и негодяем он не был.

Эта книга и последовавшая за ней Коррупция в РСО-АЛАНИИ, где я рассказала историю Дудуевой с ее слов, помогли мне остановить нападение Огоева, и это спасло мне жизнь. Я тогда послала обе книги на сайт Президента и пришло много писем из СК России, Прокуратуры, МВД. И видимо это их испугало — все письма я конечно публиковал, и в моих Документах они на моих интернет ресурсах.

Однако, Огоев сделал ещё одну попытку проникнуть ко мне в дом, завербовав Эльвира Зангиеву, которая проработала у меня два года. Меня чудом спасла её сестра Тима, которая пришла замещать её когда свалилась с гриппом — она рассказала мне что Зангиева всегда говорит обо мне гадости дома. Мне она в глаза всегда льстить, но я давно стала её подозревать. Потом оказалась что она украла мой второй ноутбук (конечно не только ноутбук, но это то что было важно!).

Когда я сказала ей что она уволена, она сначала стала мне угрожать, что пойдёт жаловаться моим соседям, потом стала умолять, потом стала вытирать слезы — ну пожалуйста хоть ещё месяц. Потом её стали всеми силами пихать назад — заставили даже звонить её сестру и просить меня её принять. Понятно, что я была в ужасе от этой ведьмы. Кстати хорошей знакомой Жанны Бираговой — видимо её сын полицейский, который наотрез отказался платить за причинённый ущерб мне, инвалиду, действительно много знает о криминальных делах Огоева.

Но Огоев как видите надежды не теряет, — потом они наняли Севак Оганесян, совместно с Русланом и Роландом.

Так что у Жанна Бираговой и её сына Эльбрус, полицейского России — большие шансы стать Настоящими Знаменитости Осетии, когда Огоева добьет свою очередную жертву.

Жанна Бирагова и полицейский Эльбрус станут такими же знаменитыми в этот день как Управляющий Центральным банком, Министр Образования Осетии и Ректор СОГУ Алан Огоев!!

Пожелаем удачи Бираговой Жанне в этом великом достижении!!

Стук-стук- перестук

Слава Жанны тук-тук

Слава Эльбруса тук-тук

Скоро Теслы каюк

Тут тук тук, тук тук тук

Это ссылка на книгу «Я обвиняю язычников», которую я писала в диком страхе, когда стало ясно что Министр Образования обломали любую сиделку Осетии и брать в дом больше никого нельзя.

Сейчас путинские спецслужбы пользуются уже разработаными механизмами Огоева.

Знаменитость Осетии! Организатор Изнасилований больный детей! Учёных инвалидов!! Далеко пойдёт Знаменитость Осетии!!

https://archive.org/details/25.03[1]

https://archive.org/details/25.03[2]

Позже, меня нашла Залина Дудева, которая прочитала мои статьи об Огоеве и его угрозе в Интернете, и рассказала мне страшную историю о том, как она несколько лет работала с ним, когда он был Министром Образования РСО-Алании, и как она была вынуждена обратиться в прокуратуру с просьбой о проверке исчезавших бюджетных средств, и как после многочисленных ей угроз, было организованно изнасилование ее больной девочки-аутиста, которой едва исполнилось 18 лет. И ее насиловали много негодяев в течении нескольких меся-

[1] https://ridero.ru/link/HPh4OHZbGggLEI5J5JDdH

[2] https://ridero.ru/link/HPh4OHZbGggLEI5J5JDdH

цев, и чтобы окончательно растоптать человеческое достоинство ни в чем неповинного ребенка, продавали ее по пятьсот рублей.

Когда Залина Дудева нашла меня в Интернете, позвонила мне и рассказала всю эту страшную историю, я как раз заканчивала книгу о том, что Огоев опять мне угрожает, и мне было очень трудно писать потому что он как «хороший преступник» как сказала мне женщина, которой я рассказывала о преследованиях, ничего не делал прямо. И все что рассказала мне Залина Дудуева о его кражах бюджетных средств об анонимных угрозах таких же как мне, и о том что потом случилось с ее дочерью. я написала на сайт Президента и тогда мне пришло около семи ответов и Следственного Комитета России, из Прокуратуры Москвы и местной Прокуратуры, из разных отделений МВД с обещаниями рассмотреть. Однако, как по делу Севак Оганесян, с которым я обратилась в милицию, так и по делу Виктории Дзастеловой, где я просила рассмотреть также нападение на меня,, так и по делу о нападении на мою мать, когда негодяи ей звонили и голосом умирающей дочери (меня) вытянули у старушки последние сто тысяч, абсолютно ничего предпринято не было. Обо всем этом я писала на сайт Президента России, и пришли ответы подтверждающие получение и направление в соответствующие инстанции и я опубликовала все эти письма или в Документах или много раз на Фейсбуке (последние).

Однако, я повторяю, что режим Путина и заговор Спецслужб, вступили в преступный сговор с А. Огоевым, и не только никак не наказали его позакону, но всячески его поощряют, и широко пользуются его помощью как местного осетинского авторитета, чтобы влиять на мое окружение, — и главное на сиделок, которые стали абсолютно недоступны.

В английском предисловии к этой книге, составленной из постов на Фейсбуке видно, что было дальше. После моей книги о Вальтере Скотте, я включила в список рассылок в СМИ и Университеты, где давно у меня состоят общества Бертрана Рассела и Честертона и других, — также общества Вальтера Скотта.

Что было дальше и как стали угрожать методами Мертвой Мысли Наизнанку Гады Бесхребетные теперь уже обществам Вальтера Скотта вы можете прочитать в предисловии и опубликованных постах на Фейсбуке. А потом, после моей книге о герое Скотта Роб Рое в том числе, вдруг сообщают о зверском убийстве известного американского продюсера Роб Рейнера и его супруги и валят все на их нездорового сына. Когда я обратилась к Папе Франциску с просьбой заявить публично об Открытии ПЭ, о Научной Революции Энергетика, — он тоже вдруг был объявлен мертвым, хотя все помнят, как неожиданно это произошло. И тогда тоже они хвастались своим Методом Мертвой Мысли Наоборот, но только сейчас появилась в их новостях это леденящее кровь The Art of The Deal.

и тогда у меня больше не осталось сомнений, что единственное что отличает этих людей от дьяволов фашизма, о которых мы все наслышаны с детства, как о чем то самом страшном что случилось с нашей планетой — так это то, что те говорили открыто, что они Дьяволы, а эти говорят своей Мертвой Мыслью Наоборот — показывая свастику на картинках, где ее якобы осуждают, и зверски убивая заслуженных стариков, чтобы свалить на их больных детей. Теперь сатаны знают, что их сила во лжи, ибо «Вы — человекоубийцы от века, и Отец ваш Диавол, Отец Лжи».

Понятно, что мои дни тоже сочтены. Никогда я не боялась смерти, но волосы мои поседели в мои 48 лет от мыслей об изнасиловании, которое здесь, в Осетии Огоев и его окружении Коррупции устроили несчастной больной девочке, и которое режим Путина и заговор Спецслужб всячески старались с тех пор осуществить и в отношении меня. Ведь когда негодяи надругались над невинным ребенком — они объявили его Позором Осетии! хотела бы я чтобы Гайто Газданов, не знаменитость, но Гордость Осетии, был жив на один час, и послушать чтобы он сказал этим недоноскам о том, Кто Настоящий Позор Осетии! И ведь по прокуратурам ходила мама девочки, но уроды напали на ее невинного ребенка, как делают только сатаны, только люди объ-

явившие войну всему святому и божественному, только люди мертвой совести и предательства всего живого и человечного, ради чего стоит жить, как говорил Гайто Газданов. и потому я всегда говорила этим уродам — убейте меня, если вы мразь воюете с Добром, потому что я — воин Господа и буду биться за правду до последней капли крови. Но они ищут ваши семьи, и если вы отдали жизнь науке, вы седой калека в инвалидном кресле, тогда они ищут дальних родственников и их семьи, лишь бы показать свое безобразие сатанистов.

И вот все эти люди, от Огоева и Путина до Вашингтона и Виндзоров, до Израиля и Ватикана сговорились на такое подлое дело, что если бы все это не происходило со мной, никогда бы я не поверила в такую дикость. Сговорились на изнасилование гения и автора Открытия, просто потому что человек, что Дух божий имеет биологически женский пол. И эта Мория Мертвой Мысли и Совести возомнила что таким образом «опорочат» автора Открытия, как Коррупция Осетии «опорочила» больную девочку продавая забитого ребенка, и смогут отнять у меня Открытие.

Я знаю, что эта «живая человеческая падаль», как говорит Гайто Газданов, герой войны с фашистами, великий философ и писатель, не может опорочить насилием никого и никогда. однако ужас оказаться хоть на секунду среди «обезьян зоологического сада», как опять таки говорил Гайто Газданов, меня просто сводил с ума до такой степени, что я совершенно поседела.

Я в прямом смысле еле дышу, и сегодня дописываю эту последнюю главу в таком глубоком трансе, что уверена, что не скажу и половины того, что хотела сказать. И каждую книгу последнего года особенно я писала в на такой грани последнего изнеможения. Но я все таки садилась и клялась работать пока во мне будет оставаться хотя бы капля крови. И начиная эту книгу в таком состоянии я писала только с тем, чтобы подобно Товарищам Гайто Газданова по Партизанскому Французско-русскому Сопротивлению, ненависть к Гадам Бес-

хребетным Мертвой Мысли и Совести, этим истуканам на глиняных ногах, мнящими себя людьми, настолько сильна и настолько превосходит все чувства которые во мне остались, что подобно его главным героям Порику и Антону Васильевичу, я готова на все, абсолютно на все, только бы эта сволочь больше никогда, никогда не оказалась у руля правления Человеческим Обществом!! И когда я перечитала отчет Гайто Газданова о их борьбе с фашистами, и тот упор который он там делает на душевной энергии которая водила рукой партизан, я поняла, что первый раз кто-то выразил то что я чувствую эти последние четыре года -это бескрайнее омерзение к «живой человеческой падали» которая сдохла морально и только влачит за собой живой биологический труп, это бесконечное презрение к обезьянам зоологического сада, с зловонными капризами Расы Господ поживиться человечинкой, и это жгучее желание, как говорит Гайто или прыгнуть под поезд или стереть с лица земли этот позор человечества.

Ниже я публикую слово в слово публикацию 2021 года «Коррупция в РСО-Алании» о страшном событии, которое должно было бы потрясти эту республику до самых основ, если бы она как вся страна режима Путина не пребывала в глубоком трансе от засилья этого мертвого Антихриста. Я говорю о самом подлом и жестоком изнасиловании больного невинного ребенка в течении нескольких месяцев, когда девочка осталась дома одна, впервые без мамы, и ей повезло меньше чем герою «Один дома». И о том, что после этого, после того как здоровые мужики по восемь человек нападали на невинную девочку, после того как били ее кулаком по лицу, после того как оскорблениями и угрозами доводили до попыток самоубийства — они объявили ее Позором Республики. Это как раз то, что Гады Бесхребетные Мертвой мысли и Мертвой Совести называют The Art of The Deal. Забить невинного и свалить все на жертву, и если в человеке жив хоть сантиметр его божьей разумной души, он не сможет даже подумать об этих сатанах без содрогания от их тотальной и всеобъемлющей мерзости.

И все это время запертая здесь в своей квартире, читая себе приговор в хитрых глазенках той одной то другой сиделки, слушая грохот в дверь Севак Оганесян: «Я снесу эту дверь! Я сам вызову и милицию и прокуратуру!» я в ужасе представляла себе, как эта живая человеческая падаль увезет меня в дурдом обколет наркотиками, и потом назовет позором республики. И за всем этим с самого начала стоял А. Огоев.

И все это время режим Путина, режим Трампа, Правительство Британии, Израиль и Ватикан поддерживали Огоева в его благих начинаниях, поскольку это все люди того страшного замеса, где умерло все человеческое, и что потрясло человечество во Вторую Мировую Войну когда эти люди впервые явились без масок на свет божий. Это — Сатан-Эго, Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия циклического гомеостаза, — Гады Бесхребетные. Гайто Газданов в своем собственном Открытии ПЭ возможно нашел им более подходящие названия — живая человеческая падаль и обезьяны зоологического сада.

И после того анализа его работ, что я представила в этой книге я предлагаю вам самим подумать о том, что сказал бы Гайто Газданов обо всех этих людях, и об их тщеславии не только сеять самое подлое, самое низкое, самое зловонное предательство Господа и человечества, но еще и гордиться этим как «Искусством делать Дела», и сваливать вонь своих злодеяний на свои жертвы.

Ласло Диенеш, в Предисловии к пятитомному изданию произведений Газданова в России:

«Свобода духа и внутренняя независимость («никаких авторитетов не признавал») — самые существенные черты газдановского характера — и искусства. Даже резкие высказывания молодого автора о некоторых маститых представителях эмиграции (возможно, и сознательно рассчитанные на откровенный эпатаж), скорее всего, говорят о том, что сохранить полную внутреннюю интеллектуальную независимость было для Газданова

важнее, чем быть в выгодных отношениях с теми, от кого во многом могла за висеть его писательская судьба. Газданов терпеть не мог рабской психологии, бессмысленного преклонения даже перед классика ми. Он никогда не колебался и всегда настаивал на своем, если был уверен в правоте, рискуя испортить хорошие взаимоотношения с критиками, издателями или какой-нибудь «знаменитостью» и продолжал делать свое дело вопреки всему и всем — как и следует истинно свободному и независимому человеку и художнику. Газданов учит нас жить между чудом и рабством в той стране, которая называется Свобода Духа. Вместе с тем хотелось бы сказать и о природной доброжелательности Гайто Газданова (за меченной Адамовичем только к концу жизни писателя). Все, кто знал его ближе (или прочел лучше!), единодушно говорили об этой прекрасной черте газдановского характера. Было что-то очень здоровое, очень положительное, жизнерадостное и добродушное в Газданове: крепкое начало доброты, благородства и жизненной силы, направленной к творчеству, к вере и надежде, а не к сатире и разрушению, — начало, в конце концов оказавшееся сильнее его иронии, насмешки, сомнения и всего его страшного жизненного опыта

Я помню, с каким наслаждением, с какой даже жадностью я стал искать и читать этого неизвестного мне писателя со стран ным именем — а найти его было легко благодаря невероятно бо гатой коллекции Библиотеки Гарвардского университета, — и чем больше я читал, тем больше убеждался: вот настоящее искусство! И каково же было мое удивление, когда я узнал, что об этом за мечательном писателе почти ничего не известно, что о нем, кро ме разве что небольших рецензий, ничего не написано. И какова была моя досада, когда я узнал, что умер он лишь за год перед тем, как я открыл его для себя весной 1973 года. Когда-нибудь я, возможно, напишу «историю одного исследования», историю моей «газдановианы», расскажу о встречах в Европе и Америке в 1975 году с вдовой писателя Фаиной Дмитриевной Ламзаки, с еще живыми друзьями

и знакомыми Газданова, с писателями и критиками, его коллегами по радио «Свобода», об истории его архива и о том, как он попал в Америку»

Моей целью было показать этим людям, которые возомнили себя Расой Господ в своем бреду маньяков, что такое настоящая элита человечества, — что такое герои и святые, что такое божий дух, из которого мы вышли. И каким зловонием разложения всего божеского и человеческого предстает на их фоне Раса Господ Гадов Бесхребетных.

Все это время мне пришлось сражаться с Проституткой Армией Путина, о которой знает весь мир со времен порнографического фильма с генеральным прокурором России под продюсерством Путина, а также со времен приключений Лимонова, Шендеровича и Яшина с проститутками из его Армии, о чем они сами дали пространный отчет в Интернете.

Мне хочется верить, что я смогла вас ПРЕДУПРЕДИТЬ об ОПАСНОСТИ ГАДОВ Бесхребетных, потому что они не только не были побеждены в во Вторую Мировую Войну, но стали еще сильнее как вы можете видеть по победному маршу Консерваторов по планете. И по тому язвительному тону Расы Господ, с которым они говорят о демократии Церкви Дружбы духовной энергии разума.

Передано Поколениям на грядущие века Лицедейкой Прокловой, Ларисой Ивановной)

Слава Фуйла всех превзойдет
Слава Фуйла Небесное Царство побьёт!
Слава Христа ушла и убита
На прахе его Слава Фуйла воздвигнута!
Водит Фуйло Патриот
С Партнёрами западными хоровод
Убьём учёных, убьём Науку
Поёт их Хоровод!
Негодяй плюс негодяй будет задрот
Задрот плюс задрот будет Хоровод!

Водит Фуйло Патриот с партнёрами западными хоровод!
Славься Фуйла Хоровод!
Партнёры водят хоровод звонко
Милые ссорятся, тешаться только
Кровь на Украине
Кровь в Сирии
Кровь в Израиле
Кровь во всем мире льётся вновь и вновь
Дешёвая всегда у людоедов кровь
Нас Христос учил
Воевать со злом
Духовным мечом
Правду защищать
Ложь диавола разоблачать
Тело потерять
Богу душу дать
Сокровища на небе собирать
Не за Правду льётся Хоровода кровь
За Эго развратников, за Славу Фуйлов
Совесть забыта, нет Добра и Зла
Наука и Правда уничтожена
Прыгает на крови обезьяна Дарвина
Фуйлы воюют как всегда за власть
Кто победит тот и будет прав
Невинная кровь льётся ими всласть
Будь проклята слава Фуйлов!
Мы ещё раз встанем за Крест Христов!
Славься отечество Фуйла свободное
От Государства и Закона!
Секретная Армия вора в законе
Убивает людей напрямик!
Суды и прокуроры Фуйлу не нужны!
Слава Фуйло все превзойдет!
Государство и Закон навеки изведет!
Фуйло нарумянился

Брови начернил
Кому моргает Фуйло?
Войскам падших девчин.
Может они мужи а может быть и нет
Давно никто не знает
Кто их родил на свет
Фуйло- Генерал
Проститутской Армии
Президентом стал
С развратными гарпиями
Юрия Скуратова на стол им положил
Президента Ельцина этим ублажил
Проститутской Армии жены и мужи
На невинных жертвах пробуют ножи
Совесть распродали
Разум за гроши
Фуйло ублажали
Победили вши!
Победили вши
Великие умы!
Писателей России
Высмеяли вши!
Интеллигенцию России
Убили палачи!
Победа России Фуйло не твоя
9 мая — Великая страна!
Твоя победа черта грязного во вшах
Царства проституток
Над Царством в Небесах!
Кто гремит на Площади, на Красной, на родной?
Проститутской Армии грязь идёт домой
Шаг чеканит чётко,
выше ногу, марш!
Фуйло машет робко
Победный это марш!

Фуйло стал Антихристом
Не верит сам себе
Победа над Христом!
Победа на земле!
Недаром Ванга Славила Фуйло на века
Такой славы не видели у человека!
Проститутской Армии непобедимей нет
У Господа Бога отобран Белый Свет!
Юрия Дмитриева педофилом об'яви
А Фуйло посадит педафилов на чины!
Робко машет Фуйло, президиум в Кремле
Проститутской Армии быть теперь везде!
Лучше проституток чем в России нет!
Горит в глазах у Фуйла патриота свет!
Только непонятно глаза его горят
Или гнойной массой дьяволы темнят
С Победой поздравляю, товарищи я вас!
Парадным маршем награждаю, выше ногу, марш!
Равнение на Кремль, здесь теперь Христос
Антихристом зовите, Победа наша вот!
Слава Фуйла все превзойдет
Слава Фуйла пребудет в веках
Все разойдется, все отойдёт
Слава Фуйла умножится в веках
Ура, товарищи!
Победный марш!
Ура, товарищи!
Антихрист наш!

2. СТАТЬЯ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ В 2017 ГОДУ ВИКТОРИИ ДЗАСТЕЛОВОЙ, ОПУБЛИКОВАННАЯ МНОЙ В 2021 С ISBN 978-5-0053-7915-3

1) Предисловие

Тесла Хугаева, при содействии Залины Дудуевой, опубликовала в данной работе материалы, разоблачающие и изобличающие коррупцию в республике Северная Осетия-Алания. Залина Дудуева, мама Виктории, девочки-аутиста, которая стала жертвой массового изнасилования в 2017 году, рассказала о своей активной борьбе с коррупцией, в том числе в Министерстве Образования РСО-Алании. Залина долгое время старалась добиться улучшения условий обучения детей-аутистов, но пришла к выводу, что «спрут» коррупции съедает все финансирование. Эта отчаянная борьба с коррупцией предшествовала беде, постигшей ее 18-летнюю дочь. Залина Дудуева ищет вопрос на ответ, насколько связана трагедия, постигшая ее невинное дитя с отчаянной борьбой с коррупцией, предшествовавшая преступлению.

Я, то есть Тесла Хугаева, также опубликовала ту информацию в отношении экс-министра образования и нынешнего ректора СОГУ Алана Огоева, с которым долгие годы вела борьбу Залина Дудуева. К счастью, мне не пришлось ни работать ни общаться с А. Огоевым после университета, где состоялось наше знакомство много лет назад. С тех самых пор, Огоев преследовал меня слежкой и анонимными звонками. Я подавала заявление в милицию Москвы, в ОВД Вешняки. К сожалению, у меня не было никакой более конкретной информации о криминальной деятельности А. Огоева. Но совместно с Залиной Дудуевой, мои обвинения обретают почву. Большое спасибо Залине Дудуевой, и низкий поклон за тяжелую борьбу,. которую она вела за будущее детей-аутистов в республике. Низкий поклон за то, с каким мужеством и несгибаемой волей добиться справедливости она вынесла постигший ее страшный удар. Я восхищаюсь Залиной Дудуевой и ставлю ее в один ряд с такими духоборцами Осетии, как Коста Хетагуров и Гайто Газданов.

Эту книгу я отправляю на сайт центрального правительства РФ и на сайт местного правительства с настоятельной просьбой провести объективное расследование по факту нападения на меня в 2015 году в Москве, в результате которого я уже шесть лет нахожусь в инвалидной коляске. Я также прошу правительство обратить внимание на беспредел в отношении затягивания сроков расследования уголовного дела по факту изнасилования девочки-аутиста в 2017 году, дочери Залины Дудуевой. Мое уголовное дело было просто закрыто. Уголовное дело Виктории также пытались закрыть, но в итоге в 2018 году вынуждены были возобновить расследование. Однако, в итоге и мое дело, и дело об изнасиловании дочери Залины так и не двигается больше. Виновники преступления не только не наказаны, но и не названы.

2). Изнасилование девочки-аутиста в Осетии

Массовое изнасилование в РСО-Алании в 2017 году девочки 18 лет, страдающей аутическим расстройством, Виктории Д. — это не просто трагическая история. Это без всякого преувеличения — гибель Осетии и осетин. Я поясню почему.

Конечно, не только в Осетии случаются такие гнусные истории. Они случаются во всех частях света. Деградировавшие и патологические элементы общества дают о себе знать в таких нечеловеческих проявлениях агрессии, которые нарушают нормальное течение жизни всего общества. Однако, в здоровых обществах — это только небольшой процент тяжело больных нравственным расстройством людей, «отморозков», на борьбу с которыми бывают брошены все конструктивные силы общества.

Не так случилось в Осетии в начале 2017 года. Изнасилование ребенка — преступление настолько очевидное своей тотальной низостью и бесчеловечностью, что казалось бы не требует никаких особых аргументов в пользу осуждения виновных. Изнасилование БОЛЬНОГО ребенка — еще более очевидное преступление против человечности. Ее били кулаком по лицу и запугива-

ли, снимали на камеру изнасилование и заставляли обслуживать одновременно до восьми человек, торговали ею, как собственностью, и разбили всю мебель в квартире. Массовое насилие над больным ребенком в течении длительного времени (с января по июнь 2017) — уже однозначный показатель разложения всего общества, в котором имело место это преступление. Это легко доказать.

Республика, которая очень гордится своим названием «Алания» — очень небольшая республика. В изнасиловании ребенка принимала участие не какая-то банда уголовников, а представители «золотой молодежи», «почтенные отцы семейств», и «знаменитый спортсмен, гордость Осетии». То есть дело, которое отвратило бы своей мерзостью животное, было совершенно не только обычными средними представителями местного общества, но и представителями элиты этого общества. Этого бы хватило, чтобы говорить о деградации всего общества, но это далеко не все.

Важнее всего даже не те «свыше 20 человек», которые принимали непосредственное участие в надругательстве над ребенком-аутистом, а РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВА на кошмарную историю, которая потрясла бы своей безнравственностью и маркиза Сада. Начнем с представителей правоохранительных органов, то есть тех слоев общества, которые были обязаны первыми реагировать на социальную катастрофу, помогать жертвам, и наказывать преступников.

Ничего подобного не произошло. Кто бы мог подумать, что в знаменитой Алании, которая так гордится своими воинственными предками, подавляющее большинство населения оказалось на стороне… насильников! В том числе и сами правоохранительные органы. Правильнее было бы сказать, что в первую очередь правоохранительные органы отличились самым бережным отношением к преступникам, которых они упорно защищали от их многострадальных жертв. Я просмотрела статьи разных изданий, следивших за ходом расследования, и вот только некоторые факты, которые свидетельствуют

о том, что полиция сделала все возможное, чтобы замять уголовное дело.

Залина Дудуева, мама Виктории Д., написала заявление в милицию сразу по своему возвращению из Москвы, в июне 2017 года. Уголовное дело было заведено только после обращения Залины в СМИ в июле 2017 года. В ходе следственных мероприятий Залине было заявлено, что пленка камер видеонаблюдения ничего не зафиксировала. Залина самостоятельно записала содержимое камер видео наблюдения на жесткий диск, и представила следствию всех участников преступления, которые были зафиксированы на пленку видеокамеры. «Тесла, — сказала мне Залина, — они даже не потрудились уничтожить эти данные. Они просто сказали мне, что камера ничего не зафиксировала, и думали я успокоюсь на этом. Я потратила свои последние деньги на этот жесткий диск, 2500 рублей, не нужны они мне». Далее, в видеоролике, который записала Залина, она говорит о том, что после начала следственных действий, аккаунты соцсетей Виктории были переданы в распоряжении полиции. Однако, полиция не сделала ничего, чтобы пресечь шквал угроз, который продолжал поступать в адрес ребенка-аутиста, или как то защитить его от этого страшного психического насилия. «Это было доведение до самоубийства», — говорит на видеоролике Залина. Наконец, сотрудники полиции вообще не нашли состава преступления в массовом изнасиловании ребенка. Все насильники, зафиксированные на видеокамеру, проходили по делу как «свидетели», а не как «обвиняемые». Виктории на момент совершенного над ней насилия, исполнилось 18 лет, и по этой причине полиция отказывалась видеть в девочке ребенка. Мы с вами знаем, что совершеннолетие — это юридическая дата, мало связанная с реальной жизнью. Я настаиваю на том, чтобы говорить о «ребенке» не только потому, что дети-аутисты часто вообще не взрослеют. В чем-то Виктория может быть достигла совершеннолетия — она умеет читать и писать, закончила школу, умеет готовить и помогает маме по дому, училась в училище, правда вместе с мамой. Но в смысле общения с людьми, не говоря уже об общении

с мужчинами, она оставалась невинным младенцем, не способным отличить святого Франциска от маркиза Сада. Она оставалась девственницей не только в анатомическом смысле, но и в смысле абсолютной душевной невинности, не подозревавшей о существовании плохих людей. «Детская доверчивость» в том и состоит, что дети не способны отличить здоровых добропорядочных людей от людей с развращенной нравственностью. Полиция, только если сами полицейские не были людьми с комплексом аутизма, не могла не видеть этих особенностей развития девочки, тем более что был подтвержден диагноз аутического расстройства. Тем не менее, полицейские сочли возможным заявить, что «совершеннолетняя» Виктория занималась сексом с десятками мужчин по обоюдному согласию, представляя ее сознательно торгующей своим телом, то есть профессиональной проституткой. Более того, они кричали на Викторию, принуждая ее к даче показаний против самой себя. На этом основании уголовное дело было закрыто. И хотя дело было настолько шито белыми нитками, что его пришлось снова открывать в мае 2018 года, на сегодня, апрель 2021 года, оно так и не сдвинулось с мертвой точки. Такого отношение к этому делу со стороны правоохранительных органов.

«В Северной Осетии не увидели преступления в изнасилованиях 18-летней девочки с аутизмом»

29.05.2018 Gradus Pro[1]

«В Северной Осетии СК закрыл дело о групповых изнасилованиях девушки с аутизмом»

28 мая 2018, 19:51 Медиазона

«Но в итоге никто из мужчин, воспользовавшихся наивностью и слабостью больной девушки, не оказался на скамье подсудимых, хотя некоторые и прибегали к шантажу и рукопри-

[1] https://ridero.ru/link/SG9qPDPdEbs-Igi04VudE

кладству за отказ вступать с ними в половую связь. Теперь дело может принять иной оборот.

«Я не рассчитывала, что дело будет отправлено на повторное рассмотрение. Готовилась уже озвучить список „невиновных", хотя это могло лишь ухудшить и без того чудовищное положение моей семьи. Теперь по просьбе своего адвоката и следователей главка я решила воздержаться от комментариев до завершения новых следственных действий», — сказала «Кавказ. Реалии» Дудуева.

Тем временем история вновь вызвала обсуждение в обществе. В соцсетях все чаще встречаются призывы наказать причастных к вопиющей ситуации за «глумлением над девушкой» и «гнусное скотство».

Июнь 14, 2018
Вадим Тохсыров[1]
Кавказ реалии

Обратимся теперь к реакции широкой общественности. Хочу сразу оговориться, что нашлись прекрасные благородные чистые сердца, которые искренне возмутились очевидной мерзостью преступления, и искренне помогали Залине, такие как Заза Хубаев и Алан Цхурбаев. Надо также сказать о сборе подписей, который имел место в республике в поддержку Залины Дудуевой и ее дочери. Довольно широкое освещение получила трагедия Залины в прессе. Однако, и это важно отметить, нигде, даже в самой сочувствующей публицистике на эту тему, не сказали главного, что могло объяснить дьявольский шабаш происходящего: о том, что Залина активный борец с коррупцией в республике, и что ей, незадолго до этих трагических событий передавали друзья, что люди, под которых она копает, ищут пути ее «успокоить». «Мне передали друзья», — сказала мне Залина, — «я тогда особенно активно добивалась проверки хищений

[1] https://ridero.ru/link/n-P9GlOgb6rubV

30 миллионов по Гизельской школе-интернату, что эти люди обсуждают, как бы меня заткнуть. Они меня просто предупредили».

Однако, в остальном все непосредственное окружение Залины было настроено против нее. Вот как об этом пишут СМИ, приводя слова самой Залины:

«Мне соседка говорит: „Зачем тебе это надо? Какую правду ты ищешь, ты правды не добьешься. А нас тягают, успокойся уже и смирись“», — рассказывает Залина.

Жители Владикавказа перешли и к более решительным действиям: на стене в подъезде Дудуевых появилась надпись «Вика шлюха», оскорбительные сообщения приходят девушке в социальной сети «ВКонтакте». 8 марта прошлого года Залина пикетировала здание областного правительства с требованием обратить внимание на детей-инвалидов. Правительство внимание обратило и выделило Залине 100 тыс. рублей материальной помощи.

Соседи тем временем, кажется, решили выжить всю семью Дудуевых. Залина то и дело находит гвозди в колесах своего автомобиля, стала постоянным клиентом шиномонтажа. Колесами дело не ограничилось, однажды кто-то сломал крышку бензобака. Опасаясь, что в бензобак могут что-нибудь подлить или подсыпать, Залина обратилась в городскую администрацию — чтобы застолбили за ней «инвалидное» парковочное место во дворе под камерами наружного наблюдения. Представители администрации двор осмотрели, но сказали, что Залине самой нужно договариваться с соседями. «За 20 лет они [соседи] знают, что у меня трое детей с инвалидностью, они знают, что у меня есть машина и я ее ставлю в одном и том же месте. Но никто не сказал: вот это место ваше и больше там никто не паркуется. Нет, у нас кто быстрей приехал, тот и поставил». Парковку Залине так и не выделили, а в феврале среди бела дня кто-то методично расцарапал всю машину: каждую дверь, капот, крылья. «Все соседи были на улице, но никто никого не видел», — говорит Залина.

Дудуева — активная общественница, ездит по конференциям, которые касаются детей-инвалидов, старается отстаивать

свои права и в родном городе. По ее словам, после истории с Викой на мероприятиях при различных инстанциях к ней стали относиться как к «городской сумасшедшей»: «Куда бы ты ни пришел, на тебя смотрят как на прокаженную. Ты опозорила этот социум, теперь тебе здесь не место». К примеру, в феврале на собрании в республиканском министерстве труда и социальной защиты один из общественников, не согласившись с мнением Залины, начал оскорблять ее: «Он говорит: «Ты якобы правды ищешь, а сама зарабатываешь на детях-инвалидах», — рассказывает она. — Все закончилось полицией, он уже начал говорить, что я тебя сейчас под стол засуну. Взрослый мужчина, руководитель фонда «Спасательный круг. Все закончилось тем, что общественники сказали, что я сама его спровоцировала».

Сергей Хазов-Кассиа, Радио Свобода
Март 30, 2019

Другие источники тоже приводят отвратительные подробности травли: рассыпанные в подъезде презервативы, оскорбления и угрозы в соцсетях, гвозди в колесах машины и бутылки с неприличными наклейками под колесами машины. «Ты опозорила этот социум», — таким образом, «обвини самого невинного» в полном соответствии с правилами садомазохизма. «Городская сумасшедшая» — это женщина-духоборец, которая не побоялась пойти против коррумпированной верхушки осетинского общества. Она в беседе со мной называла эту верхушку «спрут, гидра с многими головами, змеевик». Помнится, дочь комиссара Катанио из фильма с одноименным названием «Спрут», тоже изнасиловали и довели до суицида. Виктория тоже долго лечилась в реабилитационных центрах.

Итак, мы можем считать свою задачу выполненной, доказав тотальное разложение осетинского общества, которое обвинило во всей грязи причиненной невинному ребенку — сами же жертвы, и правоохранительные органы которого, с особой циничностью отказались видеть состав преступления в этом насилии.

Вернемся еще раз к теме, только обозначенной в начале статьи. Ни одна газета не писала о том, что беде, которая разразилась в семье Залины Дудаевой, предшествовала ее активная борьба с коррупцией в республике. Залина говорит о своем конфликте с министром образования Аланом Огоевым, в особенности по вопросу о прокурорской проверке целевых бюджетных средств направленных на капремонт Гизельской школы, по вопросу Республиканского ресурсного центра по развитию инклюзивного образования, который был учрежден по ее инициативе, по вопросу финансирования обучения детей-инвалидов.

Будучи мамой трех детей-аутистов, Залина в 2008 году ездила в Америку для ознакомления с передовыми технологиями обучения детей-аутистов, и вернулась в республику, вдохновленная идеей «инклюзивного образования» и «инклюзивного общества». С этого начинается ее активная общественная деятельность, которой суждено было превратиться в позицию активной борьбы с коррупцией, так как все попытки Залины наладить конструктивное сотрудничество с министерствами республики для улучшения условий жизни и обучения детей-инвалидов постоянно наталкивались на коррупцию, на расхищение государственных средств, на халатность и профанацию. Залина пишет множественные обращения в местную прокуратуру с просьбами провести прокурорские проверки расходования целевых средств, она указывает московской комиссии 2019 года, прибывшей для проверки местного министерства образования — на профанацию средств в расплодившихся центрах по развитию инклюзивного образования. Еще 13 таких учреждений, которые только заявляют о подготовке специалистов для обучения детей-инвалидов, а в итоге только получают финансирование. Проблема обучения детей-аутистов остается нерешенной.

Залина отважно борется за права детей-аутистов. Вся драма и вся трагедия ее ситуации в том, что она, организовав эту колоссальную работу по инклюзивному образованию в республике, будучи учредителем НКО «МИР», консультирующим родителей-аутистов, будучи активным борцом с коррупцией за права

детей-инвалидов, вдруг оказывается жертвой самого тяжкого надругательства над собственным ребенком инвалидом.

Культура стыда в Северной Осетии — это как раз то, что мы можем наблюдать в этой жуткой трагедии, когда человека с чистой совестью уничтожили только за то, что он искренне служил обществу, применив к нему самые подлые, самые низкие, самые бесчеловечные способы насилия: надругательство над нездоровым ребенком. Залина, которая всю жизнь боролась за права детей-аутистов в республике, которая принесла в республику идею инклюзивного образования задолго до того, как федеральный закон был принят в России, вдруг оказывается жертвой насилия именно в отношении ее ребенка аутиста. Есть в этом зле что-то особенно бесовское.

И согласно законам безнравственности в обществах культуры стыда — общество переживает не за чудовищное злодеяние против человечности, которое совершенно в республике, а за испорченный имидж республики. «Ты нас опозорила, тебе здесь не место». Позор не в злодеях, и справедливость не в наказании злодеев, а в том, чтобы обвинить жертву. Такова логика культуры стыда. Такова логика умершей совести. Такова природа садомазохизма. Такова природа нравственного помешательства, как называл аморальность А. Чехов. Трудно даже с чем-то сравнить. Разве что с криминальным беспределом «цапков» в станице Кущевской.

2). Духоборчество Залины Дудуевой

Мы созвонились с Залиной после публикации моей книги «Я обвиняю язычников». «Я хотела все забыть и все простить, — сказала мне Залина, — но ваша книга так все всколыхнула во мне. Мне нужно время, чтобы все осознать… я бы хотела с вами поговорить… оч. важно! И прошу, берегите себя!!!»

— О чем вы хотите со мной поговорить?

— Эти люди попытались уничтожить и меня через моих детей… самое страшное мое предположение, можете развеять только вы… мне и страшно узнать правду и необходимо.

— Я писала об Огоеве. Вы о нем говорите?

— Да начиналась моя история с него. С хищений в Минобразовании. Хотя это капля в миллиардных хищениях Огоева-Мамсурова-Такоева-Тугановой.

— Огоева-младшего? Ректора?

— Да! Он же был министром образования. И вместе с Тотровым чудеса твАрили. Я в 2013 попыталась уехать из страны, потом через год вернулась. Сейчас уже 3-й год на выезде. Лейла, если вам нужна помощь с публичностью, СМИ, я рядом.

— Спасибо. И вы можете на меня рассчитывать в этом деле.

Это содержание нашей переписки в Мессенджере ФБ, позже мы созвонились, и Залина дала мне интервью, которое я привожу ниже.

— Расскажите основные вехи вашей жизни?

— Я закончила СОГУ. У меня два высших образования. Работала учительницей, потом таможенным брокером. Я никогда не брала денег за брокерскую очистку гуманитарных грузов. Там мы в первый раз столкнулись с С. Такоевым, они тогда осуществили рейдерский захват, и я оттуда ушла. Сейчас на С. Такоева заведено дело. Можете почитать в интернете. Потом преподавала в Институте управления. В 2008 году ездила в Америку, чтобы ознакомиться с программой инклюзивного образования детей-аутистов. Когда я вернулась, мы с нашим мэром Дзантиевым стали первыми в стране, кто начал внедрять эту систему инклюзивного образования. Это примерно 2010-е годы. За два года до федерального закона о том, что дети-аутисты могут учиться в общеобразовательных школах при желании. Фактически, мы были инициаторами этого закона. Я учредитель НКО Мир: даю бесплатные консультации родителям детей-аутистов.

— Юридические или терапевтические?

— Юридические, конечно. Все что связано с тем, как получить образование детям со спектром аутистических расстройств. Я сдаю нулевую отчетность по этому фонду. Мы брали бюджетное финансирование на проведение Международного кинофестиваля в республике, 200 000 рублей, и банк разорился. В итоге

мы провели на свои деньги, а у меня только справка, что банк должен мне 200 000 рублей. Люди делают деньги через эти фонды, а я наоборот свои вкладываю. У меня есть много рассказать об этих НКО. Они все используются в цепочках хищений средств, как например, с финансированием из многих источников: когда деньги приходят и с бюджета и через эти фонды, а отчитываются только за один источник. Но мне не удалось там ничего доказать, в итоге я только настроила всех против себя. Единственное где мне удалось сделать что-то решающе положительное — это доказать, что всем детям в возрасте до трех лет согласно 890-му постановлению правительства обязаны предоставлять бесплатно лекарственные средства. Вот это я сделала, да.

— Это здорово. Вы лучше любого адвоката разбираетесь в законодательстве. Чем вы занимались потом?

— НКО Мир я веду до сих пор: бесплатно консультирую родителей детей-аутистов. Потом начинается мое сотрудничество с Аланом Огоевым, если его можно так назвать. Я была у него на приеме в первый же день, когда его назначили министром образования. Мы проговорили с пяти до одиннадцати часов вечера. Я рассказывала ему о коррупционных схемах, которые мешают нормальному финансированию образования детей-аутистов. Хотела, чтобы он помог бороться с ними, а получилось, как это говорят, «пусти козла в огород».

Он сказал: «У меня тоже сын инвалид, для меня это знакомая проблема. Я вам помогу, Залина, срубить голову этой гидре». Я поддерживаю отношения с его первой женой, от которой у него сын инвалид, он ведь ее бросил, у них нет никаких точек соприкосновения. Альбина мне говорила: «Залина, ты не представляешь какой он лицедей! Какой он хитрый! Ты даже представить себе не можешь, что это за человек! Хуже твоего мужа в 10 раз!» А вы ведь знаете, Тесла, что мой муж, не помог Виктории, когда над ней несколько месяцев издевались, хотя все знал и мог вызвать полицию. Я не знаю, кто может быть хуже него.

— Огоев обманул ваши ожидания?

— Да! Он мне говорил «Вы недооцениваете, сколько вы сделали на благо республики! Вы обесцениваете свой талант». Я говорила, что видимо мои усилия ничего не стоят, что я разбилась о стенку непонимания, потому что голова и щупальцы этого спрута на месте. А в итоге этой стенкой, об которую я разбилась, оказался, прежде всего, Алан Урузмагович.

— С чего начиналось ваше сотрудничество?

— Я предложила ему схему финансирования образования детей-аутистов: «деньги за ребенком». Он согласился, что схема эта очень логичная и правильная, и обещал ее реализовать, когда еще он был министром, а в итоге до сих пор никто не решил проблему. Я вам объясню, в чем смысл этой схемы. Школы интернаты для аутистов, которых в республике, может быть, больше десяти, финансируются из центрального бюджета, то есть через министерство образования. А общеобразовательные школы — через бюджеты местной администрации. А поскольку мы к тому времени уже начали с Дзантиевым программу инклюзивного образования, то есть разрешили детям-аутистам учиться в общеобразовательных школах, то дети часто переходили из интернатов в обычные школы. Дети переходили, а деньги, которые им выделялось Минобразованием — нет. Куда девались эти суммы? Например, в Детдоме Ласка на одного ребенка в месяц положено от 60 до 120 000 рублей. Вот я и просила Огоева, чтобы он перенаправил деньги из Министерства образования в бюджет местной администрации, «деньги за ребенком», где ребенок, там и выделенные ему средства. Тогда мы с ним очень спорили по этой проблеме, и в итоге никто не стал отправлять денег за ребенком. Потом я делала запрос в прокуратуру с просьбой проверить целевое расходование средств, направленных на финансирование таких детей-аутистов, но ответа так и не дождалась. Однако, не эта была основная причина конфликта, хотя по школам-интернатам мы с ним сильно схлестнулись.

— А в чем причина конфликта?

— Все началось с Республиканского ресурсного центра по развитию инклюзивного образования. Идею учредить этот

центр внесла я, и Огоев согласился. За его подписью министра стал существовать этот центр. Тогда я считала, что этим жестом он очень много сделал для развития инклюзивного образования в республике. Идея инклюзивного образования — это идея включения детей-аутистов в общество, в обычную среду, чтобы не приучать их с детства, что они изолированы от общества. Когда мы с Дзантиевым стали заниматься этой проблемой, многие школы отказывались принимать детей-аутистов на том основании, что нет специалистов для обучения таких детей. Что к ним нужен особый подход. Тогда у нас работал детский фонд ООН ЮНИСЕФ во главе с Раулем де Торси. И мы с Раулем решили для детей с сохранным сознанием, у которых только проблемы опорно-двигательного аппарата, открыть общеобразовательную школу. Так Рауль потом столько возмущался тому, как Министерство образования похитило часть выделенных средств на капремонт школы, что обещал никогда больше не связываться с нашим министерством образования. Тогда министром был не Огоев, а замминистра всегда оставался серый кардинал Тотров. Министры менялись, а Тотров оставался. Он и при Огоеве продолжал служить. Потом Дзантиев решил выделить средства для оборудования кабинета по обучению специалистов для детей-аутистов в 43 школе, и Рауль де Торси тоже помог с финансированием. Но в итоге, министр Алан Урузмагович зарубил этот проект, и устроил там детский сад. Но это было уже позже. А начиналось все с Ресурсного центра, в котором мы собирались готовить таких специалистов для обучения детей-аутистов.

— Что же вам помешало, если центр в конечном итоге, с вашей подачи, как я поняла, был все таки учрежден?

— Когда Огоев подписывал документы об его учреждении, он мне прямо сказал: «Ты же понимаешь, что тебя я не могу назначить руководителем». Я честно говоря, не понимала, ведь он имел ввиду то, что на меня невозможно давить. Я ведь всегда боролась за закон и справедливость. Меня в итоге сделали заместителем председателя этого центра. Руководителем центра

в итоге назначили Алену Рамонову, а куратором центра — Марину Зафириду. Вот для этих людей я выбивала миллионное финансирование. То есть финансирование для их обучения.

— Это миллионы рублей?

— Да, на три года, от миллиона до трех наверное, не могу точно сказать. Но самое главное то, что после них, ни один специалист больше не был обучен в этом центре. Только то, что успела сделать я для этих первых специалистов. Дальше шла полная профанация деятельности центра, специалистов они не обучали, а финансирование на свою работу регулярно получали. В школах по прежнему не было специалистов, и детям-аутистам по прежнему отказывали в инклюзивном образовании, то есть в поступлении в общеобразовательные школы. И с тех пор я перестала доверять деятельности Рамоновой и Зафириду, хотя мы начинали вместе с большим энтузиазмом. Зафириду была беженкой из Грузии, я помогла ей оформить инвалидность ее ребенку, я помогала продуктами, я выбила для нее финансирование, я пригласила ее в этот центр. А в итоге, они отказывались со мной работать, потому что я требовала результата. И вот на одном из августовских педсоветов, где собираются все директора школ и ВУЗов, я поставила вопрос ребром об этом ресурсном фонде перед министром Аланом Урузмаговичем Огоевым. И все ждали, что он скажет. Огоев меня, конечно, не поддержал, и вот тогда наше сотрудничество закончилось. Я ведь верила, что он хотел помочь образованию детей-аутистов. Ресурсный центр стал просто средством отмывания денег, а специалистов по прежнему не было.

— Вы не обращались с просьбой провести проверку целевого расходования средств в прокуратуру по Ресурсному центру инклюзивного образования?

— Нет, я помню, что я написала заявления об уходе примерно с такой формулировкой: «Прошу уволить меня с должности заместителя руководителя Ресурсного центра на том основании, что деятельность центра не соответствует заявленной в уставе и противоречит законам РФ». И у меня приняли мое заявление.

К тому времени и Рамонова и Зафириду уже не хотели со мной работать, зато они надолго остались в команде Огоева. Когда его снял Битаров и он ушел в ректоры СОГУ, он сделал Алену Рамонову завкафедрой инклюзивного развития. Интересно было то, что такая кафедра долгое время существовала только формально. Ее даже в буклетах не было. А потом, Огоев открыл при СОГУ организацию по инклюзивному образованию «Амонит» и ее тоже возглавила Рамонова и Зафириду. Они остались командой, а наши пути разошлись после этого педсовета. Такая же история с профанацией деятельности и выкачиванием средств под пустую вывеску была и в СОРИПКРО, институт повышения квалификации, который возглавляла Исакова Людмила Сулеймановна. Был еще один большой конфликт, связанный с Гизельской школой. Там где ни копни, везде натыкаешься на хищения. Везде, будь это стройки, капремонт, гранты, обучение детей-инвалидов, даже ай-ти парки. Дмитрий Рейслих и Линда Музаева этим занимались. Линда — родительница ребенка с расстройством аутического спектра. И вот, представьте, Тесла, она пробовала похитить у меня документы. Зато, как она разжилась и как она хвасталась своими деньгами.

— Тоже инклюзивное образование?

— Нет, в этом случае речь шла о том, что Путин выделил через МинОбразования и МинТруда средства на капремонт школы-интернаты в Гизели, 12 млн и 30 млн, по которым у меня были все документы. А капремонта так и не было проведено. Они уверяли, что никаких 30 млн не было, но сотрудники минобразования сами предоставили мне всю информацию. Я много раз подавала заявление в прокуратуру с просьбой проверить целевой использование этих средств, и мне всегда отвечали одно и то же: 12 млн израсходованы по назначению. А об 30 млн умалчивали. Это заявление много лет ходило по кругу, и всегда безо всякого результата. Когда я вернулась из Украины в 2014, я с новой энергией за него взялась. Я считала, раз я вернулась, я доведу это дело до конца. И вот тогда мне сказали друзья, что эти люди задумались над тем как меня заткнуть. Вот тогда посту-

пил первый тревожный звоночек. Но знаете, как говорят, бывших полицейских не бывает. Вот и я уже не могла остановиться. Это такая гидра, Тесла, вы себе представить не можете. Отрубаешь одну голову, на ее месте вырастает другая. Цепочка за цепочкой, такое адище, не могу вам передать. Какой то спрут. И в итоге видите, что они сделали с моим ребенком.

— Вы связываете беду, которая приключилась с Викторией с этой вашей борьбой с коррупцией?

— Ну, смотрите сами. Полиция сделала все чтобы замять дело. И более того, все обернулось против нас. Нас же самих еще обвинили в разврате и позоре. Полиция не стала даже смотреть записи видеокамеры, и если бы не я, никто бы не узнал, что там было. А главное, на тот момент действовала программа по сопровождению детей-аутистов, и я обратилась в МинТруда что нуждаюсь в таком сопровождении девочки. Мне обещали приходить каждый день, приносить продукты и смотреть за ребенком. А в итоге, они оказались втянуты в заговор: как иначе это назвать, если они приходили каждый день со своими продуктами, видели, что там происходит, а мне говорили, что все хорошо и беспокоиться не о чем. Другая сотрудница этого министерства живет в нашем доме: и она распространяла обо мне самые грязные слухи, и говорила, что и мать и дочь одного поля ягоды и что такой разврат Виктория сама спровоцировала. Вика кричала, когда ее били, и никто не вызвал полицию. Вы Тесла писали о странных звонках

— Вы помните странные звонки?

— Да, когда я находилась в Москве с мальчиками мне позвонила жена брата Марины Зафириду. Меня это удивило, мы с ней почти не общались. Она была адвокатом, и однажды, как Огоев когда-то, сказала мне, что поможет мне победить этот ад. Но это были слова. Ее муж, Янис Зафириду, возглавлял Нарконадзор, и он несколько раз подбрасывал наркотики моему брату Максиму. Максим никогда ничего общего с наркотиками не имел. И вдруг его жена звонит мне в Москву просто чтобы спросить как у меня дела. Но сначала она набрала несколько раз и сбро-

сила. Тогда я ей перезвонила, спросить что случилось. Она сказала: «ничего особенного просто хотела спросить, как дела». Вот сейчас я это вспомнила и мне плохо стало.

— Это было в ту поездку когда с Викторией беда случилась?

— Думаю, да. Но точно уже вспомнить не могу. Кошмар какой. Я ничего не могу доказать.

— Но вы имеете право на свою точку зрения. Если вы считаете, что нападение на Вику связано с вашей борьбой с коррупцией — вы имеете полное право озвучить свою точку зрения. У меня тоже немного доказательств, хотя есть заявление в полицию в Москве. Но я уверена, что меня все это время преследовал Огоев и я пишу о своей уверенности. Какой еще способ защититься от преследований этих людей?

— Меня удивила ваша книга Тесла. С этой стороны я Огоева не знала. Он держался со мной по деловому, что он способен на такое я не знала. Но когда прочитала у вас, сразу вспомнила, что сделали с моим ребенком. Страшно очень думать об этом. Мне позвонил муж и сказал, найди эту книгу, там про Огоева такое написано. У него две жены, одну он бросил с больным ребенком, со второй тоже криминальная история. Она племянница Мамсурова, бывшего президента Осетии. У них трое или четверо детей. Я вам говорила, его первая жена считает его подлецом и лицедеем. Второй жене Огоев решил открыть свой нотариат. Тогда был скандал в республике. Нотариаты же строго распределены на количество населения, и единиц больше не было в республике. Так они добились, что вопреки всем законам ей открыли нотариат. Был скандал, но они все замяли.

— Больше у вас не было контактов с Министерством образования?

— Почему же, в 2019 году, мы уже жили заграницей. Я узнала, что приезжает комиссия с проверкой Минобразования из Москвы. Огоев тогда уже был ректором СОГУ. И вот я приехала специально на один день чтобы поприсутствовать на этой проверке. Там я в первый раз услышала об «Амоните», аналоге ресурсного центра по инклюзивному образованию. Непосвя-

щенному человеку эта новая организация ничего не говорила, а я залезла в интернет и увидела, что там старая компания из ресурсного центра: Алена Рамонова и Марина Зафириду. И я сразу потеряла доверие к этому центру. А потом на проверке выяснилось, что таких центров еще 13 штук. Вот ведь нашли золотую жилу. А специалистов по обучению детей-аутистов как не было, так и нет. Тогда я обратилась к московской комиссии и рассказала им о том что мне было известно о ресурсном центре и о его руководителях. Центр ведь В. Битаров, бывший президент, потому и прикрыл, что все уже знали, что там просто пустое финансирование. Он прикрыл тот центр, а тут при СОГУ вырос точно такой же «Амонит» с теми же людьми. И тогда был большой скандал на проверке. Все опять повернулись против меня. Сказали, что я в таком свете выставила республику, как я не патриотична, и все такое. А я поехала в Москву в Минобразование к Терехиной и рассказала им о том, что из идеи инклюзивного образования для детей аутистов сделали способ выкачивания средств из бюджета, а детям ничего не достается. И тогда «Амонит» закрыли.

— Вот, какой то результат все же есть.

— Да какой там результат? И щупальцы и голова спрута целы, я только растревожила этот змеевик, это адище, и только нанесла себе и своей семье вред. В итоге все эти руководители ресурсных центров по инклюзивному образованию, все эти начальники НКО — они обогатились, ездят на джипах, купили квартиры. Спрашивается, на свои зарплаты? А я вынуждена стать беженкой, с моим ребенком такая страшная беда, и я не знаю, что принесет мне завтрашний день. Я покажу вам переписку с Огоевым, где он мне намекает на «умереть». Так и закончилось наше сотрудничество. И с какой помпой он мне говорил: «Вы недооцениваете, сколько вы сделали для блага республики!». И в итоге, идея инклюзивного образования для детей с расстройствами аутического спектра, которую в республику принесла я, стала только жилой для обогащения, а мне не позволили работать в этой системе, и сделать что-то хорошее для детей. Они ведь сами и заказчики,

и исполнители и контролирующий орган. Вот например Амурхан Кусов, начальник фонда «Быть добру», он одновременно и сотрудник Минсоцтруда и директор реабилитационного центра и глава фонда. А как он может осуществлять все эти функции одновременно? Это уже нарушение законодательства. Конфликт интересов, понимаете? Как заказчики они говорят что нет специалистов, как исполнители, что нет средств для подготовки специалистов. Как же мы, родители, это позволяем?»

ГЛАВА 9. РАСА ГОСПОД И ГАДЫ БЕСХРЕБЕТНЫЕ НОВОЙ ОСИ ЗЛА

1. РАСА ГОСПОД КАК ХУЛА НА ДУХА СВЯТОГО. ОПРЕДЕЛЕНИЕ САТАН-ЭГО В ЕВАНГЕЛИЯХ ХРИСТА

К сожалению силы мои на исходе, и мне не осилить еще одной диссертации. Мой Бег на этой трасе Травли Духа Сатанами — заканчивается. Я схожу с дистанции. И передаю дела вам — Церковь Дружбы.

Ибо наивные Сатаны будут тешить себя мыслями о всесилии, пока вы — Дети Господа, Энергия Духа и Научного контроля не встанете однажды в полной мощи Церкви Дружбы и не возьмете бразды правления в свои руки. Это значит — в руки Международного Сообщества Естественного Права (Научного контроля). Очень много сказано об этом в томах Открытия ПЭ. Очень много собрано цитат от Платона и Сократа, от Ветхого Завета и Отцов Церкви — до современных Ренанов, Честертонов, Толстых и Газдановых.

Вроде бы за эти годы зверской травли, что Сатаны немилосердно гнали меня по трасе выживания, заминированной самыми изощренными пытками, физическими и моральными, — я успела написать для вас обо всех самых основных темах. И очень много сказала о Формуле Зла: о Сатан-Эго Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия физического контроля Поля Эгосистемы. Я старалась быть как можно более точной в определениях, в классификациях, в разграничительных линиях между различными формами, которые принимает материальная энергия поля Эгосистемы — паразит на теле Энергии Духа.

Другими словами, я старалась дать как можно более точные характеристики и классификации психических расстройств, чтобы Научные Формулы стали вашим эффективным орудием в борьбе со Злом. Ведь материальная энергия поля Эгосистемы — это энергия паразит, пожирающая Энергию Духа, которая ответственна за психические расстройства неорганического происхождения, а также за омертвение мысли и совести человека, то есть его Порок.

Так, есть три разновидности, которые принимает материальная энергия поля Эгосистемы:

Первые два случая связаны с нормально функционирующим циклическим гомеостазом физического контроля Поля Эгосистемы, и составляют единый механизм этого гомеостаза — единение двух противоположный Притяжений Самолюбия и Влюбленности. Эти циклы единения и разрывов Фромм обозначил как патологические отношения садомазохизма (Искусство любить, Величие и Ограниченность Фрейда).

1) Милграм –Эго: Нижняя Эгозащита Притяжения Влюбленности физического контроля поля Эгосистемы. Преобладает у массы современного населения, слабая активность поля Эгосистемы, оставляет Энергию духа в целом здоровой, хоть и не очень развитой. «Грешники», к которым пришел Иисус — учить их как избавиться от поля Эгосистемы.

2) Сатан-Эго: Верхняя Эгозащита Притяжения Самолюбия физического контроля поля Эгосистемы

Высокая активность поля Эгосистемы, устойчивое Верхнее Притяжение Самолюбия — сильно разрушенная Энергия Духа поля Интеллекта. В итоге, тяжелое заболевание: Мертвая Мысль, Мертвая Совесть, Мертвая Дружественность. Это люди Лжи и люди Тьмы, — те о ком Христос говорил: человекоубийцы, и Отец ваш Диавол, отец Лжи. Ибо именно ложь и хитрость позволяют им управлять наивными здоровыми людьми, претворяясь друзьями и честными людьми и предавая их в самых святых чувствах человеческой совести. Это болезнь Предателей. И это те люди, о которых Христос говорил: на мое имя скажете — вам

простится, скажете Хулу на Духа Святого — никогда не простится. Ибо те методы, которыми им удается забирать власть над здоровыми людьми — это методы Хулы на святого Духа (Князь Макиавелли).

Два этих случая известны в психиатрии как Циклоиды (Кречмер), влекущие в радикальных случаях циклоидные психозы маниакально-депрессивного характера

3) Третий случай особенный, и происходит из Сломанного Циклического гомеостаза физического контроля Фиктивным интеллектом формальной логики, оторванной от знаний о реальных причинных связях действительности (законов природы).

Это случай Гибрис-Эго:

Или Шизоидного идеализма или Романтизма, который также является разновидностью Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия поля Эгосистемы.

С тем существенным отличием от Сатан-Эго, что во-первых, здесь мысль и Соввесть не мертвые — но Раздвоенные, так как активное мышление шизоидов держит поле интеллекта Энергии Духа живым: мысль и Совесть здесь сильно повреждены, но живы.

И во-вторых, здесь сломан физический контроль, нет Нижнего Притяжения Влюбленности, и эта хромота делает Верхнюю Эгозащиту чрезвычайно уязвимой. Чаще всего, шизоидность приводит к шизофреническому психозу, то есть взрыву поля интеллекта Энергии Духа. То, что в психиатрии называют движением от гиперэстезии к анестезии, или «прахом и пепелищем» психики (А. Кемпинский).

Когда мы имеем эти три случая болезни психики, которые принимает материальная энергия поля Эгосистемы на теле Энергии духа — мы легко может определить что такое Зло. Ибо вред несут все три формы заболевания, но Злом в смысле Хулы на Духа Святого, как сознательного Предательства человеческой совести и истины в Лжи и Хитрости, имеет только Сатан-Эго, как оно кратко описано выше и пространно дано во многих томах книг о Теории ПЭ,

Вот именно это Зло — Сатан-Эго Верхней Эгозащиты циклического гомеостаза — и есть то, что во все времена истории, записанной человечеством, называлось Расой Господ. И это та тема, о которой еще раз надо основательно поговорить в связи с особенным значением, которое принято придавать Злу Расы Господ именно в Фашистском ее явлении в Третьем Рейхе Гитлера.

2. САТАН-ЭГО РАСЫ ГОСПОД В АНТИЧНОМ МИРЕ

Самый первый образ Сатан-Эго запечатлен в «Республике» Платона: «Тираническая душа» назвал Верхнюю Эгозащиты поля Эгосистемы Платон. И очень хорошо описал и Мертвую Мысль и Мертвую Совесть и Мертвую Дружбу этих людей. Хотя в этом случае конечно правильнее говорить об отсутствии души (мертвенность Энергии Духа, что и приводит часто к маниакально-депрессивным психозам).

Лучшие исторические образцы Сатан-Эго мы имеем в Императорах Зла Рима. Ибо главный урок, который дала нам история Рима — это четкое разделение материальной и духовной энергии в Императорах Зла и Императорах Добра. Э. Гиббон упоминает в своей знаменитой истории Рима об этом глубоком контрасте в характерах Благородных Императоров и Подлых Императоров Рима, — ибо в наше время доступность школьного образования стерла такие сильные контрасты, какое то базовое здоровье Духа гарантировано этим общим образованием.

Тиберий, Калигула, Нерон, Домициан, Каракала, Коммод, Гелиогабал, — об этих Императорах Зла, как отрицательных фигурах и «чудовищах Рима» исследователи не спорят, как правило. И это превосходные исторические образцы Мертвой Мысли, Совести, Дружбы материальной энергии поля Эгосистемы, описанного нами как Сатан-Эго. Превосходные зарисовки этих характеров даны Гиббоном, Нерон-Антихрист прекрасно отражен у Э. Ренан в «Антихристе». Однако, лучшие портреты Демонов Зла

дали конечно сами римляне. В этом смысле произведение Плиния Младшего «Панегирик Траяну» трудно переоценить. Ведь именно там, он дает четкое разграничение между императорами Добра и императорами Зла, с гениальной проницательностью обрисовывая все характерные черты Энергии Духа с одной стороны, и Сатан-Эго материальной энергии с другой стороны. Его же Письма к Друзьям — превосходный исторический образец, подобно «Былому и Думам» Герцена — эмбрионов Церкви Дружбы в недрах духовной энергии античности. Эмбрионов из которых однажды — вырастет и окрепнет всемирная Церковь Энергии Духа Человечества.

Его достойный друг — Тацит, автор другого Священного Писания Рима, где с той же гениальной проницательностью разграничены полюса Добра энергии Духа и полюс Зла Сатан-Эго императоров Зла.

Другие ранние образцы Сатан-Эго болезни человеческого Духа дает Ветхий Завет в его войне с Левиафанами древности, с царями Египта, Вавилона, Ассирии, Тира и Сидона.

3. РАСА ГОСПОД КАК ОБРАЗЕЦ ЧЕЛОВЕКА ДАРВИНОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Есть другие книги, в которых дается довольно четкий образец Сатан-Эго материальной энергии поля Эгосистемы, и хорошие примеры Злодеев из истории, но подаются они не как Хула на святого Духа Христа, не как безумная Тираническая душа Платона, не как негодяи Императоры Тацита и Плиния и не как исчадия ада Содома и Гоморры, Вавилона и Ассирии Ветхого завета, — а напротив как цель человеческих достижений, как вершина человеческого совершенства.

Это как раз тот случай в истории человечества, когда Зло победило, и эта победа нашла отражение в фиктивной или мертвой мысли человечества. И апофеозом этой мертвой мысли стала дарвиновская парадигма и Библия Дарвина в Церкви Сатаны Ла Вея. Ибо Ла Вей, кто бы он ни был, правильно довел до логи-

ческого конца материализм дарвинизма, который Честертон уже называл Черной Мессой. «Выживание сильнейшего» как правильно замечает Библия Дарвина сатаниста Ла Вея оправдывает все смертные грехи христианства, как поведение силы и здоровья, как примат силы над истиной и справедливостью.

Другие примеры таких книг хорошо известны: «Князь» Макиавелли, или «По ту сторону Добра и Зла», «Воля к власти», «Рождение трагедии из Духа музыки», «Заратустра» и другие тома Ницше его известного евангелия Зла. Книги Ницше отличает шизоидный характер их автора — они также раздвоены как он сам, в ком билась живая мысль рядом с мертвой до самого психоза шизофрении. Так что несмотря на явную нелепость его откровенной защиты порока и права сильного, серьезные мыслители всегда находили рядом и поразительно проницательные мысли, в явном противоречии с его Евангелием Зла, а первый период его творчества прямо противоречит второму.

Наконец современные евангелия Зла описали в своих трудах Р. Грин — 48 законов власти и Искусство развращать, и С. Бинг — Как бы поступил Макиавелли. Очень неплохой в целом резюме Библии сатаны-Дарвина Ла Вея.

И конечно же, свой апофеоз Дарвиновская парадигма нашла в Идеологии Третьего Рейха Гитлера — в теории Расы Господ, «этих взбесившихся денди», как говорит о них А. Камю, напоминая о слабости Третьего Рейха именно в отношении Императоров Зла Рима. Сравните например с Отцами Американской Республики, которые говорили только об Императорах Добра Рима — и прежде всего знаменитой адоптивной империи Антонинов.

4. ГИБРИС-ЭГО — ШИЗОИДНАЯ РАЗДВОЕННОСТЬ И РАСА ГОСПОД АНТИЧНОСТИ

Мы видели, что и Греция, и Израиль, и Рим успешно боролись с Сатан-Эго в своих Священных Писаниях, фиксируя там Левиафаны Насилия и подчинения как Власть Сатан-Эго, и объявляли им Священную войну.

Однако, как я старалась показать в книгах по Открытию ПЭ — глубокая раздвоенность характеризует античность, ведь это время незрелого, только рожденного интеллекта, когда Энергия Духа только увидела себя, но еще не окрепла.

В это время развивается фиктивный интеллект формальной логики в народах Откровения — самых одаренных народах своего времени. О раздвоенности Греции написал Ницше в «Рождении Трагедии», противопоставив Диониса и Аполлона, а главное Мифологию — Философии рационализма Сократа и Платона. Проницательно подметив и подчеркнув эту раздвоенность как раздвоенность между магическим сознанием поля Эгосистемы (Дионисий, мифы, трагедия «теоретическим человеком» Сократа, который приносит оптимизм научного контроля, познания законов природы, и потребности в совести и справедливости как законах природы человека — Ницше становится на сторону не Сократа, а Диониса. В этом была его трагическая шибка, которая впоследствии привела его к полному краху.

Он воспел Гибрис-Эго Греции — его культ Человекобога, как говорил Достоевский, то есть культ материальной энергии поля Эгосистемы. Насмеявшись над Богочеловеком, если опять пользоваться терминологией Достоевского, то есть культе Энергии духа, как она дана в Евангелиях.

В этом и состоит раздвоенность культуры Древней Греции: с одной стороны Откровение Пифагора-Сократа-Платона дает первую попытку научного определения психической энергии и очищения Энергии духа от материальной энергии поля Эгосистемы.

С другой стороны, культ Человекобога в мифологии Олимпа — что стало проявлением и подтолкнуло дальнейшее развитие Гибрис-Эго, или иначе мощного Верхнего Притяжения Самолюбия материальной энергии поля Эгосистемы.

Э. Ренан написал о такой же шизоидной раздвоенности античной истории Израиля, противопоставив Элогизм, как историю Энергии Духа Израиля — Яхвеизму, как историю Гибрис-Эго Израиля, проявившейся здесь не в культе Героев Индивидов, а в национальной гордости Избранного народа. Ренан пишет об этом в «Истории Израильского народа», его последнем объемистом труде в десять книг. Элогизм как движение Энергии Духа он определяет как Великое Откровение Израиля, которое привело в 9—8 вв до н.э. к Революции Профетизма, которая по его словам уже содержала в себе в зачаточном виде все последующее учение Христа, и как предтеча христианства, как предтеча истинной религии единого универсального Бога-отца человечества не имеет себе равных в истории.

Тем не менее, и еврейский народ, согласно Ренану не избежал общей участи античности с ее незрелым раздвоенным интеллектом и следовательно раздвоенной душой.

Гибрис-Эго античности — это тот вред, который Народы Откровения принесли цивилизации наряду с огромным вкладом в нее в виде своих Священных писаний Откровения.

Гибрис — Эго, в отличии от Сатан-Эго, который держится на хитрости и предательстве и любит оставаться в тени, — это открытое провозглашение Господства Индивида и или Группы людей. Такое открытое противостояние всегда ведет к резкому обострению конфликтов с окружением, как было с гражданскими войнами в Греции, или как было с историей погромов Еврейского народа.

Вообще, Гирис-Эго как уже подчеркивалось — болезнь духа, которая нежизнеспособна изначально. Однако, со временем, Романтизм Шизоидного Идеализма культа Человекобога Греции, равно как идею избранного народа сумели применить для разработки идеологии уже жизнеспособного Сатан-Эго, мертвой

психики, без раздвоенности шизоидов и с нормальным циклическим гомеостазом.

Раса Господ Гитлера много впитала в себя и от теории избранного народа, и от Романтизма Человекобога, что видно из Мекки фашизма: Рождения Трагедии из Духа музыки Ницше и Вагнера, этого единственного их совместного детища.

5.СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА ЭНЕРГИИ ДУХА СО ЗЛОМ РАСЫ ГОСПОД, ИЛИ ИНАЧЕ С САТАН-ЭГО

Понятно, что Сатан-Эго, всегда является как та или иная бредовая идея Расы Господ — будь то сыны Олимпа и других языческих божеств, или сумасшедшие императоры Рима, которые сами назначали себя богами или идея национального превосходства ли же диктатура пролетариата.

И напротив, Энергия Духа, всегда является как демократия Церкви Дружбы — будь то Республика Платона, или Пифагорейские сообщества, или синагоги Ветхого завета, или Империя Антонинов, или Христианская церковь Града Божьего августина, или же Общественный договор Руссо, естественное право и научный контроль Прудона и Герцена, сатьяграхи Ганди, Ферма Толстого или Республика Джефферсона и Вашингтона, или Общество Друзей Квакеров. Какое бы временное решение не находил научный контроль Энергии духа в поисках науки законов психической энергии — это всегда та или иная попытка построить Церковь Дружбы.

С тех самых пор, идет Священная война между Расой Господ Сатан-Эго, которые оказываются во главе жутких Левиафанов с телом мертвого чудовища материальной энергии, и между Церковью Дружбы Энергии Духа.

Будь это Пифагор-Сократ-Платон, которые воюют с Дионисийскими вакханалиями своего времени,

— или же Римские Антонины в войне с Неронами и Домицианами,

— или же Католическая церковь в войне с Германскими императорами,

— или же позже движение Реформации в войне с коррумпированным Папством,

— или же Кромвель с Мильтом против абсолютной монархии Стюартов,

— Руссо и Французская Революция против Абсолютной монархии Франции

— Томас Пейн, Джефферсон, Франклин против Абсолютной монархии Британии

— или Герцен, Кропоткин, Толстой, Мережковский против самодержавного абсолютизма Российской империи, — факт остается фактом, мировая история с пробуждением Энергии Духа в Первое осевое время становится Священной Войной Добра и Зла. Или иначе, войной Энергии духа поля Интеллекта с материальной энергии поля Эгосистемы, и прежде всего с Сатан-Эго верхней Эгозащиты. То что фашисты обозначили в терминах дарвиновской парадигмы как Раса господ.

И все это время Энергия Духа проявляла чудеса Храбрости и Ненависти к Расе господ Сатан –Эго и всякий раз побеждала в Новой исторической битве. И это при том, что изначально Энергия Духа была рождена беспомощным младенцем, — ведь ее мощного орудия научного контроля не было и в помине. Нужны были столетия для развития аппарата мышления, для накопления знаний сначала о законах природы, потом знаний о самом процессе познания, потом только о законах своей собственной энергии. В то время как физический контроль, подобно тем дьявольским солдатам что выросли из зубов чудовища, родился сразу во всеоружии и военных доспехах. И потому с самого начала Энергия Духа несла такие огромные потери в Священной войне со Злом.

Однако, несмотря на это, Господь так запрограммировал законы дух энергий, что с научным контролем Энергия Духа становилась мощнейшей энергией космоса и должна была задушить Змея Сатан-Эго подобно Гераклу в колыбели.

И вот несмотря на казнь Сократа и распятие Христа, несмотря на реки крови проливаемые Сатанами Императорами Рима — сначала встала и окрепла Империя Антонинов как живое воплощение Республики Платона с ее естественным Римским Правом; потом встал и окреп Град Божий Августина в победе Папства над Германскими Императорами; потом победили Четыре подряд великих общественных переворота — В Англии, в Америке, во Франции, в России. И каждый раз, Раса Господ Сатан-Эго была уверена побеждена Церковью Дружбы Энергии Духа, какие бы исторические формы эти две стороны Добра и Зла не принимали.

6. ДЕНДИЗМ И РОМАНТИЗМ ДАРВИНОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ. РАЗРУШЕННЫЙ НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ ВЕКА ДЬЯВОЛА

Особенность Расы Господ Третьего Рейха в том, что впервые Разум, мощь Интеллекта Энергии Духа, исконного врага Сатан-Эго были поставлены на службу Сатан-Эго! Никогда раньше такого не было.

Катастрофа эта стала возможна только с приходом лженауки в социальные дисциплины с одной стороны, и с большим прогрессом в открытии природных энергий с другой стороны. Так, научный контроль был разрушен дарвинизмом, резко ослабив когда-то христианскую цивилизацию, а с другой стороны огромный потенциал НТР был поставлен на службу пришедшим повсюду к власти Сатан-Эго Расы Господ — будь то ГУЛАги сталинизма ил концлагеря Гитлера.

Так началось победное шествие Расы Господ Сатан-Эго по миру с разрушенной наукой о законах психической энергии в глупостях дарвинизма.

Однако, не только эти два фактора –лженаука дарвинизма и техника в руках Расы Господ — содействовали победному маршу фашистов по планете.

Ряд исследователей, таких как А, Камю в «Бунтующем человеке»,, Г. К. Честертон в «Что не так с миром», «Еретики», С.

Кьеркегор в «Болезни к смерти», «или-или»,, Шеллинг в «Ночных бдениях», Л. Толстой в «Что такое искусство», Г. Газданов в «Эвелине и ее друзьях», в «ночных дорогах», Ницше в «Казус Вагнер», Флобер в «госпожа Бовари» — говорят о гибельности Дендизма и Романтизма как «искусства для искусства». Эстетика оторванная от Этики превращается в страшное средство Эгозащиты, стимулируя, поощряя, приукрашивая и укрепляя Сатан-Эго Расы Господ.

Таким образом, дендизм как противопоставление Этического и Эстетического, как апология Зла в терминах эстетики, которую якобы можно и нужно отделять от этики, от морали — становятся формой шизоидного поощрения Сатан Эго, которое выраженным образом наблюдалось еще у Императоров Зла античности, особенно у Нерона, Гелиогабала и других.

Именно это заставило Альбера Камю назвать Расу Господ фашистов — взбесившимися Денди.

7. РАСА ГОСПОД В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕЖИМА ПУТИНА

Обязательно надо рассказать о том резком развороте от Демократии к Авторитаризму и Тоталитаризму, к деспотии Левиафана, который открыто заявил в теории и энергично осуществлял на практике режим Путина. Книг на эту тему очень много, и главные источники — книги ведущих пропагандистов Путина, например «революция Консерваторов» В. Соловьева или «Происхождение Суверенитета» Н. Грачева.

В книге П. Хлебникова «Крестный отец Кремля или История разграбления России» рассказывается о практике Расы Господ режима Путина. В ГУЛАГе Архипелаге Солженицына рассказывается со всей красноречивостью о практике и теории Расы Господ Большевиков.

Вот например, с какой откровенностью пишет В. Соловьев о том, что человечество делится на Расу Господ и Расу Рабов

(нетворческий балласт, который прокормить легко, лишь бы не мешал).

В книге Происхождение суверенитета — отказ от философии и науки (Мертвая Мысль), отказ от демократии (Мертвая дружественность), отказ от Естественного права этики (Мертвая Совесть) проведен с еще большей прямолинейностью.

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «Получается, что человечество будет разделено на новые категории, и социальные формы не поспевают за этим новым, все явственней зарождающимся разделением труда. Мы по привычке продолжаем говорить: развитые страны, неразвитые страны. Все это ерунда. Деление будет совсем другое. Новая разделяющая линия пройдет по уровню креативности населения, которая зависит от миллиона факторов. Не только от возможности получать бешеное количество знаний — сейчас это несложно: подключись к любой сети. Гораздо более важным станет воспитание искусства анализировать это знание и преобразовывать его в новое знание — то есть творить. И вот здесь все человечество и каждый человек в отдельности натыкается на сложнейший выбор. Кто ты? Балласт, который можно дешево и просто прокормить (для чего существует гигантская индустрия ГМО-продуктов), который можно за ставить потреблять, но по большому счету главное — чтобы не мешал? Либо избранный, входящий в небольшую прослойку, которая, благодаря тому что получает другое по качеству образование — образование творцов, — начинает реально управлять миром и процессами, в нем происходящими? Это разделение очень опасно, особенно учитывая то, что наша страна сейчас очевидно проигрывает в этой борьбе. Притом проигрывает из-за собственной глупости и расточительности. XX век характеризовался тем, что именно Россия оказалась, если можно так выразиться, разработчиком нового социального эксперимента и пыталась воплотить его в жизнь. Именно Россия привела к во влечению в творческую орбиту нового и по-другому мыслящего типа людей. Да, это было сделано методами, которые современному человеку кажутся неблизкими, кровавыми и тяжелыми. Но тем не менее была создана та самая рабоче-крестьянская интеллигенция, которая поразила мир своей креативностью. И базировалось это в первую очередь на том, что широчайшим слоям населения было дано качественно иное образование. Творчество, креативность — это всегда пирамида знания. Всегда необходимо выстраивать пирамиду для того, чтобы на вершине оказался Эйнштейн. Невозможно найти одного Эйнштейн Мы

> в какой-то момент времени сознательно ушли от этой идеи, отступив от системного образования и воспитания творческой личности. Именно творческой — что, казалось бы, странно, учитывая, что мы жили в тоталитарном государстве. Но уйдя от тоталитарного государства к псевдодемократическому, мы ушли от школы творческой к школе-угадайке, где творчество вообще не играет никакой роли, а вся задача сводится к тому, чтобы знать правильный набор ответов или хотя бы суметь угадать его. Вот и все объяснение того, чем отличается современное образование от прошлого».

9. СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ САТАН-ЭГО

Конечно, лучшей иллюстрацией к этой главе должны быть выписки из Гиббона о разврате, которому предавались такие императоры как Коммод или Гелиогабал.

Или выписки из Тацита об изощренных и публичных насилиях Нерона над пленными, или над христианами, или просто над прохожими, когда он ночью одевался в бандита и шел издеваться над людьми. Или же выписки о разврате Тиберия, который специально для этого воровал парней и девушек из порядочных семей.

Или же выписки из «Антихриста» Ренана, где великий исследователь христианства рассказывает о том, каким насилиям на сцене цирка Нерон подвергал плененных христиан, и в особенности женщин, молодых и старых, но далеко не только женщин.

Этой информации о Сатан-Эго Верхней Эгозащиты Расы Господ как о энергии, которая существует предаваясь не просто разврату, а именно сексуальному насилию над людьми всех полов и всех возрастов — очень много в исторических хрониках. Много ее и в с психиатрических, и в психологических учебниках.

Об этом много писали также религиозные деятели и великие писатели. Я привожу ниже далеко не самые выразительные цитаты. Те кто будет писать книгу о Расе Господ смогут найти очень много материала на эту тему.

Я большей частью подобрала цитаты об оправдании Расой Господ Насилия и Убийства вообще, но именно это и говорит о том, что и в половых отношениях главное в их случаях — это сексуальное насилие.

Это насилие есть Антропофагия, Людоедство в прямом смысле, и именно поэтому изнасилования обычно заканчиваются убийством или тем что людей калечат на всю жизнь. Циклический гомеостаз Садомазохизма (Притяжения Влюбленности и Самолюбия) — это точно такой же механизм, как поедание животными друг друга, и в этом отношении все аналогии Ницше и Грина с животными миром, с хищниками и овцами, абсолютно оправданны. Бывали конечно и не редко и случае кишечного поедания людей людьми, но не это в основе Притяжений Самолюбия и Влюбленности (садомазохизма) циклического гомеостаза материальной энергии, а именно сексуальное насилие. Это и есть Людоедство материальной энергии поля Эгосистемы. Все то о чем пишут Шекспиры — мужчина — брюхо, а жена — еда, он ее жрет и жрет». Заканчивается цитата тем, что когда нажрется, то срыгнет. В данном случае правильно говорить конечно не о мужчинах и женщинах, а как Герцен — об Антропофагии Расы Господ — своих жертв. О том же и знаменитая сатира Свифта, который как известно предложил подавать богатым на стол младенцев бедняков.

Ницше, «По ту сторону добра и зла»:

> «Но вернемся назад: проблема другого источника „добра“, добра, как его измыслил себе человек ressentiment, требует подведения итогов. — Что ягнята питают злобу к крупным хищным птицам, это не кажется странным; но отсюда вовсе не следует ставить в упрек крупным хищным птицам, что они хватают маленьких ягнят. И если ягнята говорят между собой: „Эти хищные птицы злы; и тот, кто меньше всего является хищной птицей, кто, напротив, является их противоположностью, ягненком, — разве не должен он быть доб рым?“ — то на такое воздвижение идеала нечего и возразить, разве что сами хищные птицы взглянут на это слегка насмешливым взором и скажут себе, быть может: „Мы вовсе не питаем злобы к ним, этим добрым ягнятам, мы их любим даже: что может быть вкуснее нежного ягненка“. — Требовать от силы, чтобы она не про являла себя как

> сила, чтобы она не была желанием возобладания, желанием усмирения, желанием господства, жаждою врагов, сопро тивлений и триумфов, столь же бессмысленно, как требовать от сла бости, чтобы она проявляла себя как сила».

Маркиз де Сад Жюстина

> «Все формы равны в глазах природы, и ничто не пропадает в огром ном тигле, где происходят изменения: все частички материи, попада ющие в него, непрерывно выходят оттуда в другом виде, и каки ми бы способами этот процесс не осуществлялся, ни один из них не может оскорбить природу. Убийства, совершаемые нами, питают ее силы, поддерживают ее энергию, и ни одно из них ей не против но. Какая разница для этой созидательницы, если та или иная масса материи, имеющая сегодня вид двуногого существа, возродится зав тра в форме тысячи разнообразных насекомых! Кто осмелится утверждать, что уничтожение животного о двух ногах трогает ее сильнее, нежели уничтожение червяка, и что она заботится о нем больше? Если степень ее привязанности, вернее безразличия, ко всем созданиям одинакова, чем может ей повредить человек, кото рый превратит другого человека в муху или в растение? Когда меня убедят в верховенстве нашего человеческого вида, когда докажут, что он исключительно важен для природы, что ее законы противятся его видоизменениям, вот тогда я смогу поверить в то, что убийство есть преступление»

Е. Морозова, «Маркиз де Сад»:

> «Хотя многие из перечисленных маркизом преступлений наверняка были почерпнуты им из хроник и мемуаров — невыдуманного зла всегда хватало с лихвой. Во времена Людовика XIV, напри мер, Париж был потрясен злодеяниями банды знатных молодчиков во главе с Гастоном Орлеанским, братом короля, которые забавы ради могли начинить порохом женщину и поджечь ее или зверски надругаться над отвергнувшим сексуальные домогательства подростком. Обладатели гром ких имен и огромных состояний, эти „золотые негодяи“, подобно либертенам де Сада, совершали свои злодеяния без наказанно...»

Гете «Вертер»:

> «Передо мной словно поднялась завеса, и зрелище бесконечной жизни превратилось для меня в бездну вечно отверстой могилы.

> Можешь ли ты сказать: „Это есть", — когда все проходит, когда все проносится с быстротой урагана, почти никогда не исчерпав все си лы своего бытия, смывается потоком и гибнет, увы, разбившись о скалы? Нет мгновения, которое не пожирало бы тебя и твоих близ ких, нет мгновения, когда бы ты не был, пусть против воли, разруши телем! Безобиднейшая прогулка стоит жизни тысячам жалких чер вячков; один шаг сокрушает постройки, кропотливо возведенные муравьями, и топчет в прах целый мирок. О нет, не великие, исклю чительные всемирные бедствия трогают меня, не потопы, смываю щие ваши деревни, не землетрясения, поглощающие ваши города: я не могу примириться с разрушительной силой, сокрытой во всей природе и ничего не создавшей такого, что не истребляло бы своего соседа или самого себя. И я мечусь в страхе. Вокруг меня животво рящие силы неба и земли. А я не вижу ничего, кроме всепожираю щего и все перемалывающего чудовища».

Р. Грин «48 законов власти»:

> «В миревласти действуют законы джунглей: есть те, которые охотятся и убивают, и есть множество тех, кто выживает за счет охоты других (гиены, стервятники). Они не такие яркие, менее одаренные и часто не способны сами выполнить работу, которая привела бы их к власти. Однако они рано осознают: если набраться терпения, обязательно дождешься, что кто-то сделает все за тебя. Не будьте наивны: в то са мое время, когда вы в поте лица трудитесь над своим проектом, гри фы и стервятники кружат над вами, прикидывая, как смогут жить и даже процветать, используя ваши творческие способности. Беспо лезно жаловаться на это, исходить горечью и гневом. Лучше защитить себя и включиться в игру. Построив основание своей власти, сами станьте стервятником, и вы сэкономите массу времени и сил».

Герцен «С того берега»:

> «Аристократия — вообще более или менее образованная антропо фагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

Э. Фромм «Искусство любить»:

> «Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободится из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в соб ственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зави сим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжени ям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональ ном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская лич ность, — обычно по отношению к разным объектам» Искусство лю бить Фромм

Б. Рассел «Борьба за счастье»:

> «Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результа те этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не да ет ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собствен ной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения.

Б. Рассел «Предложенные дороги к свободе»:

> «Уважение к личности тех кого любят будет гораздо чаще встречать ся чем сегодня: ведь в наши дни большинство мужчин любят своих

жен как они любят баранину, как нечто что надо проглотить и пере варить. Но в любви, которая есть уважение к душе твоего спутника есть вдохновение совеем иного рода чем любые удовольствия кото рые можно обнаружить в господстве над людьми, это удовлетворе ние духа, а не только инстинктов. Это очень важно так как позволяет обнаружить лучшие переживания на которые способны люди»

Л. Толстой «Крейцерова соната»:

«Боже мой! как вспомню я все мои, мерзости в этом отношении, ужас берет! О себе, над которым товарищи сме-ялись за мою так на зываемую невинность, я так вспоминаю. А как послышишь о зо-лотой моло-дежи, об офицерах, о парижанах! И все эти господа и я, когда мы, бывало, тридцатилетние раз-вратники, имеющие на душе сотни самых разнообразных ужасных преступлений относительно женщин, когда мы, тридцатилетние развратники, входим чисто-начи-сто вы мытые, выбритые, надушенные, в чистом белье, во фраке или в мун дире в гостиную или на бал — эмблема чистоты — прелесть! Ведь вы подумайте, что бы должно быть и что есть. Должно бы быть то, что, когда в обще-ство к моей сестре, дочери вступит такой гос подин, я, зная его жизнь, должен подойти к нему, отозвать в сторону и тихо сказать: „Голубчик, ведь я знаю, как ты живешь, как прово дишь ночи и с кем. Тебе здесь не место. Здесь чистые, невинные де вушки. Уйди!“ Так должно бы быть; а есть то, что, когда такой госпо дин является и танцует, обнимая, ее, с моей сестрой, дочерью, мы ликуем, если он богат и с связями. Авось он удостоит после Риголь бош и моюдочь. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любов ных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть ору дие наслаждения; она такова на Трубе, и на Грачевке, и на придвор ном бале. И заметьте хитрость дьявола: ну, наслажденье, удоволь ствие, так как бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину. Одни уступают ей место, поднимают ей платки; другие признают ее права на занимание всех должностей, на участие в правлении и т. д. Это все делают, а взгляд на нее все тот же. Она орудие наслаждения. Тело ее есть средство наслаждения. И она знает это. Все равно как рабство. Рабство ведь есть не что иное, как пользо-ванье одних под-невольным трудом многих. И потому, чтобы рабства не было, надо, чтобы люди не же лали пользоваться подневольным трудом других, считали бы это грехом или стыдом. ...И толкуют о сво-боде, правах женщин. Это все равно, что людоеды откармливали бы людей плен-

ных на еду и вместе с тем уверяли бы, что они заботятся о их правах и свободе».

А. Камю «Бунтующий человек»:

«Сад частенько вспоминает „сладкую привычку к преступлению“. Однако здесь нет ничего похожего на сладость — скорее здесь чув ствуется ярость человека, закованного в кандалы. Ведь речь идет о наслаждении, а максимальное наслаждение совпадает с макси мальным разрушением. Обладать тем, кого убиваешь, совокуплять ся с воплощенным страданием — вот мгновение тотальной свобо ды, ради которого и задумана вся организация жизни в замках. Но с того момента, когда сексуальное преступление уничтожает объект сладострастия, оно уничтожает и само сладострастие, кото рое существует только в миг уничтожения. Значит, надо подчинять себе новый объект и снова его убивать, а затем следующий и за ним — бесконечную череду всех возможных объектов. Так возникают мрачные скопления эротических и криминальных сцен, застылость которых в романах Сада парадоксальным образом оставляет у читателя впечатление омерзительной бесполости».

Д. Майерс Психология 2008:

«Существуют мотивы, которые похоже не удовлетворяют никакой физической потребности. Миллиардеры стремятся заработать еще больше денег, кинозвезды стать еще более знаменитыми, полити ки — добиться еще большей власти, сорвиголовы — ощутить еще больший азарт. Подобные мотивы похоже не уменьшаются по мере их удовлетворения. Чем больше мы достигаем, тем еще больше же лаем достичь» Майерс Психология 2008

Д. Майерс Социальная Психология:

«Тот кто знает рок-песню „Пристрастившийся к любви“ (Addicted to love), не удивятся узнав, что любовь-страсть по своему воздей ствию на человека аналогична привыканию к кофе, алкоголю и другим наркотикам. Поначалу наркотик возбуждает, порой даже очень силь но. При частом употреблении нарастают противоположные эмоции и вырабатывается привыкание. Количества, которое когда-то вызы вало сильное возбуждение более недостаточно. Однако, если вы даже прекратите принимать его, это вовсе не значит что вы вернетесь в свое исходное состояние, в котором находились до того как впер вые попробовали наркотик. Более вероятно, что у вас появятся все признаки „ломки“ — недомогание, депрессия и тп. То же самое нередко происходит и в любви. Страсть не может длиться вечно.

> Сначала утратившие свой пыл отношения воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а затем и вовсе прекращаются». Социальная психология Майерс

К. Хорни Невроз и личностный рост:

> «при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем пра вы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом — ее неотъемлемое свойство». Хорни

Э. ФРомм Человек для себя:

> «Человеку может казаться, что некое желание вызвано телесными нуждами, в то время как в действительности оно обусловлено ирра циональными психическими потребностями. Человек может испы тывать сильный голод, вызванный не нормальной физиологической потребностью организма, а психической потребностью заглушить тревогу или депрессию. Хорошо известно, что потребность в питье часто бывает вызвана не жаждой, а состоянием психики. Сильное сексуальное желание также может быть обусловлено не физиологи ческими, а психическими потребностями. Неуверенный в себе чело век, обладающий настойчивой потребностью уверить самого себя в собственной ценности, показать другим, какой он неотразимый, или подчинить себе других людей, „завоевывая“ их сексуально, лег ко будет испытывать сильные сексуальные желания и болезненное на пряжение в случае их неудовлетворения. Он будет склонен счи тать, что силой своих желаний обязан потребностям своего тела, то гда как на самом деле эти потребности являются проявлением его пси хических потребностей. Невротическая сонливость представляет собой другой пример желания, которое кажется вызванным телесны ми причинами вроде нормальной усталости, а на самом деле бывает вызвано такими психическими причинами, как подавленная тревож ность, страх или раздражение. Эти желания похожи на нормальные физиологические потребности, поскольку и те, и другие берут нача ло в некоей нехватке или дефиците. В первом случае в основе дефи цита лежат нормальные химические процессы внутри организма;

> во втором случае желания являются результатом психической дис функции. В обоих случаях дефицит является причиной напряжения, а избавление от напряжения является причиной удовольствия. Все прочие иррациональные желания, такие, как жажда славы, власти, подчинения или зависть и ревность, не принимающие форму телес ных потребностей, также коренятся в складе характера человека и порождены каким-нибудь искажением или деформацией личности. Удовольствие, испытываемое от удовлетворения этих страстей, также порождено избавлением от психического напряжения, как и в случае невротических физических желаний». Человек для себя Фромм

А, Маслоу Дальние рубежи человеческой природы:

> «так называемое, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психи атрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»

Сексуальное насилие в данном случае выступает другой формой Хулы на Святого Духа, потому что священные тела людей, созданные Господом для единения в священном акте любви, Сатан-Эго вновь использует, чтобы надругаться над нежной материей нежности и дружбы человеческой. И в этом смысле, сексуальное насилие много хуже убийства.

9. РАСА ГОСПОД КАК РАСА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Вот что пишут хроники о сугубо специфическом для любой Расы Господ поведении сексуального надругательства над своими жертвами, где объектом желания выступает именно возможность жестче унизить и совершенно разрушить человеческое

существо. И важно опять помнить, что таково специфическое поведение всей Расы Господ Сатан-Эго, какие ы исторические формы они не принимали. От римских императоров до Чезаре Борджа и окружения маркиза Сада, до развратных комиссаров о которых пишет Солженицын и насилия над женщинами в ГУЛАГах, и наконец об ужасах фашистских истязаний женщин.

Конечно, не может быть и речи о том, чтобы спорить кто прав, а кто виноват в Истории Второй Мировой Войны. Немцы породили этого Франкенштейна — Третий Рейх Гитлера как концентрированное выражение Сатан-Эго материальной энергии, и конечно этот Франкенштейн как всегда пришел с ненасытной жаждой Садомазохизма: ведь в основе материальной энергии циклический гомеостаз садомазохизма, она существует насилием, и особенно сексуальным насилием.

Это насилие есть Антропофагия, Людоедство в прямом смысле, и именно поэтому изнасилования обычно заканчиваются убийством или тем что людей калечат на всю жизнь. Циклический гомеостаз Садомазохизма (Притяжения Влюбленности и Самолюбия) — это точно такой же механизм, как поедание животными друг друга, и в этом отношении все аналогии Ницше и Грина с животными миром, с хищниками и овцами, абсолютно оправданны. Бывали конечно и не редко и случае кишечного поедания людей людьми, но не это в основе Притяжений Самолюбия и Влюбленности (садомазохизма) циклического гомеостаза материальной энергии, а именно сексуальное насилие. Это и есть Людоедство материальной энергии поля Эгосистемы. Все то о чем пишут Шекспиры — мужчина — брюхо, а жена — еда, он ее жрет и жрет». Заканчивается цитата тем, что когда нажрется, то срыгнет. В данном случае правильно говорить конечно не о мужчинах и женщинах, а как Герцен — об Антропофагии Расы Господ — своих жертв. О том же и знаменитая сатира Свифта, который как известно предложил подавать богатым на стол младенцев бедняков.

Месть пострадавших, страшно пострадавших людей от их агрессии своим агрессорам — это реакции совсем другого по-

рядка и характера, и во всем кроме сексуального насилия, законная и оправданная месть. Конечно, сексуальные нападения жертв на своих насильников– это явления тоже патологического характера, но разодранное сердце людей это совсем другого рода патология нежели поиски Наслаждений Взбесившихся Денди в надругательстве и истязании Расы Рабов.

Вебкамертон,
№103 Май 2018 9 МАЯ
Изнасилованная история Победы, С. Варяжский

> «Но эта тема возникла не с первых дней войны, она «взрослела» по мере того, как до советского общества стала доходить правда о зверствах фашистов на оккупированной территории и насилия над девушками и женщинами. Еще 7 сентября 1941 года на митинге в Москве было принято воззвание советских женщин (принятое всем антифашистским сообществом), в котором говорилось: *«Нельзя передать словами того, что чинят фашистские злодеи с женщиной во временно захваченных ими районах Советской страны. Их садизму нет предела. Эти подлые трусы гонят впереди себя женщин, детей и стариков, чтобы укрыться от огня Красной Армии. Изнасилованным ими жертвам они вспарывают животы, вырезают груди, они давят их машинами, разрывают танками…»*
>
> А новоявленные защитники «евросвободы» считают главным организатором и вдохновителем насилия в отношении немецкого народа и женщин Илью Эренбурга. Особенно ссылаются на его манифест «Убей немца!». А что в нем? Приведу отрывок: *«Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово „немец“ для нас самое страшное проклятье. Отныне слово „немец“ разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмёт твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»*

Согласен, страшные и жестокие слова, но… Написаны они были в тяжелейший период лета 1942-го. Написаны были вместе со стихами Константина Симонова «Убей немца» и рассказом Михаила Шолохова «Наука ненависти». И эта наука ненависти, особенно после получения информации о том, что творили оккупанты с советскими женщинами, была взята на вооружение. Но не для насилия над немками, а для уничтожения врага с ружьем — фашиста, оккупанта. Все. И пояснять более нечего.

И говоря о фактах насилия над частью немецкого женского населения после завершения войны в Европе (при этом вспомним о том, что вытворяли «союзнички» — английские, американские и французские оккупационные войска), надо, прежде всего, рассказать всю правду о том, что творили изверги на советской территории.

К чести советской пропаганды, уже с осени 1941-го вся информация о зверствах на советской территории доходила до каждого воина на передовой. В каждой армейской и фронтовой газете описывались многочисленные случаи издевательств, насилия и убийств мирных жителей, особенно молодых женщин и девушек; писалось о массовой принудительной отправке молодежи на работы в Германию. А тема насилия над советской женщиной была даже вынесена на трибуны Московской международной конференции (была и такая в тревожные, но победные дни обороны Москвы). Выступая 9 января 1942-го на ней, посвященной первым итогам Битвы под Москвой, народный комиссар иностранных дел Вячеслав Молотов перед иностранными дипломатами заявил: *«Нет границ народному гневу и возмущению, которые вызывают в советском населении и в Красной армии бесчисленные факты подлых насилий, подлого глумления над женской честью и массовых убийств советских граждан и гражданок, которые совершают немецко-фашистские офицеры и солдаты… Везде озверевшие немецкие бандиты врываются в дома, насилуют женщин, девушек на глазах у родных и их детей, глумятся над изнасилованными…»*.

И действительно, границ народному гневу уже не было, как и не было оправданию тому, что творилось в оккупации. Лишь совсем недавно, в ответ на оголтелую критику «евро-правдолюбцев» российские историки Константин Асмолов, Павел Сутулин и Борис Юлин в рамках сетевого проекта «История России и антиревизионизм» провели колоссальную работу по систематизации всех актов насилия фашистов (немцев, венгров, румын, финнов и словаков) против мирного населения оккупированных территорий, особенно, женщин и девушек. Поверьте, данные, которые они предоставили, ужасающи, как по своей жестокости, так и по своей массовости. Приведу

лишь маленькую каплю из исторического бассейна жестокости, варварства и человеконенавистничества.

9 декабря 1941 г. найден труп финского офицера в Красной Поляне. В кармане обнаружена коллекция женских пуговиц — 37 штук, как счет изнасилованиям. У убитых немецких солдат и их союзников, часто находили «трофеи» в виде пуговиц, чулок, локонов женских волос. Находили фотографии, запечатлевшие сцены насилия, письма и дневники, в которых они описывали свои «подвиги». В письмах гитлеровцы с циничной откровенностью и бахвальством делятся своими похождениями. Ефрейтор Феликс Капдельс посылает своему другу письмо: «Пошарив в сундуках и организовав хороший ужин, мы стали веселиться. Девочка попалась злая, но мы ее тоже организовали. Не беда, что всем отделением...». Или, такой пример: Ефрейтор Георг Пфалер без стеснения пишет матери (!) в Саппенфельд: «В маленьком городке мы пробыли три дня... Можешь представить себе, сколько мы съели за три дня. А сколько сундуков и шкафов перерыли, сколько маленьких барышень перепортили... Веселая теперь наша жизнь, не то что в окопах...». В дневнике убитого обер-ефрейтора имеется следующая запись: «12 октября. Сегодня принимал участие в очистке лагеря от подозрительных. Расстреляли 82. Среди них оказалась красивая женщина. Мы, я и Карл, отвели ее в операционную, она кусалась и выла. Через 40 минут ее расстреляли. Память — несколько минут удовольствия».

Венгерские холуи», как называли венгерских фашистов в советских донесениях, зверствовали повсеместно. После освобождения многих воронежских сел открывалась такая картина: трупы пленных солдат и офицеров, изуродованных и зверски замученных мадьярами. Их кололи штыками, вырезали на телах звезды... Девушек и женщин венгры насиловали. Аналогичная картина описывается в донесениях из Брянской области. Жителей деревень, не успевших спрятаться, венгерские солдаты расстреливали, насилие по отношению к женщинам для оккупантов там тоже было в порядке вещей. Жертвы подобных зверств мадьяр исчислялись тысячами. Летом 1942 года двумя венгерскими дивизиями вместе с немцами в результате карательной операции «Певчая птица», было убито свыше десяти тысяч людей в партизанской местности. Названия последующих кровавых «зачисток», в которых участвовали венгры, были не менее поэтичными, т.е. изуверскими по имени, и по сути — «Цыганский барон» в Курской области, «Помощь по-соседски» на Брянщине. И все эти убийства сопровождались насилием над женщинами, девушками и маленькими девочками. Их число до сих пор так и неизвестно, но волнует ли

это кого-то на просвещенном Западе?.. Нет. У них своя история и своя арифметика…

Ответом на эти зверства и насилие могут дать архивные данные фашизма. Еще 13 мая 1941-го на последней стадии подготовки плана «Барбаросса» Гитлер заявил: *«Никакие действия служащих вермахта или же действующих с ними лиц, в случае произведения гражданскими лицами враждебных действий по отношению к ним, не подлежат пресечению и не могут рассматриваться как проступки или военные преступления… Мы должны снова подчеркнуть, что мы обязаны занять территорию, начать ею управлять и обеспечивать в ее пределах безопасность…. И заранее нельзя сказать, какие меры для окончательного овладения территорией придется применять: расстрелы, выселения и т.п… Следует иметь в виду, что мы никогда не уйдем с этой территории…»* Вот вам ответ, господа западные историки и правдолюбцы.

А еще одним ответом, станут скупые, но ужасающие строчки сообщений «От Советского ИнформБюро»: *«16 марта 1943-го отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистские мерзавцы совершают неслыханные зверства над мирным населением. В деревне Суходол, Смоленской области, они загнали группу жителей в один дом. Гитлеровские палачи надругались над женщинами, а затем подожгли дом. В огне сгорели Фомушкина с грудным ребенком, Евдокия Котова, Екатерина Фрунтова и другие. Всего погибло 24 человека, среди которых было 8 малолетних детей». 9 февраля 1943-го группа бойцов и командиров Красной Армии составила акт о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в селе Русское-Тростянка, Воронежской области. В акте говорится: «Немецкие захватчики разграбили и уничтожили три колхозных свинофермы, отняли у колхозников 32 коровы, 100 телят, 500 овец и все зерно. Бандиты подвергли крестьян диким издевательствам и насилиям». «Перед отступлением из деревни Балаболкино Калининской области немецкие захватчики согнали жителей на улицу и на глазах у всех расстреляли: Ефима Саратова — 65 лет, Агафью Долгашеву — 45 лет, Дмитрия Новикова — 6 лет, Ивана Климова — 70 лет, Кузьму Солодкова — 15 лет, Терентия Росадь — 75 лет, Ивана Платонова — 70 лет, Дмитрия Солодкова — 72 лет и других крестьян. Несколько немецких солдат оттащили в сторону молодую колхозницу Евдокию Новикову, публично над ней надругались, а затем пристрелили ее из автомата». «Захватив Днепропетровск, фашисты зверски расправились с жителями, не успевшими покинуть город. Озлобленные тем, что в городе не оказалось никаких запасов продовольствия и ценностей, фашистские мародеры врывались в дома и убивали*

жителей. На Большой Базарной улице пьяные фашистские солдаты задержали трех женщин. Привязав их к столбам, немцы дико надругались над ними, а затем умертвили». Ниже публикуется акт о зверствах немецко-итальянских мерзавцев в селе Смаглеевка, Воронежской области: *«Захватив село, гитлеровцы согнали на площадь всё население, раздели всех донага и обыскали. Пока на площади шел обыск, фашистские мародеры хозяйничали в домах, шарили в кладовых и забирали все ценные вещи. Немцы и итальянцы хватали женщин, девушек и насиловали их. Ватага пьяных солдат застрелила Наталью Лозовую, заступившуюся за своих дочерей. Немецкие бандиты и их итальянские сообщники ограбили почти всех колхозников, забрали у них коров, овец, свиней, кур, продукты, а также одежду, белье и обувь».* И такие факты сообщались ежедневно. А что на это скажут правдолюбцы, желающие пересмотреть историю Второй мировой войны, которую они уже переписали для себя? Если им нечего сказать, то это должны сделать мы. И есть в истории кровавых преступлений еще одна малоизвестная страничка, о которой не любят вспоминать на Западе. Это количество советских военнопленных женщин, погибших от рук захватчиков.

Из истории Великой Отечественной войны нам известно, что в Красную армию и Рабоче-Крестьянский Красный флот было призвано более 800 тысяч женщин и девушек. В немецко-фашистский плен (венгерский, итальянский и румынский), особенно, на первых этапах войны попало более 70 тысяч дочерей советского народа. Из фашистского плена вернулись единицы… В ходе первых же боев с Красной Армией немцы столкнулись с «неожиданной проблемой». Дело в том, что в нашей армии, в отличии от армий, с которыми до сих пор приходилось сталкиваться вермахту, служило достаточно много женщин. Что с ними делать, когда они попадали в плен, было не совсем понятно. Но ответ нашелся — расстреливать, а перед этим изуверством разрешалось издеваться над нашими дочерями. Ведь для палачей, тем более, радующихся столь быстрым победам, моральных преград не было, поскольку им бесноватый фюрер позволил все — главное, что это уже их земля, их добыча, а люди, особенно военнопленные женщины, им уже не нужны. Поиздевались и расстрел, а в лучшем случае — особые концлагеря, в которых жизнь была равна смерти.

До сих пор точно неизвестно, сколько советских женщин и девушек выжило в плену, ведь в концлагеря отправляли значительно меньшую часть, поскольку советские женщины военнослужащие для фашистов были «вне закона». Но даже те, кто прошел лагеря, пережили

все — от пыток, издевательств и насилия до расстрела. Ранее обозначенные российские историки-исследователи приводят ряд ужасающих фактов (но, увы, далеко не всех, поскольку эта тема до сих пор окончательно не изучена). Приведу и я несколько примеров обращения «цивилизованных» немцев (как и иных европейцев) с советскими пленными женщинами — военнослужащими.

В августе 1941-го по приказу Эмиля Кноля, командира полевой жандармерии 44-й пехотной дивизии, была расстреляна военнопленная военный врач. Причина — она была в военной форме и спасала жизнь раненого врага, т.е. советского солдата. В Мглинске Брянской области немцы захватили двух девушек из санитарной части, изнасиловали их и расстреляли.

После разгрома частей Красной Армии в Крыму в мае 1942-го в Рыбацком поселке «Маяк» недалеко от Керчи в доме жительницы Буряченко скрывалась неизвестная девушка в военной форме. 28 мая 1942-го немцы во время обыска обнаружили ее. Девушка оказала фашистам сопротивление, кричала: «Стреляйте, гады! Я погибаю за советский народ, за Сталина, а вам, изверги, настанет собачья смерть!» Девушку расстреляли во дворе.

В конце августа 1942 г. в станице Крымской Краснодарского края расстреляна группа моряков, среди них было несколько девушек в военной форме. В станице Старотитаровской Краснодарского края, среди расстрелянных военнопленных обнаружен труп девушки в красноармейской форме. При ней был паспорт на имя Михайловой Татьяны Александровны, 1923 года рождения, уроженки села Ново-Романовка. В селе Воронцово-Дашковское Краснодарского края в сентябре 1942-го были зверски замучены взятые в плен военфельдшера Глубокова и Ячменева. 5 января 1943-го неподалеку от хутора Северный были захвачены в плен восемь красноармейцев. Среди них — медицинская сестра по имени Люба. После продолжительных пыток и издевательств, всех пленных расстреляли, а девушку, перед этим, изнасиловали.

Часто захваченные в плен женщины перед смертью подвергались насилию. Солдаты 11-й танковой дивизии свидетельствовали на допросах, что зимой 1942-го «...на дорогах лежали русские санитарки. Их расстреляли и бросили на дорогу. Они лежали обнаженные... На этих мертвых телах... были написаны похабные надписи».

После падения Севастополя в июле 1942-го в плену оказалось более полутысячи женщин-медработников: врачей, медсестер, санитарок. Вначале их отправили в Славуту, а в феврале 1943-го, собрав в лагере около 600 женщин-военнопленных, погрузили в вагоны и повезли на Запад. До Великой Победы из них дожило чуть более сотни...

> Разве можно это забыть? Разве можно это простить? Читая о приведенных фактах (всего лишь, нескольких) изуверского отношения нацистов к пленным женщинам-военнослужащим, хочется обратится к тем, кто в наши дни на Западе (да и в родном Отечестве есть такие же «страдатели») без устали штампует «фейки» о тысячах изнасилованных немок в Германии советскими солдатами… Так вот — штампуя «фейки», помните господа, что натворили те, кого сегодня превозносят в некоторых европейских странах. И, поверьте, вам станет стыдно, господа, стыдно и нехорошо. И, как говорится, напоследок. Не смогла обойти тему насилия советскими воинами-освободителями и часть польского общества (к счастью, небольшая). Так, в преддверии очередного Дня Победы в польском городе Гданьске (бывшем германском Данциге) студент местной академии искусств установил возле мемориала воинам-освободителям что-то наподобие памятника — скульптуру советского солдата, насилующего беременную женщину. К чести поляков, этот «шедевр» простоял всего ночь и местные власти убрали его со святого места. Но, как говорят моряки, событие имело место быть. А что будет дальше?..

бликации, 11:00 04.06.2021, К. Бероева

© Владимир Бурнов, РАПСИ // Центральный музей ВОВ

Открытая рана без срока давности: женщины-жертвы геноцида советского народа

сюжет: Геноцид советского народа

> *РАПСИ проанализировало один из самых табуированных и болезненных аспектов геноцида советского народа в период Великой Отечественной Войны — массовые изнасилования и другие преступления нацистов на сексуальной почве.*
>
> Согласно Уголовному кодексу РФ, геноцид не имеет срока давности: это одно из самых страшных преступлений человечества, и изучение различных его эпизодов в период Великой Отечественной войны этот тезис только подтверждает. Ужас не только в масштабах, но и в определенной многослойности этого понятия.
>
> Один из малоизученных аспектов — сексуальные преступления нацистов. Напомним, геноцидом в УК РФ называются действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного

создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Изнасилования часто сопровождали и убийства мирного населения, и причинения тяжкого вреда здоровью — многие женщины просто не выживали после издевательств. Не говоря уже о тяжком вреде психическому здоровью: надругательство — душевная рана, которая не заживает никогда. Учитывая массовость подобных злодеяний, их также следует рассматривать в контексте статьи 357 УК РФ.

Фашистские зверства в поселке Красная Поляна. Документальная хроника

Ради увековечивания памяти мирного населения Советского Союза, подвергшегося изгнанию и истреблению в годы Великой Отечественной войны, РАПСИ изучило архивные материалы, свидетельствующие о геноциде граждан СССР.*

Двуногие звери

Когда немцы ворвались в поселок Красная Поляна, они в первые же часы арестовали всех мужчин и заперли в помещении райисполкома. Там они сидели до освобождения нашими войсками — 8 суток, не получая никакой пищи. Старух немцы заперли в блиндажи и погреба, приставив к ним часовых, а в это время по поселку и близлежащим деревням шла дикая оргия. Ватаги пьяных гитлеровских мерзавцев ходили из дома в дом, убивали, насиловали, грабили, сжигали дома.

В первый же день прихода немцев в Красную Поляну к Александре Яковлевне явились два фашиста. Они увидели в комнате дочь Демьяновой — 14-летнюю Нюру — хилую и слабую здоровьем девочку. Немецкий офицер схватил подростка и изнасиловал ее на глазах матери. 10 декабря врач местной гинекологической больницы, осмотрев девочку, констатировал, что этот гитлеровский бандит заразил ее сифилисом. В соседней квартире фашистские скоты изнасиловали другую 14-летнюю девочку Тоню И.

9 декабря в этом же поселке был найден труп финского офицера. В кармане убитого была обнаружена «коллекция» женских пуговиц. Их было 37 штук. Кровавая собака вела таким образом счет своим гнусным насилиям. В Красной Поляне этот подлец изнасиловал 17-летнюю Маргариту К. и тоже сорвал с ее кофточки пуговку. Красноармейская пуля покончила с этой грязной сволочью — и сейчас его труп, как падаль, валяется возле места его чудовищных преступлений.

Зверски издевались немцы над ранеными красноармейцами, захваченными ими в Красной Поляне. Нескольким раненым бойцам,

в том числе раненой санитарке, они не давали 4 дня воды и 7 дней пищи, а затем напоили соленой водой. Санитарка начала агонизировать. Умирающую девушку фашистский шакал изнасиловал на глазах у раненых красноармейцев.

Колхозники деревни Белый Раст тт. Щербаков, Чистов, Сергеев, Климова и другие в акте, составленном ими в момент панического бегства немцев из этого села, заявляют: В нашем селе немцы организовали массовый погром и расхищение имущества колхозников, учинили зверскую расправу над населением. Неизвестный нам по фамилии фашистский солдат расстрелял ни в чем неповинного 12-летнего мальчика Владимира Ткачева, выпустив в него из автомата 21 патрон. Фашистские мерзавцы зверски расправились с беззащитной женщиной Ириной Васильевной Мосоловой. Они в упор, без всяких на то оснований, расстреляли ее, оставив сиротами 4-х малолетних детей — самому меньшему 10 месяцев и самому старшему — 11 лет. У Климовой Ольги Александровны фашисты расстреляли 16-летнего сына, сожгли дом, убили корову и разграбили все имущество.

15-летнюю девочку Марию Щ., дочь колхозника из деревни Белый Раст, фашисты раздели догола и водили по улице, заходя во все дома, где находились немецкие солдаты.

В этой же деревне один из немецких солдат выхватил из рук колхозницы Анны Ровинской ее двухлетнюю дочь и хотел бросить в горящую печь. Девочка была спасена только чудом: на улице раздались выстрелы, и трусливый немецкий пес поспешил удрать из избы.

Страшную расправу над населением учинили немцы в деревне Пучки. Ворвавшиеся в это селение фашисты встретили колхозника Ивана Гавриловича Терехина и его жену Полину Борисовну, схватили молодую женщину, оттащили в сторону, повалили на снег и на глазах у мужа стали поочередно насиловать. Женщина кричала, сопротивлялась изо всех сил. Тогда фашистский насильник выстрелил в нее в упор. Полина Терехина забилась в предсмертной агонии. Муж ее вырвался из рук насильников и бросился к умирающей. Но немцы догнали его и всадили ему в спину 6 пуль...

В любом селе, в любом доме, где побывали фашисты, вслед им несутся проклятия стариков и женщин, слезы замученных и истерзанных людей. Они взывают к мщению. Мы никогда этого не забудем кровавым немецко-фашистским псам — за все свои злодеяния они расплатятся полной мерой, ответят своей подлой жизнью — все до одного!

И. ГРИБОВ. Спецкорр. ТАСС, 14 декабря 1941 г.

10. ИЗНАСИЛОВАННАЯ ИСТОРИЯ ПОБЕДЫ РЕЖИМОМ ПУТИНА

Совершенно очевидно, кто дрался и кто победил в этой страшной войне.

Это всегдашний Фронт Священной Войны Энергии Духа и материальной энергии поля Эгосистемы, другими словами разума и сердца человеческого с мертвой совестью и мертвой мыслью Сатан-Эго.

Энергия Духа очередной раз столкнулась с новой исторической формой Расы Господ и вновь, с большими трудами как всегда, нанесла ей поражение. И вновь Расе Господ предстояло воскреснуть словно Фениксу из пепла.

Я старалась показать в книге о Гайто Газданове, что Войну выиграла Дорая воля Энергии Духа всего мира — против злой воли Третьего Рейха Гитлера, и потому бессмысленно спрашивать какая нация внесла больший вклад, какая нация внесла меньший, и еще преступнее валить вину на немецкую нацию.

Виноват Третий Рейх Гитлера — но не 250 деятелей культуры покинувших Германию, не Генрих Манн и не Эрих Ремарк критиковавшие ее больше, чем нации-жертвы немецкой агрессии. И не те тысячи и тысячи немцев, которые попали в концлагеря, отказавшись подчиняться режиму Гитлеру. Разве жертвы ГУЛУГа виноваты в агрессии советского режима?

Вторая Мировая Война — великая в том какие страшные страдания навлекла на все человечество, но больше ничего великого в ней, как говорил Уэллс не было. Ибо Гитлер, говорит Уэллс в Новом мировом порядке — только прыщик от реальной болезни, скрытой в теле. Действительно, победа на Третьим Рейхом ничего не решила, никаких коренных изменений не внесла. Праздновать можно только избавление от страданий на тот момент, но ни в коем случае не делать из этой победы искупление грехов человечества. Ведь болезнь человечества, прыщиком которой был Гитлер — это Сатан-Эго Расы Господ, которая постоянно пробуждается в других людях, и будет пробуждаться до тех

пор, пока не будет одержана не физическая победа над конкретными людьми в войне, а теоретическая победа над механизмами поля Эгосистемы в психике человечества — то есть пока не будет сделано Открытия психической энергии!

Вот тогда можно сказать, что вклад серьезен и постоянен и мы коренным образом переломили ситуацию от Зла Расы Господ к Добру Энергии Духа и Церкви Дружбы.

Что же мы имеем сегодня? Спекуляции на тему, «кто навеки победил фашизм» в странах, где во всю мощь встала новая Раса Господ и несет с собой самый очевидный и типичный фашизм людям? Включая сексуальные насилия как антропофагию садомазохизма Сатан-Эго? Сатанинский секс как говорил Ла Вей, глава церкви сатаны и Библии Дарвина.

Абсолютно непонятно каким образом режим Путина, который прямо и открыто в своих книгах утвердил свою собственную идеологию расы Господ, представив очередную историческую форму Сатан-Эго — не хуже не лучше Расы Господ Нерона, Сада или Гитлера — каким образом этот режим Путина может утверждать что он победил фашизм? Сами они не воевали, иначе можно было бы сказать что по крайней мере посильную помощь храбростью и риском жизни и здоровья они внесли в победу над конкретной Расой Господ. Но не было и такого вклада. А если говорить о теоретической победе над Расой Господ, так тут все обстоит ровным счетом наоборот. Они виновны в том, что усилено насаждают новую идеологию мертвой мысли и мертвой совести, то есть Сатан-Эго Расы Господ — и я много раз показала и доказала это на книгах режима Путина в своих книгах по Теории ПЭ (Открытие ПЭ вместо Социологии и Психологии, Век Дьявола, Убийство Святой Дианы и др).

Более того, режим Путина упразднил Государство как Верховенство Закона, и превратил его в абсолютную монархию Левиафанов садомазохизма. Например меня, ученого открывшего Психическую энергию, по его яичному указанию искалечили и надругались надо мной, — и продолжают всячески истязать, морально и физически, отнимая у меня мое открытие.

Конечно же, я не единственная жертва его режима, убиты десятки известных людей, журналистов и политических деятелей, сломлен хребет всем институтам претендовавшим на какую то мыслительную и аналитическую самостоятельность — РАН, телевидение, все введено в его жесткую цензуру. Сколько жертв его режима на самом деле мы никогда не узнаем, потому что я свидетель тех методов которыми они нападают на граждан. Это не сталинские уводы граждан в ГУЛАГи, когда жертвы можно было посчитать и физически и по документам з все таки оформляли документально дело и формальное расследование сфабрикованных дел. Сейчас и это считают слишком большим одолжением: натравят бандитов, спишут на бытовые конфликты, закроют в дурдоме, изнасилуют, сломают позвоночник, разрушат психику. Мы никогда не узнаем при таком положении вещей сколько реальных жертв режима. К тому же путин — агрессор в войне с Украиной, а жертвы в этой войне с обеих сторон исчисляются сотнями тысяч, не считая миллионов людей, ввергнутых в гуманитарную катастрофу.

Сразу после второй мировой войны, танки страны-победительницы, как известно обернулись против так называемых спасенных стран, ставших отныне заложниками советского союза и его тоталитаризма. Вот почему мир отказывает России в статусе победителя в войне над Расой Господ — потому что правда в том, что Россия до сих пор остается Расой Господ, по крайней мере в том, что Герцен называл Россией-чудовищем, Россией-самодержавием и резко отличал от народной России.

11. ОТКРЫТИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ — ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ПОСТОЯННОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ РАСЫ ГОСПОД ИЗ ПРАХА, И ПРЕДУПРЕДИТЬ ЕЕ ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ ПО ПЛАНЕТЕ.

Мне остается сказать о заговоре Спецслужб против Открытия Психической Энергии.

Позорный союз так называемых демократических стран Европы и Америки с Россией, а также Израиля и Ватикана против Открытия Психической Энергии говорит сам за себя.

Вот когда наступило время Теста на вопрос о том, победили или нет Расу Господ в мире.

И как оказалось не только не победили, но Раса Господ оказалась у руля Правления во всех этих странах так называемой научной цивилизации и своим самым страшным сном видит победу Науки над Расой Господ.

Именно тот факт, который Путин якобы празднует 9 мая — а именно поеду человечества над мертвечиной людоедов Расы Господ — но которого нет и не может быть в физической победе, они все вместе готовы отнимать у людей ценой международных и гражданских войн! Почему? Потому что они сами и есть Раса Господ — и не скрывают этого ни в теории, ни на практике.

Меня автора Открытия, изуродовали, изнасиловали, лишили позвоночника и человеческого достоинство и публично высмеивают за акт насилия надо мной вот уже 11 лет с 2015 года, когда режим Путина оставил меня навсегда калекой в инвалидном кресле. Это все делается публично, нарочито цинично, нахально и с вызовом прямо под фанфары уже одиннадцати парадов победа над Расой Господ.

Я говорила что они в своем цинизме доходят до того, что регулярно показывали мне свастику наряду с другими угрозами, отлично понимая таким образом свои исторические связи с самой известной Расой Господ.

Я пишу книги, много книг, пишу в инвалидном кресле, пишу такие книги что несмотря на Заговор Спецслужб и их давление

на СМИ и университеты, я стала известна всему миру. И Открытие стало известно всему миру. И теперь Заговор спецслужб мстит мне тем что категорически уверяет что отнимет у меня Открытие. Я стараюсь обращаться к сообществам великих писателей — пророков Открытия, к Университетам и СМИ, к Ватикану наконец. И начинают умирать люди — умирает Папа Франциск, потом умирает Роб Рейнер и его жена. Кто следующий?

Наконец, что немаловажно, унижения которым меня подвергли вполне могли позавидовать Раса Господ Третьего Рейха. Путинская Раса господ, которая как всякая другая Раса Господ существует людоедством сексуального насилия, имеет как известно свою Проститутскую Армию. Но и другие страны-союзницы Заговора знамениты такими вещами в рамках своих спецслужб, где проституция состоит одним из ключевых орудий шпионской работы как летучая армия фрейлин Екатерина Медичи. Всем известна скандальная биография нынешнего президента Америки — и настоящие ужасы об историях с острова педофилов его товарища Эпштейна. Какому Третьему Рейху с его Неронами-денди было угнаться до такой фантазии как целый остров педофилов.

И вот эти господа собираются все вместе с проститутской армией Путина и начинают на глазах у всего мира обхахатывать факт изнасилования Автора Открытия Психической Энергии6 какое Изнасилование придумала бы Раса Господ Третьего Рейха лучше того что провела Раса Господ режима Путина и Заговора Спецслужб?? Меня оставили на 11 лет в крови и экскрементах, со сломанным позвоночником, беспомощную на руках у чужих людей, которых к тому же регулярно подкупали. Я думаю, что и по части самых циничных надругательств и изнасилований современная Раса Господ оставила далеко позади Третий Рейх.

Поэтому главным выводом книги о Расе Господ современной Новой Оси Зла — всех стран участниц Заговора Спецслужб против Открытия психической Энергии должен быть вывод о том цинизме с которым Путин каждый год празднует победу над Расой Господ. И в то же время остается рафинированной новой

усовершенствованной версией Зла Сатан-Эго Расы Господ — Мертвой Мысли и Мертвой Совести Гадов Бесхребетных садомазохизма поля Эгосистемы.

И самое главное — они все, «победители фашизма» собрались вместе против Открытия психической энергии, и этим доказали, что они новая Ось Зла, которая больше всего на свете боится настоящей окончательной победы над Сатан-Эго Расы Господ.

И именно об этом писал Дж. Оруэлл когда предсказывал что они начнут играть в войны ради войн, во власти ради самой власти — то есть останется только физический контроль поля Эгосистемы и подчинят себе всех нормальных здоровых людей. Он с гениальной проницательностью предсказал эту Новую Ось Зла Расы Господ в Заговоре против науки, которая будет насиловать жизни людей всячески, пожирая их и в садомазохизме сексуальных надругательств, и в заточении в дурдом, и в постоянном контроле их мыслей.

И главное что н предсказал, что Новая Раса господ будет мертвой мыслью, Мертвой Совестью и Мертвой дружбой животных, которые никогда не видели неба Энергии Духа человечества и не знают что это такое.

Есть только один способ победить постоянно возрождающуюся из пепла Расу Господ — это Открытие психической Энергии.

Если они выиграют в этой войне и отберут у вас Открытие — ибо кто поручится что вы сможете отстоять то, что вам до сих пор было совершенно неинтересно — они на много сотен лет запрут несчастное человечество в адских кругах постоянно возобновляющихся надругательств над всем человеческим: в войнах, в насилиях моральных и физических, в запрете на развитие, в запрете на науку, которой давно уже нет под дарвиновской парадигмой.

12. MARCO RUBIO TNABLER OF PRESIDENT TRUMP: ARTICLE ON THE NEW YORKER

My post on Facebook, January 21, 2026

> If this Man is Enabler of Murder of Rob Reiner, His Wife and something worse than murder with their Sick Child, — this man is worst criminal sick with severe psychopathy
> Then it must be this man who is in charge in America for the next forthcoming Murder — the Murder of Author of Discovery of Psychic energy??
> And they say he is most probable candidat in president after Trump. Then are you really ready to immerse America in such Foul Dishonor?? I will be dead as this sick man plans very soon, he has stifled me altogether with his shameless friend Putin. And you ready to buy that These Two Murders will be veiled from the world??
> And you ready to trust your heads to this cold headman, stabbing men in their beds??
> As for Oliver Stone he sucks from the time he kept kissing Putins ass in many series of his ignominious Putins propaganda film. Not only now, when he openly professed himself friend of murderers. Have you no shame?? Then think of your lives! Think of a bit of fresh air with Discovery and Freedom!!

HOW MARCO RUBIO WENTFROM LITTLE MARCO TO TRUMP'S FORIGN POLICY ENABLER, BY DEXTER FILKINS. JANUARY 15, 2026, THE NEW YORKER

> Before joining the Trump Administration, Marco Rubio spent his career advocating for America as the leader of the world's democracies. Now he's enacting Donald Trump's «America First» foreign policy, which has brought about a dramatic change in the country's place in the world. The sprawling network of alliances, treaties, and foreign-assistance programs that the U.S. built at the end of the Second World War is being radically altered or simply discarded. Since January, the U.S. has cut tens of billions of dollars in humanitarian and development aid, withdrawn from such landmark agreements as the Paris climate accord, and curtailed reporting on human-rights abuses.
> Some observers hold that Rubio is working to provide consistency and balance in a tumultuous Administration. Others are less charitable.

> They believe that Rubio is presiding over the remaking of America as a kind of rogue nation, just as an axis of authoritarian rivals, led by China, rises to challenge the world's democracies. «Trashing our allies, gutting State and foreign aid, the tariffs — the damage is going to take years to repair, if it can ever be repaired,» a retired ambassador said. «I hope it ruins his career.»
> Dexter Filkins profiles Trump's Secretary of State, who must justify the President's policies, soothe rattled allies, and put the best face on initiatives that only a few years ago he would have denounced: https://newyorkermag.visitlink.me/NPkj8c[1]

[1] https://ridero.ru/link/o0pro48kRd2aRCMm6sq99

ОГЛАВЛЕНИЕ

Foreword 3
My Posts on Facebook on 24—25 December 2025 3
Глава 1. Метафизика Интеллекта как ключ в Борьбе Добра и Зла. Гайто Газданов и Альбер Камю: уход из атеизма 12
1. Гайто Газданов и Альбер Камю: Уход из Атеизма 12
2. Священная Война Европы: между циклическим и шизоидным Эго 19
3. Эволюция Зла: Гадюка Бесхребетная (AMorphous Serpent) из Философии Нового Времени 28
Глава 2. Народные Революции как Мистерия Духа Европы. Газданов и Камю о Метафизике Церкви Дружбы 45
1. Социальные Революции как Мистерия Духа Европы. Священная Война со Злом 45
2. Г. Газданов и А. Камю о Партизанском французско-русском движении как о Мистерии Духа Европы. Утверждение Трансцендентных ценностей Церкви Дружбы 50
Глава 3. Христианский Экзистенциализм Русской Литературы как основа Русской Революции в поисках Града Божьего 69
1. Атеизм и шизоидность творчества Набокова. «Кровавая Дуэль» Газданова и Набокова 69
2. Генрих Манн о настоящей интеллектуальности в основе русской и французской литературы. Шизоидность немецкой культуры 79
3. Д. Мережковский о Религиозных основах Русской Революции. Толстой и Достоевский — как вожди русской революции 90
Глава 4. Христианский Экзистенциализм и русская Реформация Церкви: Мережковский, Толстой, Достоевский, Газданов 96
1. Проблема раздвоенности в христианском экзистенциализме: найти свое истинное Я. 96

2. Метафизика Интеллекта Газданова: Построить теоретический Мир! 100
3. Первородный грех человечества у Газданова: Пелагий или Августин? 117
4. Не мистическая, а реальная Благодать в Русской Реформации Церкви 125
Глава 5. Метафизический Бунт Газданова против Абсурда Материального Мира 141
1. Социальный мир Энергии Духа против Социального мира поля Эгосистемы 141
2. Абсурд Социального мира поля Эгосистемы в «Ночных дорогах» Газданова 155
Глава 6. Фронт Священной Войны Добра со Злом в произведениях Газданова: Мир Энергии Духа против мира материальной энергии 186
1. Мир Отвлеченных Идей как Пространство-Время Интеллекта 186
2. Мнимый (ложный) «Анти-интеллектуализм» философии Газданова 194
3. Добродетель Пространства-времени Интеллекта и Порок Физического контроля поля Эгосистемы 203
Глава 7. Церковь Дружбы Энергии Духа в произведениях Гайто Газданова 211
1. Эмоции социального мира Энергии Духа против эмоций Садомазохизма поля Эгосистемы 211
2. Мир отвлеченных идей и Церковь Дружбы у Газданова 224
глава 8. Раса Господ в Заговоре спецслужб против Открытия ПЭ. 232
1. Заговор Спецслужб России, Америки, Англии, Ватикана, Франции, Израиля против Открытия Психической Энергии 232
2. Статья об Изнасиловании в 2017 году Виктории Дзастеловой, опубликованная мной в 2021 с ISBN 978-5-0053-7915-3 252

Глава 9. Раса Господ и Гады Бесхребетные Новой Оси Зла 272
1. Раса Господ как Хула на Духа Святого. Определение Сатан-Эго в Евангелиях Христа 272
2. Сатан-Эго Расы Господ в античном мире 275
3. Раса Господ как образец человека Дарвиновской парадигмы 276
4. Гибрис-Эго — шизоидная раздвоенность и Раса Господ античности 278
5.Священная Война Энергии Духа со Злом Расы Господ, или иначе с Сатан-Эго 280
6. Дендизм и Романтизм Дарвиновской парадигмы. Разрушенный научный контроль Века Дьявола 282
7. Раса Господ в теории и практике Режима Путина 283
9. Сексуальное Насилие как форма существования Сатан-Эго 285
9. Раса Господ как Раса Сексуального Насилия 293
10. Изнасилованная История Победы Режимом Путина .. 304
11. Открытие Психической Энергии — единственный способ положить конец постоянному возрождению Расы Господ из праха, и предупредить ее победное шествие по планете. 307
12. Marco Rubio Tnabler of President Trump: Article on The New Yorker 310
How Marco Rubio wentfrom Little Marco to Trump's Forign Policy Enabler, by Dexter Filkins. January 15, 2026, The New Yorker 310

Tesla Leila

Gaito Gazdanov on the Art of the Deal by Conspiracy
of the Master Race of the World